

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ГОСПЛАНА и ЦУНХУ СССР

3

1933

МОСКВА

ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ГОСПЛАНА и ЦУНХУ СССР

№ 3

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО «СТАНДАРТИЗАЦИЯ и РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ»
МОСКВА

п1320

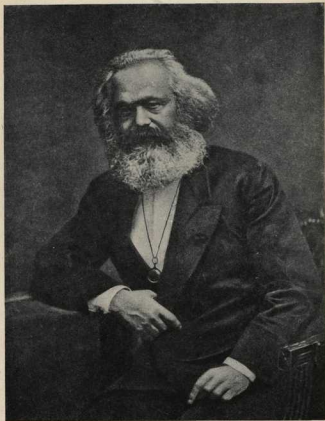
СОДЕРЖАНИЕ

I. Экономика и экономическая политика

	Стр.
Передовая. Под знаменем Маркса	3
М. Рагольский. Индустриализация СССР в свете марксовской теории	16
М. Краев. Учение Маркса—Энгельса и социалистическая реконструкция сельского хозяйства	49
Л. Эвентов. Маркс о производительности труда при капитализме и социалистическое строительство в СССР	78
В. Крончер. Маркс как провозвестник энергетической революции	104
В. Смушков. Учение Маркса об обмене и советская торговля	113
Н. Ильяхов. «Капитал» и проблемы империализма	139
С. Гольдин. Социал-фашизм и проблемы планирования	180
Борьба двух систем в цифрах	
Таблицы	204
Критика и библиография	
Л. Кессель. Миф буржуазного «плана»	212

Замеченные опечатки в журнале «Плановое Хозяйство» № 3.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
50	26 сверху	самого	в условиях
52	6 "	политическую	положительную
56	13 снизу	сложных	экономических
57	23 "	Энгельс	Энгельс в свое время.
60	21 сверху	произведенной	произведенный
68	12 "	воли	роли
68	3 снизу	еще большую и принципиальную	принципиально иную и несравненно большую
114, 115, 117, 119 и 135	Выписка ¹	Ленин.	Маркс и Энгельс, выступивший
134	Выписка ¹	вступающий	учения
139	7 снизу	закона	товарного хозяйства
141	8 снизу	товара	менее
144	1 сверху	милли	работных в странах
146	21 снизу	работных стран	женные
155	10 сверху	материальные	антиимпериалистическими
156	6 снизу	антиимпериалистическими	революцией
159	7 сверху	революциями	„Форверкс“
163	5 сверху	„Форверкс“	буржуазном и
180	8 "	буржуазном	этим средствами
186	20 снизу	этим средством	место и
186	13 "	место	слово
188	19 "	слово	модными теоретиками социал-демократии
188	17 "	модными теоретиками социал-демократии	Нафтали
188	17 "	он	Нафтали
220	левая колонка	произведено — писал Симонди.	произведено имеет стоимость — писал Симонди.
223	левая колонка	всех построений	всех построений
	23 строка снизу	Зомбарта.	Зомбарта

КАРЛ МАРКС
1818 г. — 1883 г.

Под знаменем Маркса

Пятьдесят лет прошло со дня смерти величайшего из гениев, какого когда-либо знало человечество, величайшего учителя и вождя пролетариата и всех трудящихся — Карла Маркса. Великие идеи, изложенные в «Коммунистическом манифесте», «Капитале», «Критике Готской программы» и других работах, приобретают с каждым днем все большую силу, актуальность и практическую осязаемость, захватывают все более широкие народные массы мира в их революционной борьбе за свое освобождение, воплощаются в СССР в кровь и плоть социалистического строительства.

«Учение Маркса всемерно, потому что оно верно, — говорит Ленин, — оно полно и стройно, давая людям цельное мировоззрение, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета». Учение Маркса верно и всемерно потому, что в нем получили свое наиболее глубокое и правдивое освещение процессы действительного исторического движения человечества, потому что в этом учении переработаны «результаты всей истории английского и французского практического и теоретического развития», вскрыта вся природа и историческая конечная судьба капиталистического производства. «Вся гениальность Маркса, — подчеркивает Ленин, — состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила».

Учение Маркса верно, жизненно, всемерно потому, что оно от начала до конца пронизано революционной практикой пролетарской борьбы. «На практике должен человек доказать истинность, т. е. действительность и силу своего мышления», — писал Маркс, разоблачая недостатки старого созерцательного материализма, подчеркивая все теоретическое значение революционной практики. Теория Маркса превратилась в величайшую силу рабочего движения, складывалась в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она и только она смогла дать движению «уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она и только она могла помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем» (Сталин).

Марксизм — цельное, стройное, истинное учение, появление которого означало революцию в науке. Во всех своих составных частях марксизм пропихнут неразрывным внутренним единством. Философия, политическая экономия, учение о стратегии и тактике классовой

борьбы, учение о диктатуре пролетариата и роли партии в рабочем движении — все это неразрывно связано одно с другим, одно из другого вытекает.

Марксизм в своей философской основе есть диалектический материализм. Материалистическая диалектика Маркса в корне отлична от гегелевской, представляет ее прямую противоположность. Маркс критически переработал идеалистическую диалектику Гегеля, преодолел недостатки феербаховского материализма и создал философию марксизма — это наиболее глубокое, многостороннее и революционное учение о законах развития природы, общества и человеческого познания. Он распространил философский материализм на познание человеческого общества. В теории материалистического понимания истории он доказал, «как из одного уклада общественной жизни развивается вследствие роста производительных сил другой, более высокий». «Философия Маркса есть законченный философский материализм, который дал человечеству великие орудия познания, а рабочему классу — в особенности» (Ленин).

Марксизм есть вместе с тем наиболее глубокое экономическое учение, раскрывающее всю внутреннюю структуру, весь сложный механизм капиталистического общества, вскрывающее со строгой научной последовательностью все его непримиримые противоречия, неизбежно приводящие к «краху капитализма и переходу его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком» (Ленин).

В учении о прибавочной стоимости Маркс вскрыл тайну капиталистического производства, закон развития и гибели капиталистического строя, открыл глубочайшую основу антагонистических противоречий капиталистического способа производства, установил причину неумеримой глубины нищеты рабочего класса, на которую обрекает его капитализм. «Учение о прибавочной стоимости, — говорит Ленин, — есть краеугольный камень экономической теории Маркса».

Учение Маркса есть научный коммунизм, учение о всемирно-исторической миссии пролетариата — могильщика капитализма, о стратегии и тактике классовой борьбы пролетариата, о путях и средствах освобождения рабочего класса и революционном переходе к новому, коммунистическому обществу.

Системы утопического социализма отражали период детства и незрелости пролетариата. Утопический социализм не мог указать действительного выхода, он не умел открыть законы развития, «найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества» (Ленин). В деятельности отдельных одаренных индивидов искали утописты тот идеальный реңет, который помог бы на месте капитализма, пораженного извнами, создать путем мирной пропаганды новое общество. Маркс препратил фантазии социалистов-утопистов о лучшем строе в стройную научную систему, душой которой является учение о диктатуре пролетариата.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — учил Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе; этому периоду соответствует и политический переходный период, и господс-

ство этого периода не может быть не чем иным кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Пролетарская революция — единственный путь уничтожения диктатуры буржуазии. «Насилие буржуазии может быть сломлено только суровым насилем пролетариата» (программа Коминтерна). Это основная заповедь марксизма, отказ от которой означает разрыв с марксизмом и прямой переход в лагерь буржуазии.

Будучи творцом учения о диктатуре пролетариата, Маркс явился первым создателем стратегии и тактики пролетарской партии, организатором и вождем первой пролетарской партии «Союза коммунистов», вождем и организатором первой международной коммунистической партии — I Интернационала, сыгравшего гигантскую роль в выработке коммунистического сознания, в подготовке пролетариата к решающим боям с капиталом.

Во всемерно подчеркивал значение партии как организатора побед рабочего класса, Маркс и Энгельс исключительное значение придавали борьбе против уклонов внутри партии, борьбе за чистоту партийных рядов, за революционную программу действий. «Единство, — писал Энгельс Бебелю по поводу борьбы внутри французской партии, — прекрасная вещь, пока оно возможно, но есть вещи поважнее единства. Кто подобно Марксу и мне в течение всей своей жизни боролся больше, чем против кого бы то ни было, против мнимых социалистов (буржуазия им воспринималась как та же) и почти никогда не затеяли единичных схваток с буржуа, тот не станет сокрушаться из-за того, что неизбежная борьба разразилась». Со всей страстью своего пламенного сердца, всей мощью своей теории, всей суровой и безжалостной незыблемостью к волевым и неволевым защитникам буржуазии боролся Маркс и Энгельс с анархистами и прудонистами, лассальянцами и прочими оппортунистическими течениями, тормозившими создание мощного самостоятельного пролетарского движения.

Маркс был не только величайшим ученым, величайшим гением, но и величайшим практиком-революционером, борцом. «Маркс был прежде всего революционер» (Энгельс), вождь рабочего класса, а не кабинетный ученый, отрешенный от действительности. Теория для него была прежде всего руководством в практической деятельности, руководством к изменению мира. Многолетняя гигантская теоретическая работа, проведенная Марксом по изучению анатомии капиталистического общества, нужна была ему лишь для обоснования гибели капитализма и замены его строем коммунизма, для открытия в недрах капитализма силы, способной разрушить тормозящий дальнейшее развитие человечества капитализм и создать новый, более «высокий» строй социализма, силы, которую Маркс нашел в лице рабочего класса.

Исполнительная фигура Маркса приводила в трепет и содрогание буржуазные правительства всех стран. Преследуемый шаклами буржуазной прессы и партий, изгоняемый капиталистическими правительствами из страны за страну, привлекаемый за политическую деятельность к суду Маркс все время оставался тем центром, к которому стекались представители рабочего класса всех стран за советом и помощью, за директивной и программой действия.

Кипучая многогранная жизнь Маркса была посвящена торжеству дела рабочего класса — уничтожению капитализма и победе коммунизма. «Принимать тем или иным способом участие в разрушении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений», — писал Энгельс, — участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения — вот что было в действительности его жизненным призванием. Его стихий был борьба». И именно этой стихии, революционной борьбе отдал Маркс весь свой гений, всю свою неиссякаемую энергию, всю свою жизнь. Все работы Маркса и особенно великое творение «Капитал» даже в наиболее абстрактно звучущих формулах полны жизни, насыщены теплотой и к классу эксплуататоров и его идеологическим оруженосцам, проникнуты непримиримой партийностью.

Революционные бои, которые вел пролетариат в дни жизни Маркса, не проходили без его участия и часто руководились непосредственно Марксом. Маркс покрыл себя неуязвимой славой, вдохновляя парижских коммунаров и горячо защищая дело Парижской коммуны — первого «справедливого рабочего класса», явившегося результатом борьбы между классом производителей и классом присваивающим, столь давно известной политической формой, в которой могло бы совершиться экономическое освобождение труда (Маркс).

В воззваниях от имени Интернационала, в многочисленных письмах Маркс давал вождям Коммуны практические указания, директивы и если «Париз рабочих со своей Коммуной всегда будет чтить как славный предвещник нового общества», то вместе с ним будет чтить и Маркс, единственно правильно оценивший всемирно-историческое значение Парижской коммуны.

Критерием истинности всякого положения для Маркса была практика, действительность. Последняя и через 50 лет после смерти Маркса вновь, выступает как свидетельство величайшего триумфа всего дела Маркса. Каждый поступательный ход истории с исключительной силой и яркостью подтверждает правильность теории Маркса, делает неопровержимым тот факт, что победа рабочего класса возможна только на пути Маркса, что всякий отход, отход от марксизма является прямой заменой делу рабочего класса, переходом в лагерь самой оголтелой реакции.

Марксизм прав и в целом и в частности, и потому Коминтерн и наша партия отстаивали и будут отстаивать марксовскую теорию, не уступая ничему из сокровищницы марксизма его врагам. Абсолютную непримиримость к оппортунизму Коминтерн и наша партия восприняли от Маркса, что и обеспечило крупнейшие победы в развитии мирового коммунистического движения.

В противовес большевизму проклятые предатели рабочего класса, вожди и теоретики II Интернационала, усевшиеся в кресла социал-фашистских кабинетов, не только отказались от теории Маркса, но и давно предали марксизм, изменили делу рабочего класса, превратившись в его злейших врагов и продолжая прикрываться популярнейшим в среде рабочего класса именем лишь для сокрытия своих грязных дел.

Начав с болтовни об «устарении» марксизма, необходимости «поправочек» к марксизму, герои II Интернационала ныне обрели приют в лагере априституированной официальной буржуазной «науки», для которой как науки давно уже «пробил смертный час». Социал-фашистские теоретики и нации философия марксизма, став на позиции Канта, Маха и других субъективистов, изменили экономическому учению Маркса, его учению о прибавочной стоимости, отрицали товарный характер рабочей силы и закон абсолютного обнищания рабочего класса.

В теории социал-фашизм ныне занимает позицию, которую Маркс метко охарактеризовал в своем послесловии к I тому «Капитала» еще в 1873 г. «Отныне, — писал он, — для буржуазного экономиста (а также и ним и для социал-фашистского теоретика. — Ред.) вопрос заключается уже не в том, правильна или неправильна та или другая теорема, а в том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет».

Революционной сущности марксизма — учению о диктатуре пролетариата — социал-фашизм противопоставил теорию мирного вступления капитализма в социализм, смягчения классовых противоречий, теорию меньшего зла и т. п., что целиком согласуется с полицейскими соображениями, ибо обезоруживает рабочий класс, что полезно для капитала, ибо скрывает раздирающие его противоречия.

Начав с замечания, что большевики «вспомнили во время своего «белого» диктатура пролетариата» (подчеркнуто нами. — Ред.), о том, что «на одно слово Карла Маркса опирается взгляд на демократию и диктатуру», заявив, что «Маркс к сознанию не успел указать подробнее, как он представляет себе эту диктатуру», — Каутские дошли до прямой лжи, авантюристически восхваляя буржуазную диктатуру и возглавляя борьбу против марксовской теории диктатуры пролетариата.

В своем «Материалистическом понимании истории» Каутский, стремясь переделать самих явных апологетов капитализма, утверждает, что «экономическая теория не располагает аргументами, которые могли бы ставить под вопрос жизненность силы капитализма, и поэтому нет нужды убеждать столь благословенный общественный строй, представляющий собой рай на земле, ибо буржуазная демократия обеспечивает все нужное для рабочих. Она (капиталистическая система) не может быть устранена... без титанического хозяйственного труда для страны», — утверждает Каутский далее. А потому, — возглас Каутскому Реллер, — необходимо сохранить «в неприкосновенности фашистского производства, которое автоматически само по себе вступает в социализм» (Реллер р.).

В полном противоречии с Марксом, который учил рабочих, что только путем революции и организации диктатуры пролетариата можно уничтожить господство буржуазии, сломить ее сопротивление, уничтожить класс и построить бесклассовое общество, в борьбе с Коминтерном и ВКП(б), под руководством которых пролетариат СССР в ожесточенной классовой борьбе утверждает свое господство на одной шестой земного шара и осуществляет учение Маркса о диктатуре пролетариата, добившись исторических успехов в деле построения социалистического общества, в

борьбе с Коминтерном и компартиями, слывавшими и организующими пролетариат капиталистических стран для последнего и решительного боя, II Интернационал проповедует теорию классового мира, проводит политику сотрудничества с махровыми буржуазными партиями, предавая дело рабочего класса.

Маркс рассматривал крестьянство как союзника рабочего класса в его борьбе за свержение власти буржуазии, рассматривал диктатуру пролетариата как особую форму союза крестьянства и рабочего класса под руководством последнего, социал-фашистские же теоретики инвертировали в корень учение Маркса и Энгельса о двойственной природе крестьянства. Каутские, Бауэры, Гильфердинги, Сухановы и Троцкие рассматривают крестьянство как «сплошную реакционную массу», тем самым толкая его в лагерь буржуазии, лишая рабочий класс его естественных союзников. Ленин извлек замарашенные теоретиками II Интернационала генеральные мысли Маркса и сделал их отравленным пунктом в учении о кооперативном плане как основном пути вовлечения трудящихся крестьян в социалистическое строительство.

Имена II Интернационала и реформистских профессиональных союзов заветам Маркса, делу рабочего класса дошли до того, что социал-демократы в период войны 1914—1918 гг. голосовали за военные кредиты, активно защищали империалистическое «отечество». В послевоенный период социал-демократия поддерживала Брестский и Версальский грабительские договоры, подавала вместе с генералами революционные восстания рабочих, вела вооруженную борьбу с первой пролетарской республикой — СССР, предавая петербургскую революцию, вошла в империалистическую Лигу наций, участвовала в подавлении восстания в колониях, расстреливала руками Цергигелей и Зверингов революционных рабочих, стала организующей силой новых интервенций диктатуры пролетариата в СССР, расчищала путь для прихода к власти германского фашизма, выступала его гордым защитником и т. д. и т. п. Таков далеко не полный послужной список социал-демократии.

Социал-фашистские Цергигели и Зверинги, Каутские и Гильфердинги теперь продолжают дело лавы и паря, Метерлиха и Гизо, французских радикалов и немецких полицейских, которые уже в 40-х годах прошлого столетия объединенными усилиями травили «призрак коммунизма».

Организуял походы вместе с реакционными представителями буржуазии против коммунизма, топить в крови революционные восстания, душить коммунистические организации, которые ведут под руководством Коминтерна борьбу за уничтожение капитализма, — такое назначение, такой удел социал-фашизма вместе с его «левым» крылом, лишь прикрывающим под напором все более и более революционизирующихся масс, за «левой» фразой, свое правое социал-фашистское содержание.

Судьба социал-фашизма — этой партии спасения капитализма эпохи его всеобщего кризиса — целиком связана с историческими судьбами капитализма, продолжающего существовать лишь благодаря самому черному предательству социал-демократических партий.

Раскол в результате Октябрьской революции в России мирового хо-

зяйства на два мира, на два принципиально враждебных лагеря — лагерь социализма и лагерь капитализма — полностью подтвердил тот тезис Маркса, что капитализм не вечен, что капиталистический способ производства ограничен историческими сроками, что капитализм должен уступить место новому, более высокому способу производства — коммунизму. Это же подтверждается историческими победами социализма в СССР и тем состоянием, в котором находится все капиталистические страны, потрясенные самым глубочайшим и острым кризисом, который когда-либо знало капиталистическое хозяйство со дня своего возникновения.

В «Коммунистическом манифесте» Маркс писал: «Современное буржуазное общество, созданное как бы по волеизъявлению столь могущественные средства производства и отношения, походит на волшебника, который не в состоянии справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями». Периодические кризисы и войны до 1914 г., империалистическая война 1914—1918 гг., кризис 1920—1921 гг., современный кризис, развернувшийся на фоне всеобщего кризиса капитализма, являются исключительно ярким подтверждением марксовской характеристики буржуазного общества. Противоречия капитализма столь глубоки, что капитализм не в состоянии использовать как созданных им орудий и средств производства, так и важнейшую часть производительных сил — рабочую силу. О невозможности капитализма справиться с созданными им самим производительными силами особенно ярко свидетельствует огромная армия безработных, численность которой по явно преуменьшенным данным международного бюро труда при Лиге наций превышает 35 млн. человек.

«Современное устройство общества в экономическом отношении, — писал Энгельс в 1845 г., — безусловно является самым неразумным, непрактичным, какое можно себе представить». Значительное непроизводительное производство аппарата современного капитализма наряду с прямым его разрушением, наличие колоссальной армии безработных, рост непроизводительных расходов, — все это целиком подтверждает характеристику капиталистического общества, данную Энгельсом.

Октябрьская революция в России уничтожила господство буржуазии и установила диктатуру пролетариата, победоносно претворяющую марксизм в жизнь. Это было обеспечено тем, что во главе рабочего класса в России стоял лучший ученик и величайший продолжатель Маркса — Ленин, который очистил марксизм от всей той грязи, от всего того ошелошения и засорения, которое было внесено в марксизм теоретиками и вождями II Интернационала. Но Ленин не только возродил и восстановил подлинное революционное учение Маркса. Ленин продолжил и развил все стороны, все части марксизма. Ленин сравнял дальнее учение Маркса — Энгельса применительно к новым условиям развития, применительно к порою фазе капитализма, применительно к империализму... Внесенное Лениным в сокращенную марксизма базируется целиком и полностью на принципах, данных Марксом и Энгельсом. В этом смысле и говорится у нас о ленинизме как марксизме эпохи империализма и пролетарской революции (Сталин).

Ленин целиком и полностью опирался на философские принципы Маркса. Но Ленин дал им дальнейшее развитие: метод Ленина является

«не только восстановлением, но и конкретизацией и дальнейшим развитием критического и революционного метода Маркса, его материалистической диалектики» (Сталин).

Ленин продолжил и развил дальше экономическое учение Маркса. Маркс исследовал в «Капитале» законы возникновения, развития и гибели капиталистического способа производства и дал исчерпывающую характеристику всего конкретного хода развития капитализма, его путей, форм и тенденций его развития. Маркс однако смог подвергнуть своему анализу эпоху домонголистического капитализма, ибо империализм сложился на рубеже XIX и XX столетий.

Опираясь на экономическое учение Маркса, на марксову революционную диалектику, Ленин создал теорию империализма, показал, что эпоха новейшего капитализма есть эпоха войн и революций, эпоха неравномерного развития капитализма и величайшего обострения его противоречий, в силу чего создается возможность прорыва империалистической цепи в его слабом звене и построение социализма в одной, отдельно взятой стране.

Против этого выступали и выступают социал-фашисты, контрреволюционный троцкизм и по существу правые оппортунисты, еще раз обнаруживая этим свое полное непонимание особенностей вышедшей стадии капитализма.

Величайшая заслуга Сталина в том, что он отстоял ленинскую теорию построения социализма в одной стране, которая развивается и обогащается марксизмом, целиком вытекающая из учения Маркса о противоречиях между производственными силами и производственными отношениями, развил ленинскую теорию всеобщего кризиса капитализма, отстоял марксистско-ленинские пути строительства социализма, развил и обогатил их в соответствии с новыми задачами, стоявшими перед пролетариатом.

Ленину, а затем Сталину принадлежит величайшая честь быть вождями первой в мире партии, под руководством которой рабочий класс Советского союза утвердил свою диктатуру и в суровой кровавой борьбе с мировым капитализмом строит социалистическое общество, преворачивая в плоть и кровь лучшие мечты и чаяния угнетенного человечества.

В созидательной борьбе за построение социалистического общества, борьбе, в которой принимают участие самые глубокие толчи широких народных масс, рабочий класс Советского союза, полный величайшего пафоса и энтузиазма, под руководством любимого вождя мирового рабочего класса Сталина одерживает победу за победой лишь благодаря тому, что в своей борьбе на всех фронтах, вопреки социал-фашизму, следовала учению Маркса и Ленина, благодаря тому, что при решении проблем социалистического строительства он исходил из марксова учения о социализме и переходной экономике.

Маркс и Энгельс в теории научного коммунизма указали пути развития пролетарской революции и построения социалистического общества, оставив гениальные наброски тех мероприятий, которые должны предпринять уже победивший пролетариат для окончательной победы над капитализмом.

«Иди по пути своего развития, — писал Маркс еще в «Ничетте философии» (1847 г.), — трудящийся класс заменит старое гражданское общество ассоциацией, исключаящей как классы с их антагонизмом, так и политическую власть в собственном смысле». В «Коммунистическом манифесте» Маркс и Энгельс указывали, что «пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и как можно быстрее увеличить совокупность производственных сил».

Маркс и Энгельс в то же время решительно подчеркивали, что «это может конечно произойти — сначала лишь при помощи деспотических изъятий в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства».

Новый революционный опыт рабочего класса обогащает воззрения Маркса на общественную собственность как на основу социалистического производства и кооперации. Так, в «Гражданской войне во Франции», давая характеристику социалистической сущности государственных мероприятий Паризской коммуны, Маркс противопоставляет индивидуальной собственности на средства и орудия производства общественную собственность, являющуюся орудием свободного ассоциированного труда».

«Коммуна хотела уничтожить классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела создать индивидуальную собственность на землю, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время, прежде всего, орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного ассоциированного труда».

«Но ведь это коммунизм, невозможный коммунизм. Однако наплыв же среди господствующих классов люди, и их немало, которые поняли, что настоящее положение не может долго существовать; они стали называться и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство не звук пустой и не обман, если оно должно заменить капиталистическую систему, если ассоциации организуют национальное производство по общему плану, возьмут его в свое заведование и этим прекратят постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, — не будет ли это, спрашиваем мы нас, милостивые государи, коммунизмом, «невозможным коммунизмом»? (Маркс).

К вопросу о социалистическом планировании как важнейшей характерной черте нового социалистического общества, всецело вытекающей из социалистической общественной собственности на средства производства, Маркс неоднократно возвращается в своих работах, постоянно подчеркивая огромные преимущества планового социалистического производства в сравнении с анархией капитализма.

«Буржуазное сознание, — иронизирует Маркс, — склонное прославлять, мануфактурное разделение труда, порабощающее работника, это же самое буржуазное сознание с одинаковой горячностью несет всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющего «гения» индивидуального капиталиста». Сознательный контроль и регулирование общественного производства в целях построения социалистического общества и искоренения экономических корней враждебных пролетариату классов — такова сущность плана, который победивший пролетариат в противоположность буржуазии успешно проводит в своем социалистическом строительстве. Как не вспомнить в связи с этим ироническим замечанием Маркса потешившие столь поворные фiasco предсказания буржуазии о неуральности и фантастичности нашего пятилетнего плана и в то же время потуги буржуа и социал-фашизма на введение планового начала без пролетарской революции в странах капитала.

Маркс и Энгельс неоднократно указывали на ту крупнейшую роль, которая выпадает на долю промышленности, ибо она и только она является материальной базой социализма. В соответствии с этим одним из основных пунктов программы действий пролетариата после захвата им власти они выдвинули «увеличение числа государственных фабрик и орудий производства» («Коммунистический манифест»).

«Только достигнутое крупной промышленностью, — писал Энгельс, — чрезвычайное усиление производительности труда позволяет накопить распределить его на всех без исключения членов общества и этим до такой степени сократить рабочее время каждого и отдельности, что его будет у всех в избытке для теоретического и практического участия в делах всего общества». Следуя этим указаниям, пролетариат СССР с окончанием гражданской войны направил основные усилия на подъем разрушенной промышленности и создание крупной социалистической промышленности, способной реконструировать на базе передовой техники промышленность и сельское хозяйство и на этой основе уничтожить противоположность между городом и деревней.

В «Капитале» Маркс отмечает, что капиталистический способ производства, окончательно разорвав первоначально существовавшее единство земледелия и промышленности, довел противоположность между городом и деревней до необычайной остроты, «создает в то же время предпосылки нового высшего синтеза», при котором общество должно будет восстановить нарушенный обмен веществ между человеком и землей «уже систематически, в качестве закона, регулирующего общественное производство, и в форме, соответствующей полному развитию человека».

Осуществление этого однако возможно, как неоднократно указывал Маркс, только в условиях победы диктатуры пролетариата, наличия передовой промышленности, перевода мелкокрестьянского хозяйства на рельсы крупного кооперативного производства.

«Маркс и я, — писал Энгельс Бебелю, — никогда не сомневались, что при переходе к коммунистическому хозяйству нам необходимо будет в широком масштабе использовать кооперативное производство как переходную стадию. Только надо так устроиться, чтобы общество, т. е. прежде всего государство, сохранило за собой собственность на средства производства и чтобы таким образом частные интересы отдельных кооперативов не противоречили интересам всего общества в целом».

Следуя этим указаниям Маркса и Энгельса, развитым и конкретизированным в кооперативном плане Ленина и Сталина, рабочий класс СССР на основе индустриализации страны и сосредоточения в руках государства через МТС основных средств производства в сельском хозяйстве осуществил переход простых товаропроизводителей — крестьян — к крупному колхозному производству.

Ворясь за новый колхозный строй в деревне, партия все время руководилась указанием Маркса о необходимости убеждения крестьянства в преимуществах крупного кооперативного производства, о необходимости создания такого положения, при котором крестьянин сам своим «колхозным путем» (см. «Летопись Марксизма», № 3) дошел бы до осознания безвыходности своего положения при мелкокрестьянском производстве.

Маркс поставил сотни страниц «Капитала» характеристике положения рабочих на капиталистических предприятиях как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Он показал, как «гнет государственного аппарата, гнет нищеты, бесправия, эксплуатация дополняется гнетом на капиталистической фабрике, «деспотическим капиталистическим руководством, капиталистической дисциплиной труда, превращающей «рабочего в одаренный сознанием придаток машины» (Маркс). В течение десятков лет эти страницы, дышащие огненной ненавистью к классу эксплуататоров, беспредельной любовью к угнетенным, читались и перечитывались рабочими всех стран, подымая и закаляя их на борьбу с капиталом.

На советских предприятиях исчезло деспотическое управление. В условиях диктатуры пролетариата, общественной собственности на средства производства рабочих — создатель материальных ценностей — является сам хозяином и организатором производственного процесса. И это создает новую форму дисциплины, дисциплину товарищескую, сознательную, дисциплину социалистическую, когда труд становится делом чести, доблести и героизма. Мощный размах социалистического соревнования и ударничества, все шире охватывающий многомиллионные массы трудящихся, — яркое свидетельство вновь складывающегося в СССР коммунистического отношения к труду.

В «Критике Готской программы» и «Капитале» Маркс показал, что принцип систематического повышения материального положения трудящихся является ведущим в социалистическом производстве и способствующим росту производительных сил. При капитализме, — писал Маркс в «Теории прибавочной стоимости», — все меньшая и меньшая часть всего продукта образует фонд для воспроизводства рабочего класса... С измене-

нием социального отношения рабочих и капиталистов, с революционизированием господствующих в капиталистическом производстве отношений оно сейчас же изменилось бы... Если рабочие господствуют, если они имеют власть, чтобы производить для самих себя, то они очень скоро и без большого труда и подымут капитал (употребляя язык, понятный вульгарным экономистам)... до высоты своих потребностей».

Улучшение материального положения трудящихся в условиях капитализма находится в непримиримом антагонизме с капиталистическим характером производства и возможно лишь в условиях победы социалистического способа производства, где уничтожается антагонизм между производством и потреблением. Как подчеркнул т. Сталин, распределение народного дохода в социалистической системе хозяйства происходит «в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне».

Понимание материального благосостояния рабочего класса Маркс однажды не мыслил в явде немедленного осуществления принципа: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Маркс указывал, что до этого должен быть пройден еще один период — третий, третья фаза коммунизма, где еще имеются родимые пятна капитализма, и силу чего господствует принцип «за равный труд — равную плату». В «Критике Готской программы» и в других работах Маркс решительно возражает против мелкобуржуазного потребительского социализма Лассалля. Глубочайшая критика лассалевской теории Марксом ценник сохраняет свою силу и жизнеспособность и по отношению к «левачко»-уравнительским тенденциям в наши дни.

Все это и сейчас на указания Маркса о задачах пролетариата в переходный период мы и в малой степени не исчерпываем всего того богатого теоретического наследия, которое оставил нам Маркс.

Развитие социализма за 15 лет в Советском союзе полностью подтвердило марксовскую характеристику переходного периода, его учение о том, что только свержение капитализма и победа рабочего класса могут развязать производительные силы, скованные капитализмом, и обеспечить им гигантское развитие.

Что может быть более наглядным подтверждением правоты Маркса, как не тот факт, что пролетариат в отсталой стране, какой была старая царская Россия, в обстановке блокады, при бешеном сопротивлении классового врага и его агентуры — оппортунистов всех мастей, самостоятельно, своими собственными силами успешно выполнил пятилетку в четыре года, больше чем удвоил за годы пятилетия объем промышленной продукции, создал собственную передовую техническую базу для реконструкции всего народного хозяйства, создал колхозное производство и разгромил кулачество как класс, уничтожил источники и основу эксплуатации человека человеком, ликвидировал безработицу и пауверизм и обеспечил невиданный рост жизненного уровня трудящихся масс? Что может быть более наглядно подтверждать всю правоту Маркса и всю жизнь социал-фашизма, как не тот факт, что СССР во втором пятилетии заканчивает построение

первой фазы коммунистического общества? На долю социал-фашизма осталось только подло клеветать на Советский союз.

Как гранитная скала стоит СССР — этот социалистический остров среди бушующего моря капиталистической эксплуатации. В Союзе советских республик социализм уже победил капитализм, СССР прочно утвердился на социалистическом пути, и ныне со всей остротой стоит вопрос «кто кого» на международной арене. Все более растущая мощь Советского союза наряду с все более растущим, вопреки предательству социал-фашизма, международным коммунистическим движением — гарантия того, что и этот вопрос пролетариат разрешит успешно.

Что противопоставляет этому капиталистический мир?

Сотни миллионов колонизальных рабов, в беспрерывной нужде стонущих под игом капитала, сотни миллионов крестьян, обреченных на полуголодное, полуклассовое состояние, сотни миллионов рабочих, не уверенных в завтрашнем дне, живущих в потрясающей нужде, десятками миллионов выбрасываемых из производства и умирающих мучительной, голодной смертью во имя богатства и довольства горстки людей. Прочетание в ряде стран прямого рабства, торговли людьми. Систему лжи, коррупции, подкула, массовых убийств, фашистского разгула, попрание всего человеческого, систему, основанную правовыми нормами, охраняемую государственным аппаратом. И над всем этим бушующий шквал эксплуататорского, потрясающего основы капитализма кризиса. Таков итог капиталистического пути развития. Таков баланс деятельности социал-фашизма.

Ленин и Сталин подняли учение Маркса на небывалую высоту и вооружили им широчайшие трудящиеся массы всего мира. Под их руководством марксизм воплощается в исторических победах социалистического строительства СССР, в борьбе массовых коммунистических партий, ведущих пролетариат на штурм капитализма. Под их руководством марксизм стал могущественнейшим, всеисильнейшим оружием борьбы пролетарских масс всего мира за освобождение от гнета капиталистической эксплуатации. В разворачивающихся классовых боях, в борьбе с главным врагом рабочего движения — социал-фашизмом — ведут коммунистические партии рабочий класс всего мира и угнетенных против капитала. Коммунистические партии открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного свержения всего современного строя. Пусть господствующие классы дрожат перед коммунистической революцией! Мерной, уверенной поступью, под знаменем Маркса и Ленина, под руководством т. Сталина шагают железные батальоны пролетариата мира к конечной цели — к мировому коммунизму. «Призрак коммунизма», реявший во времена Маркса и Энгельса над Европой, стал мощной материальной силой во всем мире.

Индустриализация СССР в свете марксовской теории

Пятидесятилетняя годовщина смерти Карла Маркса, пламенного революционера; борьба за освобождение рабочего класса и величайшего мыслителя, заставляет всех сознательных рабочих еще раз оглянуться на пройденный за эти полстолетия рабочим классом путь — путь героических битв и схваток угнетенных с угнетателями во всех частях земного шара. В этой гигантской классовой борьбе молния орудием в руках рабочего класса служило революционное учение Маркса о законах общественного развития, о неизбежной гибели капитализма, о путях свержения капиталистического строя и замене его строем коммунистическим.

Учение Маркса—Энгельса, развитое и обогащенное Лениным и Сталиным, было и есть позитивное руководство к революционному действию пролетариата. Оно было необходимым условием победоносной борьбы пролетариата СССР, поставленного Октябрьской революцией во главе мировой коммунистической революции, ставшего ударной бригадой мирового пролетариата. Теория, овладевая сознанием миллионов трудящихся, становится материальной силой. Именно такой материальной силой стала теория Маркса—Ленина, преобразуя классовое сознание миллионов пролетариата, показавшая непримиримость их интересов с интересами эксплуататоров, давшая правильный лозунг борьбы рабочего класса.

История общественного развития за истекшее столетие на каждом шагу давала все новые доказательства правильности гениальной теории Маркса.

Истекшее столетие было годами дальнейшего огромного развития производительных сил в форме капиталистической крупной промышленности, дальнейшего разложения ремесла и мелкого крестьянского производства, все большего роста противоречий и между городом и деревней, обострения кризисов и классовых противоречий и вместе с тем роста численности рабочего класса и перехода его революционной борьбы на все более высокую ступень. Это столетие знаменуется гигантскими переделами в развитии классовой борьбы.

Основной передел в истории: развитие капиталистического общества совершился в октябре 1917 г., когда броушенный марксовско-ленинской теорией, закаленный в предмудрых двух революциях пролетариат СССР, свергнул власть капитала и впервые в истории прочно утвердил диктатуру пролетариата, перешел к построению социалистического общества, превратил теорию Маркса в государственное дело. Этот поворотный пункт в истории человечества тесно связан с тем поворотом, который совершило развитие капитализма на рубеже XIX и XX веков, когда капитализм вступил в свою последнюю фазу — фазу империализма.

Гигантская концентрация производства в передовых капиталистических странах привела к превращению в этих странах капитализма свободной конкуренции в капитализм монополистический. Промышленные и банковые монополии слились в единый финансовый капитал, получивший господство над всей хозяйственной жизнью. Экспорт капитала приобрел первостепенное значение. Гигантские монополии поделили между собою международный рынок, а весь мир оказался захваченным и разделенным между небольшим числом империалистических держав-хищников. На основе монополий и совершившегося раздела мира закон неравномерного экономического и политического развития капитализма стал решающей силой развития, делая неизбежными мировые империалистические войны за передел мира, создавая возможность прорыва империалистической цепи и ее слабом звене и победы социализма в одной отдельно взятой капиталистической стране.

Огромное обострение противоречий при империализме поставило в качестве непосредственной задачи сегодняшнего дня задачу свержения капиталистического строя и установления диктатуры пролетариата. Оно создало новую обстановку и новые условия пролетарской революции.

Неизбежность коммунистической революции была важнейшим выводом теории Маркса. «Неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества» — писал Ленин в своей статье о Карле Марксе¹.

Раскрытие экономического закона движения капитализма, подготовляющего через обобществление труда крупной машинной индустрией материальную основу социализма, с одной стороны, и мотыльки капитализма и строителя коммунизма в лице пролетариата, с другой стороны, — таково содержание основной экономической работы Маркса — «Капитал». При этом Маркс не только обосновал неизбежность революционного крушения капитализма и неизбежность установления диктатуры пролетариата, но и в огромной мере осветил те пути, по которым должен идти пролетариат в революционном преобразовании капитализма в коммунизм, пути построения социалистического общества.

В письме к Вейдемеру от 5 марта 1852 г. Маркс писал:

«То, что я сделал новым, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы»².

Эти выводы Маркса, базирующиеся на его экономической теории и охватывающие все международное рабочее движение, были полностью восприняты Лениным, преемником Маркса и Энгельса в деле теоретического и практического руководства революционным движением международного пролетариата.

«Ленинизм есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции» (Сталин). Исходя из марксовской теории, Ленин на основе анализа новой стадии в развитии капитализма-империализма выяснил условия пролетарской революции применительно к этой новой эпохе.

Исходя из неравномерности экономического и политического развития как безусловного закона капитализма, из обострения этой неравномерности при империализме, Ленин показал, что в эпоху империализма становится неизбежным прорыв мировой цепи империалистического фронта и его наиболее слабом звене и что вполне возможна победа социализма

¹ Ленин, Собр. соч., том XVIII, стр. 25.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма, изд. 1928 г., стр. 54.

и построение социалистического общества в одной отдельно взятой стране.

Формулируя ленинскую теорию пролетарской революции, т. Сталин указывал: «Главнейшее было говорить о наличии или отсутствии объективных условий пролетарской революции в отдельных странах или точнее в той или иной развитой стране. Теперь эта точка зрения уже недостаточна. Теперь нужно говорить о наличии объективных условий революции во всей системе мирового империалистического хозяйства как единого целого, причем наличие в составе этой системы некоторых стран, недостаточно развитых в промышленном отношении, не может служить непреодолимым препятствием к революции, если система в целом, или вернее — так как система в целом уже созрела к революции»¹.

Эти положения ленинской теории полностью оправдались на опыте СССР. В результате мировой империалистической войны наиболее слабым звеном мировой цепи империализма явилась парская Россия, где налицо оказалась революционная ситуация, имевший в своем распоряжении такого серьезного союзника, как революционное крестьянство России, и руководимый в боях коммунистической партией большевиков во главе с Лениным.

В отношении СССР своеобразие обстановки заключалось в том, что пролетариат вовсе не переходил, а относительно отсталой в технико-экономическом отношении страны оказался перед революционной ситуацией, оказался перед возможностью «оказать поддержку пролетарской революции, так сказать, вторым нападением крестьянской войны»².

Разоблачая трусливый оппортунизм Н. Суханова и всех лакеев II Интернационала, твердивших, что «Россия не достигла такой высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм», Ленин указывал, что не это является решающим для оценки нашей революции. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»³.

Именно так и поступил пролетариат СССР, свергнув в октябре 1917 г. власть помещиков и капиталистов, установив свою диктатуру, отбросив нападения империалистов, быстро восстановив промышленность и за годы первой пятилетки завершив построение фундамента социалистической экономики и выдвинув СССР в первые ряды передовых в технико-экономическом отношении стран.

Развитие Лениным марксовской теории пролетарской революции применительно к условиям империализма есть величайшее значение шаг в самом развитии марксизма, который основоположники его рассматривали отнюдь не как догму, но как руководство к действию. Нельзя забывать, что основное в марксизме — это учение о неизбежности гибели капитализма и замены его бесклассовым коммунистическим обществом через революционную диктатуру пролетариата.

Без революционной диктатуры пролетариата невозможен переход от капитализма к социализму. Этот переход при наличии диктатуры пролетариата возможен в одной стране, — таковы краеугольные камни теории марксизма-ленинизма. И именно против этих выводов выступали и выступают все враги и извратители марксизма-ленинизма, начиная от ренегата Бернштейна и кончая современными социал-фашистами

в лице Каутского, Бауэра, Реннера и др. Эти агенты буржуазии в рабочем классе и прямые предатели дела коммунизма выполняют социальный заказ буржуазии по извращению марксовской революционной учения и его революционной практики, по удержанию рабочих от борьбы за диктатуру пролетариата. Не диктатура пролетариата, а буржуазная демократия и коалиция между буржуазией и пролетариатом — таков путь перехода от капитализма к социализму, проповедуемый Каутским, а вместе с ним и всем социал-фашизмом, путь, означающий на деле отказ от пролетарской революции.

Стертая единственный путь освобождения рабочего класса — путь насильственного свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата, герои II Интернационала подводил тем самым пролетариат под топор фашистской диктатуры.

Но каждый день успехов социализма в СССР, с одной стороны, каждый день обострения общего кризиса капитализма, с другой, — с е р ы в т ы а с к и с пределов марксизма и делают очевидным для самого отсталого трудящегося, что единственный путь освобождения есть путь, указанный Марксом, путь, на который встал пролетариат СССР — путь коммунистической революции.

I

В итоге первой пятилетки пролетариат СССР прочно утвердился на социалистическом пути на территории, охватывающей 1/4 всего земного шара, и стал крепкой опорой мировой коммунистической революции.

Пролетариат СССР, руководимый партией коммунистов-большевиков, доказал своей революционной практикой истинность марксовско-ленинской теории: он доказал, что капиталистическая система хозяйства куле отживает свой век и должна уступить свое место другой, высшей, советской социалистической системе хозяйства (Сталин), что «оплоде возможно построить в одной стране социалистическое общество, ибо экономический фундамент такого общества уже построен в СССР» (Сталин, «Итоги первой пятилетки»).

Марксова теория, развитая Лениным, была руководством к действию, была прожектором, освещавшим пролетариату не только его путь к завоеванию политической власти, но и основные линии его революционной деятельности на второй день после пролетарской революции. Уже в «Коммунистическом манифесте» была сформулирована основное содержание и цели коммунистической революции.

«В высшей мере коммунистический, — писали Маркс и Энгельс, — организационный рабочего класса, свержение господства буржуазии, завоевание пролетариатом политической власти».

За этими «первыми шагами рабочей революции» идут следующие: «Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия в руках государства, т. е. организованного в качестве производящего класса пролетариата, и по возможности увеличить массу производственных сил» («Коммунистический манифест»).

Каковы мероприятия, ведущие к этой цели? Отвечая на этот вопрос, авторы «Коммунистического манифеста» указывали: «Эти мероприятия будут конечно различны в различных странах. Однако в наиболее цивилизованных странах могли бы почти повсюду быть приняты следующие общие меры:

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивно-походный налог.

3. Уничтожение права наследства.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и бунтовщиков.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 20—21.

² См. письмо К. Маркса к Фр. Энгельсу от 16 апреля 1856 г.

³ Ленин, Собр. соч., том XXVII, стр. 469.

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией.
 6. Централизация транспорта в руках государства.
 7. Увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возмещение и улучшение полей по общему плану.
 8. Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.
 9. Соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней.
 10. Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.¹ («Коммунистический манифест»).
- Пролетарская революция в России в короткий срок не только осуществила эти мероприятия, но и далеко продвинулась вперед.

Экспроприация экспроприаторов, организация крупного социалистического производства и увеличение производительных сил представляют важнейшую экономическую задачу, обязательную для каждой пролетарской революции. Только на этой основе можно перейти от капитализма к социализму, а затем к высшей фазе — коммунизму. Эта задача стала во весь рост и перед социалистической революцией в России, но стала в особых исторических условиях. Поскольку пролетарская революция произошла впервые в России, в стране капиталистической, но в то же время отсталой, перед ней со всей остротой встал вопрос о ликвидации ее технико-экономической отсталости, о догоне и переходе передовых капиталистических стран. Еще накануне Октябрьской революции Ленин указывал: «Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему политическому и строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неминуема, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и экономически... Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос истории»².

Разрешение этой задачи было под силу лишь диктатуре пролетариата. Диктатура пролетариата, экспроприация экспроприаторов и организация крупного государственного производства были теми путями и условиями, которые единственно могли ликвидировать технико-экономическую отсталость СССР, создать материальную базу социализма.

Исходя из учения Маркса о материальной основе социализма, Ленин подчеркивал неоднократно, что «крупная машинная промышленность и перенесение ее в земледелие есть единственная экономическая база социализма, единственная база для успешной борьбы за освобождение человечества от ига капитализма» (Ленин, Письмо VIII Всероссийскому съезду электротехников).

В своей статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин писал: «Социализм есть уничтожение классов. Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех — работниками». Эту задачу можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к обществу крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длительный... Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю сельскохозяйственную технику, преобразовать ее в корню»³.

¹ Ленин, Собрание сочинений, том XXI, стр. 191.

² Там же, том XXIV, стр. 311.

Поскольку пролетариат СССР установил свою диктатуру и отбил нападение белогвардейцев, решающим условием уничтожения классов стало восстановление и укрепление промышленности, создание материальной базы социализма в лице крупной машинной индустрии, которая могла бы коренным образом перестроить сельское хозяйство, перевести мелкого товаропроизводителя на рельсы крупного коллективного производства, превратив этого мелкого товаропроизводителя в работника социалистического общества.

Развитие капитализма создало крупную промышленность, могущую быть материальной базой социалистического общества, способную удовлетворить крестьянство необходимыми ему продуктами и позволившую перевести мелкое хозяйство на рельсы крупного коллективного производства в результате его социально-экономической и технической реконструкции. В мировом масштабе, как указывал Ленин, такая индустрия есть, хотя эта индустрия работает на обслуживание империалистических войн, а не на обслуживание крестьянства.

«Если говорить о третьей крупной промышленности, способной сразу всеми потребными продуктами удовлетворить крестьянство, то это уже давно; если взять вопрос в мировом масштабе, такая третья индустрия — крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, лежит на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 гг. ... Вот на что работала эта богатая передовая крупная промышленность... она служила для дела фабрикация ископаемых людей, и у нее не осталось времени для снабжения крестьян всякими продуктами»⁴.

Однако такая третья индустрия вплоть до первой пятилетки СССР не имел. На IX Всероссийском съезде советов Ленин говорил:

«На земле есть страны с такой передовой крупной промышленностью, которая может сразу снабдить сотни миллионов отсталого крестьянина. Мы делаем это в основу своих расчетов (курсы мой М. Р.). Вы лучше, чем кто-либо другой, знаете, наблюдая это в повседневной жизни, что у нас осталось от нашей крупной промышленности, которая и без того была слабой. Например в Донбассе, этой главной и основной базе крупной промышленности, через которую прошло столько империалистических правительств и столько правительств в гражданскую войну (сколько их видела Украина!), это не могло отравиться иначе, как тем, что от нашей крупной промышленности там остались ничтожные остатки. Если прибавить к этому такое бедствие, как неурожай 1921 г., то станет понятно, что попытка снабдить крестьянство продуктами пережившей в руки государства крупной промышленности нам не удалась. Раз эта попытка не удалась, то не может быть другой экономической связи между крестьянством и рабочими, т. е. земледелием и промышленностью, как обмен, как торговля. Вот в чем суть. Замена разоренной продовольством — вот в чем суть нашей экономической политики, эта суть самая простая. Если нет третьей крупной промышленности, способной организовать так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теперешним состоянием, под руководством и контролем рабочего государства, — никакого иного пути нет»⁵.

Необходимо было создать третью индустрию, и даже в случае ослабления сельского хозяйства, мелкой промышленности, развернув торговлю смачку города и деревни, и на этой основе восстанавливать и развивать промышленность.

⁴ Ленин, Собрание сочинений, том XXVII, стр. 124—125.

⁵ Там же.

Быстрейшее восстановление социалистической промышленности и превращение ее в цветущую индустрию было поставлено в качестве основной задачи новой экономической политики. Но для того чтобы это достиглось, надо было начать с восстановления сельского хозяйства. Поэтому был издан закон о продразверстке. Но продразверстка являлась только переходной мерой, тогда как о дальнейшей задаче Ленин говорил: «Если крестьянское хозяйство может развиваться дальше, необходимо прочно обеспечить и дальнейший переход, а дальнейший переход неминуемо состоит в том, чтобы наименее выгодное и наиболее отсталое — мелкое обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, организовало бы общественное крупное сельскохозяйственное хозяйство»¹.

Задача построения индустриальной базы вовсе не ограничивалась восстановлением довоенной промышленности. За ним и перешла к ним развитие индустрии должно идти далеко за довоенные пределы и в количественном и в качественном отношении.

Наша довоенная промышленность была отсталой по сравнению с промышленностью передовых капиталистических стран, особенно в отношении тяжелой индустрии. По машиностроению Россия была на одном из последних мест, не производя почти вовсе машин, производящих машин, и сложных машин вообще. По размеру продукции довоенная промышленность стояла на шестом месте, причем на долю текстильной промышленности и пищевых в 1913 г. приходилось 54,7% всей промышленной продукции, а продукция металлической промышленности составляла лишь 15,1%. Занимая 1/4 земного шара и имея 1/3 всего населения земного шара, Россия производила лишь 2,5% мировой добычи угля, 6% стали и т. д. Россия производила по сравнению с САСШ меньше угля в 17 раз, стали и чугуна в 7 раз и т. д. Из всего количества необходимых промышленности машин лишь 36,2% производилось внутри страны, остальное импортировалось.

Правда, промышленность была одной из самых концентрированных; она подготовила значительные кадры революционного пролетариата, строителей нового общества. Это имело немалое значение для подготовки и победы пролетарской революции. Но она еще не представляла необходимой административной базы для социализма, главным образом вследствие слабости тяжелой индустрии и в особенности машиностроения. Эту базу надо было создать пролетариату, установившему свою диктатуру. С другой стороны, поскольку Советский союз находился в враждебном капиталистическом окружении, вопросом жизни и смерти становилось создание такой индустриальной базы, которая позволила бы ему в кратчайший исторический срок выйти в первые ряды передовых в технико-экономическом отношении стран, которая могла бы обеспечить обороноспособность и экономическую самостоятельность СССР.

Установление диктатуры пролетариата сделало вполне реальной и осуществимой задачу быстрого построения материальной базы социализма в СССР в виде передовой передовой технической реконструкции всего народного хозяйства страны. Электрификация является материальной основой коммунизма. Еще Энгельс генерально предвидел огромные возможности развития производительных сил, даваемые электрификацией, одновременно указывая, что электрификация в широком масштабе не совместима с капитализмом.

«... Дело это имеет чрезвычайно революционный характер. Паровая машина учит нас прерывать теплоту в механическое движение, но пользование электричеством открывает нам путь превращения всех форм энергии:

теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света одной в другую и обратно в целях промышленного пользования. Круг замкнул. И новейшие открытия Дедре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей сил могут передаваться по простой телеграфной проволоке на несравнимые до сих пор расстояния и быть применены на конечном пункте, — дело это находится еще в зародке, — окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водных сил. И если даже вначале этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения antagonизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно» (письмо Бернштейну в 1883 г.).

Ленин развил это положение Энгельса в тезисах к III конгрессу Коммунистического интернационала, где указывал, что «соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать сельское крупная промышленность есть электрификация всей страны»².

О плане ГОЭЛРО, рассчитанном на 10—15 лет, этой второй программой партии, Ленин на VIII съезде советов говорил:

«Наша программа партии не может оставаться только программой партии. Она должна превратиться в программу нашего хозяйственного строительства... она должна дополниться второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники. Без плана электрификации мы перестанем к действительному строительству не можем»³.

Ленин рассматривал план ГОЭЛРО как план, принятый только в порядке первого приближения, как план, обозначающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма, как программу, которая каждый день, в каждой мастерской, в каждой воле будет улучшаться, разрабатываться, совершенствоваться и видоизменяться»⁴.

План ГОЭЛРО был общим единым планом реконструкции всего народного хозяйства. Вместе с окончанием восстановительного периода единый хозяйственный план был принят и осуществлен в форме первого пятилетнего плана, включившего в себя основы плана ГОЭЛРО.

На основе установления правильных взаимоотношений с средним крестьянством, экономической смички с ним, осуществления руководства пролетариата в этой смичке, восстановления сельского хозяйства и накопления на основе все большего обобществления труда в самой промышленности пролетариат СССР обеспечил развитие промышленности по принципу расширенного воспроизводства.

Это позволило уже в восстановительный период укрепить торговую смичку с основными массами крестьянства, переводя ее в дальнейшем на рельсы производственной смички. На этой же в конечном счете основе мы овладели товарооборотом, вытесняя на него частника, осуществляли кооперирование мелких крестьян, ограничивали капиталистические элементы в городе и деревне и в результате добились значительного роста удельного веса социалистического сектора во всей экономике страны. При наличии диктатуры пролетариата как основы всего движения быстрые темпы развития в восстановительный период были в большой мере облегчены наличием незагруженных основных капиталов и старых кадров рабочих. То обстоятельство, что в нашем распоряжении имелись незагруженные основные капиталы, позволяло иметь в качестве преобладающей части прибавочного продукта, произведенного в промышленности, оборотные средства производ-

¹ Ленин, Собрание сочинений, том XXVI, стр. 299.

² Ленин, Собрание сочинений, том XXVI, стр. 434.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 46.

ства (топливо, сырье) и средства потребления и направлять их непосредственно (или обменянные на сельскохозяйственные средства производства и потребления) на цели расширенного воспроизводства в промышленности. Именно поэтому мы могли тогда двигаться быстро без особо быстрого роста металлургии, машиностроения и т. д. В то же время наличие старых кадров промышленных рабочих, привлечение обратно в промышленность тех из них, которые в годы разрухи ушли в деревню, также в огромной мере облегчало наше движение вперед.

Восстановительный период, ликвидировав ряд острых противоречий, ликвидировав продовольственный, топливный и транспортный кризис, оживив социалистическую промышленность — эту материальную базу социализма, — укрепила экономическую смичку города с деревней, был чреват своими особыми противоречиями, которые рождались на почве преобладания в стране еще мелкотоварного хозяйства. XIV съезд ВКП(б), отмечая, что «важно экономическое наступление пролетариата на базе новой экономической политики и продвижения экономики СССР в сторону социализма», что «государственная социалистическая промышленность все более становится авангардом народного хозяйства, ведущим за собой народное хозяйство в целом», вместе с тем подчеркивал:

«Одновременно развиваются однако и особые противоречия этого роста и специфические опасности и трудности, этим ростом определяемые. Сюда относятся: абсолютный рост частного торгового капитала, перекрывающего свои операции на обслуживание деревни; рост кулацких хозяйств в деревне вместе с ростом дифференциации этой последней; рост новой буржуазии в городах, стремящейся хозяйственно сойтись с торгово-капиталистическими и кулацкими хозяйствами в их борьбе за подчинение основной массы середняцких хозяйств»¹.

Этим противоречиям и трудностям пролетариат противопоставил борьбу за всемерное обеспечение победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, дальнейший рост социалистической промышленности и «включение под ее руководство и при помощи кооперации все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства».

С окончанием восстановительного периода основной задачей и решающим условием победоносного продвижения социализма становится задача создания передовой базы, способной реконструировать все народное хозяйство. Только на таком пути было возможно успешное разрешение противоречий, вытекающих из преобладания мелкого хозяйства в сельском хозяйстве и из международного капиталистического окружения.

Это основное звено нашего развития было указано т. Сталиным, обосновавшим необходимость ускоренных темпов индустриализации СССР, выдвинувшим конкретное содержание индустриализации и практически руководившим героической борьбой пролетариата СССР за превращение нашей аграрной страны в страну передовой индустрии.

Вопрос о быстрых темпах индустриализации не стоял бы с такой остротой, если бы мы не находились в капиталистическом окружении, если бы мы имели диктатуру пролетариата в других больших передовых странах, например в Германии и Франции. Тогда «капиталистическое окружение не могло бы представлять для нас той серьезной опасности, какую оно представляет теперь, вопрос об экономической самостоятельности нашей страны естественно отпал бы на задний план, мы могли бы включаться в систему более развитых пролетарских государств...» (Сталин). Пока этого нет,

вопрос быстрых темпов индустриализации СССР — вопрос самого существования СССР.

Противоречие между наиболее передовым политическим строем и относительно отсталыми производительными силами выразилось в нашей экономике не только в недостаточности развитой и к тому же разрушенной индустрии, но позднее — уже после восстановления индустрии — со всей силой сказалось и в противоречии между крупной социалистической промышленностью, развивавшейся по принципу расширенного воспроизводства, и невозможностью расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве вследствие преобладания в нем мелкотоварного производства.

На языке классовых отношений и классовой борьбы противоречие это выразилось в том, что для капитализма в нашей стране была более прочная база, чем для социализма, что это стоял вопрос «что кого». Решение этого противоречия было возможно лишь через перевод раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы коллективного социалистического хозяйства, на основе быстрых темпов индустриализации.

Ускорением преодоления этого основного — с переходом к реконструктивному периоду — противоречия было развитие быстрыми темпами социалистической промышленности и решающей ее части — тяжелой индустрии и машиностроения как основы для социалистической передовки деревни.

Анализируя наше положение в начале первой пятилетки, т. Сталин приходит к следующему выводу: «Нельзя без конца, т. е. в продолжение слишком долгого периода времени, базировать советскую власть в социалистическое строительство на двух разных основах — на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства. Нужно постепенно, но систематически и упорно переводить сельское хозяйство на новую техническую базу, на базу крупного производства, подготавливая его к социалистической промышленности...». Иначе, если не решить эту задачу, «возврат к капитализму может стать неизбежным явлением»².

Исходя из того, что только на пути социалистической реконструкции сельского хозяйства и ускорения темпов индустриализации можно решить в пользу пролетариата внешние и внутренние противоречия, партия взяла курс на ускоренные темпы индустриализации. Поведительная историческая необходимость наиболее ускоренных темпов индустриализации была осознана и записана в качестве директивы в первом пятилетнем плане.

II

Маркс неоднократно подчеркивал ведущую роль крупной промышленности в экономике страны. Как одну из основных задач, стоящих перед пролетариатом после захвата власти, творцы путного коммунизма считали увеличение числа государственных фабрик и орудий производства («Коммунистический манифест»), но только промышленность, и в первую очередь производящая средства производства, представляет «основное начало и ключ преобразования всего нашего народного хозяйства на базе социалистического развития» (Сталин).

«Средства труда, — писал Маркс, — не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд».

«Что касается самих средств труда, то из них механические средства труда, совокупность которых можно назвать костной и мускульной системой производства, представляют более характерные отличительные

¹ Резолюция XIV съезда ВКП(б) по отчету Центрального комитета.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 464.

признаки определенной эпохи общественного производства, чем такие средства труда, которые служат лишь хранилищами предметов труда и совокупности которых в общем можно назвать сосудистой системой производства¹.

Отмечая роль и значение механических средств труда в общественном производстве, Маркс неоднократно указывал, что они являются основой и исходным пунктом перелома в общественном способе производства, истинным показателем развития производительных сил общества и решающим условием развития производительности труда. Развивая эти указания Маркса о значении крупной промышленности и механических орудий производства, Ленин писал: «Действительной и единственной базой для упрочения ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна: это крупная промышленность».

К началу первой пятилетки, когда закончился восстановительный период и сделаны были первые шаги в области реконструкции в СССР такой базы социализма, такой крупной промышленности, которая была бы способна реконструировать все народное хозяйство, еще не было.

По уровню промышленного развития СССР к этому времени еще недалеко ушел от уровня дореволюционной России. Буржуазно-помещичий строй царской России оставил относительно отсталую, характерную для аграрных стран промышленность. Основной капитал промышленности к Октябрьской революции составлял около 3,5 млрд. руб., из которых на оборудование приходилось 1,8 млрд. руб. (по данным Струмилина). Машинное оборудование довоенной промышленности оставалось весьма значительно от передовых капиталистических стран. Машины, производимые машинами, почти целиком были иностранного происхождения, что означало экономическую зависимость от заграничных. Что касается сельского хозяйства, то здесь средства производства находились в особенно отсталом положении. Огромную роль в сельском хозяйстве играли такие первобытные орудия, как соха. Сельское хозяйство не имело тракторов, и даже то небольшое количество с.-х. машин, которое имелось, полностью ввозилось из-за границы. Характеризуя технический уровень б. царской России, Ленин указывал, что она была оборудована современными орудиями производства меньше, хуже Англии, планшот хуже Германии и пласетор хуже Америки².

Необходимость ликвидации технико-экономической отсталости страны и создания передовой технической базы для социалистической реконструкции народного хозяйства потребовала осуществления грандиозной строительной программы, являвшейся центральной осью первого пятилетнего плана. Только став на путь строительства новых сотен и тысяч предприятий, вооруженных самой передовой техникой, вытесня наиболее быстрыми темпами развитие тяжелой индустрии, можно было решить проблему основного капитала и обеспечить гигантское развитие технической реконструкции народного хозяйства уже в первом пятилетии.

Создание собственной базы машинной индустрии неизбежно было связано с большими трудностями прежде всего в связи с тем, что эта грандиозная строительная программа могла быть осуществлена усилиями пролетариата СССР только на основе внутренних накоплений. Трудности были вызваны также и тем, что внутренняя и внешняя обстановка диктовала необходимость решения этой задачи в максимально кратчайший исторический срок.

Партия сознавала неизбежность этих затруднений. Но она вопреки предостережениям правых оппортунистов не отступила перед ними, а успешно их преодолевала — на пути мобилизации революционной активности трудящихся масс, на пути социалистической перестройки сельского хозяйства и разгрома кулачества, на пути ускорения строительства, быстрой

шего ввода в эксплуатацию и освоения новых предприятий, на пути решительной борьбы за экологичное расходование средств.

«Нет ни одного исторического перелома сколько-нибудь крупного, без полного ряда случаев несоответствия сил. Силы растут в процессе борьбы с ростом революции»³. — эти слова Ленина в речи его на I съезде советов народного хозяйства оказались поистине пророческими.

Социал-фашисты, не на жизнь, а на смерть свалившие себя с капитализмом, во главе со своим папой Каутским пытаются убедить рабочих в том, что только капитализм под силу организации современного крупного производства, а поэтому их нельзя экспроприировать, а нужно национализировать, причем имеется в виду национализация буржуазная — лишь некоторых отраслей промышленности и притом за солидный выкуп, чтобы не напугать капиталистов (см. Каутский, «Пролетарская революция и ее программа»).

Вопреки пророчествам Каутского рабочий класс СССР организовал крупное социалистическое производство, успешно разрешил проблему «кто кого» в промышленности и показал невиданные темпы и успехи строительства социализма.

Уже в третий год пятилетия была создана новая мощная техническая база народного хозяйства, прежде всего для реконструкции тяжелой индустрии. Это означало успешное решение проблемы основного капитала социалистического хозяйства.

В результате успешного выполнения строительной программы основная установка первой пятилетки — создание собственной тяжелой индустрии — оказалась переполненной в четыре года. По тяжелой индустрии (ИКТП) задание пятилетнего плана выполнено на 109,6%, а по общей машиностроению на 181,2%. Это представляет решающий результат первой пятилетки. В итоге первой пятилетки промышленная продукция СССР превысила довоенную в 3,4 раза, а по тяжелой индустрии даже в 4,2 раза.

Советский союз шел в первой пятилетке средними темпами в 21—22%. Пятилетний план по промышленной продукции мы выполняли за 4 года на 93,7%, что объясняется отказом соседних стран поднимать с нами гонимости и осложнениями на Дальнем Востоке, в силу чего нам пришлось в 1932 г. временно переключить ряд заводов и цехов усиления обороны на производство современных орудий обороны.

Развертывание мощными темпами капитального строительства, расширение и реконструкция действующих предприятий играли огромную роль в обеспечении высоких темпов расширенного воспроизводства. Ввод в эксплуатацию нового основного капитала по ценовой промышленности, включая электростанции, составил за годы пятилетки 15,3 млрд. руб.

В первые два года пятилетки удельный вес новых предприятий в продукции был еще невелик, составляя в 1929 г. 8,0%, а в 1930 г. — 12,3%.

Роль новых предприятий выросла значительно в 1931 г. и в 1932 г. По черной металлургии например около 1/3 всей продукции в 1932 г. давали новые заводы. Мы не говорим уже о ряде новых отраслей промышленности и производства, организованных в годы первой пятилетки (автотракторная и т. д.).

Однако реальная возможность осуществления партийной наиболее ускоренных темпов в первой пятилетке вытекала из того, что партия смогла опередить в деле широкого нового строительства на старые или обновленные заводы и фабрики, которые были уже основны рабочими и инженерно-техническим персоналом и которые давали ввиду этого возможность осуществлять наиболее ускоренные темпы развития⁴.

¹ Маркс, Капитал, том I, стр. 121—122, изд. 1923 г.

² Ленин, Собр. сочинений, том XVI, изд. 3-е, стр. 543.

³ Ленин, Собрание сочинений, том XXIII, стр. 42.

⁴ Н. Сталин, Итоги первой пятилетки, стр. 15.

Политика ускоренных темпов индустриализации обусловила коренные сдвиги в распределении общественного труда между отраслями производства в СССР. Конечной основой этих сдвигов было изменение соотношения экономических укладов в пользу социализма, решение проблемы «кто кого» во всем народном хозяйстве. Политика индустриализации обеспечила усиление удельного веса промышленности и вместе с тем социалистического сектора в народном хозяйстве. Это были две взаимосвязанные стороны одного процесса. Удельный вес промышленности в продукции народного хозяйства увеличился с 45% в 1927/28 г. до 70% в 1932 г.

Коренным образом изменилась структура самой промышленности. В довоенной промышленности на долю продукции промышленности группы В приходилось 58,2% всей промышленной продукции. Производство средств производства составляло лишь 41,8% всей продукции. Совершенно другую картину мы наблюдаем в 1932 г. Здесь на долю продукции группы А приходится уже 52,3%.

На первое место вышла металлическая промышленность — металлургия и машиностроение. Удельный вес этой промышленности увеличился с 15,1% в 1913 г. до 21,3% в 1931 г. При этом удельный вес продукции машиностроения в общей промышленной продукции увеличился с 5,4% в 1913 г. до 16,3% в 1932 г., электротехники — с 0,8% до 3,6% и т. д.

«...СССР из страны аграрной превратился в страну индустриальную, что укрепило экономическую независимость страны, ибо СССР получил возможность решить часть необходимого оборудования производить на своих собственных предприятиях» (из резолюции январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)).

Первая пятилетка была пятилеткой огромной технической реконструкции в промышленности, послужившей основой технической и социально-экономической реконструкции в сельском хозяйстве. Машиностроение в единстве с электрификацией было материальной основой этой реконструкции.

В свое время Маркс писал в «Капитале»: «Крупная промышленность должна была овладеть характерным для нее средством производства, самой машиной, должна была производить машины машинами. Только тогда она создала адекватный ей технический базис и стала на собственные ноги»¹.

Крупная социалистическая промышленность в СССР, созданная в результате первой пятилетки собственное машиностроение, получила возможность решить часть машинного оборудования производить машинами на своих собственных предприятиях, создала необходимый технический базис, стала на собственные ноги, стала базой реконструкции всего народного хозяйства.

Уже к началу 1932 г. основные фонды машиностроения были обновлены на 67,2%. Грандиозный размах капиталовложений обеспечил ввод в действие десятков новых машиностроительных гигантов и коренную реконструкцию старых заводов. В итоге машиностроение в 1932 г. вырабатывало в 10 раз больше, чем до войны. Эти количественные успехи сопровождалась не менее глубокими качественными сдвигами. Советское машиностроение является одной из наиболее концентрированных отраслей по сравнению с капиталистическими странами. На основе специализации и планового кооперирования десятков предприятий связки водно-технологического процесса. Заводы массового и крупносерийного производства дали в 1932 г. 74,4% всей машиностроительной продукции. За эти годы были освоены десятки новых сложнейших типов станков.

Мы можем производить сейчас литейные агрегаты для металлургии, химии, автопакетной, сельскохозяйственной и т. д. отраслей народного хозяйства.

Эти успехи в области машиностроения были возможны лишь благодаря той коренной реконструкции в металлургии, которая была осуществлена за годы пятилетия.

Введенные в строй бездефицитные ранее дома были в значительной степени реконструированы и модернизированы. Полностью было обновлено все воздушное хозяйство южной металлургии. Реконструированные дома на Магнитском и Дзержинском заводах имеют буровое хозяйство, скиновые подъемники, автоматические вагон-весы, различные машины и т. д.

Новые дома представляют собой мощные, полностью механизированные агрегаты. Среди этих новых домов — 3 объемом свыше 1 000 м³, 1 свыше 900 м³, 6 — свыше 800 м³ и т. д.

Техническая реконструкция была проведена в сталелитейных и прокатных цехах. Введенные в строй электропечи, мощные мартены, блюминги, электропродвиженные рельсо-балочные станы и т. д. — все это целиком заменило либо черной металлургии. Одновременно с этим была заново создана качественная металлургия. Если в 1927/28 г. производилось 70 тыс. т главным образом инструментальных сталей, то в 1932 г. производство качественной стали достигло 510 тыс. т, причем освоено производство конструкционной, хромистой, хромоникелевой стали, быстрорежущей, жароупорной, кислотоупорной и нержавеющей сталей, трансформаторного железа и т. д.

Исключительное значение имеет новое территориальное размещение металлургии и перенесение ее на Восток. Созданный Урало-Кузнецкий комбинат связал водно 2 новых крупнейших индустриальных центра — Магнитогорский и Кузнецкий.

Исходо из учения Маркса о крупной машинной индустрии и из развития техники за последние полстолетия, пролетариат форсировал внедрение в промышленность электричества, электрификацию всего хозяйства страны. Возможность этого была дана быстрым развитием машиностроения и прежде всего машиностроения электротехнического. Электрификация ярко демонстрирует реальное единство и взаимодействие трех существенно различных частей любой развитой машины: рабочей машины, передаточного механизма и дилитального механизма. Если развитие производства машины машинами сыграло огромную роль в применении электричества, то само применение электричества позволило гигантски увеличить мощность дилитального механизма, упростить передаточный механизм и усилить дееспособность рабочих машин. Современные сложные станки, мощные прессы и т. н. возможны лишь в условиях электрификации.

Важнейшие процессы технической реконструкции были неразрывно связаны с промышленным потреблением электричества не только в качестве дилитальной силы, но и как непосредственного фактора технологического процесса. Новые производства — производство ряда качественных сталей в электропечах, алюминия, азота при помощи электричества, внедрение электросварки и т. д. все это потребовало больших количеств и при этом дешевой электроэнергии.

За годы первой пятилетки построены и введены в действие такие гиганты, как Днепрогэс (мощность 558 тыс. квт., стоимость 241 млн. руб.), Каширская ГЭС (мощность 100 тыс. квт.), «Красный Октябрь» в Ленинграде, Горьковская ГЭС, Зуевская, Штеровская, Харьковская, Ивановская, Челябинская, Осиновская, Сталинградская, Саратовская районная электростанция, Магнитогорская центральная электростанция, Кузнецкая и Березинковская теплоэлектростанции и т. д. Мощность электростанций СССР увеличилась за годы первой пятилетки с 1874 тыс. квт. до 4 567 тыс. квт. в 1932 г. при 1 098 тыс. в 1913 г.

¹ Маркс. Капитал, том I, стр. 291.

В первой пятилетке создано несколько электроэнергетических систем с ковалентной передачей, как то: Ленинградская, Московская, Горьковская, Донбассовская, Уральская, Днепровская. Эти системы являются основой будущих еще более мощных систем и наконец единой высоковольтной электрической системы:

Создание нескольких мощных единых электроэнергетических узлов при все большей электрификации промышленности означает дальнейший процесс обобществления труда, охват единой и тому же все более автоматической двигательной машиной все большего числа предприятий и районов.

За годы первой пятилетки была создана по существу заново химическая промышленность. Предприятия химической промышленности в результате империалистической и гражданской войны были не только разрушены, но их производственное оборудование оставалось как от мировой химической промышленности, так и от других отраслей промышленности б. царской России. Полукустарные заводы с кустовой выработкой, снабжаемые добавок импортным сырьем — таково было состояние химической промышленности. За годы пятилетки были созданы заново азотная, коксохимическая, анилинокарасовая, химико-фармацевтическая, пластических масс, синтетического каучука, лесохимическая, калийная, азидотная и ряд других отраслей, работающих не на импортном, а на отечественном сырье.

Основные пути технической реконструкции химической промышленности идут по линии создания крупнейших комбинатов, со сложнейшими технологическими процессами, — как Воскресенский, Вобриковский, Вережниковский, Горьковский, Некиевский, Актюбинский и др.

«Все дискусии орудиях расширяется вместе с массой анализированного капитала масштаб производства», — писал Маркс, — действую тем энергичнее, чем сильнее расширяется. Создание таких мощных агрегатов, как доменные печи Магнитогорска и Кузнецка с суточной выработкой свыше 1 000 т, маргеновских печей в 150 м, крупнейших машиностроительных гигантов, химических комбинатов и т. д., означает создание новой производительной силы за счет самого масштаба производственного процесса.

Разрешение проблемы основной промышленности, транспорта и сельского хозяйства технического уровня промышленности, в первую очередь наиболее трудоемких процессов. Плановое социалистическое хозяйство, основные предпосылки которого создала Октябрьская революция, получило могучую материальную базу, базу социализма в виде передовой цепущей индустрии.

Большинство темпы индустриализации, которые партия осуществила в самой решительной борьбе с идеологами кулачества, правыми, а также с троцкизмом, выдвигались в контрреволюционное течение, обеспечивая создание в СССР собственной индустриальной базы реконструкции промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Эти беспрецедентные в мире темпы социалистического промышленного переломов в СССР, превосходящие все, что видел капиталистический мир, реализовались в условиях, когда все капиталистический мир был поражен беспрецедентно по размаху и остроте экономическим кризисом, разразившимся на фоне всеобщего кризиса капитализма. Эти два совпадения факта мирового значения — растущий подъем промышленности и сельского хозяйства в СССР и глубокий кризис в странах капитала — продемонстрировали перед всем миром и всеми трудящимися огромные преимущества социализма по сравнению с капитализмом.

В результате высоких темпов развития советской промышленности и небывалого по остроте кризиса в странах капитализма СССР занял в 1932 г. второе место в мире по общему объему промышленной продукции вместо пятого места, которое он занимал в 1928 г. Следующая таблица иллюстрирует этот процесс.

Удельный вес важнейших стран в мировой промышленной продукции¹.

	1928 г.	1932 г.
СССР	4,7	14,9
САСШ	44,8	34,5
Англия	9,3	11,2
Германия	11,6	8,9
Франция	7,0	7,0

Удельный вес СССР в мировой продукции увеличился по чугуну с 3,8% в 1913 г. до 15,9% в 1932 г., по стали — с 3,8% до 11,8%, по угляю — с 2,5% до 5,5%. По химической промышленности удельный вес СССР поднялся с 1,5% в 1928 г. до 10,2% в 1932 г. В 1932 г. СССР вышел на первое место в Европе по добыче чугуна, стали и по машиностроению.

По машиностроению СССР занял второе место в мире уже в 1931 г., а по с.-х. машиностроению вышел на первое место. По нефти СССР занял второе место, по угляю передвинулся с шестого места в 1928 г. на четвертое в 1932 г.

Победоносное строительство социализма в СССР доказывает на практике необходимость гибели капитализма. Это есть все более действительная критика капитализма практикой социалистического строительства в СССР. Эта критика приближает восстание трудящихся против капитализма в странах капитала, приближает критику оружием буржуазного строя.

III

Как мы указывали, создание собственной передовой базы реконструкции народного хозяйства было необходимым условием развития нашей экономики к социализму. Осуществление этого требовало более быстрого развития I подразделения и еще точнее — промышленности, производящей средства производства (группа А). Без индустриализации, без созда в тяжелой индустрии были бы неосуществимы и быстрые темпы расширенного воспроизводства. Только развитие собственной тяжелой индустрии и прежде всего машиностроения означает подлинную индустриализацию и обеспечение экономической самостоятельности СССР.

Было бы однако ошибкой, подчеркивая решающую роль I подразделения, упускать из виду необходимость абсолютного роста и, мало того — быстрого роста II подразделения. Расширенное воспроизводство требует не только дополнительных средств производства, но и прироста средств потребления для прежних и дополнительных работников. В условиях СССР наряду с гораздо большими темпами развития, требующими относительного роста I подразделения, законом расширенного воспроизводства являются непрерывный подъем уровня жизни рабочих, рост реальной заработной платы, увеличение числа работающих и общий рост благосостояния трудящихся. Отсюда необходимость быстрого роста и производства средств потребления.

В противоположность капитализму индустриализация СССР осуществлялась в условиях систематического и недостаточного капитализма роста легкой индустрии, в условиях роста материального и культурного уровня трудящихся масс. Природа советского хозяйства обуславливала иной социалистический характер индустриализации страны.

¹ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung» от 11 января 1933 г. Berlin.

При средних темпах развития промышленности в годы первой пятилетки в 21—22% и при более быстром росте тяжелой индустрии легкой и пищевой промышленности давали ежегодно прирост в 17%, что значительно превышает темпы роста легкой промышленности капиталистических стран даже в годы их хозяйственного процветания. Так, в САСШ, например, среднегодовой прирост производства предметов потребления за пять лет (1926—1929 гг.) составил 1,4%. За годы же кризиса продукция легкой промышленности в САСШ сократилась больше чем на 10%.

Создание в стране тяжелой индустрии означало создание для легкой промышленности отечественной машиностроительной базы, а крупные победы в сельском хозяйстве, в частности в росте технических культур, обеспечивали создание внутренней сырьевой базы.

Эти достижения и обусловили уже в первом пятилетии СССР быстрый рост производства средств потребления, отряженное увеличение основных фондов легкой и пищевой промышленности, техническую реконструкцию ряда прежде остальных отраслей промышленности.

Только за годы первой пятилетки в условиях решения проблемы основного капитала, создания колхозного строя и разгрома на базе этого качества продукция отраслей промышленности группы В в 1932 г. возросла по сравнению с 1928 г. на 87,3%.

Осуществлена большая строительная программа. Так, по легкой промышленности за годы пятилетия вступили в эксплуатацию 13 хлопчатобумажных предприятий, 3 трикотажных фабрик, 3 льняных, 4 шерстяных, 13 швейных, 11 кожаных заводов и т. д. Такие отрасли промышленности, как обувная, трикотажная, швейная, из полукотурных отраслей превратились в крупные механизированные отрасли промышленности. Для одной лишь текстильной промышленности освоено производство свыше 125 типов новых машин.

В пищевой промышленности заново созданы технические передовые рыбная, консервная и мясная отрасли промышленности, существовавшие до первого пятилетия в виде исключительно остальных кустарных промыслов. Неизмеримо возросло общественное питание.

IV

Социалистическая индустриализация в условиях диктатуры пролетариата и национализация земли подготовила необходимые социальные и технические предпосылки и вместе с тем потребовала переделки на социалистический лад миллионов мелких товаропроизводителей и ликвидации кулачества как класса.

Маркс, будущий величайшим теоретиком в области земельной ренты и открыв закономерности развития капитализма в земледелии, уделял большое внимание разработке вопроса о правильной политике пролетариата по отношению к мелкому крестьянству как до завоевания пролетариатом власти, так и на другой день после ее завоевания.

Рабочий класс и мелкое крестьянство имеют в лице капитала общего классового врага. «Эксплоатация крестьян», — указывал Маркс, — только по своей форме отличается от эксплуатации рабочих. Эксплуатор у тех и других один и тот же — капитал: отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян с помощью ипотек и рестоцидентов; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством государственного налога»¹.

Там же Маркс указывал: «Крестьянин отдает капиталисту не только земельную ренту, но только предпринимательскую прибыль, словом, не только весь чистый доход, но даже некоторую часть зарплата».

Маркс обосновал необходимость национализации земли, указывая и то же время, что буржуазия в передовых капиталистических странах практически неспособна ее осуществить, ибо национализация земли ударяла бы по принципу частной собственности.

I Интернационал, который непосредственно руководил Маркс, уже в 1868 г. на Брюссельском конгрессе высказался за национализацию земли, исходя из того, что экономическое развитие современного общества делает переход земли в собственность общества социальной необходимостью. Это решение было принято в борьбе против прудонистов, защищавших частную собственность на землю и средства производства вообще как «основу индивидуальной свободы». Следующий — Базельский — конгресс Интернационала (1869 г.) подтвердил решение предыдущего, приняв большинством голосов резолюцию: «Конгресс заявляет, что общество в праве отменить частную земельную собственность и преобразовать ее в общественную; он заявляет дальше, что такое преобразование необходимо».

Большевистская программа национализации, обоснованная Лениным в первой русской революции, исходила из применения марксовской теории земельной ренты к историческим условиям России и продолжала линию, заимствованную Марксом.

Опубликованная гораздо позднее рукопись Маркса о национализации земли, в которой Маркс указывает на неизбежность перехода к крупному производству и проведения национализации², еще раз показала, что только большевизм, защищавший национализацию земли, был прямым последователем марксовской теории и только большевизм сумел воплотить идеи Маркса в практическое действительность.

Октябрьская революция выполнила полностью этот завет Маркса: экспроприировала нечестно помещиков и крупных земельных собственников и передала мелкому крестьянству десятки миллионов га земли. Но это был лишь первый шаг революции. В дальнейшем ходе ее пролетариат, руководясь теорией Маркса и Энгельса, обогащенной, развитой и подогнанной на лестную ступень Лениным, подготовил предпосылки перевода мелкого крестьянского хозяйства к крупному коллективному производству. Эта политика получила свое выражение в ленинском кооперативном плане — плане социалистической переделки миллионов мелких товарных хозяйств — на основе диктатуры пролетариата, национализации земли и быстрых темпов индустриализации.

В письме А. Бебелью от 20—23 января 1886 г. Фр. Энгельс писал: «Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство — в этом Маркс и я никогда не сомневались. Дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно на первое время государство — удержало за собою собственность на средства производства и таким образом частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возмущать над интересами всего общества в целом»³. О роли кооперации в социалистической переделке крестьянского хозяйства Энгельс особенно подробно высказался в брошюре «Крестьянский вопрос».

Наиболее ярким осуществлением указаний Маркса—Энгельса о путях и методах социалистического преобразования крестьянского хозяйства является колхозный строй в СССР, победивший на основе укрепления союза рабочего класса с крестьянством, кооперирования крестьянства сперва в области сбыта и отдельных сторон производства, создания мощной тяжелой индустрии, способной обеспечить сельское хозяйство тракторами и с.-х. машинами, и образцовых совхозов и колхозов и проведения затем

¹ См. «Вопросующий материалист», № 1.

² Архив Маркса и Энгельса, том I (VI), стр. 329.

³ «Классовая борьба во Франции», изд. 1920 г., стр. 105.

политики сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса. Эта база была создана в результате ускоренных темпов индустриализации СССР.

В свое время Ленин говорил, что если бы могли дать деревне 100 тыс. тракторов, тогда середняк сказал бы, что он «за коммунизма». Это научное предвидение Ленина воплотилось в жизнь. За годы первой пятилетки пролетариат дал деревне 148 тыс. тракторов мощностью в 2 225 тыс. л. с., организовал их использование через специально созданные МТС, направил с.х. машин на 1 610 млн. руб. против имевшихся в сельском хозяйстве к началу пятилетки на 1 110 млн. руб., организовал 2 1/4 тыс. МТС и т. д.

В первую пятилетку были созданы 5 тыс. советских хозяйств и свыше 200 тыс. колхозов. 14,17 млн. крестьянских хозяйств вошло в колхозы.

В итоге ррешена историческая задача перехода мелкого, индивидуального, раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия, и СССР из страны мелкочастичной превратился в страну самого крупного земледелия. Ныне самое крупное в мире сельское хозяйство СССР опирается на передовую индустрию и подкрепляет в свою очередь ее развитие. Успехи в области индустриализации не только подготовили сплошную коллективизацию. Они позволили нам, затопив остатки классового врага из колхозов, укрепить сознательную трудовую дисциплину, укрепить колхозный строй в деревне.

На этой основе были увеличены на 21,4 млн. га посевные площади; в ходе подъема сельского хозяйства сильно возросли размеры товарного хлеба в стране: вместо 700 млн. пуд. сданного государству хлеба в 1927/28 г., из которого только 10% составлял хлеб колхозов и совхозов, в 1931/32 г. сдано государству 1 400 млн. пудов, из которого товарный хлеб колхозов и совхозов составил уже не менее 75% (из резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), январь 1933 г.). Зерновая проблема в основном была разрешена.

За годы первой пятилетки заново создано также крупное социалистическое животноводство, в результате чего СССР стал не только страной крупнейшего в мире земледелия, но и страной крупнейшего в мире животноводства.

В полную противоположность СССР, где годы первой пятилетки были годами растущего объема сельского хозяйства, в капиталистических странах имеет место за последние 3-4 года жестокий кризис и катастрофическое падение производства в сельском хозяйстве. Сокращены посевные площади... сильно сокращаются производство и сбыт с.х. машин... ускоренно растет разорение крестьянских и фермерских хозяйств, их задолженность и продажа их имущества с молотка... (из резолюции январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б)). Не только промышленность, но и сельское хозяйство СССР показывает нам огромные преимущества социализма и подтверждает, что единственный правильный путь пролетариата — это путь, начертанный Марксом, развитый на основе революционного опыта Ленина и Сталина — путь диктатуры пролетариата, экспроприации экспроприаторов, применения на сторону пролетариата мелкого крестьянства, руководства им и союза с ним, национализации земли, быстрого индустриального развития производительных сил, сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

Победа социалистического уклада в сельском хозяйстве СССР еще раз показывает не только рабочему, но и трудящемуся крестьянину, что нет другого пути для избавления от гнета эксплуатации, к. о. с. пути, указанного еще Марксом. В то же время эти успехи разоблачают обман социал-фашистов, которые, подобно германским социал-демократам, в своей аграрной

программе не пошли дальше... выкупа за вознаграждение изыскан земель у помещиков, имеющих собственности свыше 1 000 га.

Победа социализма в сельском хозяйстве за годы пятилетки ярко также свидетельствуют о социалистичеком характере индустриализации СССР. В отличие от капитализма «создание тяжелой индустрии в СССР, создание собственной базы реконструкции народного хозяйства совершенно», будучи само этим в известной мере обусловлено, быти развитием сельского хозяйства, перестройкой его на социалистической основе.

V

Как известно, капиталистическая индустриализация означает разрывание противоречий, обусловленных всеобщим законом капиталистического накопления. Она ухудшает во всех отношениях положение рабочего класса, ведет к разорению мелкого крестьянства и т. д. В противоположность капитализму индустриализация социалистическая, доводя в сравнительно отсталых странах, совершая пролетарскую революцию, материальную базу социализма, вместе с тем систематически улучшает положение трудящихся.

«Неуклонный подъем промышленности и сельского хозяйства в СССР определили два основных факта, коренным образом улучшивших материальное положение трудящихся: 1) уничтожение безработицы и ликвидация неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих, 2) охват колхозным строительством почти всей бедноты, подрыва на этой основе расслоения крестьянства на имущих и неимущих и уничтожение в связи с этим обнищания и пауперизма в деревне» (из резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), январь 1933 г.).

Вместе с наступлением в период социализма СССР полностью ликвидировал безработицу, что является одним из важнейших завоеваний первой пятилетки.

Капитализм, как известно, имеет всегда в своем распоряжении промышленную резервную армию — армию безработных как неизбежный результат капиталистического накопления и как тупиковое существование капиталистического способа производства» (Маркс).

Периодические кризисы доводят эту никогда неслучающуюся резервную армию до огромных размеров. Современный мировой экономический кризис, происходящий на основе всеобщего кризиса капиталистической системы, увеличил армию безработных до неслыханных в истории капитализма размеров — 35 млн. чел. (не считая членов семей). Резервная армия безработных отнюдь не объясняется техническим прогрессом, позволяющим меньшему количеству рабочих произвести большую продукцию. Она есть выражение противоречия капитализма, не разрешимых в его рамках, обостряющегося противоречия между общественными характером производства и частным присвоением — результатом роста органического состава капитала, уменьшающего прогрессивно рост спроса на рабочую силу и позволяющего капитализму еще больше поднять норму эксплуатации, еще больше удлинит рабочий день и подымать интенсивность труда работающих и тем самым еще больше уменьшать спрос на рабочих и увеличивать безработицу.

«Производство относительного перенаселения или освобождения рабочих идет потому еще быстрее, чем совершается технический перелом производственного процесса. Чрезмерный труд занятой части рабочего класса увеличивает его резервные ряды, а усиленное давление, оказывае-

мое конкуренцией последних на занятых рабочих, наоборот, принуждает их к чрезмерному труду и подчинению велениям капитала¹.

Этому моменту Маркс придавал огромное значение. «Насколько важен этот момент в образовании относительного перенаселения, доказывает например Англия. Ее технические средства, «сбережения» труда колоссальны. Однако если бы затрата труда повсюду была ограничена до рациональных размеров и в для различных слоев рабочего класса были бы введены градации сообразно возрасту и полу, то наличного рабочего населения оказалось бы абсолютно недостаточно для того, чтобы продолжать национальное производство в его теперешнем масштабе. Огромному большинству «непроизводительных» в настоящее время рабочих пришлось бы превратиться в «производительных»².

В условиях СССР рабочий день, составлявший до революции 9,9 час., уменьшился за первую пятилетку до 7 час., осуществляется ограничение труда до рациональных размеров, введены градации для различных слоев рабочих, для подростков рабочий день сокращен до 6 и 4 часов, введены 4-месячные отпуска беременным и т. д.

За годы первой пятилетки численность пролетариата СССР увеличилась с 11,6 млн. человек в 1928 г. до 22,7 млн. человек в 1932 г. Впервые было включено в производство около 11,5 млн. человек, в том числе 4 млн. из городского населения и остальные из сельского населения. В числе вновь привлеченных 3 млн. женщин.

«При данной интенсивности и производительной силе труда, — писал Маркс, — часть общественного рабочего дня, необходимая для материального производства, тем короче, следовательно время, остающееся для свободной умственной и общественной деятельности индивидуума тем больше, чем равномернее распределяет труд между всеми дееспособными членами общества, тем меньше возможности для одного общественного строя обречь себя и попытаться на другой общественный строй естественную необходимость труда»³.

СССР, ликвидировав в основном паразитические классы, превратил в действительность лозунг «не трудящийся да не ест» и получил возможность значительно сократить рабочий день, что дало возможность трудящимся еще больше времени уделять поднятию своего культурного уровня и участию в советском социалистическом строительстве.

При росте среднегодовой заработной платы в промышленности в 1932 г. по сравнению с 1928 г. на 66,6% увеличилась численность работающих в рабочей семье с 1,2 до 1,6. Доход рабочей семьи увеличился на 120%. Доход и потребление рабочих, вновь вовлеченных в социалистическое производство, по сравнению с тем доходом, который они имели, будучи безработными или середняками, увеличился у строителей от 2,7 до 2,94 раза, у совхозных рабочих — в 2 раза.

Расходы по охране труда увеличились с 65 млн. руб. в 1928/29 г. до 169,5 млн. руб. в 1932 г.

Успешное охрана труда и техническая реконструкция дали крупные результаты по линии оздоровления условий труда, уменьшения травматизма и т. д. С 1929 по 1932 г. травматизм в камнетопильной промышленности уменьшился на 56%, в черной металлургии — на 62,5%, в основной химии — на 73% и т. д. Число дней заболеваний среди рабочих уменьшилось на 22% и т. д.

Совершенно другую картину дают капиталистические страны, где кризис еще более усилит число несчастных и смертельных случаев (в Германии с 45 в 1920 г. до 85 в 1930 г. на тысячу застрахованных).

Фонд социального страхования увеличился с 1 050 млн. руб. до 4 120 млн. руб. в 1932 г. Через дома отдыха и санатории за счет Цустраха прошло в 1928 г. 511 тыс. человек, в 1932 г. — 1 300 тыс. человек.

Огромных успехов пролетариат СССР также добился в развертывании жилищного и коммунального хозяйства. Достаточно указать хотя бы на то, что за годы пятилетки вновь построено 26 млн. м² жилой площади, из которых большая часть падает на рабочие районы.

Расходы на жилищное строительство составили за 1928—1932 гг. около 4 млрд. руб. Введено в жилье дома около 6 млн. человек.

В невиданных размерах развернулось культурная революция. СССР стал в основном страной сплошной грамотности. Введено всеобщее обязательное обучение. Развернута мощная сеть культурно-просветительных учреждений. По размерам печатной продукции СССР вышел на первое место в мире.

Одним из ярких показателей огромного улучшения положения рабочих и крестьян в СССР является уменьшение на одну треть смертности в СССР по сравнению с довоенным временем.

Наконец огромную роль в улучшении положения рабочего имела ликвидация частной торговли и неуклонно на года в год расширявшиеся размеры товароборота страны, возросшего за годы пятилетки на 75% в повседневных делах, а также грандиозное развертывание общественного питания, которое охватило свыше 70% рабочих решающих отраслей промышленности.

Уже в результате первых трех лет пятилетки была в корне подорвана дифференциация в деревне. В своей речи 23 июля 1931 г. т. Сталин указывал: «Мы подорвали в корне расслоение в деревне — стало быть, преодолевать ту самую шпатель, которая гнала крестьянина из деревни в город».

Вместе с осуществлением в решающих с.-х. районах сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса полностью подорвана та социально-экономическая основа, которая создавала расслоение и так называемое «аграрное перенаселение». За годы первой пятилетки около 2 млн. крестьянского населения, бывшего бедняками, вынужденного ежегодно массами уходить из деревни, дабы себе прокормить работой на стороне, вступили в колхозы и ныне живут уже на уровне середняков, с обеспеченным существованием и уверенностью в завтрашнем дне.

Ликвидация безработицы, подорвавшая расслоение в деревне и значительное улучшение положения крестьян-колхозников создали новую обстановку в деле притока рабочей силы в промышленность, строительство и т. д. Старый механизм обеспечения расширенного воспроизводства рабочей силой в СССР начисто отпадает. Эта проблема была поставлена во всю ширь т. Сталиным, указавшим, что новая обстановка диктует необходимость для обеспечения рабочей силой промышленности перейти от «самотечного, стихийного притока рабочих к политике организационного набора рабочих для промышленности путем заключения договоров хозяйственных организаций с колхозами» (Сталин).

В противоположность капитализму с его всеобщим законом капиталистического накопления социалистическое расширенное воспроизводство в СССР не создает и не нуждается в резервной армии безработных. Развиваясь по принципу расширенного воспроизводства, социалистическое производство создает свой особый механизм обеспечения роста производства работниками — школы фабрично-заводского ученичества, курсы ЦИТА, договора с колхозами и т. д. Число рабочих, занятых на работах высокой и средней квалификации, увеличилось в первой пятилетке на 2 млн. человек, в том числе 300 тыс. человек дали фабзавучи.

Таким образом коренное улучшение материального положения трудящихся СССР выразилось не только в ликвидации безработицы в городе и пауперизма в деревне, но и в сокращении рабочего дня, росте заработной платы и дохода колхозника, повышении жизненного уровня вчераш-

¹ Маркс, Капитал, том I, стр. 506—507, изд. 1930 г.

² Там же, стр. 507.

³ Там же, стр. 412.

него бедняка-единоличника, вступившего в колхоз, до уровня середняка и т. д. Этот рост благосостояния трудящихся СССР есть прямой результат социалистической индустриализации.

Вывужденные со скрежетом зубным признавать огромные успехи индустриализации, наши враги пытаются уверить рабочих и крестьян Запада, что эти успехи падают на счет ухудшения положения трудящихся СССР. Утопические социал-фашисты пытаются ухватиться за то пополаз и не останавливаются ни перед чем — ни перед ложью, ни перед клеветой. Так, матерый меньшевик Югов, признавая большие достижения в области промышленности и сельского хозяйства, пытается уверить своего читателя, что эти достижения достигнуты за счет... обнищания трудящихся СССР.

Переход миллионов мелких крестьян к колхозам он изображает как их насильственную экспроприацию и пролетаризацию, на мавер того, как в свое время совершалась первоначальное капиталистическое накопление (журнал «Гезельшафт», февраль 1933 г.). Югов отлично знает, что колхозник: во все не пролетарий, и что укрепление колхозного строя в конце концов ведет к уничтожению классов, знает, что уничтожение безработицы и превращение 20 млн. бедняков в середняков-колхозников есть уничтожение напавших нищеты, пауперизма, неуверенности в завтрашнем дне. Он также знает, что к правую противоположность Советскому союзу во всех странах капитализма идет невиданное обнищание трудящихся, невиданный рост безработицы, падение зарплат, разорение мелких крестьян, огромный рост смертности, самоубийств и т. д. Но положение верного слуги капитала обманывает. Очевидно действительно нет границ подлости этих холопов капитализма.

VI

Индустриализация СССР является также основой уничтожения экономической и культурной отсталости национальных республик СССР, отсталости, полученной в наследство от старого царского строя.

Капиталистическая индустриализация усугубляет противоположность города и деревни, она ведет во все большее экономическое подчинение и закабалению передовыми капиталистическими странами стран отсталых, к превращению последних в аграрные придатки передовых индустриальных стран.

Страны крупной капиталистической промышленности стремятся осуществить промышленную монополию в отношении стран аграрных, не только разоряя в последних ремесло и домашнюю промышленность, но и насильственно не допуская развития в последних тяжелой индустрии. Крупное машинное производство убивает мелкое ремесло, домашнюю промышленность и ведет к разложению мелкого товарного производства в сельском хозяйстве на капиталистическую верхушку и полупролетарские и пролетарские слои.

Вместе с тем «дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и сношений служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая на последних ремесленное производство, машинное производство приводит эти рынки к принудительному превращению в области производства соответствующего сырого материала... Постоянное превращение рабочих в «наблюдных» вызывает в странах крупной промышленности вынужденную эмиграцию и ведет к колонизации новых стран, которые превращаются в плантации сырого материала для метрополии, как Австралия... Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства, международное разделение труда, превращающее известные части земного шара в области земельного производства по преимуществу, а другие — в области промышленного производства по преимуществу...»¹

Таким образом превращение известных стран в аграрные придатки к другим порождено вовсе не природными факторами, как то утверждал Фр. Лист и повторяет Каутский, а есть результат крупной капиталистической промышленности.

Империализм обостряет это принудительное превращение ряда стран в плантации с.-х. сырья и сырья вообще, насильственно тормозит индустриализацию колоний и полуколоний, закабалит остальные страны через экспорт капитала, а то и прямо превращая их в свои колонии.

Октябрьская революция освободила от колониального гнета многочисленные народы бывшей империи, осуществив впервые свободный союз самоопределившихся равноправных народов в виде СССР.

Индустриализация СССР, более равномерное размещение производительных сил по всей стране, сплошная коллективизация и разгром на базе этого кулачества как класса, техническое вооружение сельского хозяйства явились мощными факторами изживания экономической и культурной отсталости многочисленных народов, оставшейся в наследство от военно-феодалного империалистического строя дореволюционной России.

За годы первой пятилетки шла интенсивно индустриализация этих отсталых республик, быстро росла численность пролетариата и часто создавался пролетариат заново, строились фабрики и заводы, коллективизировалось мелкое крестьянство, ликвидировалась неграмотность и т. д. При общем росте численности пролетариата СССР за 1929—1931 гг. на 64% численность пролетариата в среднеазиатских советских республиках увеличилась на 86%, в Урало-Кубассе (Урал, Башкирия, Казахстан, Западная Сибирь) — на 84%, в ДВК, Восточной Сибири и Якутии — на 64%.

Огромное политическое и исключительное значение для дела индустриализации отсталых ранее национальных республик и окраин имеет развитие тяжелой промышленности и в первую очередь машиностроения. Развитие колоний при капитализме самое большое означает рост производства средств потребления, в первую очередь текстильной промышленности, а также горнодобывающей промышленности, что при отсутствии тяжелой промышленности и машиностроения означало усиление экономической зависимости колониальных стран от небольшой горстки крупных индустриальных империалистических государств.

В противоположность этому в СССР на годы пятилетки в ряде национальных республик были построены новые крупнейшие машиностроительные заводы и превращены в крупные заводы маленькие, большей частью ремонтно-механические мастерские, имевшиеся к началу пятилетки.

Строится котлотурбинный и моторный заводы в Башкирии. В Татарии небольшой судостроительный завод превращен в верфи всеобщего значения. В Республике немцев Поволжья ремонтно-механические мастерские реконструируются в дизельный завод. В Бурято-монгольской республике строится крупнейший паровозоремонтный завод. В Узбекистане построен новый гигант-завод с.-х. машин и завод железных конструкций для ирригационных целей. В Грузии построен завод нефтебуровых машин. В Азербайджане коренным образом реконструирован завод им. лейтенанта Шмидта, производящий нефтеоборудование. В Туркменистане (Шаталбада), в Киргизии (Фрунзе) и т. д. построены крупные ремонтно-механические заводы.

Осуществленное по указанию т. Сталина строительство второй угольно-металлургической базы на Востоке означало вовлечение в процесс индустриализации огромной части Казахской, всей Башкирской республик и отсталых с.-х. районов вообще. Быстрое развитие третьей угольной базы Союза — Караганды, стройка гигантов цветной металлургии в виде Казанометалла, Ридерского полиметаллического комбината, Актобинского химического комбината, Семипалатинского мясокомбината,

¹ Маркс, Капитал, том I, стр. 348.

Карагадинской ЦЭС и Семипалатинской теплоэлектростанции, постройка Турксиба, наконец приступ к строительству крупнейшего в мире Балхашского медноалюминиевого комбината—таковым ярким показателем индустриализации Казахстана. В Башкирской АССР помимо указанного построены Черниковская ЦЭС, свечечная фабрика, дубильно-экстрактный завод и пр.

За годы первой пятилетки промышленная продукция среднеазиатских советских республик увеличилась почти в 3,7 раза (при среднем росте по Союзу в 2,2). Мощность электростанций увеличилась в 13 раз по сравнению с довоенным временем. Капитальные вложения составили свыше 1 800 млн. руб. Построен Кузбасский цементный завод (мощность 600 тыс. бочек), достроены Ферганская, Маргеланская хлопчатобумажные фабрики, бумажная—в Ташкенте, швейная—в Коканде, достроены придольно-ташкентская фабрика в Анхабде и т. д.

В строении находится крупнейший Чирчикский азотно-туковый комбинат, Ташкентский текстильный комбинат с выработкой в 74 млн. м тканей в год и Чирчикская электростанция, мощностью в 280 тыс. квт. В Туркменской ССР построены шпальный завод, консервный завод, расширены и созданы вновь ряды ее промышленности.

В Талызинской ССР построены шпальный комбинат, шелькомоторная фабрика, консервный завод (с мощностью 20 млн. банок), ремонтно-механический завод, строятся электростанции и т. д. Наряду с созданием промышленных заводов в этих республиках как базой для сличения трудящихся вокруг рабочего класса проведен ряд крупных ирригационных сооружений, увеличена на миллионы га орошаемая площадь, расширены посевы хлопка, интенсивно подготовляются кадры квалифицированных рабочих и т. д.

В закавказских республиках, тоже отсталых, но тем не менее также представляющих колонию паразита, мы находим тот же процесс индустриализации. Капитальные вложения по этим республикам составили 2 млрд. руб., из них 1 млрд. руб. в промышленности. В Азербайджанской республике закончена коренная реконструкция нефтяной промышленности, построены: хлопчатобумажная фабрика в Гандже, мебельная фабрика, шелькомоторный комбинат и т. д. В Грузинской ССР построены: камвольно-суконная фабрика, кинофабрика, литографический завод, марганцевый и т. д. В Армянской ССР построены 3 электростанции (из них одна—первая в СССР автоматическая), цементный завод, мебельный комбинат и пр. Большое продвижение на пути индустриализации и также в промышленности Белорусской ССР, где построены фабрики искусственного шелка и волокна, завод оконного стекла, крупнейший цементный комбинат, трикотажный комбинат, теплоэлектростанция и т. д. и т. п.

Процесс изживания отсталости происходит также на базе коллективизации сельского хозяйства, технического его вооружения, ликвидации кулачества. Процент коллективизированных хозяйств в ряде национальных республик значительно выше общесоюзного. Сельское хозяйство в лице нескольких сот МТС получило мощную техническую базу. Достигнуты огромные победы в борьбе с кулачеством.

Всемировостороннее значение этого процесса уничтожения экономической и культурной отсталости состоит в том, что он: 1) показывает возможность для колониальных и угнетенных народов Азии при помощи пролетарской диктатуры выйти из состояния униженности и отсталости; 2) означает создание новых ослепительных пунктов пролетариата, укрепление экономических и политических позиций диктатуры пролетариата в СССР; 3) укрепляет добровольный союз соединившихся для борьбы с империализмом и для построения социалистического общества народов СССР; 4) доказывает верность положения Маркса и Ленина, что при определенных обстоятельствах, при победе пролетарской революции на основе помощи пролетариата передовых стран отсталые страны могут развиваться к коммунизму, и ин-

и у капиталистическую стадию. В письме в редакцию «Отечественные записки» Маркс указывал, что из его теории развития капитализма вытекает лишь то, что страна, «отстывшая однажды на лоне капиталистического строя, неизбежно попадет под власть его неумолимых законов». Маркс совершенно ясно указывал в этом письме, что совершенно недопустимо превращать его «очерк» теория капитализма в историю-философскую теорию общего хода экономического развития, в теорию, которой фатально должны подчиниться все народы (назови бы ни были исторические условия, в которых они находятся), чтобы прийти в конце концов к такому экономическому строю который обеспечивает им наибольший размах производительных сил общественного труда и наиболее всестороннее развитие каждого отдельного человека» (т. е. к коммунизму. — М. Р.)¹.

В подтверждение того, что Маркс и Энгельс допускали возможность при определенных исторических условиях некапиталистического развития можно привести также выдержку из предисловия к русскому изданию «Коммунистического манифеста», где они писали: «Если русская революция не послужит сигналом рабочей революции на Западе так, что обе они исполняют друг друга, то современное русское земледелие (имеется ввиду община. — М. Р.) может явиться исходным пунктом коммунистического развития».

Ликвидация экономической и культурной отсталости прежде угнетенных народов СССР, обреченных капитализмом на положение колоний и париев, развитие этих народов и стран по социалистическому пути в условиях и при помощи диктатуры пролетариата подтверждает правильность теории Маркса-Энгельса и Ленина. Это развитие открывает перспективу избавления от гнета империализма перед угнетенным большинством человечества путем свержения власти иностранных и «отечественных» эксплуататоров и установления советской власти.

VII

Принципиально отличая от капиталистической природа социалистической индустриализации находит таким образом свое выражение в том, что при быстром росте производства средств производства, быстро развивается также производство средств потребления, в систематическом возмещении материального благосостояния широких масс трудящихся, в принципиально ином соотношении между городом и деревней, выражающихся в быстром росте сельского хозяйства, перестройке его на коллективных началах и разгроме кулачества, в ликвидации экономической и культурной отсталости, ранее отсталых национальных областей и окраин. Все эти процессы происходят не только параллельно, но и взаимно переплетаются меж собой, взаимно обуславливая друг друга, обеспечивая невиданные в мире темпы индустриализации в СССР.

Совершенно отличными от капиталистических были также и источники индустриализации СССР.

Характеризуя пути и источники капиталистической индустриализации Т. Сталин указывает, что индустриализация капиталистических стран шла тремя основными путями. Это был, во-первых, путь «захвата и ограбления колоний», во-вторых, путь «военного разгрома и контрбукций, проводимых одной страной в отношении другой страны», и, в-третьих, путь «капитальных колоссальных и кабанских займов, идущих от стран капиталистически развитых в страну капиталистически отсталую».

Основным и решающим источником капиталистической индустриализации любой страны являлось насильственное ограбление многих миллионов мелких производителей, колониальных и полуколониальных стран. «Новорожденный капитал, — отмечает Маркс, — источник крови и грязи» на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 308—311.

всех своих пор, с головы до ног». Это отражение «совершается с беспощадным натурализмом, ее движущими пружинами являются самые базисные, грязные, отвратительные и мелочные страсти» (Маркс).

Даже такой апологет как, Зомбарт, вынужден признать исключительную роль отражения в индустриализации капиталистических стран. «Не следует забывать, — писал Зомбарт, — что хозяйственное развитие Западной Европы имело своей необходимой предпосылкой отражение трех частей света, что благосостояние множества бедных и богатых народов степей древнего и нового мира только создало те средства, которые вызвали к жизни европейский капитализм... Европа разработала потому, что целые части света обезлюдели» (В. Зомбарт, «Современный капитализм»).

Эти капиталистические пути и источники индустриализации были враждебны природе советского государства, а внешние займы как источник индустриализации были для СССР скрыты. Капиталистические государства и отдельные капиталисты не желали давать средства на социалистическую индустриализацию. «Партия, — говорил т. Сталин на январском пленуме ЦК, — знала, что эти пути закрыты для нашей страны. На что же она рассчитывала? Она рассчитывала на собственные силы нашей страны. Она рассчитывала на то, что, имея советскую власть и опираясь на национализацию земли, промышленности, транспорта, банков, торговли, — мы можем проводить strongestший режим экономики для того, чтобы накопить достаточные средства, необходимые для восстановления и развития тяжелой индустрии».

Партия и рабочий класс СССР, зная, что индустриализацию можно провести лишь на основе внутренних накоплений, осуществляла переход промышленности на высшую техническую базу и превращение нашей страны из аграрной в передовую промышленную в кратчайшие, невиданные в истории человечества, исторические сроки.

Наличие колоссальных внутренних накоплений для целей индустриализации определялось теми преимуществами, которыми обладал социалистическая система хозяйства, советский строй над капиталистическим. Диктатура пролетариата означает переход средств производства в руки рабочего класса и следовательно принципиально иное отношение рабочего класса к средствам производства. Последнее из орудия эксплуатации и наемный класс капиталистов становится общественной собственностью, превратившись в господство живого труда над мертвым, «из демолических повелителей в покорных слуг» (Энгельс).

Издавись, вытекающие из наличия конкуренции, анархии производства, неиспользования производственного аппарата, наличия периодических кризисов, когда «страста и порча производительных сил и продуктов достигают высших размеров» (Энгельс) — все это целиком исчезло с момента перехода власти в руки рабочего класса. Вместе с капиталистическим способом производства уничтожены все паразитические издержки обогащения.

Уничтожение войлочной-милитаристической буржуазного государства сбрасывает для народного хозяйства огромные средства, которые на содержание государственного аппарата и вооруженную силу, призванных сохранять власть меньшинства над большинством. В любом буржуазном государстве расходы на управление шарниром занимают не менее 40—60% всего государственного бюджета.

В пролетарском государстве расходы на управление и оборону незначительно меньше, составляя лишь 7—8% госбюджета, и последний является орудием перераспределения народного дохода для целей индустриализации.

Наряду с уничтожением паразитического потребления, расточительства и т. д. установление социалистических производственных отношений открывает широчайшие возможности для накопления в самом производстве, через социалистическое обогащение труда, рациональное использование природных богатств, развитие техники, через быстрые темпы

роста производительности труда, изменение отношения к труду и самого характера труда.

«1) Социалистическое обогащение производства одновременно с процессом вытеснения и ликвидации капиталистических элементов: социалистическая переделка мелкоотварных хозяйств означает переход на рельсы крупного производства и тем обеспечивает во всем народном хозяйстве расширенное социалистическое производство. Социалистическое обогащение означает создание новой производительной силы и в то же время создание новых возможностей роста производительности труда».

Значение социалистического обогащения для усиления накопления состоит в том, что оно: 1) увеличивает удельный вес в народном хозяйстве социалистического сектора, имеющего гораздо большие возможности для накопления, 2) переводит мелкое товарное хозяйство на рельсы крупного коллективного, приобретает его и недоступному для него раньше расширенному производству, 3) уменьшая относительно и абсолютно капиталистические элементы, сохраняет часть народного дохода,шедшего раньше этим элементам, и позволяет направить ее на цели расширения социалистического производства и улучшения положения трудящихся.

Роль социалистического обогащения труда в повышении темпов индустриализации находит выражение не только в применении новейших производительных сил, в концентрации производства на мощных предприятиях, но и в проведении комбинирования, кооперирования и специализации в промышленности. Значительная часть вновь востроенных предприятий представляет комбинаты, в которых осуществляется «экономизация всех средств производства комбинированного общественного труда»¹.

Уничтожение частной собственности на средства производства снимает те платоны, которые ставил процессу обогащения труда капитализм. Оно создает возможность полного слияния прежде хотя и укрупнявшихся, но все же весьма раздробленных процессов производства в единый общественный, планомерно управляемый процесс производства.

Достижения и перспективы технического прогресса в СССР неопровержимо. Это видно хотя бы на примере отставания в СССР тех границ применения машин, которые создавал капитализм. «Если рассматривать машину исключительно как средство удешевления продукта, — писал Маркс, — то граница ее применения определяется тем, что труд, который стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением».

«Однако, — продолжает Маркс, — для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы»². Таким образом при капитализме машина вводится не тогда, когда она обещает труд, а лишь тогда, когда цена машины меньше зарплат выплачиваемых ею рабочих. В СССР машина вводится, раз она сбрасывает труд и, мало того, если она позволяет заменить особо тяжелые формы труда трудом машинным (например замена особо тяжелых видов ручного труда по добыче торфа, угля и пр. трудом, вооруженным машиной).

Изменение отношений рабочего класса к труду означало расцвет новых социалистических форм труда — социалистического соревнования и ударничества. Эти новые формы труда охватили миллионные массы передовых рабочих. Так, на 1 апреля 1932 г. ударничество и соцсоревнование было охвачено 76,5% промышленных рабочих. Социалистическое соревнование и ударничество были одним из решающих факторов успешного выполнения первой пятилетки.

¹ Маркс, Капитал, том I, стр. 612.

² Там же, стр. 298.

В результате перехода к социалистическим формам труда, технической реконструкции, электрификации, механизации и т. д. социалистическая промышленность дала рост часовой выработки на 1 рабочего в 1932 г. по сравнению с 1913 г. в 2,8 раза. Среднегодовой прирост составил за годы пятилетки 10% против 4% в САСШ в годы ее процветания. Ни одна капиталистическая страна даже в период подъема не дала такого роста производительности труда. При этом рост производительности труда в странах капиталистических происходил по преимуществу за счет все большей интенсификации труда, за счет угрозы голода, при помощи потогонных систем зарплата и т. д.

В сельском хозяйстве мы имели за пятилетку несколько более медленный рост производительности труда в виду того, что в течение этих лет происходил процесс смены векового, мелочного уклада, крупным социалистическим производством. Но несмотря на этот процесс ломки, на ожесточенную классовую борьбу в 1932 г., 14,7 млн. крестьянских хозяйств, составляющих 61,5% всех дворов, объединившихся в колхозы, засеяли 75% всех посевов зерна, в полтора раза больше хлопца, в 2 раза больше свеклы, чем сеяло в 1933 г. 24,5 хозяйства, показав всему миру, насколько велики возможности, заложенные в колхозном строе.

Без эти преимуществ советской системы нашли свое обобщающее выражение в высоких нормах накопления, обеспечивших ускоренные темпы индустриализации при росте потребления. Уничтожение антагонистического противоречия между производством и потреблением, изменение соотношения норм накопления и потребления происходили и происходил при одновременном росте как общей массы производимых средств потребления, так и росте индивидуальной доли каждого трудящегося.

История капитализма не знает таких примеров, когда в одной какой-либо стране, при полном прямом противодействии всего окружения, росло бы столь быстрым темпом как накопление, так и потребление. Это — ярчайшее свидетельство правоты и силы марксова учения о превосходстве социалистической системы хозяйства над капиталистической и в то же время яркое обнаружение всей полноты социал-фашизма, отрицающего социалистический характер индустриализации в СССР.

VIII

В итоге первой пятилетки на основе ускоренных темпов социалистической индустриализации в СССР завершено построение фундамента социалистической экономики; разрешена проблема «кто кого» в пользу социализма во всем народном хозяйстве, СССР выдвинулся в ряды передовых в технико-экономическом отношении стран, стал страной крупнейшего в мире сельского хозяйства. В этом также сказалась принципиально отличная природа социалистической индустриализации.

На основе построенного фундамента социалистической экономики, на основе создания собственной базы крупной машинной индустрии, на основе коллективизации 62% крестьянских хозяйств Советский союз перешел к строительству бесклассового социалистического общества. Программа второго тура великих работ, данная директивами XVII партконференции о второй пятилетке, исходит из сложившегося в стране соотношения экономических укладов и классовых сил, опыта и достижений первой пятилетки.

Социалистический уклад в СССР представлен прежде всего революционным классом и основной производительной силой нашего общества — промышленным пролетариатом, охватываемым в 1932 г. около 6,7 млн. человек в ценовой промышленности, 1,5 млн. чел. на ж.-д. транспорте, 3 млн. чел. в строительстве и 2,5 млн. чел. в советских хозяйствах и МТС.

Пролетариат находится в тесном союзе и прочно опирается на колхозное крестьянство, охватывающее около 14,7 млн. дворов.

Колхозное хозяйство превратилось в прочную опору социалистического строительства в деревне. Оставшиеся еще индивидуальные 9 млн. крестьянских хозяйств находятся накануне перехода к коллективному крупному хозяйству, о чем свидетельствует все растущая типичность индивидуальных хозяйств в колхозы.

Наконец имеются еще известные остатки кулачества, уже разгромленного как класса, остатки старых буржуазных классов вообще, хотя и лишенных материальной производственной базы, но тем не менее представляющих враждебную пролетариату живую силу.

Эти остатки капитализма продолжают оказывать бешеное сопротивление закреплению успехов индустриализации, сплошной коллективизации и социалистическому строительству вообще, применяя новые формы борьбы, пролезая на фабрики, заводы, в колхозы, разворовывая государственное добро, хлеб, срывая правильный учет, организуя саботаж хлебозаготовок, вредительство и т. д. Завершение ликвидации, решительное подавление сопротивления и обезвреживание этих остатков капиталистических классов является важнейшей политической задачей.

Как известно, производительные силы представляют единство работников и средств производства. В итоге первой пятилетки производительные силы СССР представляют единство удвоившегося по численности рабочего класса, стоящего у власти, и полутора десятков миллионов колхозников-крестьян (не считая единоличников) и в огромной мере заново созданных и реконструированных передовых орудий труда и средств производства.

Годы первой пятилетки были годами не только технической реконструкции в промышленности и сельском хозяйстве и перестройки производственных отношений в деревне, но и годами переделки самого рабочего класса.

Политика индустриализации остается в полной силе и во второй пятилетке, ибо без этого нельзя решить задачи уничтожения классов — этой основной политической задачи второй пятилетки. А это означает необходимость завершения во второй пятилетке технической реконструкции народного хозяйства, которая должна обеспечить превращение СССР в передовое в технико-экономическом отношении государство в Европе. Вторая пятилетка должна препрятить полностью в действительность те огромные возможности, которые созданы в первой пятилетке с разрешением проблемы основного капитала.

Освоение новой техники, повышение производительности труда и снижение себестоимости — вот, что будет определять темпы дальнейшей индустриализации СССР и вместе темпы дальнейшей технической реконструкции промышленности, сельского хозяйства и транспорта.

В резолюциях об итогах первой пятилетки и народнохозяйственном плане на 1933 г. январский пленум ЦК и ЦКК указал, что главный упор во второй пятилетке должен быть сделан не на количественном росте продукции, а на улучшении качества продукции и росте производительности труда в промышленности. Вопрос качества выдвигается на первый план. В своем историческом докладе об итогах первой пятилетки т. Сталин ярко сформулировал новое в нашем развитии следующими словами: «В период первой пятилетки мы сумели организовать энтузиазм, пафос и волю в строительстве и добились решающих успехов. Это очень хорошо. Но теперь этого недостаточно. Теперь это дело должно мы дополнить энтузиазмом, пафосом освоения и новых заводов и новой техники, серьезным под углом производительности труда, серьезным сокращением себестоимости. В этом теперь главное. Ибо только на этой базе мы можем добиться того, чтобы, скажем, во второй половине второй пятилетки взять новый мощный разбег как в области строительства, так и в области прироста промышленной продукции». Здесь т. Сталиным сфор-

мулировано то основное звено, за которое необходимо ухватиться для решения задачи второй пятилетки.

Тяжелая промышленность и в особенности машиностроение остаются решающим фактором в деле построения социалистического общества во второй пятилетке. Она обеспечивает на основе дальнейшей электрификации промышленности, механизации наиболее трудоемких процессов, усовершенствования машин, улучшения организации труда и т. д. еще больший рост производительности труда как в самой промышленности, так и во всем народном хозяйстве. Окончание постройки и овладение полной производственной мощностью Урало-Кузнецкого комбината, освоение гигантов машиностроения, автомобилестроения и т. д. даст мощный толчок дальнейшей индустриализации СССР, обеспечит материальными средствами реконструкцию транспорта и т. д. Развитие тяжелой индустрии и ее ведущей отрасли — машиностроения — определит дальнейшее движение по пути электрификации всего СССР. Постройка новых мощных и сверхмощных электростанций даст огромный толчок дальнейшему обобществлению труда, все большему внедрению электричества в сельское хозяйство и т. д. Развитие машиностроения обеспечит машинами легкую и пищевую индустрию, облегчит дальнейшее развертывание этих отраслей.

Без дальнейшего развертывания тяжелой индустрии невозможно уничтожить противоположность между городом и деревней. «Капитализм окончательно разрывает связь земледелия с промышленностью, во то же время своим высшим развитием он готовит новые элементы этой связи, соединения промышленности с земледелием на основе сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда, нового расселения человека» (с уничтожением как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одиночества, так и противоположного скопления гигантских масс в больших городах)¹. На основе быстрых темпов индустриализации, на основе создания крупной машинной индустрии мы сможем уже в первой пятилетке пройти значительный путь в направлении уничтожения противоположности между городом и деревней. Наличие больше чем 200 тыс. колхозов, 6 тыс. крупных советских хозяйств, 2,5 тыс. МТС и наконец снабжение сельского хозяйства больше чем на 1,6 млрд. руб. сельскохозяйственными машинами помпо и тракторами — таковы важнейшие вехи этого пути. Сильная коллективизация означает переход от мелкого, раздробленного примитивного труда к совместному труду на основе высокой техники и сознательного приложения науки и планомерной организации коллективного труда. В сельском хозяйстве мы быстро, часто скачкообразно проходим ступени обобществления, начиная от простой кооперации и кончая крупным машинным производством, которое и само не стоит на месте, а движется вперед. Наши союзы и МТС осуществляют недоступную капитализму систему машин в земледелии и все более высокие формы обобществления труда. Во второй пятилетки мы уже не ставим перед страной задачи форсирования темпов коллективизации. Основной становится задача хозяйственно-политического укрепления колхозов, улучшения работы союзов, т. е. задача значительно большего роста производительности труда и поднятия урожайности и окончательной ликвидации на этой основе отставания сельского хозяйства от промышленности. Для выполнения этого мы и должны будем развертывать процесс технического перевооружения сельского хозяйства и создать во второй пятилетки все необходимые предпосылки для превращения с. х. труда в разновидность индустриального.

Тяжелая индустрия и в особенности машиностроение признаны обеспечит коренную техническую реконструкцию ж.-д. транспорта, развертывание электрификации ряда железных дорог, строительство новых ж.-д. линий, производство мощных паровозов и большегрузных вагонов, широкое введение автопоездов, автоблокировки, тепловозов и т. д.

¹ Ленин, статья «Горы Маркс».

Велика роль тяжелой индустрии и в развитии легкой индустрии и тем самым в обеспечении дальнейшего еще более быстрого роста материального положения рабочих и трудящихся деревни.

Индустриализация СССР призвана сыграть крупнейшую роль в деле дальнейшего углубления в национальных республиках и областях экономический и культурной отсталости национальностей, унаследованной от парского колониального капиталистического режима. Как мы видели выше, большие шаги были сделаны в этом отношении уже в первой пятилетке — насаждение промышленности как тяжелой, так и легкой в Башкирии, Белоруссии, Закавказье, среднеазиатских республиках и т. д. Десятки народов, обремененные при капитализме на двойной гнет своей и великодержавной буржуазии, вышли при советской власти на широкую дорогу индустриального развития, на путь расцвета социалистической по содержанию культуры в национальных формах.

Накопец индустриализация призвана сыграть огромную роль в деле превращения всего трудящегося населения СССР в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества, в деле ликвидации остатков капитализма в сознании людей.

За истекшие годы в крупную социалистическую промышленность вошло миллионы новых рабочих, в огромной мере рабочей и крестьянской молодежи. Крупная социалистическая промышленность есть лучшая школа поднятия производственного и политического уровня. Социалистическая промышленность воспитывает рабочих на основе поднятия материального и культурного уровня их жизни, повышения политической сознательности и производственной квалификации, на основе углубления в сознательное участие в управлении производством самых широких масс — через профсоюзы как школы коммунизма, через социалистическое соревнование и ударничество и т. д. создает новую социалистическую дисциплину труда. Крупная социалистическая промышленность воплощает в действительность те возможности, которые создала, но не могла реализовать капиталистическая машинная индустрия, образования новой формы семьи, новых условий в положении женщин и в воспитании подрастающих поколений. «Женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном (капиталистическом мире) обществе самые ужасные бедственные и отвратительные формы»¹. Но тем не менее «крупная промышленность... создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношений между людьми... (оставление комбинированного рабочего персонала на лиц общего пола и различного возраста, будущи в своей стихийной, грубой, капиталистической форме, когда рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, зачужденным источником гибели и рабства — при соответствующих условиях неизбежно должно превратиться, наоборот, в источник гуманного развития»². Огромных побед на этом участке социалистического строительства мы добились в первом пятилетии и еще шире этот процесс развернется во втором пятилетии.

Внедрение крупной машинной техники в сельское хозяйство в условиях сильной коллективизации создаст важнейшую предпосылку для переноса в мелкобуржуазной схоластики, традиций и навыков вчерашнего единоличника и сегодняшнего колхозника, превращая его в сознательного работника социалистического общества. Без этого переноса нельзя закрепить и тот новый колхозный строй, который в итоге первой пятилетки восторжествовал в деревне.

Накопец крупная промышленность играет решающую роль в деле воспитания подрастающих поколений. Как указывал Маркс, крупная промышленность «показывает» «зародки воспитания эпохи будущего, когда

¹ Ленин, Собрание сочинений, т. XVIII, стр. 25.

² Маркс, Капитал, том I, стр. 360—361.

для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство производства восторженно развитых людей» («Капитал», т. I, гл. 13). Указывая, что «неизбежное завоевание политической власти рабочим классом займет надлежащее место в школах рабочих и технологическому обучению как теоретическому, так и практическому», Маркс подчеркивал, что это должно сыграть огромную роль в деле уничтожения разделения труда. Ферменты этого переворота создаются уже крупной промышленностью при капитализме. Революционный технический базис крупной промышленности, сама «природа крупной промышленности обуславливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность работников» (Маркс). Капитализм вынужден давать известной части рабочих начатки технического образования и т. д. Но эти ферменты переворота стоят в полном противоречии с капиталистическими производственными отношениями. Переход от одного вида труда к другому совершается здесь лишь в результате потери работы, более или менее длительного пребывания в рядах безработных и длительных поисков новой работы. Пропавшая между наукой и трудом растет, и наука противостоит рабочему как средство усиления его эксплуатации. Не то в СССР. Здесь развитие крупной промышленности и ее внедрение в земледелие служат материальной основой развития политехнического образования, сокращения рабочего дня, превращения труда сельскохозяйственного в разнородность, индустриального, уничтожения пропасти между трудом и наукой и подготавливает уже на высшей ступени коммунизма полное уничтожение противоположности между трудом умственным и физическим.

Таким образом социалистическая индустриализация и осуществление на ее основе технической реконструкции всего народного хозяйства являются решающим условием в дальнейшем улучшении материального положения трудящихся в городе и деревне, в передние самого рабочего класса и трудящихся вообще и сознательных борцов и строителей бесклассового социалистического общества.

Выше мы показали, каким образом пролетариат СССР, борясь под знаменем коммунизма, под знаменем Маркса и Ленина, добился успехов всемирноисторического значения. Революционная теория Маркса и Ленина, проверяемая и обогащаемая практикой революционного действия, была необходимым оружием и условием побед. Она дала пролетариату возможность осознать необходимость, превратить ее в свободу. Следуя указаниям Маркса и его методу — методу диалектического материализма, анализу пролетариат сумел провести правильную линию в самых трудных и запутанных положениях. Ленин и Сталин являются блестящими учениками Маркса, применяя марксизм в качестве руководства к действию. Революционная теория Маркса, развитая Лениным и Сталиным, подтвержденная и обогащенная огромным опытом строительства социализма первой в мире республики советов, все ярче светит трудящимся всего мира в качестве призыва к революционному действию, к свершению прогнившего насильем капитализма.

Маркс превратил социализм из утопии в науку, провел гата текущую борьбу в деле разрушения капитализма. Мы отстаивали учение Маркса от ополчения его социал-фашизмом и оппортунизмом, разрушили капитализм на 1/6 части земного шара и добились исключительных успехов по превращению марксовской теории социализма в жизнь. Вся наша действительность — свидетельство этому.

Это не может не вызвать новый прилив революционной энергии, двинуть новые слои честных сознательных тружеников к еще более активному участию в классовой борьбе за дело осуществления лозунга борьбы, данного Марксом, — коммунистической революции.

Учение Маркса—Энгельса и социалистическая реконструкция сельского хозяйства

I. Невозможность крупного рационального земледелия при капитализме и построение его в СССР. II. Маркс—Энгельс о задачах пролетариата в отношении крестьянства и условиях социалистического преобразования деревни. III. Маркс и Энгельс о методах социалистического преобразования крестьянства.

I. Невозможность крупного рационального земледелия при капитализме и построение его в СССР

Пятидесятилетие со дня смерти основоположника научного коммунизма пролетариат Советского союза отмечает всемирноисторического значения победами по построению коммунизма под руководством Ленина—Сталина.

Маркс в своих работах уделял чрезвычайно серьезное внимание проблемам сельскохозяйственного производства и судьбам крестьянства при капитализме и в переходный период. Маркс и Энгельс занимались этими вопросами для того, чтобы вынести своеобразие преломления законов развития капитализма в сельском хозяйстве и на основе этих законов обосновать роль крестьянства как союзника рабочего класса в его борьбе за свержение власти-буржуазии, за установление диктатуры пролетариата.

Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что даже на высших ступенях развития капитализма, когда на очереди пролетарская революция — от Ирландии до Синдхи, от Андалузии до России и Болгарии, крестьянин является очень существенным фактором населения, производства и политической связи¹.

Эта характеристика сохраняла в полной силе свое значение и на сегодняшний день. Вопросы, поставленные и решенные Марксом и Энгельсом, разработанные дальше и проведенные в жизнь Лениным—Сталиным, принадлежат к числу сложнейших вопросов политической экономики.

Если ограниченному кругозору идеологов буржуазии, равно как и мелкой буржуазии, недоступно было правильное понимание социально-экономических процессов в капиталистическом обществе, то еще более непонятны были эти процессы в земледелии. Их течения и «творения» в этой области — якое свидетельство полной неспособности дать действительно научный анализ капиталистической экономики.

Прямые апологеты капитализма просто провозглашают капиталистический принцип хозяйствования, как единственно способный обеспечить подъем сельскохозяйственного производства, е социализм и коллективизм — как бред и вредную утопию.

¹ Энгельс, Крестьянский вопрос, стр. 23, изд. 1929 г.

Мелкий буржуа, придавленный капиталом, но пытающийся выкарабкаться из подавленного экономического и политического положения, выступает против крупного производства в земледелии и защищает мелкое хозяйство, как обладающее якобы рядом таких преимуществ перед крупным, в силу которых лишь оно призвано от природы существовать вечно.

Отсюда реакционные аграрные теории международного оппортунизма и социал-фашизма. Одни из них считают, что социализм сам собой мирно вырастет в рамках капитализма. В отношении к мелкому крестьянскому производству, представляющему по этой теории враждебную пролетариату реакционную массу, это выражение означает полную и полную таргетизацию всего крестьянства. А до тех пор пролетариат должен стоять в стороне и созерцать этот неизбежный процесс. Социализм такой постановкой отодвигается на вечные времена.

Другие из них отрицают законы капитализма для сельского хозяйства и утверждают, что «зачок концентрации не имеет никакого значения, никакой силы в сельском хозяйстве», а «спор о превосходстве крупных или мелких предприятий в сельском хозяйстве до сих пор не разрешен и не разрешен»¹. Или, как самовольно заявил один социал-демократический псевдолог — проф. Неллинг, «крестьянский вопрос все еще совершенно не разрешен». Что же касается учения Маркса, то «Маркс был типичным горожанином, безглым эмигрантом. Мы вместе с ним предположили будто крестьянство идет тем же путем концентрации, что и капитализм... Это — большое заблуждение». Исходя из таких «положений» социал-фашистские лакеи капитализма пытаются «конструировать» всеческие проекты социализма при сохранении мелкого хозяйства самого капитализма.

Таким образом в недрах одних и того же социал-фашистского интернационала мы видим сразу обе стороны медали: и теорию неизбежности полного капиталистического разложения крестьянства и теорию полной невозможности такого разложения. Обе они стоят друг друга. С ними целиком смыкаются «социалисты» пародического толка, идеализирующие мелкоотварное крестьянское производство, считающие его уже почти готовым социализмом, — стоит лишь выработать «самый лучший» «кооперативный» проект и «спеш» для проведения полного социализма в деревне при наличии капитализма в городе.

В эпоху пролетарской диктатуры этот контрреволюционный взгляд нашел свое выражение в виде мелкобуржуазных теорий, борющихся против социалистической реконструкции сельского хозяйства. С одной стороны, контрреволюционные троякизм, пытавшийся толкнуть партию на путь «о ж и р а н и я крестьянства. С другой стороны, правый оппортунизм, рассчитывавший на самотек, на стихийный приход деревни к социализму, на прастие кулака в социализм.

Между тем в учении Маркса—Энгельса мы имеем постановку и решение с исключительной глубиной и ясностью всех коренных принципиальных вопросов в области сельского хозяйства.

Их величайшая заслуга состоит в том, что на основе раскрытых общих законов капитализма они вскрыли особенности развития сельского хозяйства при капитализме. Больше того, они поставили проблему социалистического преобразования деревни и указали основные пути в решении этой проблемы.

Все буржуазные и мелкобуржуазные «теории», без конца противопоставляющие как друг другу, так и сами себе, являются лишь выражением полного бессилия познать противоречивый процесс действительности, раскрытый и сформулированный Марксом в следующем тезисе: «Земледелие должно

постоянно вращаться в этом кругу концептаций и раздробления земли, пока вообще существуют буржуазные отношения».

Маркс доказал в «Капитале», в частности в учении о ренте, что сельское хозяйство поделено тем же законам развития, что и промышленность: крупное хозяйство выгодно мелкому; идет процесс вытеснения последнего. Но в то же время в условиях капиталистического способа производства в силу его внутренних противоречий процесс развития капитализма в земледелии отличается рядом крупнейших особенностей.

Вследствие господства частной собственности на землю и абсолютной ренты, а также вследствие монополии хозяйства на земле и дифференциальной ренты крупное сельское хозяйство при капитализме ограничено чрезвычайно узкими пределами развития. Именно «земельная собственность отличается от остальных видов собственности тем, что на известном уровне развития она представляет изливший и вредной даже с точки зрения капиталистического способа производства»². Термозом рационального земледелия являются частная собственность на землю и непривозимительная затрата капитала в виде ренты, цены, на землю, процентов и т. д. Ибо «затрата денежного капитала на покупку земли не есть приращение к земельному капиталу»... «Она уменьшает соответствующим образом размер их средств производства и потому суживает экономический базис воспроизводства»³.

Но точно так же и дифференциальная рента является весьма крупным тормозящим фактором в деле построения рационального земледелия. Затраты капитала всегда обуславливают возможность получить дополнительную прибыль. Отсюда борьба за сроки арендных договоров, сокращение вложений в капитальное строительство в земледелии и т. д. Именно выражением борьбы за дифференциальную ренту является борьба арендаторов за продолжительные арендные договоры и, наоборот, вследствие переноса сил на стороне лендлордов — увеличение числа контрактов, которые можно ежегодно расторгнуть»⁴.

Все это обуславливает весьма замедленные темпы развития сельского хозяйства при капитализме и все возрастающее отставание его от промышленности. Однако это отставание усиливается еще более вследствие безысходности положения мелкого и мельчайшего крестьянства.

Последнее неизбежно падает за свой клочок земли, нудя на все лишнее и жертвы, лишь бы не быть окончательно съатым в борьбе. К этому надо добавить, что сплошь и рядом самым аграриям и крупным капиталистам выгодно сохранить мелкое и мельчайшее крестьянское производство как в политических, так и экономических целях.

Таким образом ход развития капитализма в сельском хозяйстве принимает характер весьма противоречивого, медленного и мучительного процесса.

Бесспорно, что «основная и главная тенденция капитализма состоит в вытеснении мелкого производства крупным и в промышленности и в земледелии»⁵.

Но в то же время мелкое с.х. производство неизбежно сохраняется в недрах капитализма, так как «в пределах капиталистического способа производства невозможно рассчитывать на полное вытеснение мелкого производства в земледелии, ибо сами капиталисты и агрария стремятся возродить его, когда разорение крестьянства зашло чересчур далеко»⁶.

И совершенно понятно, что при таких условиях капиталистическая система противодействует рациональному земледелию, или, другими сло-

¹ Маркс, Капитал, т. III, с. 2-8, стр. 347.

² Там же, стр. 244.

³ Там же, стр. 283, изд. 1923 г.

⁴ Ленин, Собрание сочинений, т. XVII, стр. 619.

⁵ Там же, т. II, стр. 453.

⁶ Гильердинг, Теоретические заметки по поводу аграрного вопроса.

нами, рациональное земледелие несомненно с капиталистической системой¹.

Однако рациональное земледелие при капитализме невозможно ни в крупном ни в мелком с.-х. производстве.

Конечно по сравнению с феодализмом капитализм сыграл определенную политическую, историческую роль и в земледелии (развитие техники, химии, агрономии и т. д.). И Маркс отметил тот великий результат капиталистического способа производства, что последний «превращает земледелие из чисто эмпирического и механически наследуемых методов наименее развитой части общества в сознательное научное применение агротехники, поскольку это вообще возможно при отношениях, связанных с частной собственностью»².

Если взять крупное капиталистическое с.-х. производство, то в силу отмеченных выше противоречий «всякий процесс в капиталистическом земледелии есть прогресс не только в искусстве подвешивать рабочего ограблению, но вместе с тем и искусство ограбления почвы, всякий прогресс по временному повышению ее плодородия есть в то же время прогресс в разрушении постоянных источников плодородия»³.

Капиталистическое производство в земледелии — это хищническое производство. Борьба землеладельцев за высокую ренту и борьба капиталиста за максимальную прибыль — вот что характеризует капиталистическое земледелие. А такой принцип хозяйствования исключает рациональное земледелие.

Вот почему, хотя капитализм освободил земледелие от феодализма, взглянул его в торговый оборот, а вместе с тем — в мировое экономическое развитие, вырвал его из застой и заскорузлости средневековья и патриархальности, но капитализм не только не устранил задерживающей, эксплуатационной, нищеты масс, а напротив, он создал эти бедствия в новом виде и восстанавливает на современной базе их старые формы⁴.

Капитализм в отношении мелкого с.-х. производства означает: «бесконечное раздробление средств производства и обособление самих производителей. Колоссальное расточение человеческой силы. Возрастающее ухудшение условий производства и вырождение средств производства. Это «необходимый закон мелкой собственности»⁵.

Мелкий крестьянин при капитализме находится в таком положении, что ни размеры его хозяйства ни средства, которыми он располагает, не позволяют ему вести хозяйство в соответствии с требованиями науки и техники. Ибо «при мелкой собственности это происходит от недостатка средств и знаний, необходимых для применения общественной производительной силы труда»⁶.

А средств у него не может быть потому, что «крестьянин отдает капиталисту не только земельную ренту, но только предпринимательскую прибыль, словом не только весь чистый доход, но даже некоторую часть заработной платы»⁷.

Следовательно такой «хозяин» только по видимости самостоятелен. На самом же деле он находится крепко в руках крупных земледельцев, банкиров, кулаков и т. д.

Конечно ни о каком рациональном земледелии в таких условиях не может быть и речи. И Маркс формулирует это положение с исключительной силой и ясностью: «Патерналистская собственность по своей природе исклю-

чает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, скотоводство в крупном масштабе, возрастающее приложение науки»⁸.

Какой вывод следует из приведенных высказываний Маркса? Только тот, что ни крупная, ни мелкая собственность неспособна при капитализме обеспечить рациональное ведение земледелия.

«При обеих формах на место самостоятельного, рационального возделывания земли как общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и воспроизводства для ряда смеющихся человеческих поколений выступают эксплуатация и расточение сил земли (не говоря уже о том, что эксплуатация ставится в зависимость не от достигнутого общественным уровнем развития, а от случайных неодинаковых обстоятельств отдельных производителей)»⁹.

Таким образом в обоих случаях господствуют эксплуатация, расточение сил земли, конкуренция и т. д. И крупная и мелкая земельная собственность казалась по своему разрушаю производству производительные силы земли.

«Если мелкая земельная собственность создает класс парваров, который пополюсному стоит вне общества, который соединяет в себе всю грубость, шероховатость общественных форм со всеми страданиями и всей нищетой дилемматизированных стран, то крупная земельная собственность поднимает рабочую силу в той последней области, в которой скрывается ее примитивная энергия и в которой она собирается как резервный фонд для возрождения извращенной силы нации: в самой деревне»¹⁰.

Такое одно из глубочайших противоречий капиталистического строя. Крупное производство в сельском хозяйстве при капитализме, заткнутое внутренними противоречиями, движется вперед чрезвычайно медленно и ни в какой степени не решает проблемы крупного рационального земледелия. В то же время мелкое крестьянское хозяйство переживает процесс медленного и мучительного разложения, и следовательно то, что составляет самую чудовищную, парварски тяжелую сторону мелкого производства — бесконечный каторжный труд, нищенский уровень существования, борьба за сохранение клочка земли, лишь бы не потерять его, лишь бы не понасть в ряды безработных, в ряды безработных, — все это мелкобуржуазные подложки капитализма выдвигали за преимущества мелкого земледелия, за доказательство его вечной необходимости. Мелкобуржуазные идеологи и не подозревали, что капитализм в силу своих противоречий не в состоянии решить проблему рационального крупного производства в земледелии, что рациональное земледелие несовместимо с капитализмом.

Словно предвидя современных буржуазных и мелкобуржуазных апологетов капитализма, Маркс доказал несовместимость рационального земледелия с капитализмом, в то же время подчеркнул и с той и с этой и характер такого положения, связанного исключительно с данным способом производства. Не от природы и не вечно, а «только на буржуазной основе (земледелие) относительно менее производительно и медленнее развивает производительные силы труда, чем промышленность»¹¹.

И Маркс указал пути решения проблемы. Это путь — свержение капитализма, установление диктатуры пролетариата и социалистическое преобразование деревни через кооперирование бедняко-средних масс крестьянства. Подстатей Советского союза под руководством Ленина и Стали в блестящем претворили в жизнь эти указания.

Только сгиб капиталистической строй, ликвидировав все противоречия последнего, пролетариат смог решить проблему крупного рационального

¹ Маркс, Капитал, т. III, стр. 82.

² Маркс, Капитал, том III, к. 2-я, стр. 433, изд. 1932 г.

³ Там же, т. I, стр. 392.

⁴ Ленин, Новые данные о развитии капитализма.

⁵ Маркс, Капитал, т. III, к. 2-я.

⁶ Там же, кн. 47, стр. 285-286.

⁷ Маркс, Классовая борьба во Франции, изд. 1920 г., стр. 465.

⁸ Маркс, Капитал, т. III, к. 2-я, стр. 344.

⁹ Маркс, Капитал, т. III, кн. 47, стр. 349, изд. 1923 г.

¹⁰ Там же, к. 2-я, стр. 350.

¹¹ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, к. 1-я, стр. 177, изд. 1931 г.

нального земледелия. Это теперь непоколебимо доказано практикой социалистического строительства в СССР.

Если капитализм, господствовавший столетия, не сумел создать крупного рыночного хозяйства в земледелии, то пролетариат СССР создал его за четыре года, перевыполнив пятилетку в три раза.

В итоге первой пятилетки сельское хозяйство СССР из мелкого и отсталого превратилось в социалистическое и самое крупное в мире. Выше 60% индивидуальных крестьянских хозяйств объединены в 200 тыс. крупных колхозов и созданы 2 500 МТС. Построена мощная сеть (выше 5 500 единиц) совхозов. Все эти предприятия опираются на современную с.-х. технику и агрохимию. Создано крупнейшее в мире животноводство.

II. Маркс — Энгельс о задачах пролетариата в отношении крестьянства и условиях социалистического преобразования деревни

Преобразование мелкотоварного крестьянского производства в крупное социалистическое может быть осуществлено только пролетарской диктатурой.

Маркс и Энгельс дали нам не только теорию возникновения, развития и крушения капитализма, но и указали основные закономерности нового строя при победе пролетариата. Почти по всем основным моментам плана социалистической реконструкции сельского хозяйства мы находим у них исключительно важные для нас указания.

План социалистической реконструкции сельского хозяйства, разработанный Лениным — Сталиным как кооперативный план, является прямой дальнейшей разработкой положений, сформулированных Марксом и Энгельсом.

У Маркса и Энгельса мы находим ясные указания на основные задачи победившего пролетариата и этапы социалистической переделки деревни. «Мы хотим уничтожить классы»¹, — формулировал Энгельс главную историческую задачу пролетариата.

В отношении крестьянства эта задача решается не сразу, а в течение известного промежутка времени и ряда этапов, когда через кооперирование «их частное производство мы переводим в товарищеское»².

В отличие от роли кооперативных предприятий в условиях капитализма, когда они «воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы» (Маркс), кооперация при победе пролетариата является переходным звеном к социализму. Об этом мы имеем ясные указания основоположников научного коммунизма.

В письме к Бебелью Энгельс пишет: «Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство — в этом Маркс и я никогда не сомневались».

Маркс в своих заметках на книгу Бакунина «Государственность и анархизм» писал, что там, где имеется миллион массы мелких земельных собственников-крестьян, там пролетариат... должен в качестве правительства принимать меры, вследствие которых положение крестьянства непосредственно улучшится и само оно перейдет на сторону революции, — меры, заключающие в себе зародыш перехода от частной собственности на землю к собственности коллективной и этот переход облегчающие, так что крестьянин сам до этого дойдет хозяйственным путем.

Следовательно кооперация как форма перехода от мелкотоварного производства к коммунизму была выдвинута Марксом и Энгельсом. Больше того, они считали необходимым выдвигать пролетарским правительством

рыда при чуждоточных мер, чтобы постепенно хозяйственным путем подвести крестьян к колхозному строю.

Однако переводом крестьянского производства в товарищеское еще не заканчивается преобразование деревни. Необходим ряд дальнейших «переходных», обеспечивающих перевод этих товариществ на более высокую ступень и тем самым построение соц. алмаза.

«Орган, заведующий делами всего общества в его целом, будет иметь на них влияние, необходимое для того, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество в высшую форму и сравнять в правах и обязанностях как все товарищество во всем его целом, так и отдельных его членов с остальными разветвлениями социалистического общества»³.

Основная цель кооперативного плана Ленина — Сталина и заключается в переделке бедняцко-середняцких масс крестьянства в работников социалистического общества. Но этой цели нельзя достичь сразу. Надо было пройти первый этап — превратить крестьянина в колхозника. Пролетариат Советского союза, выполнив первую пятилетку в четыре года, блестяще решил эту задачу. Решив ее, он переходит к высшей задаче — задаче второй пятилетки — превращения крестьянина-колхозника в работника социалистического общества.

В системе научного коммунизма задача построения социалистического общества и превращения мелкого товаропроизводителя в социалистического работника не является произвольным «творчеством» гениальной «личности». Эта задача глубоко научно обоснована, она строго соответствует действительности и вытекает из всего исторического хода общественной жизни. История знает немало примеров, когда отдельные личности и партии выдвигали самые яркие и заманчивые «планы», такие ставившие своей целью сделать крестьянина «социалистом». Но будучи плодом умозрительных спекуляций, излом мелкобуржуазного проекторства «личностей и «героев», все эти «планы» лопались, как мыльные пузыри, приходя в лучшем случае к анархизму. Русские народники и зэры представляют собой наиболее свежий исторический пример такого рода.

Вся суть в том, что «при отсутствии материалистической критики политических учреждений, при непонимании классового характера современного государства — от политического радикализма до политического оппортунизма один только шаг»⁴.

Большевистский план социалистического преобразования крестьянства построен не на «общечеловеческих» истинах и «нравственных» идеях. Это не мажорский мраморный мост через пруд, с лапами красного товара по бокам, когда облагодетельствованные «мушкетеры» потугивали, товары принимали и покорялись благодарил доброго барина. На этом никому еще не удавалось далеко уехать. Большевистский план — это образец глубочайшей научной обоснованности. Условиями, в которых только и возможно социалистически преобразовать деревню, являются пролетарская революция и установление диктатуры рабочего класса, сосредоточение в руках этого класса основных хозяйственных высот, и наконец правильное понимание природы крестьянства, правильная политика по отношению к нему.

Маркс и Энгельс являются теми первыми вождями пролетариата и всех трудящихся, которые дали не только глубочайшее научное обоснование общих задач пролетарской диктатуры, но и решающие указания об основах социалистической переделки деревни. И прежде всего о значении политической власти в руках пролетариата.

¹ Речь Энгельса на Лондонской конференции Международного товарищества рабочих 21 сентября 1871 г.

² Энгельс, Крестьянский вопрос.

³ Энгельс, Крестьянский вопрос, стр. 38, изд. 1920 г.

⁴ Ленин, т. I, стр. 163.

Маркс и Энгельс определенно считали, что до тех пор, пока власть в руках помещиков и капиталистов, ни о каком улучшении положения крестьянских масс не может быть и речи. Только пролетариат, стоящий у власти, может улучшить это положение на путях социалистического преобразования. «Только падение капитала может поднять крестьян; только антикапиталистическое, пролетарское правительство может поколебать с его экономической нищеты, с его общественной деградацией. Конституционная республика — это диктатура объединенных эксплуататоров, социальная — демократическая, красная республика — это диктатура его союзника». Так писал Маркс в своей работе «Борьба классов во Франции в 1848 г.».

Стало бы основным условием спасения крестьянства от нищеты и условием его подъема Маркс считает утверждение диктатуры пролетариата, свержение власти капитала и уста-²новле- ние союза с крестьянством.

Точно так же и в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», показав гнет и эксплуатацию крестьянства капиталом, пришедшим на смену феодальному строю, Маркс говорит: «Таким образом интересы крестьян находятся уже не в согласии, как то было при Наполеоне, а в противоречии с интересами буржуазии, с капиталом. Она находит таким образом своего естественного союзника и возжи в городском пролетариате, историческая задача которого — извержение буржуазного строя» (стр. 226).

Таким образом и здесь, опять-таки Маркс подчеркивает ту мысль, что интересы крестьян, противоречащие интересам буржуазии, могут быть разрешены только тогда, когда крестьянство заключит союз с пролетариатом и найдет в нем своего вождя. А историческая задача этого вождя — свержение капитализма. Следовательно здесь Маркс проводит ту основную мысль, что только пролетарская революция может обеспечить разрешение противоречий капиталистического сельского хозяйства и выведет крестьянство из-под гнета капиталиста и помещика.

Но и пролетариат в интересах своей победы над буржуазией заинтересован в союзе с крестьянством. Он должен обеспечить это: союз, став политическим руководителем крестьянских масс.

«Завоевание политической власти социалистической партией стало делом близкого будущего. Но для того, чтобы завоевать ее, партия эта должна сначала пойти из города в деревню, сделаться сильной в деревне. Имен сравнительно со всеми другими партиями наиболее ясный взгляд на связь экономических причин с их политическими следствиями и уже давно рассмотрев под овечьей шкурой назойливого друга крестьян — волюшку фигуру крупного землевладельца, может ли она спокойно оставить орудие иго на губах крестьянина в руках его сложных зажиточников, пока наконец он не превратится из пассивного в активного врата промышленных рабочих? А это вводит нас в самую суть крестьянского вопроса»³.

Дело в том, что «их (крестьян. — М. К.) способ производства, — говорит Маркс, — не только не создает между ними взаимного общения, но прямо-таки изолирует друг от друга»⁴. Таким образом при всем значении крестьянства последнее «не способно защищать свои классовые интересы от собственного имени». «Он не может представлять себя, они должны быть представлены другими»⁵. Следовательно, если ни не руководит пролетариат, тогда неизбежен переход руководства к его «ложным защитникам». А последние постараются раздвинуть крестьян от рабочих и натравить их на последних.

Эти указания Маркса — Энгельса развили и осуществили Ленин и Сталин применительно к условиям эпохи империализма, в практике первого в мире пролетарского государства.

Пролетариат, еще задолго до Октябрьской победы в России, сумел стать гегемоном в революционной борьбе крестьянства, а победив буржуазия, сумел повести за собой крестьянство по пути социалистического преобразования, сделав союз с ним основным принципом пролетарской диктатуры.

Еще на II съезде партии при обсуждении аграрной программы Ленин говорил: «Мы верим, что в виду того, что социал-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с тем фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию как на защитника ее интересов»¹.

Ход всей революционной борьбы показал правильность этого положения.

Захватив власть и установив диктатуру пролетариата, мы выполнили основное указание Маркса—Энгельса по созданию условий социалистической передельи деревни. Нам удалось создать самое крупное в мире социалистическое сельское хозяйство потому, что «в истории человечества впервые поднялась на свете власть, власть советов, которая доказала на деле свою готовность и свою способность оказывать трудящимся массам крестьянства систематическую и длительную производственную помощь (Сталин).

Такова основа, являющаяся исходной и решающей в социалистической передельи деревни. Но уже из приведенной Сталиным оценки роли власти советов видно, что одной политической власти мало.

Социалистическое преобразование крестьянства пролетариат может осуществить потому, что он сосредоточивает в своих руках командные хозяйственные высоты: фабрики, заводы, транспорт, землю, систему банков и т. д., позволяющие ему вести всю экономическую страну, в том числе и крестьянскую, к социализму.

Энгельс, отвечая народникам на вопрос о непосредственном переходе русской общины к социализму, минуя капитализм, решительно подчеркивал, что «это может произойти только в том случае, если в Западной Европе еще до окончательного разложения русской общины проследит бедошная пролетарская революция, которая доставит русскому крестьянству для такого перехода необходимые условия, — в особенности материальные средства, которые нужны ему, чтобы провести безболезненно с этим связанный переворот во всей его системе земледелия»².

Здесь мы таким образом имеем прямое указание Энгельса, что для социалистической передельи деревни совершенно необходимо, чтобы в руках гегемона-пролетариата наряду с политической властью была крупная промышленность, способная реорганизовать земледелие.

И это важнейшее указание Энгельса было блестяще разработано и проведено в жизнь Лениным и Сталиным.

Мы знаем, какую исключительную роль придавал Ленин при переходе от гражданской войны к мирному хозяйственному строительству тому, чтобы мы ~~оказ~~ государство к политической власти своей приваили экономическую власть»³.

Без наличия и укрепления промышленной базы пролетариата, способной сначала оказать помощь, а затем и полностью преобразовать мелкое хозяйство, не могло быть и речи о прочной основе кооперативного плана. Вот почему между прочим Ленин и Сталин видели главную задачу диктатуры пролетариата в социалистической индустриализации страны.

¹ Энгельс, Крестьянский вопрос, стр. 24, изд. 1920 г.

² Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.

³ Маркс, Борьба классов во Франции в 1848 г.

⁴ Ленин, т. IV, стр. 28.

⁵ Маркс, Избр. произведения, ч. II, стр. 535.

⁶ Ленин, Доклад на X съезде о новой экономической политике.

«Без этой переработки всей промышленности т.е. без перевода промышленности на современные основания — элестификация». — М. К. с точки зрения условий крупного машинного производства, социалистической строительной остается только суммой дефетов, остается политической связью рабочего класса с крестьянством, остается спасением крестьянства от колачовщины, дефиниции, остается примером для всех держав мира, но не будет иметь своей основы¹. «... Единственно возможной экомической основой социализма является крупная машинная индустрия. Тот, кто забывает это, тот не коммунист²».

Партия под руководством т. Сталина — величайшего ученика и продолжателя Ленина, не только восстанавливает индустрию, но в течение первой пятилетки совершенно реконструировала ее на основе современных достижений науки и техники, создав передовую базу завершения реконструкции народного хозяйства. На этой основе было проведено преобразование земледелия.

Эту задачу партия решила, выдвигая жесткую борьбу как с правыми оппортунистами, так и контрреволюционными троцкистами и разгромив их. Ибо в то время как для партии «ключом реконструкции сельского хозяйства является быстрый темп развития нашей индустрии (Сталин), для правых таким «ключом» является «развитие индивидуального крестьянского хозяйства³», а «сверхиндустриализация» Троцкого означала минималистские темпы и срыв индустриализации страны.

Начекая условия для производственного кооперирования деревни, XV партконференция указала, что основной предпосылкой успеха социалистического строительства является упорное хозяйственной гегемонии крупной социалистической промышленности над всей экномикой страны и в первую очередь ее ведущая и социалистически преобразующая роль по отношению к крестьянскому хозяйству, рост численности и активности пролетариата и укрепление союза рабочего класса с основной массой крестьянства⁴.

Бластнее выполнение плана первой пятилетки в области сельского хозяйства свидетельствует о том, что мы хозяйственной гегемонии крупной социалистической промышленности упорчили и ее ведущую, социалистически преобразующую роль в отношении деревни осуществили.

Но у Маркса и Энгельса мы имеем также прямые указания на исключительную роль в социалистическом преобразовании деревни сосредоточения с.-х. орудий производства в руках пролетарского государства. Отметим здесь лишь одну интереснейшую мысль, высказанную Энгельсом в письме к Бебелью в 1886 г. по поводу сельскохозяйственной кооперации: «Дело должно быть поставлено так, — говорит он, — чтобы общество, следовательно на первое время государство, удержало за собой собственность на средства производства и таким образом частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возбодзлат над интересами всего общества в целом⁵».

У Энгельса выражена здесь та мысль, что крупная сельскохозяйственная техника должна быть сконцентрирована в руках пролетарского государства и тем самым будут созданы условия победы общественных интересов над частными.

Наша партия под руководством Ленина и Сталина подняла на величайшую теоретическую и практическую высоту проблему сельскохозяйственной техники и технической реконструкции сельского хозяйства. Пар-

тия осуществила задачу перевода сельского хозяйства с уровня средневековья на уровень современной передовой техники.

Она осуществила эту задачу потому, что проводила твердый курс на коллективизацию страны, курс на общественные формы организации техники. Только лишь по этому пути, партия пришла к грандиозной идее машинно-тракторных станций и, идею, которую в общих чертах гениально предвосхитил Энгельс. Сельское хозяйство нашей страны, еще совсем недавно бывшее технически самым отсталым, стало теперь самым передовым.

Одним из основных условий социалистической переделки деревни является национализация земли. Это чрезвычайно важная экономическая высота в руках пролетариата.

Маркс, блестяще показавший во всем объеме отрицательную роль частной собственности на землю в деле развития с.-х. производства, все углубляющее значение ее для мелкого производителя, в то же время указал на исключительное положительное значение национализации земли пролетариатом. В своем наброске о национализации земли он пишет: «Будущее решит, что земля может быть только национальной собственностью. Отдача земли в руки ассоциаций сельских рабочих означает отдачу всего общества исключительно одному классу производителей. Национализация земли производит полную перемену в отношениях между трудом и капиталом и в конечном счете совершенно уничтожит капиталистическое производство как промышленное, так и сельскохозяйственное. Только тогда исчезнут классовые различия и привилегии вместе с экономическим основанием, от которого они произошли, и общество превратится в ассоциацию свободных производителей. Жизнь трудом других станет делом прошлого⁶». Вот какое гигантское значение придавал Маркс национализации земли пролетариатом в деле социалистического переустройства общества.

Частная собственность на землю — это экономическое основание классовых различий и привилегий. Национализация земли является обязательным мероприятием победившего пролетариата. Это мероприятие при диктатуре пролетариата является ударом огромной силы по капиталистическому строю, совершая полную перемену в отношениях между трудом и капиталом, являясь шагом вперед к бесклассовому обществу.

Нетрудно себе представить поэтому все гигантское историческое значение национализации земли, которую удалось провести пролетариату России, сумевшему привлечь на свою сторону крестьянство, сумевшему, войдя ему на ряд временных уступок, остаться верным своей программе и сохранить прочно в руках государства собственность на землю.

Благодаря национализации земли и сосредоточению ее в руках пролетарского государства оказались уничтоженными все те преграды, которые задерживали развитие производительных сил в земледелии и наемники в корне отношение к земле мелких товаропроизводителей, создав все необходимые условия для подготовки и осуществления их коллективизации.

Если в условиях капитализма частная собственность на клочок своей земли была фактором, который толкал крестьянина на борьбу за ее сохранение всеми силами, толкал на дикий, нищету и варварство, то у нас, в СССР, этого уже нет. И вследствие этого «нет рабочей приверженности к земле» (Сталин). Наоборот, — указывая дальше т. Сталин — «таша практика, наша действительность дает новые аргументы» против теории устойчивости мелкого крестьянского производства. «Я имею в виду практику уничтожения частной собственности на землю, практику национализации

¹ Ленин, т. XXV, стр. 491.

² Ленин, Доклад о ташине РКП(б). III конгресс Коминтерна, т. XXVI, стр. 461.

³ Сталин, О правом уклона в ВКП(б).

⁴ Архив, т. I, стр. 329.

⁵ Маркс, Национализация земли. См. сборник «Всплывающий материал», т. I, стр. 164.

земли у нас, практику, освобождающую мелкого крестьянина от его рабской приверженности к своему клочку земли и облагающую тем самым переход от мелкого крестьянского хозяйства к крупному, коллективному хозяйству».

«Вот где одна из причин того, что крупным хозяйствам в деревне, колхозам в деревне удастся так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое превосходство перед мелким крестьянским хозяйством» (Сталин).

Такова роль национализации земли при диктатуре пролетариата. Конечно это не означает, что все страны будут осуществлять национализацию по одному шаблону. Аграрная программа Коминтерна ясно указывает, что национализация земли, будучи обязательной и важнейшей мерой пролетарской революции, должна однако в ряде стран, капиталистически развитых, с наличием частной собственности осуществляться постепенно.

Такое еще одно из основных условий социалистического преобразования деревни, указанное Марксом—Энгельсом.

Однако для такого преобразования необходимо еще одно важное условие, это — правдивая картина по отношению к крестьянству. Ибо совершенно очевидно, что если принять тезис Готской программы, воспроизведенной в современных условиях контрреволюционным троцкизмом, что по отношению к пролетариату «все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу», тогда конечно ни о каком некапиталистическом переходе крестьян к социализму не может быть и речи.

Но мы знаем, что такая оценка крестьянства не соответствует действительности и в корне противоречит учению Маркса—Энгельса.

Маркс и Энгельс потому и считали возможным социалистическую передачу крестьянства, что этот класс феодальной эпохи они выделяли как особый, переходный промежуточный слой капиталистического общества, а внутри этого слоя дифференцировано походили к отдельным группам, выделяя особо как враждебную пролетариату капиталистическую верхушку деревни. Основой характерной чертой в послужной книге крестьянства, как это вскрыто Марксом, является его двойственная природа. Отсюда их характеристика двойственной природы крестьянина.

«При капиталистическом способе производства независимый крестьянин или ремесленник разрезывается надвое. Как владелец средств производства он является капиталистом, как рабочий — он свой собственный наемный рабочий. Он уплачивает себе свою заработную плату как капиталист и извлекает прибыль из своего капитала, т. е. эксплуатирует самого себя как наемного рабочего и в виде прибавочной стоимости платит себе самому дань, которую труд обязан приносить капиталу. Равным образом может случиться, что он в качестве земледела уплачивает себе еще и третья часть (ренту)»¹. (Разрядка наша М. К.)

Вот основное исходное положение, выражающее его двойственность. Отсюда «как ремесленник, так и крестьянин, ведущий производство при помощи своих собственных средств производства, или мало-по-малу превращается в мелкого капиталиста, или эксплуатирующего одновременно и чужой труд, или лишается своих средств производства (это наиболее возможный случай, хотя крестьянин номинально и остается их собственником, как например при ипотечной задолженности) и превращается в наемного

рабочего. Такова тенденция этого общественного строя, в котором преобладает капиталистический способ производства»².

Таким образом крестьянин стоит на распутии и в конечном счете идет или вверх или вниз. Причем вверх — редко, а вниз — как правило. И сплошь да рядом от крестьянина как собственника остается одна видимость и иллюзия.

«Крестьянская парцелла стала лишь предлогом, позволяющим капиталисту извлекать из земли прибыль, проценты и ренту, предоставляя самому земледелу заботиться о том, как бы выколотить для себя заработную плату»³.

Но этот факт, что он собственник, определяет тенденцию движения, а это имеет при капитализме решающее значение, хотя собственность мелкого крестьянина еще не капитал, так как «средства производства становятся капиталом лишь постольку, поскольку они самостоятельно выступают против труда как особый класс».

«В рассматриваемом случае производитель-рабочий является владельцем, собственником своих средств производства». И хотя его средства производства — не капитал, точно так же как он сам не наемный рабочий, «тем не менее их считают капиталом, и личность его самого раздваивается, так что он как капиталист наемает себя как рабочий. И такое представление, как ни иррационально оно кажется на первый взгляд, является верным вот в каком смысле: ... если он может присваивать себе весь продукт труда, если излишек стоимости его продукта над средней ценой его дневной работы не присваивается третьим лицом, то этим он обязан не своему труду, — в этом отношении он ничем не отличается от остальных рабочих, — а только тому обстоятельству, что он владеет средствами производства. Значит, только благодаря тому, что он собственник средств производства, ему достается его собственный прибавочный труд и таким образом он относится как свой собственный капиталист к самому себе, как к наемному рабочему»⁴. (Разрядка наша М. К.)

Из истории борьбы нашей партии со всяческим оппортунизмом мы знаем, что весьма характерным для оппортунизма является немарксистское, извращенное понимание природы крестьянства.

Двойственность крестьянина имеет огромное значение в деле организации пролетариата борьбы с капиталом и в построении социализма.

С одной стороны, крестьянин — собственник. «Титул собственности — это тот талisman, которым капитал сыпал до сих пор крестьянина, тот мотив, которым он пользовался, чтобы подстрекать крестьян против промышленного пролетариата»⁵.

Но, с другой стороны, он — труженник. В своей работе «Борьба классов во Франции» Маркс ярко вскрыл эти две стороны. Причем Маркс показал, что сторона крестьянина как собственника толкает его на путь реакции и консерватизма, толкает в объятия капитала, а во время как сторона крестьянина как труженника, угнетаемого и эксплуатируемого капиталом, толкает его на борьбу с последним и на союз с пролетариатом. Анализируя классовую сущность и базу диалектики Бонпарта, Маркс говорил: «Дело в том, что диалектика Бонпарта представляет не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится выйти за пределы социальных условий своего бытия, за пределы своей парцеллы, а того, который хочет напротив укрепить эти условия, не то сельское население, которое собственной энергией, соединяющейся с городами, хочет

¹ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. I, стр. 272, изд. 1952 г.

² Маркс, Восемнадцатое брошюра Луи Бонапарта.

³ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. I, стр. 271-272, изд. 1952 г.

⁴ Маркс, Борьба классов во Франции, 1848 г.

⁵ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. I, стр. 271, изд. 1952 г.

нивернуть старый порядок, а то, которое, упрямо замкнувшись вместе со своими парцеллами в рамках старого порядка, жаждет спасения и покровительства от призрака империи. Династия Бонапартов является представительницей не просвещения, а суеверия крестьян, не их рассудка, а их предрассудков, не их будущего, а их прошедшего, не их современных Сенин, а их современной Вандеи». В приведенной цитате дана весьма снато и чрезвычайно отчетливо и ярко самая суть вопроса.

Крестьянин как собственник — это консерватизм, это укрепление существующих буржуазных условий, это ограниченность и замкнутость интересов пределами своей парцеллы, это суеверие и предрассудки, это прошлое человеческой истории, это Вандея против революции.

С другой стороны, крестьянин как труженник — это революционный крестьянин, это крестьянин, стремящийся выйти за ограду своего участка, за пределы своего социального положения, это такой крестьянин, который в союзе с революционным городом хочет нивернуть старый строй; это крестьянин, который стремится и заинтересован в просвещении, который стоит на позиции борьбы не за прошлое, а за будущее, стоит на союзе с пролетариатом в революционной борьбе против капитализма.

Ленин, стоя великим на позициях Маркса, применял и разработал это учение Маркса на богатейшем материале мирового революционного движения и на опыте русской революции.

Уже в своей брошюре «К деревенской бедноте» Ленин указывал на эту двойственность крестьянина. Эту двойственность он раскрыл дальше на опыте борьбы крестьянства за буржуазно-демократическую революцию. «У крестьянина есть рассудок и предрассудок, есть революционные способности человека эксплуатируемого и реакционные возведения хозяйчика, желющего «получить, а не отдать»¹. Ленин показал эту двойственность на поведении крестьянства в ходе буржуазно-демократической революции и при переходе к революции пролетарской. Наконец при утверждении пролетарской диктатуры в переходе к социалистическому строительству он вновь с особой силой подчеркнул эту двойственность и всю важность для пролетарской революции различия этих двух сторон.

В своей работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин писал: «Пролетариат должен разделять, разграничивать, крестьянина-труженика от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торговца, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта. В этом разграничении вся суть социализма».

Таким образом Ленин четко различал две стороны, две души крестьянина. Крестьянин как труженик — это полноправный брат рабочего и заслуживает полного уважения, он помогает нам в революции. Но в крестьянине есть другая душа — собственника, и как таковой он представителем трудящихся не является.

Если вследствие «души собственника» тенденции движения крестьянства и его экономики есть тенденции капиталистической, то вследствие «души труженика» имеется возможность при определенных условиях перевести его на социалистический путь.

Но этого еще недостаточно для полной характеристики крестьянства. Крестьянство не находится в состоянии неподвижной, сплошной и однородной массы. Наоборот, оно при капитализме находится в состоянии капиталистического разложения, дифференциации. Следовательно и подходить к нему следует дифференциально, к разным группам по-разному. Эта сторона вопроса также имеет исключительно важное значение для классовой борьбы пролетариата, для его успешного

руководства крестьянством в целях победы над капитализмом и построения социалистического общества.

Маркс и Энгельс выделяли в крестьянстве на одном полюсе пролетарий и полупролетариев, на другом — капиталистическую, кулацкую верхушку и наконец — среднее крестьянство.

Сельские пролетарии — это один из отрядов рабочего класса. Его положение и интересы вполне совпадают с интересами городского пролетариата. По отношению к крупным землевладельцам речь идет об экспроприации, конфискации их имений и предприятий и организации на этой основе крупного социалистического с.х. производства. «Здесь следовательно, — говорит Энгельс, — мы можем открыть сельским пролетариям такие же блестящие перспективы, которые сияют и перед глазами промышленных рабочих» («Крестьянский вопрос»).

Имеется кроме того многочисленная группа, которую можно назвать полупролетариями деревни. Это — бедное крестьянство. Оно владеет некоторыми средствами производства, орудиями, клочком земли и т. п., но размеры этих средств настолько ничтожны, что получаемые с них средства к жизни далеко не достаточны. Отсюда — кабала зайточному, продажа рабочей силы в город или кулак. Положение этой группы крестьянства — положение вечного недохода, которого труда и знерской эксплоатации.

Парцелла, принадлежащая будто бы крестьянину, отдает всю прибыль, проценты и ренту в руки капиталиста, а самому земледельцу предоставляется лишь кое-как выколачивать заработную плату»².

Эта группа — скрытая резервная армия труда, удобная и необходимая в гигантском механизме капиталистического производства для максимального выжимания прибавочной стоимости как в городе, так и в деревне.

Эта группа может быть надежным союзником и опорой пролетариата в борьбе за социализм.

С другой стороны, перед нами непримиримый враг пролетариата и беднейшего крестьянства — кулачество и капиталистическое фермерство, зверски эксплоатирующее маломощное крестьянство. На о какой двойственности природы, ни о какой возможности перевода его на рельсы социализма говорить не приходится. «Если эти крестьяне хотят, чтобы мы гарантировали им продолжение их хозяйства, то мы безусловно не можем им этого предложить»³. Так определил Энгельс отношение пролетариата к крестьянам, пользующимся наемным трудом.

Кулачество — это враг, который не переделяют, а уничтожают в борьбе.

Только слепые и абсолютно не разбирающиеся в классовых отношениях правые оппортунисты могли утверждать обратное.

Наконец имеется среднее крестьянство, которое Энгельс охарактеризовал в следующих словах: «Под мелким крестьянством мы разумеем здесь собственника для арендатора, — главным образом первого, — участка земли, обыкновенно не очень большого, что он в состоянии обработать силами своей собственной семьи, и не меньше того, сколько необходимо для прокормления этой семьи. Такой мелкий крестьянин, так же как и мелкий ремесленник, есть следовательно работник, т. е. отличающийся от современного пролетария, что он еще владеет своими средствами производства... Налог, неурожай, дед или наследник, процесс гоним одного крестьянина за другим к ростоцину, задолженность становится все более общим явлением и все более тяжелой для каждого в отдельности, — одним словом, наш мелкий крестьянин, как и всякий другой пережиток прошлого способа производства, неминуемо осужден на гибель. Он есть

¹ Маркс, Борьба классов во Франции в 1848 г.

² Энгельс, Крестьянский вопрос, стр. 41, изд. 1920 г.

будущий пролетарий»¹. Крестьянство находится вечно на грани падения и в процессе этого падения. Это та группа, о которой так ярко сказал Маркс, что «сохранение или потеря условий производства зависит от тысячи случайностей; и каждая такая случайность или потеря равносильна обнищанию и потому представляет момент, когда может присосаться паразит-ростовщик. Достаточно, чтобы у мелкого крестьянина пала корова, и он уже не в состоянии снова начать свое воспроизводство в старых размерах. Следовательно он попадает в руки ростовщика и, раз попав к нему, никогда уже более не освободится»².

Только небольшой части среднего крестьянства удастся выбраться в зажиточные и затем, за счет массы менее счастливых соседей, — в кулаки, в капиталисты села.

Какое отношение этой группы к классовой борьбе пролетариата за социализм? Эта группа, как то и соответствует ее социально-экономическому типу серединой группы крестьянства, занимает колеблющееся положение между основными борющимися классами капиталистического общества.

«Так называемый «трудовой» крестьянин есть на самом деле мелкий хозяйчик или мелкий буржуа, который почти всегда либо занимается на чужую работу, либо сам нанимает рабочих. «Трудовой» крестьянин, будучи мелким хозяйчиком, колеблется и в политике между хозяевами и рабочими, между буржуазией и пролетариатом»³.

Если в качестве будущего пролетариата «он должен был бы охотно слушать социалистическую пропаганду», то «этому препятствует всегда еще вошедшее у него в плоть и кровь чувство собственности. Чем тяжелее становится для него борьба за его клочок земли, подвергавшийся стольким опасностям, тем с более упорным отчаянием цепляется он за него, тем более склонен он видеть в социал-демократе, говорящем ему о передаче земельной собственности в руки всего общества, столь же опасного врага, как в ростовщике и адвокате»⁴.

Следовательно именно по отношению к среднему крестьянину перед пролетариатом, visando власть, стоит самая трудная задача: убедить его в необходимости и выгоды идти вместе с пролетариатом, задача окончательно оторвать его от буржуазии и привлечь на свою сторону.

Только марксистско-ленинский анализ крестьянства, процессом дифференциации его на различные социально-экономические группы позволили рабочему классу СССР установить правильную политику в деревню на всех этапах революционной борьбы и обеспечили полную победу социализма над капитализмом.

Пролетариат повел все крестьянство на свержение паразитизма и сверж его; повел беднейшее крестьянство при нейтрализации середины а против капитализма за диктатуру рабочего класса и завоевал и упрочил ее. Подозащитой опоры на бедноту, прочного союза с середняком, при непримиримой борьбе с кулаком, пролетариат повел бедноту-середняцкие массы на организацию Колхозного строя, на ликвидацию кулачества как класса.

Преодолевая собственническую сторону природы среднего крестьянина осуществил «великий перелом» деревни к социализму.

Колхозный строй в СССР создан, а кулачество как класс разгромлено. Тем самым измененно в корне положение бедноты-середняцких масс деревни. «Мы добились того, что, войдя в колхозы и пользоваться там лучшей землей и лучшими орудиями производства, миллионные массы бедняков поднялись до уровня середняков. Мы добились того, что миллионные массы бедняков, жившие раньше широко, стали людьми обеспеченными. Мы добились того, что подорвали расслоение крестьян на бедняков и кулаков, разбили кулаков и помогли беднякам стать хозяевами своего труда внутри колхозов, стать середняками» (Сталин). Но этого теперь мало. Теперь задача заключается в том, чтобы укрепить организационно и политически колхозы, уничтожить окончательно остатки разбитого кулачества, поднять производительность колхозного труда, переоснастить колхозное крестьянство в социалистическом духе.

«Мы должны теперь добиться того, чтобы сделать еще один шаг вперед и помочь всем колхозникам, — и бывшим беднякам и бывшим середнякам, — подняться до уровня зажиточных» (Сталин). Так и только так может быть решена проблема крестьянства. Только на этом единственном пути оно может найти выход из того положения угнетения и эксплуатации, в котором оно в течение столетий находилось при капиталистическом строе.

Диктатура пролетариата, наличие в ее руках хозяйственных командных высот, наличие индустрии, способной реорганизовать все сельское хозяйство и политика по отношению к крестьянству — таковы основы учения Маркса и Энгельса о возможности социалистического преобразования деревни. Причем это относится одинаково как к деревне со слабым развитием капитализма (наличие общины), так и к деревне, завоеванной капитализмом, с наличием крестьянина как частного товаро-производителя.

В самом деле. Возьмем отношение Маркса и Энгельса к русской общине. Будучи решительно против утраты народничества, они в то же время твердо считали, что, если бы сохранились все необходимые для социалистического преобразования условия, то и для крестьянства тогдашней России существует неоспоримая возможность перехода ее (общины) в высшую форму общности, и если Россия будет продолжать идти по тому же пути, по которому она шла с 1861 г., то она лишится самого прекрасного случая, какой когда-либо представляла история какому-либо народу для избежания всех злоключений капиталистического строя»⁵. Конечно речь идет здесь не о народничестве «чисто» избежать эти злоключения, а совсем о другом. «Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе будут дополнять друг друга, тогда современное русское общинное земледелие сможет послужить исходной точкой коммунистического развития»⁶.

— Мысль высказана с предельной ясностью. В условиях России 90-х годов прошлого столетия, когда примитивный капитализм в России был слабо развит, а пролетариат был малочислен, не организован и лишь начинал свою революционную историю, когда капитализм Запада был уже вполне развит и там пролетарская революция была вполне возможна, — Маркс и Энгельс считали возможным некапиталистический переход деревни от общины к социализму под руководством западноевропейского пролетариата и на базе его социалистической примитивности. Эту же мысль высказал Энгельс в 1886 г. (в письме к Веригину) относительно родовых учреждений Болгарии. Он писал, что в случае европейской революции «в их родовых учреждениях имелся бы чудесный росток для развития ком-

¹ Энгельс, Крестьянский вопрос, стр. 25—26, изд. 1920 г.

² Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 140.

³ Ленин, т. XVI, стр. 474.

⁴ Энгельс, Жалкий вопрос.

⁵ Маркс, Письмо в редакцию «Отечественные записки».

⁶ Энгельс, Предисловие к «Коммунистическому манифесту».

мунизма, точно так же как и в русском «мире», который теперь тоже у нас разрушается под носом».

Но и в условиях, когда община уже разложилась, когда налицо крестьянин как мелкий буржуа, как частный товаропроизводитель, неаграрно-индустриальный путь при победе пролетариата возможен. Этот путь — переход к товарническому производству.

«Крестьянский вопрос» Энгельса является блестящим ответом на этот вопрос.

Всем известно положение Энгельса, что чем больше будет число крестьян, которым мы не дадим спуститься до пролетариата и которых мы привлечем на свою сторону еще крестьянами, тем быстрее и легче совершится общественное преобразование: нам было бы бесполезно опираться с этим преобразованием того времени, когда капиталистическое производство поспеет развиться до своих крайних последствий, когда и последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин падают жертвами крупного капиталистического производства¹. Здесь мы имеем совершенно ясный ответ на вопрос о возможности некапиталистического развития мелких товаропроизводителей деревни при победе пролетариата, ответ не в бровь, а в глаза предателям из II Интернационала и контрреволюционному троцкизму.

Правда, та или иная степень преобразования в стране мелкобуржуазной собственности в деревне потребует и различных форм подхода к крестьянству. Формы кооперации должны быть в этом гибкими, а сроки преобразования — безусловно будут различными. Надо на каждом этапе строительства найти соответствующую форму соединения частного интереса с общественным. Надо вести дело преобразования, начиная с доступных и понятных массам форм их участия, таких форм соединения частного интереса с общественным, которые на каждом этапе обеспечивали бы победу общественных форм². Не перепрыгивая от крестьянского производства прямо к коммунизму и не идя на принципиальные уступки мелким товаропроизводителям, уметь найти переходные звенья, ведущие деревню к социализму.

Указания Маркса и Энгельса явились основой той политики по отношению к бедняцко-средним массам деревни, которую партия проводила под руководством Ленина и Сталина и добилась на этом пути гигантских побед. Величайший вклад в сокращение научного коммунизма, сделанный Лениным и Сталиным, заключается в разработке учения о кооперации, в открытии конкретных ступеней и форм перехода и в осуществлении этого плана кооперации в практике социалистического преобразования. Работая в кооперативном плане целую систему переходных форм, начиная с кооперирования товарооборота и кредита, через простейшие производственные мероприятия — прокатные пункты, машинные товарищества, контрактацию и т. д., — партия подвела массу вплотную к колхозному строю и осуществила их переход к этому строю. Партия осуществила его не путем разорения и позорения крестьянства, как того требовал по аналогии с капитализмом контрреволюционный троцкизм, и не путем «обогащения» верхушки деревни и уволения на самотек, как то пытались провести правые оппортунисты, а на базе подъема уровня бедняцко-средних масс, ограничивая эксплуататорские стремления кулачества, а при переходе к сплошной коллективизации и ликвидируя его совершенно. Только по этому пути наша партия в полном соответствии с указаниями Маркса — Энгельса решила величайшие задачи преобразования деревни.

III. Маркс и Энгельс о методах социалистического преобразования крестьянства

Для того чтобы возможность социалистического преобразования деревни превратилась в действительность, надо было найти ряд методов и в области руководства пролетариата на крестьянство и наметить систему мероприятий, обеспечивающих победу социализма. Кооперативный план Ленина — Сталина содержит, как известно, законченную систему методов и мероприятий соответственно каждому этапу. Их реализация обеспечила успешное решение задачи.

Эта система представлял собою прямую дальнейшую разработку тех указаний, которые даны Марксом и Энгельсом.

Как известно, одним из важнейших принципов социалистического преобразования мелкого крестьянства является добровольность перехода его к социалистическому способу производства. Этот принцип вытекает из сущности взаимоотношений пролетариата и крестьянства. Энгельс весьма энергично подчеркнул именно такой подход к крестьянству. Он говорил: «А мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина; мы будем делать все возможное, чтобы ему было совсем жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу и в случае, если он на это решится; в том же случае, если он еще не будет в состоянии принять это решение, мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке»³.

Этот принцип добровольности перехода крестьянства к колхозному строю наша партия под руководством Ленина и Сталина неуклонно проводила в жизнь, строго борясь с «левачками» перебивками. Ленина и Сталина многократно разъясняли всю важность и значение добровольности коллективизации.

«Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть... Действовать насильем, — значит погубить дело... Ничего глупее, как сама мысль о насилии в области хозяйственных отношений, отношений среднего крестьянства»⁴.

«Нельзя насильем колхозом силой. Это было бы глупо и реакционно. Колхозное движение должно опираться на активную поддержку со стороны основных масс крестьянства» (Сталин).

Но принцип добровольности вовсе не означает самотека, как это полагали правые оппортунисты. Задача заключалась в том, чтобы организовать добровольный переход. А это значит, наметить и активные меры в жизнь, приложить к тому же усилия, ряд таких мер, которые бы подготовили и обеспечили этот добровольный переход. Партия беспощадно боролась с теми, кто рассчитывал «плыть по течению плавно и спокойно» (Сталин), кто пытался стоять «слова руками», предоставлял хаосу развиваться куда хочешь. «Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его развитие» (Ленин).

Для перехода деревни к колхозному строю нужно обеспечить проведение целой системы мероприятий. В самом деле. Если политическая и хозяйственная власть находится в руках пролетариата, то спрашивается — каково отношение этой власти к организации нового строя в земледелии?

Находились и находятся люди не только среди буржуазных и мелкобуржуазных политиков и экономистов, но и в среде «коммунистов» (в лице правых оппортунистов), которые ставят вопрос так: пусть новый строй земледелия возникает сам собой; тогда это будет нормальный, естественный строй. Государство, мол, не должно вмешиваться и помогать новому строю, так как это было бы «искусственное» выражение, вмешательство

¹ Энгельс, Крестьянский вопрос.

² Энгельс, Крестьянский вопрос. Стр. 39, изд. 1920 г.

³ Ленин, т. XVI, стр. 430-431.

в естественный ход развития. Как известно, в старые времена с такого рода аргументами выступали народники против развития капитализма в России. После победы пролетариата эти аргументы пытались оперировать правые оппортунисты со своими теориями самотека и равновесия. Их поддержали в своих тактических и левых дислоках. Конечно эти теории не имеют ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Как смотрели на этот вопрос основоположники научного коммунизма?

В этом отношении мы имеем ряд совершенно бесспорных указаний Энгельса. Возьмем их оценку роли капиталистического государства. Еще в письме к Даниельсону, выступившему против русской капиталистической промышленности, посещая любую теллулярный характер, Энгельс о роли капиталистического государства говорил следующие:

«Если для России действительно требовалась собственная крупная промышленность, если она твердо решила иметь ее, то она не могла получить ее иначе, как при помощи хотя бы некоей степени правительственного покровительства (как вы допускаете это сами). С этой точки зрения вопрос о покровительстве становится только вопросом о степени, а не о принципе; самый же принцип был неизбежен».

Следовательно для Энгельса был важен вопрос об отношении государственной власти господствующего класса к развитию капиталистической промышленности. Если промышленность нужна, надо оказать правительственное покровительство. Весь вопрос в степени и этого покровительства, а отнюдь не в принципе, который неизбежен. Вот в чем суть. И Энгельс отмечал весьма существенную роль, которую сыграла правительственная помощь в развитии русского капитализма.

«Это обстоятельство (покровительство со стороны государства промышленности. — М. К.) влило в краткий период каких-нибудь двадцать лет такое развитие, которое при других условиях заняло бы быть может шестьдесят лет или более. Но быстрота развития ничуть не повредила на самую природу этого процесса, который, как вы говорите, ведет свое начало с 1861 г.».

Почти одновременно с этим выступлением Энгельса выступил Ленин, который едва ли знал тогда об этом письме. Взяв с теми же народниками и по тому же вопросу, Ленин писал: «Никогда еще не было на Руси политики невмешательства: всегда было вмешательство... в пользу буржуазии».

«Государство ни в каком случае не есть нечто инертное, оно всегда, действует и действует очень энергично, всегда активно и никогда пассивно».

Следовательно принципиальный вопрос был выяснен до конца еще тогда. Государственная власть как орган господствующего класса всегда вмешивается в ход экономического развития и помогает тому экономическому строю, в котором она заинтересована: В этом отношении государство не пассивный и инертный, а активный и энергичный фактор.

Самой собой понятно, что еще большую и принципиальную роль должно было сыграть пролетарское государство в плановом переводе мелкого крестьянского производства на рельсы крупного социалистического производства. Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях миллионов рублей, которых стоило рождение свободного капитализма. Теперь мы должны сознать и повторять в деле, что в наше время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный».

В полемике с Шульце и Лассалем Энгельс ясно говорил: «Мое предложение требует внедрения (подчеркнуто нами. — М. К.) кооперативов в существующее производство. Им надо, будет дать землю, которая в противном случае эксплуатировалась бы капиталистическим способом».

Помощь государства в деле организации нового строя земледелия таким образом абсолютно необходима и обязательна. В своей работе «Крестьянский вопрос» Энгельс указывает более детальные меры помощи крестьянам, переходящим к товарищескому производству.

«Возможно, что мы будем в состоянии предложить товариществам еще большие преимущества: принятие на себя национальным банком всего их опечного долга с сильным понижением процента, пособие на общественных средства для устройства крупного производства (пособие не непременно или преимущественно деньгами, но также и необходимыми продуктами: машинами, искусственным удобрением и т. п.) и разные другие выгоды».

Как видим, основной вопрос для Энгельса заключался опять-таки не в принципе, а в степени. Какие преимущества, а кую помощь пролетарское государство окажется в силах направить на дело коллективизации? И намечает целый ряд совершенно конкретных мер: кредит, машины, удобрения и т. д.

Затраты такого рода Энгельс считал «прекрасным употреблением капитала».

«Материальные жертвы, которые придется принести в этом смысле в интересах крестьян из общественных средств, с точки зрения капиталистической экономики могут показаться выброшенными деньгами, а между тем это — прекрасное употребление капитала, потому что они сэкономят в десять раз больше суммы при расходах на общественное преобразование в его целом. В этом смысле мы можем следовательно быть очень щедрыми по отношению к крестьянству».

Государство пролетариата должно нести материальные жертвы из общественных средств на общественное преобразование крестьянства, «чтобы хозяйственным путем» (Маркс) править бедняцко-среднекрестьянскую крестьянство к колхозному строю.

Только людям, подходящим к вопросу с точки зрения капиталиста, эти затраты кажутся «выброшенными деньгами». Здесь нельзя не вспомнить правых оппортунистов в нашей партии, выступавших против мероприятий партии и правительства, с обвинением в том, что деньги, затраченные на союзы и колхозы, выброшены «на ветер».

Это и есть взгляд капиталистический и очень точкой зрения, о которых говорил Энгельс. Наша партия в полном соответствии с учением Маркса-Энгельса с первых дней победы пролетариата намечала и последовательно, соответственно каждому этапу, проводила ряд мероприятий государственной помощи новому строю и благодаря этому успешно организовала этот строй.

Возьмем такие мероприятия, как государственные хозяйства в земледелии. Из практики СССР мы знаем, какую огромную роль играли и играют союзы в освоении страны и в социалистической реконструкции сельского хозяйства.

Следует отметить, что по вопросу о государственных хозяйствах в земледелии мы опять-таки находим ряд ценнейших мыслей у основоположников научного коммунизма. Прежде всего об отношении пролетарской власти к крупным земельладельцам и капиталистам на земле.

¹ Ленин, т. I, стр. 238.

² Там же, стр. 239.

³ Ленин, том XXV, стр. 393.

¹ Письма Энгельса к Бебелю 20 января 1886 г. «Архив», т. I, стр. 329.

² Энгельс, Крестьянский вопрос, стр. 39, изд. 1923 г.

³ Там же.

«Земледелец или крупный арендатор стоит совершенно в тех же самых отношениях к сельскому (брату) как капиталист к промышленному рабочему... Сельские рабочие только тогда могут избавиться от своей убогой нищеты, когда прежде всего их главное орудие труда, т. е. сама земля, будет выхвачена на частной собственности крупных крестьян или еще более крупных помещиков, перейдет в общественную собственность и будет обрабатываться товариществами сельских рабочих в их общую пользу»¹.

Следовательно в условиях пролетарской революции следует изъять землю у помещиков и капиталистов и организовать на ней товарищество сельских производителей.

Энгельс неоднократно останавливается на этом вопросе. Он указывает на отличие в подходе пролетарской власти к отдельным группам крестьянства и к капиталистам сельского хозяйства.

«Совершенно просто дело обстоит только с крупным земледелием. Здесь перед нами ясное неприкрытое капиталистическое производство, и в этом случае у нас уже не может быть никаких сомнений. Здесь мы встречаем массовый сельский пролетариат и задача наша ясна. Как только наша партия овладеет государственной властью, она просто экспроприирует крупных земледельцев, совершенно так же, как промышленные фабриканты»².

Следовательно там, где налицо крупное земледелие и капиталистическое сельскохозяйственное производство, где налицо массовый с.-х. пролетариат, там первая задача революции — экспроприация всех средств производства у помещиков и с.-х. капиталистов. Экспропрированные таким образом средства предоставляются организующимся в товарищества сельским рабочим.

«Возвращение таким образом обществу крупные имения мы предложим обрабатывающим их в настоящее время и организующимся в товарищества сельским рабочим в пользование под контролем общества, — на каких условиях, это теперь нельзя сказать определенно».

Энгельс был достаточно осторожен, чтобы не связывать будущую пролетарскую власть какими-либо конкретными условиями пользования этими средствами производства. Главное — это организация общественного производства и под контролем общества.

В условиях пролетарской революции в России эта организация на базе бывших имений должна в двух формах — в форме совхозов и в первые годы революции в форме с.-х. коммун.

Начав в силу отсталости России в технико-экономическом отношении с немногочисленными совхозами и с.-х. коммун, Советский союз имеет в настоящее время мощную сеть крупных родовых государственных хозяйств и колхозов как в земледелии, так и в животноводстве, абсолютно преобладающую в сельскохозяйственной экономике страны.

В теснейшей связи с организацией крупных социалистических предприятий в земледелии стоит такой важный метод подготовки широких масс деревни к переходу на колхозный путь, как организация показа опыта нового способа ведения хозяйства на земле, показа преимуществ крупного социалистического производства по сравнению как с мелким крестьянским, так и с крупным капиталистическим.

Маркс и Энгельс придавали большое значение этому вопросу. Они говорили: «Пример этих земледельческих товариществ убедит и последних, еще сопротивляющихся мелких крестьян, а вероятно и некоторых крупных

в преимуществах товарищеского крупного производства»³. Следовательно пример и показ совхозов и передовых колхозов, по мысли основоположников научного коммунизма, должен был сыграть, и в практике СССР сыграл, крупную роль в убеждении колебавшихся и отсталых слоев деревни в переходе к новому строю.

Организация образцов, показу преимуществ нового строя Ленин велел за Марксом и Энгельсом также придавать исключительное значение.

«Мы после победы над врагом в открытой борьбе должны создать такой пример, который бы не убеждал словами, а показывал на деле всей громадной массе крестьян и мелкобуржуазным элементам и остальным странам, что коммунистический строй, уклад может быть создан пролетариатом, победившим в войне. Эта задача имеет всемирное значение»⁴.

В той же речи Ленин подчеркнул, что значение образцов и показа на практике более высоких экономических отношений, чем крестьянская экономика, необходимо, тем более, что сдвиг пор крестьянство только в этот старый порядок и верит, до сих пор его считает нормальным».

Партия и советская власть всегда предвещали как непереносное требование к каждому социалистическому сельскохозяйственному предприятию, чтобы оно служило примером окружающему населению, чтобы оно не замыкалось в свою собственную скорлупу, а было бы теснейшим образом связано с крестьянскими массами и оказывало им помощь, подготовку последним тем самым к переходу на социалистический путь. «Если не научатся управлять крупными имениями, если не превратят их — раз они сейчас поставлены в лучшие условия, чем другие имения — из образцов эксплуатации, где раньше выжимали кровь и пот из рабочих, в образцы товарищеского хозяйства, то в этом будет вина самих трудящихся»⁵.

Ход и итоги социалистической переделки деревни полностью доказали исключительное значение крупных образцовых совхозов и колхозов.

Остановимся еще на одном важном вопросе — о роли самих масс трудящихся деревни в социалистической реконструкции.

«Где идет дело о полном преобразовании общественного строя, — пишет Энгельс, — там массы сами должны участвовать в этом преобразовании, сами должны понимать, в чем дело и за что они должны вступить. Этому научила нас история последнего пятидесятилетия. Но чтобы массы поняли, что следует делать, для этого требуется долгая настойчивая работа».

Эту роль участия самих масс крестьянства превосходно понимал Ленин. На VIII съезде советов он указывал: «Мы были и остались страной мелкокрестьянской, и переход к коммунизму нам неизмеримо труднее, чем при каких других условиях. Для того, чтобы этот переход совершился, нужно участие самих крестьян в десять раз больше, чем в войне»⁶.

«Нужно повлиять другой трудностью — убедить беспартийных крестьян. Крестьяне социалистами не являются. И строить наши социалистические планы так, как если бы они были социалистами, значит строить на песке, значит не понимать наших задач, значит не научиться за три года соразмерять наши программы и проводить наши начинания в соответствии с той нищей, подчас убогой действительностью, в которой мы находимся. Надо, чтобы эту несомненную истину каждый беспартийный крестьянин понял, и мы уверены, что он ее поймет. Он пережил все эти шесть лет мучительных и тяжелых не даром. Он не похож на довоенного мужика»⁷.

Дальнейшее блестящее развитие и применение этого положения дал Сталин.

¹ Энгельс, Крестьянский вопрос, стр. 42, изд. 1929 г.

² Ленин, т. XXV, стр. 490.

³ Ленин, т. том XXIV, стр. 40.

⁴ Ленин, т. том XXVI, стр. 37.

⁵ Там же.

⁶ Энгельс, Предисловие к книге «Крестьянская война в Германии».

⁷ Энгельс, Крестьянский вопрос.

Тов. Сталин учит: «не обгонять развитие масс, не декретировать движение масс, не отрываться от масс, а двигаться вместе с массами и двигать их вперед, подводя их к нашим лозунгам и убеждая их убедиться на своем собственном опыте в правильности наших лозунгов». «Партия, если она хочет быть действительным руководителем, должна уметь высказать, должна убеждать массы в правильности своей политики, должна помочь массам убедиться на своем собственном опыте в правильности этой политики».

И партия и советская власть всегда шли вместе с массами, но всегда впереди масс, не отрываясь от них и не плетясь в хвосте.

Руководство массами, завоевание их на основе правильной политики во взаимоотношениях пролетариата и крестьянства были значительно облегчены тем, что партия проводила огромную разъяснительную работу среди бедняцко-середняцких масс крестьянства.

Еще Энгельс указывал, что «главное дело тут в том, чтобы высказать крестьянину, что спасти или удержать его усадьбу и земельную собственность мы можем, только превратив их в товарищескую собственность и товарищеское производство... Неужели нельзя дать понять крестьянам, что это в их собственных интересах, что это их единственное средство спасения»¹.

На роль разъяснительной работы неустойчиво и многократно указывал Ленин. В своей речи на всероссийском совещании политпросветов он говорил: «Каждый агитатор должен быть государственным руководителем всех крестьян и рабочих в деле экономического строительства».

Ленин отмечал, что крестьянин «сам уже понимает, что по старому жить нельзя, что надо жить по-иному, и мы должны все наши средства пропаганды, все наши государственные возможности, все наше образование, все наши партийные средства и силы, все это ударным порядком направить на то, чтобы убедить беспартийного крестьянина»².

Партия под руководством Ленина и Сталина, в полном соответствии с указаниями Маркса и Энгельса, организовала и плетла в жизнь мощную систему мероприятий, направленных к тому, чтобы убедить крестьян в необходимости перехода к колхозному строю. И убедившись в этом, бедняцко-середняцкие массы Союза ССР прочно перешли на новый путь. Они ринулись сейчас практически уже новые, более высокие задачи — организационно-хозяйственного и политического укрепления колхозов.

Таким образом кооперативный план Ленина—Сталина, являющийся гениальным творением человеческого мозга, представляет собой дальнейшую разработку учения Маркса—Энгельса и является обращением теории и практики большевистского планирования.

Маркс о производительности труда при капитализме и социализме и социалистическое строительство в СССР

1

В монументальном учении К. Маркса категория производительности труда является одним из краеугольных камней. В ее основе органической связи с ней он развернул свою гениальную теорию стоимости и прибавочной стоимости, представляющую мощный фундамент научного социализма. Предшественники Маркса в области политической экономии и лице представителей классической школы, как А. Смит и в особенности Д. Рикардо, первые поставили во главу угла исследование причинной связи между производительностью труда, с одной стороны, и содержанием и величиной стоимости, с другой стороны. Но классики, стоявшие у колыбели капитализма, перед которым еще расстилалась огромная историческая полоса бурного расцвета, и ограниченные к тому же как представители своего класса узостью буржуазного кругозора, рассматривали буржуазный способ производства как вечную естественную форму общественного производства и поэтому игнорировали форму стоимости, товарную форму продукта, характеризующую специфический исторический характер буржуазных производственных отношений. «Правда, — писал Маркс, — политическая экономия исследовала, хотя и недостаточно, стоимость и величину стоимости и раскрыла заключающееся в этих формах содержание. Но она ни разу даже не поставила вопроса: почему это содержание принимает такую форму, другими словами — почему труд выражается в стоимости, а продолжительность труда как его мера — в величине стоимости продукта»¹.

Подчеркивая как один из основных недостатков классической политической экономии ее неспособность вывести из анализа товара форму стоимости, Маркс попутно отмечает недостаточность ее анализа стоимости также и с количественной стороны.

После этого не приходится удивляться тому, что вульгарная политическая экономия, выступившая как идеология буржуазии на ее зрелом этапе и столкнувшаяся лицом к лицу с революционным учением пролетариата, выволакиваемым Марксом, извратила из теории стоимости малейшие следы труда как сущности или стоимости. В частности крайне показательны например такой факт, что дебаты, развернувшиеся по вопросу о производительности труда на состоявшемся в 1900 г. в Вене съезде Союза социальной политики, на котором собрался цет буржуазных представителей политической экономии Германии и Австро-Венгрии, закончился под большим вопросительным знаком. Маститые жрецы профессорской буржуазной науки настолько запутались в своих «системах», что встал вопрос о том, насколько вообще целесообразно сохранить в «науке» понятие производи-

¹ Энгельс, *Крестьянский вопрос*.

² Ленин, том XXVI, стр. 38.

¹ Маркс, *Капитал*, том I, стр. 48, Гиз, 1920 г.

тельности труда и не следует ли «выбросить его в Оркус, где ему и надлежит быть», по выражению Маркса Вебера. Буржуазность буржуазной науки было еще более подчеркнуто тем, что в ответ на это решительное предложение Вебера были приведены возражения такого характера, что «неудобно де выбрасывать из «науки» понятие, по которому развивается реальная жизнь»¹.

В. Зомбарт, вспоминая не бра проишхуа дебаты на венском съезде в 1901 году, написавший спустя двадцать лет², в свою очередь несколько не удержался от замечаний, в которые попали его коллеги. В результате его усилий профессорская «коллекционная тетрадь» обогатилась новейшим материалом из почти десятилетия классификаций производительности труда, имеющих весьма отдаленное отношение и к рассматриваемой категории. В конце 90-х годов, когда Зомбарт считал еще возможным констатировать с М. Коом, он писал: «Стоимость товаров есть специфически историческая форма, через которую проходит, обуславливая ее, общественно-производительная сила труда»³. Стенность общественной производительности труда, ее изменение и т. д. в конце концов «обуславливают» цену, норму прибавочной стоимости, сложившую организацию экономической жизни общества. Теперь же он принимает за разработку проблемы производительности труда с тем, чтобы доказать производительность генерального предпринимателя, производительную функцию военно-полицейского аппарата империалистического государства, оберегающего «труд этого предпринимателя. Само собой разумеется, что к той же категории производительного труда относ и си и труд нашего автора. Но мы уже видели из цитированной статьи, насколько в действительности «производитель» его собственный труд.

Только Маркс на основе созданной им теории диалектического материализма и ее применения к научному анализу человеческого общества сумел разработать правильное учение о производительности труда, которое не только ведет нас через запутанный лабиринт капиталистического строя, но и является руководством к действию в наших условиях, в условиях строительства социалистического общества.

Маркс писал, что «при всяких условиях по рабочее время, которого стоит производство средств существования, должно было интересоваться людей, хотя и в неодинаковой степени на разных ступенях развития»⁴. Рост производительности общественного труда является необходимым условием существования развивающегося человеческого общества. Только на этой основе возможен прибавочный продукт, необходимость которого обусловлена уже одним количественным ростом данного общественного коллектива, не говоря о росте потребностей членов этого коллектива. Но вместе с появлением прибавочного продукта, который предполагает в свою очередь известное развитие общественного разделения труда, создаются условия для классового расслоения общества. «Если, что если бы для производства жизненных средств рабочего... рабочему нужно было бы работать весь свой день, то никакая прибавочная стоимость не была бы возможной, а, следовательно, не был бы возможен и никакое капиталистическое производство и никакая наемный труд»⁵. Далее ясно, что если для существования прибавочного труда необходимо предположение известного развития производительности труда, то одна возможность этого прибавочного труда — т. е. наличие указанного необходимого минимума производительности

труда — еще не создает действительности труда, еще не создает действительного существования прибавочного труда. Рабочий должен быть сначала вынужден работать свыше указанного предела, и это вынужденное производство капитала»⁶. С точки зрения Маркса одной объективной в «экономике» и «истории» выполнять прибавочный труд, которая дается, как он отмечает в другом месте, при исследовании земельной ренты⁷, с одной стороны, плодородием природы, а с другой стороны, — развитием общественной производительной силы труда, — еще недостаточно. Для превращения возможности в действительность существенным элементом является принуждение. В совокупности этих условий дала экономическая основа для возникновения классов в классового господства. С этого момента развивается процесс поляризации общества, появление праздных пожирателей, вассалов прибавочного труда на одном полюсе и рост эксплуатируемого масс на другом полюсе. Одновременно создается стимул для повышения производительности труда в целях расширения размеров прибавочного продукта.

Свои взгляды Маркс резюмирует в следующих положениях, дающих кратчайшую материалистическую понимания истории и классовых борьбы: «Та специфически экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, на котором оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. На этом основаны все процессы формирования экономической структуры общества и вместе с тем его специфическая политическая форма. Непосредственное отношение собственности к производству к непосредственным производителям, — отношение, являясь данной формой которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сопряженную основу всего общественного строя, а следовательно и политической формы отношений суверенитета и зависимости; короче: всякой данной специфической формы государства»⁸.

Таким образом каждая последующая историческая ступень общественных трудовых связей является специфической исторической формой для развития общественной производительной силы труда и поднимает ее на новый, более высокий уровень. В этом — историческая миссия последовательно сменяющих друг друга общественных формаций. Можно сказать, что прогрессивные эпохи экономического формирования, на которые Маркс в общих чертах делит человеческую историю, а именно: античный, античный, феодальный и буржуазный способы производства и соответствующие им исторические формы организации труда, как то: первобытный родовой, рабский, крепостнический и наемный труд, — каждый в отдельности представляют определенный исторический этап в развитии производительности труда, равно как каждому из них присуща своя специфическая форма принуждения к труду, иными словами — своя особая социальная организация труда. Приходится однако выделить капиталистический строй, как наиболее крупный и значительный этап человеческой истории и в развитии производительности труда; предыдущие формации имели в основном натуральную форму и не обнаруживали коренных сдвигов в производительности труда как по уровню, так и в динамике.

На первых своих ступенях человеческое общество характеризуется крайне примитивным уровнем развития производительности труда, соответствующим неразвитости самого способа труда. «Первоначально единство

¹ Свою теоретическую беспомощность буржуазная наука продемонстрировала еще раз на съезде той же организации в 1926 г. по вопросу о народном доходе. Большинство ученых на этом съезде отвергло реальность этой категории. Корень этого запредельного ретроградизма несомненно содержится в полном или частичном отрицании буржуазной научной сущности, а тем самым и прибавочной стоимости как закона движения товарно-капиталистического общества.

² W. Sombart, Produktivität, «Weltwirtschaft. Archiv», Juli 1928, Band 28.

³ В. Зомбарт, К истории экономической системы К. Маркса, Научное обозрение, 1908 г. № 1.

⁴ Маркс, Капитал, том I, стр. 40.

⁵ Маркс, прибавочная стоимость, том II, часть I-я, изд. 1923 г., стр. 93.

⁶ Маркс, Капитал, том III, часть 3-ья, ГИЗ, 1923 г., стр. 175.

⁷ Там же, стр. 327. Приведенная надпись исправлена нами по немецкому тексту.

между рабочим и средствами производства... имеет две главные формы: азиатская община (первобытный коммунизм) и мелкое родовое сельское хозяйство (с которым связана домашняя индустрия) в той или другой форме. Обе формы являются детскими формами и одинаково не годятся для того, чтобы развить труд как общественный труд и производительность общественного труда. Отсюда необходимость разделения, разрыва, противоположности между трудом и собственностью. — Последнюю нужно понимать как совокупность на условия производства. Последняя форма этого разрыва, когда и то же время сильнее всего развиваются производительные силы общественного труда, получается при капитале. Лишь на материальной основе, которую он создает, и благодаря тем революциям, которые продвигает в процессе этого создания рабочий класс и все общество, сплоса может быть создано первоначальное единство¹.

Для того чтобы подняться на высшую ступень в историческом развитии производительной силы общественного труда и воспользоваться накопленными плодами, — трудящиеся массы должны были преодолеть гигантские переломы в общественных условиях и способах производства, пройти последовательно в продолжение многих веков через чистилище рабства, крепостничества и капиталистической эксплуатации и в нарастающих классовых схватках расчистить почву для непосредственного руководства общественным производством. Но и после свершения буржуазия прочная победоносного общественного уклада может быть закреплена тем, что производительная сила общественного труда будет поднята на новую историческую ступень. Это — основной тезис марксизма-ленинизма. «Производительность труда — это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую, производительность труда» (Ленин). Известный уровень производительности труда является, как мы видели, исторической предпосылкой для познания классов и классового господства; в свою очередь, для уничтожения классов и для окончательной победы социализма необходим новый гигантский размах в развитии производительной силы общественного труда.

II

Анализируя понятие производительного труда у А. Смита, Маркс пишет: «Тут А. Смит точно замечает, что в действительности сильное развитие производительности труда начинается только с того момента, когда он становится наемным, и условия труда противопоставляются ему, с одной стороны, в виде земельной собственности, а с другой — в виде капитала. Развитие производительных сил труда впервые начинается, стало быть, только при таких условиях, которые не позволяют рабочим пользоваться результатами этого развития². Здесь важно выделить два фактора, которые интересуют Маркса: одно — положение о том, что при капиталистическом способе производства развитие производительной силы труда идет не в пользу рабочего и за счет рабочего; другое — положение, сводящееся к тому, что рост производительной силы труда является исторической тенденцией, тесно связанной с капиталистическим способом производства.

Наиболее глубоко выражена суть взглядов Маркса в записках Ленина о том, что «капиталистическая организация общественного хозяйства... развивает производительность общественного труда, и тем самым вносит такой элемент, который становится в неперемозимом противоречии с основами самой этой капиталистической организации»³.

Маркс кратко называет капиталистическим способом производства определенное сочетание общественных связей и технических приемов. Какая же связь существует между развитием капиталистической системы и ростом производительности общественного труда?

Значительные сдвиги в развитии производительных сил общественного труда всегда обусловлены изменением способа производства. И Маркс в созданной им грандиозной теоретической системе показывает прогрессивное развитие общественной производительной силы труда и изменение производственных отношений, вызванное этим развитием одновременно с нарастающим классовым противоречием, подготовляющим взрыв всего капиталистического общества.

В условиях чистого общества конкурентная борьба принуждает независимых предпринимателей, в погоне за прибылью, удешевлять производство за счет экономии на рабочей силе, вводить технические усовершенствования на своих предприятиях, развивать производительность труда, добиваясь понижения индивидуальной стоимости товара по сравнению с рыночной и извлекая за счет этой разницы сверхприбыль. Но та же жажда прибыли гонит к превращению нового способа производства во всеобщий и к ликвидации временной выгоды, получаемой наиболее выдвинувшимися группами предпринимателей. Этот механизм конкуренции является методом перехода товарнокапиталистического общества на более высокий уровень в развитии своих производительных сил и производительности общественного труда. Для рабочего класса это означает увеличение эксплуатации и возрастание степени подчинения живого труда мертвым средствам производства.

С разложением мануфактуры и победой машинной индустрии развивается специфически капиталистический способ производства, формально поднимая и продвигая труд к новым, реальным, развивающимся ступеням производительности силы труда. На базе роста производительной силы общественного труда одновременно с производством абсолютной прибавочной стоимости развивается производство относительной прибавочной стоимости, которое, по выражению Маркса, революционизирует в корне как технические процессы труда, так и общественные группировки. Но механизация производственного процесса вместо облегчения человеческого труда привнесла с собой усиление эксплуатации рабочего, выражающееся в увеличении рабочего дня и интенсификации труда. Капиталистическая индустриализация, интенсивное накопление основного капитала, рост концентрации и централизации капитала означают повышение органического состава капитала и в связи с разложением процесса на его отдельные части повлекли за собой замену искусного ремесленного труда обыкновенным простым трудом, мужицким — женскими, взрослых — детьми. Таким образом социально-экономическим выражением противоречия развития производительности общественного труда было повышение формы прибавочной стоимости и относительное падение стоимости, а следовательно и цены рабочей силы, — короче, усиление капиталистического гнета.

Критерием общественной производительности труда в капиталистическом обществе является размах и мощность средств производства, которые применяет отдельный рабочий. Этот показатель характеризует уровень развития данного общества, его техническую, а в densном выражении и органическую структуру капитала. А развитием накопления и сопровождающей его централизацией повышается состав капитала, что обуславливает рост производительности общественного труда. Вместе с тем в ходе накопления всегда наступает такой момент, когда развитие производительности общественного труда становится самым мощным рычагом накопления⁴. Но всеобщий закон капиталистического на-

¹ Маркс, Теория прибавочной ценности, том III, стр. 329.

² Маркс, Теория прибавочной стоимости, том I, стр. 91.

³ Ленин, Собрание сочинений, том I, стр. 62.

⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 636.

коления, на основе которого осуществляется историческое движение капиталистической системы, развивая одновременно и противоречия, вытекающие из антагонистического характера капиталистического способа производства.

Как указывает Маркс, «повышение производительности труда заключается именно в том, что доля живого труда уменьшается, а доля прошлого труда увеличивается, но таким образом, что общая сумма труда, заключавшаяся в товаре, уменьшается»¹. Эта тенденция к относительному уменьшению числа рабочих получает свое конкретное проявление в существовании относительного перенаселения, в наличии резервной армии безработных как неотъемлемой принадлежности буржуазного строя. Для характеристики производительности капиталистической системы в целом это расточительство по отношению к главной производительной силе общества имеет гигантское отрицательное значение. Что касается классовой стороны этого явления, то Маркс также дает ему не менее яркую оценку, ибо «растет масса нищеты, глота, голодания, вырождения и эксплуатации, то вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, выжженного, объединенного и организованного самым механизмом капиталистического процесса производств»².

Формой, в которой рассмотренные противоречия получают дальнейшее развитие, является тенденция нормы прибыли к снижению. В этой тенденции обнаруживается вытекающая из капиталистического способа производства характерная черта, что возрастающая масса постоянного капитала приводится в движение относительно все сокращающимся количеством рабочей силы. Постоянная тенденция общей нормы прибыли к понижению есть только выражение прогрессирующего развития общественной производительной силы труда, выражение, свойственное капиталистическому способу производства³. Вызванная противоречиями природа капиталистического производства, как толкает Маркс, приводит к тому, что норма прибыли сокращается не только, что труд становится менее производительным, а потому, что он становится более производительным.

На определенном пункте в развитии нормы прибыли выступает как тормоз для дальнейшего движения производства, ибо «капиталистическое производство приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требуют производство и реализация прибыли»⁴. Это препятствие снимается каждый раз кризисом, но таким путем, который неизбежно ведет к новому, еще более опустошительному кризису, иными словами — такими методами, которые ведут к развитию новых производительных сил за счет все большего разрушения уже произведенных производительных сил. В этом проявляется тот факт, что капитализм есть исторически преходящая форма для развития общественной производительной силы труда, что для него закон повелевающейся производительности труда имеет не безусловное значение. «Его (капитализма) — Л. Э.) историческое призвание — безудержное, подготавливаемое вперед в геометрической прогрессии развитие производительности человеческого труда. Он изменяет этому призыванию, поскольку... препятствует развитию производительности. Этим он только слова доказывает, что он дряхлеет и все более и более переживает себя»⁵.

В предвидении было показано, что в капиталистических условиях прогресс производительности общественного труда осуществляется не в интересах рабочего. Маркс указывает, что «нельзя проводить различия между увеличением производительности, вытекающим из развития общественно-

го процесса производства, и увеличением производительности, вытекающим из капиталистической эксплуатации этого развития». Он подчеркивает, что разделение труда при господстве капитала развивает общественную производительную силу труда за счет общей производительной способности рабочего. Эта двойственная природа капитализма приводит к такому накоплению противоречий, которые неминуемо подготавливают гибель капиталистической системы и ее замену более прогрессивной социалистической системой. «Капиталистический способ производства — самый производительный, каким он безусловно и является по сравнению с предшествующими формами производства»⁶, — в этом заключается его историческая миссия. Но развитие производительности труда на капиталистическом баллисе отнюдь не является безусловным, абсолютным, и это служит лучшим свидетельством того, что капитализм — лишь исторический способ производства, соответствующий известной, ограниченной эпохе развития материальных условий производства.

Исторически ограниченный характер капиталистического строя обнаруживается крайне ярко на тех препятствиях, которые встречает на своем пути технический прогресс. Капитализм допускает внедрение машины не для сбережения труда, а для увеличения прибыли. Поэтому машина получает применение, если экономия на ее работе превышает затраты на покупку машины. Это крайне ограничивает область ее применения и задерживает темп технического прогресса. Что касается массового обновления оборудования, которое обычно сопровождается обесцениванием прежнего капитала, то оно становится необходимостью только под напором особых катастрофических условий. «Катастрофы, кризисы — вот что главным образом принуждает к такому преждевременному возобновлению производственных принадлежностей в широком общественном масштабе»⁷.

Эти же капиталистические ограничения проявляются и в вопросе об оптимальном размере капиталистического предприятия, являющегося крупнейшим рычагом в развитии производительности труда. С одной стороны, лимитом здесь является капиталистическая рентабельность, другим лимитом выступают размеры капитала, определяемые для каждого данного предприятия достигнутым уровнем технического развития. Поэтому крупнейшие предприятия приобретают монополистический характер, но тем не менее повсюду сохраняется еще много мелких и средних предприятий, упорно отстающих свое существование за счет максимальной эксплуатации занятой в них рабочей силы — все равно чужой или собственной. Все это свидетельствует о том, что хотя капитализм развивает и технику и концентрацию производства, подготавливает материальные условия для нового строя, но далеко не использует имеющихся возможностей, ибо технически рациональное и выгодное в капиталистических условиях не является еще рентабельным с экономической стороны. «Поэтому в коммунистическом обществе, — замечает Маркс, — машины нашли бы совершенно иную арену, чем в буржуазном обществе».

Исходя из исторически преходящего характера буржуазных производственных отношений, Маркс показывает на основе глубокого анализа, как эти отношения на определенном историческом этапе из формы развития производительности общественного труда превращаются в оковы этого развития.

Благодаря своей гениальной прозорливости и мастерскому применению диалектического метода он предвидел и научно доказал неизбежную гибель буржуазного общества в то время, когда капитализм переживает еще свой юношеский «Sturm und Drang» период.

¹ Маркс, Капитал, том III, часть 1-я, стр. 242.

² — Капитал, том I, стр. 662.

³ — Капитал, том III, часть 1-я, стр. 192.

⁴ Там же, стр. 240.

⁵ Там же, стр. 244.

⁶ Маркс, Теория прибавочной ценности, т. I стр. 197.

⁷ Маркс, Капитал, том II, стр. 143.

Характерно с этой точки зрения сопоставить два произведения Маркса, написанные им почти одновременно. Так, в «Низшта философии», в ответе Прудону, развивавшему идеологию мелкобуржуазного утопического социализма, Маркс приводит между прочим интересные исчисления производительности труда и развития производительных сил в Англии за период с 1770—1840 гг. По его подсчетам получается, что производительность рабочего дня в английском обществе увеличилась в течение 70 лет на 2 700%, т. е. в 1840 г. было произведено в 27 раз больше, чем в 1770 г.¹ В этом результате обнаружилось громадное преимущество машинного труда перед ручным трудом. Такого гигантского размаха производительных сил английский капитализм уже больше не видел. И тем не менее почти в то же время Маркс пророчески писал в «Немецкой идеологии»: «При господстве частной собственности эти производительные силы получают лишь одностороннее развитие, становясь для большинства разрушительными силами, и множество подобных производительных сил не находит вовсе приложения при режиме частной собственности. Эти выводы Маркс и Энгельс сформулировали в чеканной форме в 1847 г. в «Коммунистическом манифесте», обобщенном боевым духом этой революционной эпохи, документе, и понятие мобилизуемого революционной энергией рабочего класса.

Тормозящее влияние буржуазных производственных отношений на развитие производительной силы труда на дальнейшем этапе капиталистического развития — в эпоху империализма — блестяще развил Ленин. Мы видели, что уже Маркс, живший в эпоху капитализма свободной конкуренции, наблюдавший только слабые ростки финансового капитализма, констатируя, что капитализм дряхлеет и все более и более переживает себя. Энгельс имел возможность в конце своей жизни наблюдать более развитые зачатки монополистического капитализма в форме отдельных монополистических трестов и картелей, а также возрастающую роль экспорта капитала. Для него, как и для Маркса, было ясно, что капитализм уже пережил. В своем замечательном отклике на открытие Дебре, открытие, к которому впервые привлек его внимание Маркс, как видно из переписки обоих друзей, он гениально предвосхищает промышленное использование электрической энергии, которая, по его мнению, должна стать самым мощнейшим рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но для него было в то же время совершенно очевидно, что вместе с этими производительными силами примут такие размеры, при которых они перестанут руководить буржуазией.

Империализм сложился после смерти Энгельса. Ленин — продолжатель дела Маркса и Энгельса, подхватив марксистское учение на новую историческую ступень, — создал теорию империализма и подчеркнул как специфическую форму движения этой высшей и последней стадии капитализма — сосуществование монополии и конкуренции, форму, порождающую ряд особо острых противоречий. Неправомоем и скачкообразное, через катастрофы и потрясения, развитие производительных сил при империализме и характерные для монополий явления загнивания обостряют противоречие между развитием производительной силы общественного труда и капиталистическими производственными отношениями до огромного напряжения.

Монополии, выросшая на базе концентрации производства и капитала, развивают массовое стандартизованное производство на основе механизации и автоматизации. Чем мощнее размеры продукции, тем шире поле приложения капитала, тем выше производительность труда, во зато тем быстрее наступает переносимое рыночных капиталов. В колониальных и комбинатах — той или иной ступени обобществления труда при капитализме — паритет

с регулированием в порядке квот и других соглашений отчуждаемой на рынок продукции, монополисты пытаются ослабить свою зависимость от рынка. Но в капиталистических условиях эти попытки превращаются в свою противоположность, ибо, во-первых, комбинированная форма предпринятия ограничивается законом неравномерного развития; во-вторых, ведет к дальнейшему обострению противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения; в-третьих, систематически вступает в конфликт с козвильскими рынками.

С точки зрения монополиста поэтому более выгодной является политика сжатия производства, замораживания патентов, искусственного консервирования предприятий и т. д., политика, обеспечивающая удержание монополией цен на относительно более высоком уровне. Но это в свою очередь означает рост недогрузки производственного аппарата, понижение производительности труда по сравнению с объективно возможной, относительный рост так называемых общих издержек производства, с другой стороны — увеличение безработицы. Эти явления загнивания достигают громадных размеров в период всеобщего кризиса капитализма, который теоретически был предсказан Марксом. Именно в этот период высшей ступени обобществления, когда производительная сила общественного труда гигантски возрастает, монополистический капитал выступает как величайшая преграда социального прогресса, как сила, эксплуатирующая производительные способности общества путем их прямого разрушения.

Закономерности движения производительной силы труда и формы их проявления в период монополистического капитализма и в особенности в эпоху общего кризиса капитализма имеют крайне сложный характер. Только на основе общих законов капитализма и его монополистической стадии, выведенных марксистско-ленинской теорией, можно познать скрытую за внешней формой связь явлений. Конкретный ход исторического развития служит величайшей практической проверкой всяких теоретических построений, и в этом испытании марксистско-ленинизм одержал полную теоретическую победу, тем более ценную, что теория, как неоднократно подчеркивали Маркс, Энгельс и Ленин, является не только орудием познания, но и руководством к действию. Буржуазная наука потеряла всякое финанс, несмотря на торжественное возмездие каждый раз пахнущим марксизмом. Как по вопросу о производительности труда, так и по другим проблемам буржуазные экономисты и статистики сами приводят грузы материала, подтверждающие помимо их желания теоретические положения марксизма-ленинизма.

На примере САСШ, рассматриваемом ниже, ярко проявляются закономерности капитализма, характерные для периода его общего кризиса.

После дезорганизации производственного процесса, вызванного войной, кризисом 1921 г. и инфляцией, американское хозяйство обрнулось за декады 1920—1931 гг. весьма высокие темпы производительности труда, частично являвшиеся компенсационными. Средняя часовая производительность труда в обрабатывающей промышленности составляла, включая и нынешний кризис, за период 1920—1931 гг. 4,4%. Эта цифра резко колеблется как по отдельным годам, так и по отраслям и предприятиям. Закон неравномерного развития проявляется особенно резко в отдельные фазы, обнаруживая тенденцию к снижению темпа роста производительности труда в фазу оживления и к ускорению во время депрессии и острейшей фазы кризиса. Специфической особенностью неравномерного развития производительной силы труда за весь послесоветский период в целом является резкое отставание темпа прироста производства от темпа увеличения производительности труда, в отличие от довоенного времени, когда наблюдалась

¹ «Низшта философии», Гам., 1929 г., стр. 86.

² Архив Маркса и Энгельса, т. 1-й, стр. 241.

обратная динамика, что свидетельствует о далеко зашедшем процессе загнивания¹.

Интересны методы, которые pursue в ход американский капитализм и цели повышения производительности труда рабочих. По существу это те же методы, которые Маркс описал в «Капитале» в главе, посвященной анализу всеобщего закона капиталистического накопления, только более уточненные, более рационализированные, соответствующие высшей ступени капиталистического развития. Конечно и на нынешней стадии росли и развивались средства производства, увеличивался основной капитал, внедрялись новые методы организации производства, как стандартизация и массовое серийное производство, словом, развивались механизация и автоматизация. Но если на предыдущем историческом этапе повышение организаторской структуры капитала как мощного рычага в прогрессивном развитии производительной силы труда происходило таким образом, что при одновременном росте постоянной и переменной части капитала первая развивалась быстрее второй, то в эпоху всеобщего кризиса капитализма замедление роста переменного капитала представлял особо резко выраженный процесс. Проявлением этой специфической динамики в развитии переменного капитала в САСШ служат крупные сдвиги в соотношении активной и безработной части рабочего класса, а также в условиях и методах эксплуатации рабочей силы, в техниках вытеснения труда, сдвиги, отражающие процессы, называемые монополистической структурой капитала на стадии общего кризиса капитализма.

Американская промышленность достигла весьма высокого уровня развития производительности труда на основе широкого применения научной организации процесса производства и типификации труда, высшим выражением коих являются теориями и формам, последний логический вывод современной капиталистической техники. Немецкий исследователь современной техники Gottl-Ottliffenfeld правильно уясняет в теории признак достижения некоего предела в хозяйственном развитии капитализма. После того как трестированный американский капитал подошел к определенной грани в применении механического оборудования, в вытеснении людей механизмами, капитал взглянул за последние зрело — за рабочую силу. Путем тщательного анализа трудовых движений теориям стремятся выявить скрытые резервы рабочей силы. Теперь уже человеческий труд вытесняется не только машиной, но и человеком-машиной. Таково уже свойство капитализма, что здоровая мысль о регулировании рабочих приемов приобретает уродливые формы чрезмерной эксплуатации человека, переходящей вопреки предель, выходящейся в научную систему выжимания пота, по выражению Ленина. Но полного завершения эксплуатации рабочего достигает лишь в формах с его системой конвейера, подчиняющего все движения человека ритму автомата, отодвигая на задний план фабричного надсмотрщика с его штрафной палкой. Разве не находим мы у Маркса полного предостережения всей этой чудовищной системы расхищения рабочей силы, системы, в которой, как выразился словами Маркса, не человек применяет машину, а машина превра-

щает человека в свой придаток? Именно послевоенный период капитализма — до современного кризиса — характеризуется тем, что теориями и формам на чисто американского типа организации, пришедшим в форме рационализации в бизнес и менее всеобщий метод организации производства в ряде капиталистических стран.

Динамика производительности труда в американской обрабатывающей промышленности достигла такого пункта, что в 1931 г. требовалось уже всего 66 рабочих там, где в 1920 г. применялось 100 человек. Это ставит остро проблему компенсации для вытесненной рабочей силы. Маркс подробно показал в «Капитале», что компенсационный процесс как проявление всеобщности и зависимости рабочего от капитала. Маркс считал при этом, что «ускоряющиеся в растущей прогрессии накопление всего капитала становится условием того, чтобы можно было возместить определенное добавочное число рабочих, и даже того, чтобы, несмотря на постоянные метаморфозы старого капитала, уже функционирующие рабочие сохранили работу»².

Проблема компенсации крайне обостряется в период общего кризиса капитализма, так как в этих условиях нет ничего так предостерегающего, на которые выше указывает Маркс. Капиталистическая рационализация основана не на ускорении в растущей прогрессии накопления капитала, а в первую очередь на экономии на рабочей силе. Это подтверждается конкретным ходом капиталистического развития в послевоенный период. Например в американской обрабатывающей промышленности, по подсчетам прогрессивных исследователей³, численность рабочих, вытесненных в результате прогрессирующего развития производительности труда, составляла за период 1920—1931 гг. 3,1 млн. Правда, согласно осторожной оценке того же источника, относительно короткий период 1920—1931 гг. еще недостаточен для заключения о том, что рост выработки на одного рабочего был фактором перманентного вытеснения рабочих, по эта оговорка делает ударение на перманентном характере процесса, самый же процесс и его связь с развитием производительности труда не подвергаются сомнению.

Автор этого исследования склоняется к тому выводу, что в течение 1920—1929 гг. промышленность вновь вернула вытеснутых рабочих, хотя в конце этого периода — именно за 1926—1929 гг. — поглотительная способность промышленности ослабла. Но при этом он делает ряд существенных оговорок. Во-первых, процесс отталкивания рабочих сопровождался их обратным притяжением только в обрабатывающей промышленности; что касается других отраслей народного хозяйства, то оказывается, что в железнодорожном транспорте и в угольной промышленности рост хозяйственной активности был недостаточен для возмещения вытесненной рабочей силы. Это также относится к ряду отраслей обрабатывающей промышленности. Во-вторых, автор сознательно абстрагируется от безработицы, возникающей в ходе как общей динамики капитализма, так и в процессе развертывания капиталистического цикла и характеризующейся прямым «американским» масштабом. Об общем кризисе капитализма он естественно вовсе умалчивает. Третий его вывод гласит, что, хотя в обрабатывающей промышленности в основном и не наблюдалось перманентного вытеснения рабочей силы, временное отталкивание играло значительную роль в колебаниях занятости, о чем свидетельствует тот факт, что за период 1920—1931 гг., как уже указывалось, свыше трех миллионов рабочих, или около четверти миллиона ежегодно, потеряли работу в результате повышения производительной силы труда. Условно эти рабочие были снова погла-

¹ «Среднее по мировой статистике затупевают и тут сложную картину действительного развития, рассматривающего нас и тому же за относительно короткий период. Резкое несоответствие между темпами производства и производительности труда в первую очередь обусловлено снижением продукции по мере наступления кризиса. До развертывания кризиса оба показателя развивались параллельно с небольшим отставанием темпа производительности труда. Впрочем даже и такая динамика имеет то значение, что с нее сорван нравственный медленный рост занятии рабочей силы».

На эту особенность в развитии производительности труда в период общего кризиса обращали внимание, например, исследователи американского департамента труда еще в 1927 г., рассматривая ее как своеобразное послевоенного промышленного развития САСШ, связанное только с техническими факторами. См. «Monthly Labor Review», October 1927.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 616.

³ D. Weinstaub, The displacement of workers through increases in efficiency and their absorption by industry, 1920—1931, National Bureau of economic research.

ления. Но если учесть, что процесс компенсации требует для своего осуществления около полутора лет, то окажется, что среднее время, потерянное каждым выбранным рабочим, составит приблизительно $\frac{2}{3}$ года. С другой стороны, предположительное обратное иттирование эквивалентного числа рабочих является весьма слабым утешением для тех, кто стал жертвой процесса «замещения» и кто, возможно навсегда, оказался за бортом фабричного заведения.

Интересен вывод автора; он звучит совсем «по-марксистски». «В каждой данной стране... утверждает наш автор... с возрастающим числом мучимых занятий, с прогрессивной техникой темп роста физического объема производства не только должен опережать темп роста производительности труда, но еще являться значительно более быстрым, чтобы обеспечить добавочный спрос на рабочих для поглощения добавочной рабочей силы. Отсутствие этих условий будет иметь своим результатом постоянно растущий «резерв труда». Но именно общий кризис капитализма характеризуется постепенным исчезновением этих условий, и это резко обостряет противоречия в процессе возрастания производительной силы труда, проявляясь в усилении загнивающего характера капитализма. Какие конкретные формы принимает этот процесс, показывает развитие американского капитализма. В американских условиях, как и в прочих капиталистических странах, этот «резерв труда» находит себе частичное применение в разбуканной сфере обмена и распределения за счет сферы производства, в разбуканной отраслей, обслуживающих вкусы и прихоти буржуазии и т. д. Таким образом капиталистическое общество на последнем своем этапе развивает специфическую структуру в «распределении» общественного труда: наряду с увеличением постоянной безработицы и крайним напиранием занятых рабочих интенсивно развивается многообразие форм непроизводительного труда, гигантская надстройка, возвышающаяся над все более сужающимся базисом производительного труда. Это не может не отразиться отрицательно на производительности всей буржуазной общественной системы.

III

«Основой всякого развитого разделения труда, осуществляющегося путем товарного обмена, является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества развивается в движении этой противоположности¹. Обособление промышленного и сельскохозяйственного труда, разделение того сочетания, в котором обе формы производительной деятельности находились на младенчески-примитивной стадии развития, было и является историческим условием и противоречивым способом прогрессивного движения производительности общественного труда. Этот разрыв между сельским хозяйством и промышленностью приобретает на основе капиталистического способа производства форму антигосударственного отношения между городом и деревней и колониальной эксплуатацией остальных народов империалистических метрополий.

Сельскохозяйственный труд характеризуется в отличие от промышленного как труд обобщенный, раздробленный, со слабо развитыми общественными связями. В сельском хозяйстве даже в передовых капиталистических странах удаленный вес мелкого производства еще весьма значителен. Частная собственность, монополия на землю придают процессу концентрации в земледелии крайне мучительный и затянutosый характер. Общественная форма сельскохозяйственного производства находится в крайнем противоречии с достигнутым уровнем сельскохозяйственной техники. Маркс рассматривает крестьянское хозяйство как самое рутинное, самое нецелесообразное и самое пераональное производство. «Пар-

дельная собственность по своей природе исключает: развитие общественных форм труда, общественные концентрации капиталов, скотоводство в крупном масштабе, возрастающее приложение науки². Именно потому, что труд мелкого производителя по своему развитию стоит на крайне низком уровне, он наиболее изнурительный и наиболее расточительный. Постоянный отход из сельского хозяйства в промышленность, массовое бегство из деревни в город свидетельствуют прежде всего не о росте производительной силы сельскохозяйственного труда, а являются показателем перенаселенности деревни, не выходящей, куда деть лишнюю рабочую силу.

Но и крупное производство в сельском хозяйстве встречается со стороны Маркса суровую оценку как распадчик хищничества и кабальных форм труда, как рычаг расточения земли. «Если мелкая земельная собственность создает класс паразитов, который наполовину стоит вне общества... то крупная земельная собственность подрывает рабочую силу... Крупная промышленность и промышленное ведение крупного земледелия действуют рука об руку... промышленная система и в деревне истощает рабочего, а промышленность и торговля в свою очередь создают для земледелия средства истощения почвы³. Вследствие развития арендной формы и частому переходу земли из рук в руки, вследствие общаия деревни, вытесняющего из нее бедности, отходы, ипотек и т. д., истощившись мелкого производителя, развиваются хищнические методы эксплуатации земли, не совместимые с рациональным земледелием.

Многочисленные факты на области современного сельского хозяйства подтверждают выводы Маркса. В Германии 70% всех сельскохозяйственных предприятий являются небольшими деревенскими земельными участками, что о механизации на них сельскохозяйственного производства не может быть и речи. По официальным подсчетам американских сельскохозяйственных исследователей, американская почва вследствие хищнических методов хозяйствования потеряла приблизительно одну треть своего естественного плодородия. Всего 13,5% ферм в САСШ принимают тракторы, для остальных 86,5% ферм трактор недоступен: в одних случаях вследствие отсутствия капитала, в большинстве случаев вследствие непереносимости трактора в условиях мелкого хозяйства. Что касается наличия тракторного парка в САСШ, то он мог бы обслужить всю сельскохозяйственную площадь; это свидетельствует о том, что господствующая форма сельскохозяйственного производства является преградой для внедрения передовой техники. Для промышленности как поставщика современных средств производства, применяемых в сельском хозяйстве, последнее выступает следовательно как фактор, тормозящий ее развитие. Ярким показателем аналогичного порядка, а также неравномерности в развитии обеих основных сфер народного хозяйства служат степень распространения и их электричества. В то время как крупная промышленность таких передовых стран, как САСШ и Германия, уже почти полностью электрифицирована, коэффициент потребления энергии в сельском хозяйстве в обеих странах остается на крайне низком уровне, составляя всего 4% в САСШ и 3% в Германии от всей потребляемой энергии. Таким образом оставшееся сельское хозяйство от промышленности, эксплуатации деревни городом является тормозом для всего народного хозяйства в целом, крупнейшим препятствием, задерживающим последовательный ход развития производительной силы общественного труда.

Маркс не отрицает процесса роста производительности труда и в капиталистическом земледелии. Он всячески подчеркивает революционизирующую роль крупной промышленности в сельском хозяйстве, причем в разных

¹ Маркс, Капитал, т. III, к. 2-я, стр. 344.

² Там же, стр. 250.

³ Маркс, Капитал, т. I, стр. 343.

формах на различных исторических этапах. При своем возникновении капитализм в процессе отчуждения условий производства от производителя разлагает старую форму земельной собственности, создавая, с одной стороны, адиктивную форму земельной собственности и, с другой стороны, наделы лишенных земли собственников, готовые резервы нашего труда. Капитал выступает создателем современного земледелия, под его воздействием земледелие превращается в промышленную агрономию¹.

Разрыв между обеими сферами требует от них все более тесного переплетения. Структура сельскохозяйственных издержек показывает все возрастающий удельный вес в них расходов, затрачиваемых вне сельского хозяйства. В частности для германского сельского хозяйства эта цифра по некоторым исчислениям уже достигает 30%. Это не может не вести к увеличению производительности сельскохозяйственного труда, но развитие производительной силы промышленного труда идет гораздо быстрее. Земледелие вследствие этого становится относительно менее производительным, хотя абсолютно производительность труда в нем растет.

Маркс намечает последовательные исторические этапы в развитии производительности сельскохозяйственного труда: «В общем следует принять, что при менее развитом докапиталистическом способе производства земледелие является более производительным, чем промышленность, потому что здесь в работе участвует природа как машина и организм, тогда как в промышленности силы природы должны быть еще почти всецело замещены человеческой силой, как например в ремесленной промышленности и т. д., в бурный период капиталистического производства производительность промышленности развивается по сравнению с земледелием быстро, хотя ее развитие предполагает, что в земледелии произошло уже значительное изменение в отношении между постоянным и переменным капиталом; ведь масса людей отторгнута от земледелия. Впоследствии производительность прогрессирует как в промышленности, так и в земледелии, хотя и неравным темпом. Но на известной ступени развития, достигнутой промышленностью, несообразность должна уменьшаться, т. е. производительность земледелия должна увеличиться относительно быстрее, чем в промышленности². Говоря о последнем этапе, характеризующемся более быстрым темпом роста производительности труда в сельском хозяйстве, чем в промышленности, Маркс имеет в виду крупное социалистическое земледелие, использующее в технологическом процессе новейшие достижения науки.

Подлинное ускорение темпов сельскохозяйственного воспроизводства обеспечивается только в социалистических условиях по мере коллективизации и превращения на этой основе сельскохозяйственного труда в разрозненное индивидуальное. В капиталистических условиях благодаря своей отсталой социальной организации сельское хозяйство остается менее производительным, чем крупная индустрия. Эта неравномерность развития обеих отраслей резко усиливается в эпоху империализма, в особенности в период общего кризиса капитализма, причем к этому присоединяется обострение неравномерности в развитии внутри сельского хозяйства — между сельскохозяйственным крупным и мелким предприниманием.

В процессе своего развития капитализм привел к разрыву между промышленностью и сельским хозяйством. И вместе с тем же развитие привело к усилению взаимозависимости обеих отраслей, но таким образом, что не промышленность, как прежде, является придатком сельского хозяйства, а наоборот, последнее превратилось в придаток промышленности. Только социализм на базе созданных материальных предпосылок обеспечивает новый, высший синтез земледелия и промышленности путем

продолжения их вековой противоположности. В создании предпосылок для уничтожения противоположности между сельским хозяйством и промышленностью, следовательно в обеспечении условий для исторического единства в развитии производительной силы общественного труда — Маркс усматривает заслугу капиталистического способа производства. «Но как и все другие его исторические поступательные шаги, так и этот — он купил прежде всего цену полной пауперизации непосредственных производителей³».

IV

Маркс рассматривает буржуазное общество как наиболее развитую и многостороннюю историческую организацию производства, но вместе с тем оно определяет его как только предострою, подготовительную стадию к социалистическому строю, обеспечивающему действительно полное и мощное раскрытие всех творческих сил человеческого общества. Социалистический способ производства обуславливает новую, гораздо более высокую историческую ступень в развитии производительности общественного труда и уничтожает антагонистическую форму его движения. Полная ликвидация основного капиталистического противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения извлекла коренным образом положение пролетариата в обществе, раскрывает гигантские возможности для повышения эффективности трудовой организации социалистического общества планомерно разпоряджающегося своими производительными силами.

В самом деле, какими факторами определяется производительность труда?

По этому вопросу Маркс дает подробные разъяснения в своем докладе, сделанном в Генеральном совете I Интернационалы в июле 1866 г., в связи с вызовом члена совета Уэстона⁴.

«Поимю различия естественных сил и приобретенных производительных навыков у различных народов, производительная сила труда должна зависеть главным образом, во-первых, от природных условий труда, как-то: плодородия почвы, богатства рудников и т. д.; во-вторых, от прогрессивных улучшений общественных сил труда, которые получают от производства в крупных размерах, от концентрации капитала и сочетания труда, от разделения труда, от машин, от усовершенствованных способов, от применения химии и других естественных факторов, от сокращения времени и пространства при помощи средств сообщения и транспорта и от великих других изобретений, посредством которых наука ставит силы природы служить труду и при помощи которых развивается общественный или кооперативный характер труда. Чем выше производительная сила труда, тем меньше труда затрачивается на определенное количество продукта, а следовательно тем ниже стоимость последнего. Чем ниже производительная сила труда, тем больше труда затрачивается на то же количество продукта, а следовательно тем выше его стоимость».

В более компактном виде Маркс формулирует свои мысли по данному вопросу немного позже в «Капитале». «Производительная сила труда, — пишет он, — определяется многочисленными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и «технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и целесообразностью средств производства и наконец естественными условиями⁵».

Совершенно очевидно, что уже в переходный период от капитализма к социализму вся совокупность перечисленных факторов приобретает новое

¹ См. «Неоспоримые экономические рукописи К. Маркса», «Большевик» № 5, 1932 г.

² Маркс, Теория прибавочной ценности, т. II, ч. 1-я, стр. 204-202.

³ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2-я, стр. 158.

⁴ Маркс, Зарплата, цена и прибыль, ИМЭЛ, 1932 г.

⁵ Маркс, Капитал, т. I, стр. 6.

качество, новую движущую силу. Социальная организация производственного процесса, в которой уничтожено противоречие между общественным характером производства и индивидуальным способом присвоения, следовательно общественной трудовой силой, на которой устранимы все помехи для выявления общественных потенций труда, развивающая общественные силы труда в максимальной степени, служит мощным рычагом повышения производительной силы труда.

Углубляясь в социальную организацию производства, создается другое отношение также к естественным условиям, крайне активизируя их роль. Люди действуют на природу внутри и через посредство общественных связей и отношений. «Определенной формой материального производства обуславливаются, во-первых, определенное распределение общества, во-вторых, определенное отношение человека к природе»¹. Маркс неоднократно разъяснял, что общественные отношения и связи, складывающиеся на базе общественной собственности, оказывают воздействие несравненно более эффективное, чем при частной собственности, являющейся преградой к рациональному использованию естественных ресурсов. Общественная собственность на средства производства, в том числе и на землю, ведет, как мы видим на опыте СССР, к умножению натуральных богатств и не может создать их избыточного предложения.

Наука при социализме перерастает в качественно новую общественную производительную силу. Арена для ее приложения расширяется от ограниченных рамок частного предприятия до размеров объединенного народного хозяйства, узкий цех ученых превращается в массовую армию бескорыстных служителей человеческого прогресса, уничтожается граница между научным изобретением и его применением, духовное производство превращается в материальную часть народнохозяйственного производства, словом, подготовляется синтез науки и труда, воссоединение умственной и физической деятельности.

Гигантские перспективы для развития производительной силы общественного труда открываются благодаря небывалым масштабам для технических приложений науки при социалистическом строе. Маркс показал, что двигателем технического прогресса при капитализме является прибыль, получаемая за счет разницы между индивидуальной и рыночной стоимостью. Пока эта разница сохраняется, капиталистический стимул к рационализации приугнетается. Особенно заметно выступает тенденция к техническому загниванию при монополистическом капитализме с его политико-монопольными цен и с его монопольными размерами основного капитала, для которого крупные технические усовершенствования несут угрозу обесценивания. Конкурентная борьба не снимает и для монополий задачи «добывать и терять» своих конкурентов, но она сопряжена с развертыванием ряда противоречий, являющихся тормозом в прогрессивном росте производительности труда.

Потому капитализм выступает как препятствие для массового внедрения крупнейших завоеваний современной техники. Ярким примером тому являются пределы, которые встречает на своем пути распространение автоматического процесса при капиталистическом строе, например внедрения электрификации на базе единой высоковольтной системы, химического использования угля и т. п. Капитализм не только сужает поле для всеохватывающего распространения автоматизации, но прямо подрывает ее благодаря свойственным ему глубоким и частым колебаниям и замиранию производственного процесса, несовместимым с ритмичным автоматическим процессом. С другой стороны, реакционный характер буржуазного строя по сравнению с социалистическим проявляется между прочим и в том, что капитализм не проводит до конца ликвидации отсталых спо-

собов производства. Только диктатура пролетариата не только ликвидирует капиталистический способ производства, но и переделывает унаследованные исторически выжитые формы организации производства, как мануфактуру, и еще более примитивные способы производства (в сельском хозяйстве, домашнем быту, ремесле и т. д.). Именно социалистическая организация хозяйства обеспечивает, согласно учению творцов научного социализма, господство человека как над силами природы, так и в социальном управлении всем ходом общественного производственного процесса и вызывает к жизни такие традиционные производительные силы, которые далеко оставляют позади себя «чуждеса» капиталистической техники и науки.

Наконец важнейшим источником, способствующим повышению производительности труда, по мнению Маркса, является искусство рабочего, высота производственной квалификации, зависящей от предварительной выучки рабочего. Жалкое состояние, в котором находится с общественной стороны дело развития производственной культуры пролетария при капиталистическом строе, и перефраз, создаваемый в этом направлении при диктатуре пролетариата, ярко обрисовал сам Маркс. «Если фабричное законодательство, — писал он, — как первая скудная уступка, вырванная у капитала, соединит с фабричным трудом только элементарное обучение, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание политическими властями рабочим классом завоевет дальнейшее место в школах рабочих и технологическому обучению как теоретическому, так и практическому»². Как известно, Маркс ставил этот вопрос в связи со стихийно пробивающейся при капитализме тенденцией к выработке многосторонности рабочих, к замене частичного рабочего всесторонне развитым индивидуумом, к уничтожению старого разделения труда, с наступающим переворотом, который, по словам Маркса, стоит в полном противоречии с капиталистической формой производства и соответствующими ей экономическими отношениями в рабочих. Советский союз, поставив, по указанию Ленина, в основу рабочего просвещения политехническое образование и равную культуру и революцию, претворяет в жизнь это замечательное предвидение основоположника научного социализма. Этим подготовляется новая производительная сила, обеспечивающая мощное развитие производственного процесса.

Но решающим фактором в развитии производительности труда, несомненно, выступает коренное изменение роли рабочего класса, этой главной производительной силы общества как при капитализме, так и при социализме, обуславливающее иное отношение к труду. «Капиталистический строй, — писал Маркс еще в молодые годы, — делает для рабочего невыносимым не только отношение к капитализму, но и самый труд»³. Этот вывод уже полностью подтвержден самой жизнью, которая показывает, на что способен рабочий, сбросивший цепи капиталистического рабства.

Противоположность двух социально-исторических систем означает реальное изменение позиции рабочего класса по отношению к развитию производительности труда. Классовой антагонизм обуславливает пассивное и активное сопротивление рабочих против капиталистического нажима на увеличение норм труда, против хищнического расточения рабочей силы. Пролетарская диктатура, превращая рабочий класс в активного организатора социалистического общества, совершает коренной переворот в том смысле, что сами производители борются не только за достижение достигнутого уровня производительности труда, но стремятся поставить новые исторические рекорды, догоняя и перегоняя по этой линии самые передовые капиталистические страны. Растущий процесс и высокий уровень обеспечения обеспечивает быстрый темп роста производительности труда.

¹ Маркс, Теория прибавочной ценности, т. I, стр. 250.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 489.

³ Немечная идеология, Архив Маркса и Энгельса, кн. I-я, стр. 244.

Историческое преимущество социалистической системы по сравнению с капиталистической по линии производительности труда состоит также и в том, что первая обладает гораздо более мощными ресурсами рабочей силы, чем вторая. Труд становится общей обязанностью только при социализме, тогда как при капитализме изнурительный труд одной части общества — необходимое условие для процветания другой. Социалистический способ производства, привлекая всех трудоспособных к участию в производственной деятельности, позволяет сократить необходимый труд каждого рабочего в отдельности и помимо этого расширить общий фонд затрачиваемого труда за счет уничтожения всяких производственных функций, и непроизводительного потребления паразитических классов за счет полного прекращения расточительного расходования труда, обусловленного существованием конкуренции, кризисов и т. п., неизбежных спутников капиталистического общества.

Плановое руководство всеми производительными силами общества и их наиболее целесообразное использование возможны только на основе социалистической экономики. Общественное регулирование несомненно с капиталистическим сознанием, и попытки капиталистов в этом направлении встречают со стороны Маркса самую скупую иронию. Даже на собственном предприятии, где самодержавие капиталиста является неограниченным, капиталист создает народию на действительное общественное регулирование. «Фабричный кодекс», — саркастически бросает Маркс, — есть просто капиталистическая парикратура того общественного регулирования процесса труда, которое ставится необходимым при кооперации в крупном масштабе и при совместном применении средств труда, особенно машин¹. Из этого можно судить, между прочим, каким грудом смехотворения встретил бы Маркс всякие «плановые» папачки, изобретаемые в настоящее время в буржуазных странах для спасения гибнущего капитализма, и как зло издевался бы он над социал-фашистскими идеями о «плановом капитализме». Именно от таких «марксистов» Маркс отказался еще при жизни.

Задача победившего пролетариата заключается в том, чтобы обеспечить на деле преимущество, имманентное социалистической организации производства, и поднять на действительно новую высоту исторический уровень производительности труда. В полном согласии с Марксом и в развитии его учения Ленин писал: «Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом... выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) — его высшая организация². Новые общественно-трудовые отношения, основанные на товарищеской связи, на объединенном труде, складываются на основе уничтожения старой эксплуататорской дисциплины труда. Задача сводится таким образом к созданию новой дисциплины, соответствующей более высокому типу общественной организации труда.

Ленин, руководитель первого социалистического государства, развивает и претворяет в жизнь положения Маркса. Он разрабатывает теоретически и практически основные принципы организации труда, «соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных рабочих, творящих крупное социалистическое производство».

На основе марксова наследия и «на том же самом исследовании исторических укладов в организации общественного труда Ленин писал: «Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки... Капиталистическая организация общественного труда держалась

на дисциплине голода... Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и — чем дальше, тем больше — будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов³.

Новая дисциплина труда, воспитание коммунистического отношения к труду требуют для своего внедрения целой исторической эпохи. «Создать новые формы общественной дисциплины, — разъяснял Ленин на III Всероссийском съезде профсоюзов, — это дело десятилетий. Даже капитализму понадобилось целых 30 лет для того, чтобы старую организацию передать в новую⁴.

В переходный период от капитализма к социализму пролетарское государство осуществляет целый ряд мероприятий, являющихся условиями для повышения производительности труда: «Подъем производительности труда, — писал Ленин, — требует прежде всего обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности... Другим условием повышения производительности является: во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения... Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации⁵.

Но создание высокой производительности труда не должно быть предоставлено автоматическим законам, самому. Наряду с объективными предпосылками должны быть развиты и субъективные предпосылки. «Надо вместе с тем, — продолжает Ленин, — идти к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения так, чтобы лозунг диктатуры пролетариата не окверкался практикой кислородного состояния пролетарской власти⁶. Ленин предостерегает как против бюрократического, «цифранного» наказания дисциплины трудящихся, так и против «героев лейн фраз», игнорирующих живучесть в трудящихся массах. «Собственно среди ее отсталых слоев, индустриальных мелкобуржуазных инстинктов, преобладающих которых является главной заботой социалистического воспитания. В этом отношении гигантское значение приобретает пример трудового героизма, самоотверженной работа на трудовом фронте и преданность интересам социалистического коллектива. Но наряду с этим необходимо принуждение, вносящее твердую организацию в трудовую дисциплину. Это принуждение диаметрально противоположно по своей классовой природе эксплуататорскому гнету антигосударственного общества, ибо это принуждение осуществляет авангард по отношению к своему собственному классу, развивая в нем потребность в самодисциплине и преодолевая увлечение от капитализма противопоставление группных, узко-цеховых, пред-капиталистических интересов интересам общества. «Борьба со старой привычкой — смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тягости, как бы урвать хоть кусок у буржуазии, — эта борьба необходима⁷.

Но изменения в субъективном факторе нельзя отрывать от сдвигов в объективных условиях производства, которые в орудиях труда воплощают и закрепляют достигнутый уровень производительности труда, служащий отправным пунктом дальнейшего развития. Интересны в этой связи заме-

¹ Ленин, Собрание сочинений, т. XXIV, стр. 336.

² Там же, стр. 142.

³ Там же, стр. 435.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 163.

⁶ Маркс, Капитал, т. I, стр. 419.

⁷ Ленин, Собрание сочинений, т. XXII, изд. 3-е, стр. 433.

чаяния Маркса Годскину: «Годскину важно было, — замечает Маркс, — в противоположность грубому представлению экономистов, сделать ударение на субъекте, так сказать, на субъективном в субъекте, в противоположность вещи; поэтому он не отмечает того несомненного факта, что для нас ступень развития производительности труда есть то, из чего мы исходим, что вляется не только как дарование, способность рабочего, но также в внешних орудиях, которые этот труд создал себе и которые он ежедневно воспроизводит. Это настоящий *Prüf*, составляющий исходный пункт, и этот *Prüf* есть результат развития»¹.

Развитие средств труда, выражающееся в поступательном движении техники, Маркс придает крупнейшее значение как показателю роста власти общественного человека над силами природы, поскольку в этом росте проявляется развитие производительной силы труда. «Технология, — замечает Маркс, — расширяет активное отношение человека к природе»². История образования производительных органов об обетвенного человека, — разъясняет он тут же, — есть история материальной базы каждой особой общественной организации. Причем характерной особенностью исторического развития общественных производительных органов является их количественное и качественное изменение, т. е. не только рост числа механических средств, но также увеличение их мощностей. С другой стороны, согласно учению Маркса и Энгельса, действительное господство над силами природы наступает вместе с господством над общественными производительными силами, т. е. при социализме.

В переходный период, пока окончательно еще не сложилась социалистическая дисциплина труда и в целях ее внедрения, необходимо использовать личный стимул для достижения целей социалистического строительства, в частности в задаче по повышению производительности труда. Ленин подчеркивал, что «когда пошло только что родилось, старое всегда остается в течение некоторого времени сильнее его, — это всегда бывает и в природе и в общественной жизни». Игнорирование этого диалектического правила приводит неизбежно к мелкобуржуазным уравнилельным тенденциям, культивирующим антиобщественный индивидуализм. И когда Ленин, а также Сталин, всячески подчеркивая гигантское историческое значение социалистического соревнования и ударничества как элементов развивающейся коммунистической дисциплины труда, выдвигают одновременно также требование о том, что «в переходный к коммунизму период мерой потребления должны служить качество и количество затрачиваемого труда, они вносят решительный удар по кля-» — описанному изложению марксизма, лицемерно обманывающему в тогу рабочелибии и ложной преданности социализму.

В «Критике Готской программы», а еще раньше в «Святом семействе» Маркс с исключительной глубиной свел окончательные счёты с навязанным копытом мелкобуржуазного утопического социализма — с теорией, требующей права на полный продукт труда, теорией, сводившей в конечном счёте к примитивному потребительскому коммунизму. Маркс доказал, что при социализме, движимом только первой стадией коммунизма и еще несущим на себе родимые пятна старого общества, распределение будет базироваться не по потребностям, а по труду, с учетом потребностей расширенного воспроизводства. Именно исходя из этого основного положения марксизма-ленинизма наша партия, руководимая строительством первого в мире социалистического государства, борется с мелкобуржуазной уравниловкой в зарплате, используя последнюю как стимул для роста производительности труда и подлинного развития социероования, для повышения квалификационного уровня и улучшения материального положения ра-

бочего класса. В этом отношении зарплата не должна рассматриваться изолированно; ее стимулирующее значение для развития производительности труда может и должно проявиться только в связи с налаживанием производства, рациональной организацией труда и последовательным применением хозрасчета. Оппортунистические тред-юнионские тенденции к противопоставлению регулирования зарплат интересов социалистического производства, выраженных в которых были представители праного уклона в профсоюзном руководстве, являются обратной медалью антибольшинствольной практики того же руководства, на základиш чю уравнилельную тарифную сетку, избрав также то дальнейший и т. д. С этой стороны сформулированные т. Сталиным знаменитые шесть условий, а также его последние указания о работе в деревне наряду с дозупном январского пленума ЦК ВКП(б) об освоении техники являются новым вкладом в конкретный разработку марксизма наследства. На основе практического применения этих положений идет реализация преимуществ социализма, а тем самым и достижение нового, более высокого, уровня производительности общественного труда.

Только при условии мощного развития производительности труда, несмотря на расширение потребностей, обеспечивается сокращение необходимого рабочего дня, за пределами которого и начинается, по словам Маркса, «истинное царство свободы». Переживаемый исторический этап социалистического строительства должен явиться переходным в том смысле, что на его основе разовьются гигантские производительные силы и созреет более высокая стадия развития коммунистического общества, и лишь после этого общество сможет начертать на своих знаменах лозунг: «каждый по его способностям, каждому по его потребности».

V

Авторы «Коммунистического манифеста» исходили из того основного положения, что по завоеванию власти «пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и по возможности скорее увеличить массу производительных сил. Конкретные исторические условия, в которых пришлось действовать первой победоносной пролетарской диктатуре, были чрезвычайно сложны и трудны. Разрыв капиталистической системы в одном из ее слабых звеньев, закончившийся победой пролетарской революции в обширной парской деспотии, в обстановке империалистической империалистической войны, подорвавшей производительные силы страны; немедленно вслед за этим боевая диктатура гражданской войны, в которой восставший пролетариат по главе трудящихся масс под руководством коммунистической партии героически отбил бешеный натиск отечественной и международной буржуазии, несмотря на оглушительную хозяйственную разруху; дальнейший суровый путь борьбы за хозяйственное восстановление по раздробленному капиталистическому окружению и наконец пятилетний план разгромленного социалистического штурма — вот главные исторические вехи, ярко характеризующие могучую подлинную энергию молодого революционного класса и мучительные родовые муки, сопровождающие появление нового исторического общества. Здесь названы только основные исторические этапы, наполненные содержанием переходного периода от капитализма к социализму, но кроме того внутри каждого из этих исторических отрезков были и свои переломные моменты, свои особые переходные периоды, придававшие еще большую насыщенность, еще большую многогранность революционной эпохе, начавшей Октябрьской революцией. Для мелкобуржуазных социалистов, предавших забвению революционную диалектику Маркса, исповедующих мирное

¹ Маркс, Теория прибавочной ценности, т. III, стр. 245.

² Маркс, Капитал, т. I, примечание 96-е к стр. 363.

эволюционное вращание капитализма в социализм, какую-то амальгаму из капитализма и социализма и издаваемых в папку перед авторитарным характером народной революции, своеобразные и новые формы Октябрьской революции были трудными предлогом для отказа от действительной борьбы за социализм, за путеводные идеи Маркса и Энгельса; для подлинно пролетарских борцов, кровью связанных с эксплуатируемыми массами, лишь с этого момента открывалась историческая эра для реального превращения научного социализма в жизнь, для борьбы за социалистическое строительство.

«Каковы бы ни были общественные формы производства, — писал Маркс, — рабочие и средства производства всегда остаются его факторами... Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные исторические эпохи социальной структуры»¹. Поэтому первые акты пролетарской диктатуры при создании новой социальной организации, после экспроприации экспроприаторов, были направлены к обеспечению нового сочетания субъективных и объективных факторов производства, которое обычно предшествовало возникновению всякого исторического способа производства. Эти революционные преобразования сразу дали огромные преимущества рабочему классу, сконцентрировав в его руках основные орудия производства. Овладев командными высотами и ледоравами основы капиталистической эксплуатации, пролетариат приступил к построению социалистического общества и начал осуществлять сознательное плановое хозяйство, являющееся специфической формой движения пролетарской диктатуры. Чем больше плановое начало внедрялось в хозяйственный процесс, тем мощнее оказывались рычаги пролетарской диктатуры в деле повышения производительности общественного труда и развития производительных сил пролетариата.

Еще Маркс указывал, что с устранимением стихийно выросшего общественного производства создается возможность непосредственно и планомерно осуществлять какую-либо более рациональную комбинацию, исходя из наличных средств производства и рабочих сил². В ходе социалистического строительства было немало фактов, подтверждающих огромную действительность в социалистических условиях брошенной Марксом мысли. Их значение как двигателей в прогрессивном развитии производительности социалистической системы было несомненно. Из отдельных примеров приведем только один-два.

Маркс указывает, что в капитале входят элементы производства, эластичность которых в известных границах не зависит от величины аван вложенного денежного капитала. «Один и те же средства труда, т. е. один и тот же основной капитал, можно использовать более энергично как посредством удлинения времени его ежедневного употребления, так и посредством увеличения интенсивности его применения, причем не потребуются дополнительной денежной затраты на основной капитал»³. Использование этой возможности в капиталистических условиях крайне ограничено и находится в зависимости от случайных конъюнктурных условий. Эта же возможность была широко использована в масштабе всей социалистической индустрии и используется и по настоящее время в нашей социалистическом строительстве. Причем при капитализме эта эластичность основана на том, что «при одинаковой оплате рабочей силы ее можно подвергнуть экстенсивно или интенсивно более сильной эксплуатации»⁴, и то время как на базе социалистической экономики оказалось возможным при более эффективном использовании существующего оборудования сократить рабочий день до 7 часов и увеличить

защитность рабочих благодаря введению многосменности. Об интенсификации использования оборудования социалистической промышленности свидетельствует показатель сменности, который уже достиг 1,75 в 1931 г. против 1,31 в 1913 г.

Другим примером огромных возможностей, заложенных в социалистической организации хозяйства, является указание Т. Сталина на конференции аграрников-марксистов о том, что простое сложение крестьянских орудий в недрах колхозов дало такой эффект, о котором и не мечтали наши практики». Использование примитивного крестьянского инвентаря все более и более отходит в прошлое. Только в условиях пролетарской диктатуры возможно было создание МТС, являющихся социалистическими производными системами машин в коллективизированном сельском хозяйстве. Это все говорит о преимуществах общественного хозяйства, которые пролетарская диктатура использовала на протяжении всего своего существования и которые будут использоваться в еще более сильной степени и в дальнейшем. Безспорно капиталистического общества — источник огромного расточения производительных сил, планомерное развитие социалистического хозяйства — могучий стимул в развитии производительной силы общественного труда. Опираясь на план, как на мощный рычаг, мобилизующий, спланирующий и направляющий революционную энергию миллионов трудящихся, советская власть в состоянии ставить и разрешать, и фактически уже ставила и разрешала — такие задачи, которые буржуазное сознание, под влиянием классового дальтонизма, воспринимает то как бред или божественную фантазию и т. д., то, как чудо или сознательный обман, свидетельствуя тем самым, что пролетарская диктатура действительно приводит в движение исторические факторы исключительной действительной силы.

Смелую задачу, сформулированную Лениным и поставленную как историческую задачу борьбы двух систем перед пролетарской диктатурой еще в то время, когда новая система рождалась в грозе и буре революции, в обстановке отчаянного хозяйственного развала, когда она еще не отличалась окончательно от чрева матери, это историческое соревнование с другой системой, воплощавшей вековую цивилизацию буржуазного общества, было встречено насмешкой и хихиканием со стороны не только буржуазии, но и маститых вождей II Интернационала во главе с русскими меньшевиками. Чрезно прозвучали слова Ленина, действовавшие одновременно как призыв и предостережение: «Война невозможна, она ставит вопрос о беспощадной жестокости: либо победить, либо догнать передовые страны и пережить их такие экономически. Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты техники и культуры. Нам оказывает материальную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера парализающей всемирной рабочей революции... Победить или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос истории». Прошло 15 лет, как раздался этот призыв. Теперь всякий видит, что в нем не оказалось ни грамма фальши, и именно потому, что Ленин, величайший марксистский диалектик, конкретизировал в создавшейся исторической обстановке требование «Коммунистического манифеста» о том, что основной задачей пролетарской диктатуры является быстрое увеличение массы производительных сил, а с другой стороны, резко зафиксировал в сознании рабочего класса, что пролетарская революция в России является началом общего кризиса капитализма»⁵.

Задача, интенсификация за борьбу двух антиподических систем, превратившаяся в директиву партии «догнать и перегнать капиталистические страны в кратчайший исторический срок» и слившаяся с задачей развития производительных сил как базиса социалистической экономики, пронизывает все социалистическое строительство. Уже у порога восстановительного периода она получает яркое воплощение в плане Гозлор, составлен-

¹ Маркс, «Капитал», т. II, стр. 12.

² Там же, т. I, стр. 622.

³ Там же, т. II, стр. 329.

⁴ Там же.

нам под непосредственным руководством Ленина, первым общехозяйственным планом электрификации. Жизнь с беспокойной остротой ставила вопрос, как осуществить переход от диавиной на громадных пространствах страны патриархальщины, полудикости и крестьянской ограниченности с их примитивными и неразумными формами труда к социалистической форме хозяйства, обеспечивающей более высокую производительность труда, чем при капитализме. «Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого преобладающего в России состояния к социализму? — спрашивал Ленин. — Да, мыслимо до известной степени, но лишь при одном условии, которое мы знаем теперь, благодаря одной громадной и завершающей научной работе, — точно. Это условие — электрификация. Если мы построим десятки районных электрических станций (мы знаем теперь, где и как их построить можно и долаво), если мы проведем энергию от них в каждое село, если мы добудем достаточное количество электромоторов и других машин, тогда не потребуются переходных ступеней, посредствующих звеньев от патриархальщины к социализму, или почти не потребуются»¹.

Рабочий класс СССР, руководимый компартией, взяв власть в свои руки, в тяжелейших условиях голода и разорения поставил перед собой задачу построить социализм, «возродив промышленность и сельское хозяйство на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве»². Почти в то же самое время в центре Европы, в самой передовой капиталистической стране, где также восторжествовала пролетарская революция, до рабочего класса шел из социал-демократий, теоретических представителей II Интернационала Каутский убеждал революционное сознание пробужденных рабочих тем, что «для основной линии социалистической программы действия само производство больше не обязательно, чем способ производства»³. Таким образом глядящий буржуазный способ производства получал из уст крупнейшего идеолога социал-демократии аттестацию, как единственный способ производства, обеспечивающий развитие производительных сил. Этот, замещающий социал-фашистам путь исторического развития, путь капиталистического труда и реакции, глашатаям которого явился К. Каутский, еще раз подтвердил буржуазную сущность воздвигнутой социал-демократии и вынуждал действительно «линию» на другой день после социальной революции. Обе линии исторического развития рабочего движения — марксистско-ленинская и социал-реформистская, выходящая вконец в социал-фашистскую, — получили уже теперь свою историческую оценку в итогах обеих систем и в том диаметрально противоположном, которое занимает пролетариат в каждой из них. В гигантском масштабе и с предельной исторической и логической ясностью продемонстрировано на примере победоносной социалистической строительства в СССР и позорного крушения в Веймарской республике, взлетавшей германской социал-демократии знаменитое положение Маркса о восходящей и нисходящей революции, как двух противоположных типах революций.

Эта противоположность обеих систем, из коих социалистическая сразу выжила себя как наиболее действительная форма развития производительных сил, материального и культурного подъема пролетариата, в то время как капиталистическая все в большей мере становится и пренебрежим на этом пути, реализующий силой, скользящий поспустельное движение человечества, обнаруживается на каждом историческом этапе. Мы уже указывали, как еще в восстановительном периоде в создании плана ГОЭЛРО, в этом социалистическом синтезе высших завоеваний человечества — советской власти и электрификации — пролетариат закладывал основы для прогрес-

сивного развития производительности общественного труда. Несмотря на крайнюю скудость средств и на фактически блокаду, хотя формально она была отменена, советской власти удалось в этот период технически реконструировать нефтяную и частично осуществить реконструкцию в некоторых других отраслях. В результате проведенной механизации и коренного улучшения в материальных условиях рабочих (большой размах индустриальства, рост зарплат и т. д.) производительность труда вопреки в нефтеобработавшей промышленности делал значительный скачок в сторону обгоняния с американским уровнем, а в топливной промышленности даже оказывался перед капиталистических стран. Восстановительный период, далее, характеризуется тем, что в это время идет усиление социалистического сектора, растет его удельный вес в народном хозяйстве, а вместе с этим — слияние рабочего класса. Внутри социалистического сектора развивается процесс отбора и дальнейшей концентрации производственных единиц, налаживаются технические связи между предприятиями, складывается система хозяйственного управления нового класса, формируются кадры кооперативного состава промышленности на предприятии пролетариата, обеспечивающих проведение на хозяйственном фронте политики пролетарской диктатуры.

Еще под гром гражданской войны пролетариат, осознавший себя строителем нового общества, охваченный подъемом, осуществляет в субботах, этих ярких полах трудах новой коммунистической дисциплины труда, челенки почин, мобилизация трудовой энергии, развивающаяся полноводной рекой в массовом движении соревновании и ударе в период первой пятилетки. Мы уже приводили выше замечательное указание Маркса о том, что капиталистический строй делает для рабочего невыносимым не только отношение к капитализму, но и самый труд. Это провозглашенное замечание глубочайшего знатока общественных отношений полностью подтверждается всем ходом пролетарской революции и трудовым воодушевлением социалистической стройки.

Материальным субстратом трудового героизма является динамика производительности труда. На базе складывающихся социалистических производственных отношений как самый процесс восстановления, так и рост производительности труда развиваются гораздо интенсивнее, чем в капиталистических странах. Уже в 1926 г. довоенный уровень производительности труда был достигнут, а по отдельным отраслям даже превзойден, между тем как точка падения в СССР была гораздо ниже, чем в любом капиталистическом государстве.

Восстановительный период в действительности явился прелюдией, предпринятым этапом в подготовке развернутого социалистического наступления по всему фронту, получившего яркое выражение в первом пятилетнем плане. Здесь мы снова видим коренную противоположность двух общественных систем. Восстановительный период в буржуазных странах подготовил кратковременный этап капиталистической рационализации, явившейся экономическою основой относительной капиталистической стабилизации, а развитие противоречий последней, обострились основные противоречия капитализма, привело к невиданному в истории буржуазного общества экономическому кризису, повлекшему за собой новый этап неустойчивой стабилизации.

На основе только довоенного восстановления производительных сил диктатура пролетариата в пятилетнем плане ставила перед собой такие задачи, которые превосходили любые исторические меры в прошлом. Для буржуазных аналогов и фантомов реальности планов была обратно пропорциональна его увлекательности. Но социалистическая революция оказалась самым могучим катализатором творческой энергии, и план был выполнен в четыре года. Научная теория творцов социализма превратилась в практику.

¹ Ленин, Собрание сочинений, т. XXVI, стр. 328.

² Там же, т. XXV, стр. 389.

³ К. Каутский, Die Materialistische Geschichtsauffassung, S. 392. Подчеркнуто Каутским.

Пролетариат под ленинским руководством нашей партии во главе с т. Сталиным с железной энергией проводит в жизнь развернутую в работах Маркса и Ленина программу действий. Материальным воплощением этой программы являются итоги пятилетия в четыре года, выдвинувшей СССР в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран. «Для практического материалиста, т. е. для коммуниста», — говорили Маркс и Энгельс, — дело идет о том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически обратиться против вещей, как он аставляет их, и изменить их»¹. Гигантская стройка, развернутая в стране, прочно закрепившаяся на социалистическом пути развития, несмотря на бешеное сопротивление классового врага, свидетельствует о том, что революционный завет творцов научного социализма неуклонно выполняется. В первую очередь громадные сдвиги — количественные и качественные — претерпел сам рабочий класс — главная производственная сила общества. В процессе революционной переделки действительности, в мощном трудовом подвиге соразмерования и ударицающей на переделывание себя самого, доказывая этой практической истиной справедливость положения Маркса и Энгельса о том, что свергающий класс может только в революции очиститься от всей грязи старого общества и стать способным создать новое общество.

Рамахи культурной революции характеризуется действием новых факторов, которые искрывают крайне существующие тенденции с точки зрения созрания элементов социалистического общества, в особенности со стороны образования новой производственной силы социалистического хозяйства. В отличие от капиталистического строя задача воспроизводства кадров квалифицированной рабочей силы в СССР осуществляется не за счет индивидуальных доходов рабочей семьи, а является составной частью общесоциалистического плана. Реализуется указание Маркса и Энгельса о том, что в то время как при капитализме сам квалифицированный рабочий или его семья несут расходы по его обучению, при социализме общество должно воспитывать квалифицированных рабочих на общественный счет. На примере Советского союза мы видим, что уже в настоящее время государство, по имеющимся подсчетам, несет почти целиком расходы по подготовке квалифицированной рабочей силы.

Крайне ценны при этом качественные сдвиги, происходящие в самой системе, формирующей эти кадры. В СССР ред образовательная сеть рассчитана на массовый выпуск квалифицированных кадров для производства, и поэтому здесь общее политехническое образование сочетается с производственным трудом. С другой стороны, хозяйственные предприятия, заинтересованные в быстром освоении своего производства, во многих случаях сами несут образовательные функции. Отсюда — тот беспрерывный обмен веществ, который происходит между учебным и промышленным заведением в нашей стране. В нем заложена прочная основа для их тесного взаимодействия и в дальнейшем для все большего их сближения. Уже сейчас мы имеем такое положение, что значительные слои рабочей силы, входящие на наши предприятия, поступают туда после окончания семи- и девятилетки, чего не знает капитализм, где трудовая жизнь рабочего не только начинается подчас с детского возраста, но где эти молодые пополнения рабочего класса подвергаются изнурительному труду и нещадной эксплуатации. Еще резче подчеркивается эта противоположность тем, что только пролетарская власть широко открыла все сокровища человеческого знания для пробудившихся народных масс.

История поставила отныне человечество перед двумя путями культуры и культурного развития. Путь капитализма — путь калечения

рабочего. Путь СССР — путь ликвидации враждебной противоположности между орудием производства и рабочим, путь духовного роста и условия ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом, путь, предначертанный в теориях учителей научного социализма. Успешно двигаясь в этом направлении, СССР разбирает все излоды врагов пролетарской диктатуры о крахе «социалистического эксперимента» вследствие недостаточности подготовленных кадров.

Еще глубже плуг истории прошел в деревне. В обществе, в котором средоточием является объединенная социалистическая промышленность, существование мелкого раздробленного сельского хозяйства, увековечившего отсталость земледельческого труда, создавало барьер для развития всего хозяйства в целом. Это противоречие переходной экономики нашло свое разрешение в создании колхозной формы производства, основанного на ассоциированном труде, вместо мелкокрестьянского типа хозяйства, являющегося пережитком патриархальщины и варварства и ликвидируемым на этой основе кулачества как класса. Из страны мелкого и мельчайшего земледелия Советский союз превратился в страну самого крупного в мире сельского хозяйства, все более и более насыщаемого самой передовой техникой. По сравнению с масштабами коллективизации в СССР темпы обобществления капитала даже на промышленных предприятиях представляются в высшей степени минималистскими. В минимальный исторический срок класс варваров, заполонив стоявший вне общества, вступил на равных правах в социалистическое общество. Колхозная форма с.-х. производства — детище развивающегося социалистического способа производства — сама выступает как новая производственная сила необычайно мощным агентом социализма. «Уничтожение противоречия между городом и деревней является одним из первых условий коллективности» — гениально бросает Маркс. Но на первом историческом этапе ее роль в активизировании производственного процесса зависит от организационного и политического укрепления этой молодой социальной формы, утверждение которой осуществляется в процессе классовой борьбы с остатками кулачества и назвавшая мелкобуржуазных пережитков.

Ликвидация в основном кулачества и успехи коллективизации подорвали возможность расслоения крестьянства на имущих и неимущих и уничтожили в связи с этим науперым и обилие в деревне. Внедрение социалистического способа производства в городе и деревне означало также ликвидацию величайшего капиталистического бедствия — безработицы и аграрного перенаселения. Капитализм для своего существования нуждается в наличии целой армии безработных, дополняющей правдую бездельность господствующего класса. Оказалось достоянием постройки фундамента социалистической экономики, чтобы изыпать все резервы незанятой рабочей силы.

Развитие средств труда являлось главной задачей первой пятилетки и выступает как ее крупнейший результат. Создание новейших механических средств, совокупность которых Маркс метко называет костной и мускульной системой производства, составляет материальную базу, обеспечивающую техническую реконструкцию народного хозяйства во всей пятилетке и служащую рычагом в процессе изменения унаследованного разделения труда. Специфической особенностью происходящего технического переворота, отличающей его от аналогичных эпох капиталистического развития, является его распространение как на город, так и на деревню, сближение технического уровня промышленного и с.-х. труда, благодаря чему уже достигнуты крупные успехи в ликвидации вековой противоположности между городом и деревней. Одним из ярких показателей сдвигов, уже происшедших в этом направлении в течение первой пятилетки, являются возвышение Удольного веса промышленности за счет сельского хозяйства, а внутри сельскохозяйственного производства — возрастающая роль промышленного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, О Людвиге Фейербахе, Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 1-й, стр. 217.

труда. Это означает, что крупное социалистическое сельское хозяйство ведет к дальнейшему сокращению общественного труда, затрачиваемого на производство предметов первой необходимости — продуктов продовольствия. Таким образом если подытожить весь перенос, созданный в народном хозяйстве СССР за последние четыре года и оценить его в свете марксова учения о производительности труда, то следует признать, что создано все достаточное и необходимое для обеспечения в ближайшее время исторического сдвига в развитии производительности труда.

Колоссальных побед в развитии производительности социалистического труда СССР достиг уже к настоящему времени. Советский рабочий уже давно оставил позади себя довоенный уровень производительности труда в царской России, превнес часовую производительность труда в 2,8 раза. За год плановки часовая выработка на одного рабочего выросла в пензенских цехах на 41%, а по тяжелой индустрии на 52,1% при росте среднего годового зарплата на 69,7% по ценовой промышленности. Темп роста производительности труда оказывается еще более интенсивным, если учесть, что довоенный уровень производительности труда был достигнут в 1925/26 г. Это означает, что все повышение над довоенным уровнем производительности труда приходится на последние пять лет. Рост средней годовой производительности труда в СССР с 1926 г. является приблизительно 10%.

Выработка впервые в человеческой истории новой социалистической дисциплины труда, рушей с законами подпольными рабскими привычками, выработанными при капитализме, — дело, требующее длительного исторического срока. Но этот срок сокращается тем больше, чем скорее будет мобилизована творческая активность пролетариата. Поэтому, устремление всех препоп, препятствующих выявлению и реализации крупнейших преимуществ социалистического хозяйства в деле повышения производительности труда, составляет главный лозунг социалистического строительства на данном этапе. Но уже сейчас имеется немало предприятий и отдельных агрегатов, которые все полнее овладевают преимуществами социалистического строя, опережая по производительности труда даже отдельные мировые рекорды. Что касается эффективности колхозного хозяйства, то, несмотря на свою молодость, колхозы оказались в состоянии обработать с той же рабочей силой, как показал т. Яковлев, 90 млн. за против 60 млн. за площади, находившейся в единоличном пользовании.

Эти огромные достижения в области роста производительности труда особенно ярко вскрывают преимущества нашей социалистической системы при сопоставлении с капиталистическими странами. В САСШ производительность труда возросла за 1920—1929 гг. на 47,8%, в Германии за период 1925—1929 гг. — на 26%, в Англии за 1924—1929 гг. — на 11%. Этот относительно крупный рост был достигнут за счет интенсивного усиления эксплуатации рабочей силы, за счет выявления прибавочной стоимости угнетенными методами капиталистической рационализации и завершили величайшим крахом, сопровождавшимся несмалым расцветом производительных сил, отброшенным капитализм за довоенный уровень производства¹.

Что представляет собой современный капитализм, ярко показывают примеры самых передовых капиталистических стран, как Германия и САСШ. В первой — паралич хозяйственной жизни пытаются разрешить тем, что материальной предпосылкой расширенного капиталистического воспроизводства становится фатальная миссюрбю. Во второй, после того как почти замерла производственная жизнь на предприятиях, сами капиталисты.

¹ Следует при этом учесть для правильной оценки происшедшего сдвига, что сдвиг в производительности труда был создан после дезорганизации промышленности войной, опустошений, вызванных кризисом 1920/21 г. и наконец инфляцией, доведшей производительность труда до крайне низкого уровня.

инструмты сейфы, хоронят последнюю иллюзию о скором возобновлении бизнеса. В последние дни самым модным увлечением здесь является попытка вернуть «пропавшие» на основе инфляции, но существу на основе бумажной валюты. Крах этого «эксперимента» едва ли даст им себя долго ждать.

Вместе с производственной и технической деградацией во всем капитализме торжествует маршбессе и самая черная реакция. Выступления за технический маршбессе, за «обуздание» технического прогресса, несмотря на свою утопичность, крайне характерны в том отношении, что в них отражаются, с одной стороны, крах капитализма как общественной системы производства, исторической миссией которой являлось развитие производительных сил, и с другой стороны — безуспешные буржуазные попытки чисто экономического выхода из современного кризиса, ибо без действительно значительного обновления основного капитала и технической реконструкции капитализм еще не преодолел ни одного из своих многочисленных кризисов. И этот социальный строй, прерывавшийся в молчаливую ленту для человеческого прогресса, международная социал-демократия стремится идеологически приписать, чтобы отсрочить его неизбежную гибель под ударами охвативших революционным возбуждением народных масс, выступавших в то же время против Советского союза.

Что международный социал-фашизм остается на прежних позициях по отношению к Советскому союзу, показывают выступления от Троцкого до Югова. Вот что например пишет Нью-Йоркский «Таймс» от 28 февраля 1932 г. о появившемся 1-том «Русская революция» Троцкого. «В последние слова», — замечает орган американских банков, — Троцкий дал более правильную перспективу о пятилетнем плане, чем любой том на подобную тему. Развивая свою философию истории о том, что отсталая нация в процессе своего преобразования в современное индустриальное государство не обалада проходить все промежуточные стадии, Троцкий находит в истории России несколько периодов такого ускоренного движения, из коих один еще совсем недавний. Между революцией 1905 г. и мировой войной промышленная продукция почти удвоилась. «Сказать, что между 1906 и 1914 гг., — замечает газета, — русское производство почти удвоилось — значит лишить пятилетний план его магического действия». Действительно, контрреволюционная функция Троцкого и сводится к преобладанию обаяния социалистического строительства СССР. Нужды нет, что пятилетка удвоила продукцию в четыре года, т. е. даже по этому доводу более чем вдвое быстрее по сравнению с царской Россией, нужды нет, что русский капитализм развивался на джонках иностранного капитала, а Советский союз находится под фактическим бойкотом международного капитала, — все это отбрасывается, лишь бы принижением рекордных социалистических темпов угодить мировой буржуазии. Но в действительности кривая развития русского капитализма далеко непохожа на ту картину, которую нарисовал буржуазный коммюнистер. По исчислению Берлинского коммюнистического института, промышленная продукция России обнаруживала следующую динамику: 1860 г. — 8, 1870 г. — 13, 1880 г. — 17, 1890 г. — 27, 1900 г. — 61, 1910 г. — 84, 1913 г. — 100. Из этих данных видно, что за период 1900—1913 гг., т. е. за 13 лет, увеличение составило всего 66%. Только в девятые годы промышленная продукция более чем удвоилась, но это по сравнению с уровнем производства, равнявшимся всего 1/4 от довоенного уровня. Что касается динамики социалистической промышленности, то, как известно, объем продукции к концу 1932 г. вырос на 219% по сравнению с уровнем 1928 г. и на 334% по сравнению с довоенным уровнем, причем эти темпы достигнуты при падении производства в 1920 г. до 15—11% —

² Wagenführ, [Die Industriegewirtschaft, herausg. vom Inst. für Konjunkturforschung, Berlin 1933.

уровня 1913 г. Попытка Троцкого оказывается таким образом покушением с явно негодными средствами.

Таковую же служебную роль играет другое заявление Троцкого, что после первой пятилетки по своему производственному оборудованию СССР стоит ближе к царской России, чем к передовым капиталистическим странам. Это опять-таки может сказать только капиталистический апологет, старающийся успокоить изумленную индустриальной мощью пролетариата буржуазию. В унисон с Троцким старается и Югов, оспаривающий в глазах мировой буржуазии лавры советского эксперта у Троцкого. Чтобы ослабить впечатление от создания материальной базы социализма в СССР, Югов доказывает, что еще в дореволюционной России техника была на высоком уровне. Однако в таком случае, как это согласуется с извистым социал-фашистским утверждением об отсутствии «предпосылок» для строительства социализма в СССР? Но агенты классового врага не беспокоятся насчет логики, лишь бы свалить капитализма идеологическим вооружением против поднявшегося пролетариата.

Идея Маркса претворяется в СССР в действительность в огромном историческом масштабе. Эта идея, воплощенная в генеральной линии партии и овладевшая массами, сама превращается в материальную производительную силу в интересах социалистического строя.

Проблема производительности труда приобрела на современном этапе огромную актуальность, что зафиксировано в народнохозяйственном плане на 1933 г. — первом годовом отрезке второй пятилетки строительства социализма. По уровню производительности труда мы еще значительно отстаем от передовых капиталистических стран. Эта проблема остается актуальной и для дальнейшего периода как стержень движения социалистической системы, как условие полной победы социализма и развития к коммунизму. В идейной сокращеннице марксизма строители социалистического общества обладают остро отточенным оружием, незаменимым в борьбе за новый социальный строй. Наша задача — держать это оружие всегда наготове, беспрерывно разя и врага, в какой бы форме он ни выступал.

Итого пятилетки свидетельствуют о том; что рабочий класс, проявив беспощадную сокрушительную энергию по отношению к буржуазному строю, выступил как новая сознательная сила в историческом процессе, в процессе построения социалистического общества. Опираясь на марксистско-ленинское учение, под руководством компартии во главе с т. Сталиным — лучшим учеником Маркса и Ленина, пролетариат доказал на деле возможность осуществления социализма в отдельно взятой стране и уверенно идет к своей основной цели — полному построению бесклассового социалистического общества.

Маркс как провозвестник энергетической революции

(От опытов Дедре к разорванной социалистической электрификации)

За несколько месяцев до своей смерти, 8 ноября 1882 г., Маркс писал Энгельсу: «Что скажешь ты об опыте Дедре на Мюнхенской электрической выставке? Уже около года Лонге обещал мне доставить работы Дедре (специально для доказательства, что электричество допускает передачу силы на большое расстояние при посредстве простой телеграфной проволоки)». Этот глубокий интерес Маркса к новому техническому открытию не был конечно случайным откликом с его стороны. Он органически вытекал из постоянного глубочайшего внимания, с которым относился Маркс к научному и техническому прогрессу вообще, на его стремлении к связыванию каждого звена этого прогресса с экономическим и политическим развитием общества. И в опытах Дедре Маркс подошел с этими же предположениями, наделив такую яркую характеристику в речи Энгельса на могиле Маркса: «Наука была для Маркса исторически движущей революционной силой. Какую бы живую радость ни доставляло ему каждое новое открытие в любой теоретической науке, о практическом применении которого пока еще не было и речи, — его радость была совсем иной, когда дело шло об открытии, немедленно оказывающем революционное воздействие на промышленность, на историческое развитие вообще. Так, он следил во всех подробностях за развитием открытий в области электричества и в последние время в частности за открытиями Марселя Дедре».

Опыты Дедре, вызвавшие живой интерес Маркса уже при появлении первых сообщений о них, носили между тем характер письма еще робких первых шагов, и притом в практическом смысле едва ли успешных шагов в отношении поставленной испытателем задачи добиться передачи электрического тока на расстояние в качестве источника механической энергии.

На второй международной электротехнической выставке в Мюнхене Марселем Дедре демонстрировал искусственный водопад, для которого вода накачивалась и поднималась с помощью электрического мотора в 1,5 д. с., питаемого передававшимся за 57 км, из Миссбах, током напряжением в 2 тыс. вольт. За этим опытом дальнейших сколько-нибудь практических шагов в ближайшие годы не последовало; основанное Дедре и Паризе «Общество для передачи электрической энергии» не добилося удовлетворительных результатов. Более того, — дальнейшие попытки в этом направлении, казалось, компрометировали новую техническую идею в самом ее зародыше. Когда почти 10 лет спустя на Международной электротехнической выставке во Франкфурте в 1891 г. опыт был повторен, — но уже с передачей тока на расстояние свыше 100 км (из Лауффена) и напряжением в 25 тыс. вольт, — выступили все же ряд авторитетных специалистов с доказательством полнейшей и неизбежной практической бесплодности этих начинаний.

Необходимо иметь в виду это полное сомнений и недоверия отношение со стороны даже узкого круга инженеров и ученых к поставленной Делре прикладной задаче в ее лишь чисто техническом аспекте. Легко заключить отсюда, как неизмеримо далека должна была казаться она современникам от тех огромных социальных и экономических сдвигов, с которыми в переживаемую нами эпоху реализация этой задачи связана более чем очевидно. Но именно в таком до конца осознанном значении ее была воспринята Марксом едва появившаяся возможность дальнейшей передачи тока и применения электричества как источника механической энергии.

Надо было обладать гигантской силой марксовской мысли; чтобы увидеть в этих первых проблесках нового технического фактора, замкнутого еще в лабораторных масштабах, контуры эпохи в развитии производственных сил; надо было обладать глубочайшим умением Маркса постоянно связывать в единый диалектический комплекс развитие производственных сил с изменением производственных отношений, чтобы оценить первые намеки на сдвиг в развитии техники во всей его органической связи с судьбами социально-экономической структуры общества. Маркс, а вместе с ним и Энгельс, внимание которого Маркс настойчиво привлекал к опытам Делре, были первыми и единственными, кто у самых истоков процесса увидели и определили перспективы его силы и глубины.

Развивая мысли умирающего Маркса, высказанные несмелыми попытками на Мюнхенской выставке, его великий сподвижник Энгельс писал Эд. Бернштейну 27 февраля 1883 г. известные строки: «Дело это имеет чрезвычайный революционный характер. Паровая машина учит нас преуменьшать теплоту в механическое движение, но пользование электричеством открывает нам путь преуменьшения всех форм энергии, теплоты, механического движения, электричества, магнетизма, света одной в другую и обратно в пределах их промышленного использования. Круг замыкается. И новейшее открытие Делре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей сил могут передаваться по простой телеграфной проволоке на несравненно большие расстояния и быть примененными на конечном пункте, — дело это находится еще в зародке, — окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водных сил. И если даже выкачать этим воспользуются только города, в конце концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производственные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно». Все основные направления последующего полукругового развития энергетического сектора промышленности нашли отражение в этих словах.

Устройство искусственных водопроводов на выставках осталось на пути развития энергопередачи уже давно пройденным этапом. Действующие или спроектированные в наши дни линии электропередач определяются не единицами, а сотнями тысяч вольт напряжения, их протяженность измеряется уже не десятками, а многими сотнями километров. В 1930 г. проводилось например в Германии сооружение электропередачи на расстояние в 960 км (от Браувайлера, через Кобленц, к Блюдену) напряжением в 380 тыс. вольт; существуют уже технические разработки проекты линий с напряжением в 480 и даже 660 тыс. вольт. «Окончательное освобождение промышленности от всех местных границ» приняло в отношении освобождения ее от лимитов топливного базиса уже довольно отчетливые формы даже в капиталистических условиях. Передача электроэнергии не только ослабляет тяготение промышленных предприятий к пунктам средоточия топливных ресурсов, но дает возможность все более широко включать в общенациональный баланс промышленности новые, недавно еще недоступ-

ные элементы этих ресурсов (например бурогоугольные залежи). В особенно крупном масштабе происходило привлечение «самых отдаленных водных сил», о котором в начале 80-х годов трудно было даже смутно догадываться, и на что тем не менее совершенно определенно указывал Энгельс не только в приведенной цитате, но и в ответе на первое письмо Маркса об опытах Делре. «Открытие делает возможным, — писал он в этом ответе, — использование всей колоссальной массы водной силы, пропадающей до сих пор даром». Как известно, в странах, обладающих значительными гидроэлектрическими ресурсами, развитие гидроэлектрических станций стало основной формой развития энергетики вообще, а например в Норвегии, Италии, Канаде, Швейцарии практически вся вырабатываемая энергия представляет собой гидроэлектрическую энергию.

Но в такой же степени, в какой происходило общее развитие электроэнергетики, шло и черствение руководства буржуазии производственными силами. Если чисто технологические препятствия на пути расширения производства и распределения электрической энергии еще кое-как преодолевались, то разрывание социально-экономических противоречий, порождавшихся этим расширением и сопровождавших его, принимало все более острый характер. Это становится очевидным для наиболее наблюдательных представителей самого капиталистического лагеря. В настоящее время можно было бы собрать уже ряд и косвенных и прямых высказываний авторитетнейших представителей буржуазной технической мысли о все более неперимрумом конфликте между дальнейшим развитием электроэнергетики и чисто хозяйственной анархичной структурой капиталистического строя. Почти символично звучит в этом отношении недавнее заявление одного из крупнейших буржуазных энергетиков Оскара фон-Миллера, бывшего активного участником и организатором опытов Делре в 1882 г. Выступая осенью 1931 г. во Франкфурте на XXXV годовом собрании Союза германских электротехников, он должен был признать, что «препятствия, стоящие на пути дальнейшего развития энергоснабжения в Германии в общем государственном масштабе, могут быть преодолены лишь путем слияния всего энергетического аппарата страны в одну единую хозяйственную систему». Излишне конечно поинтересоваться, что многочисленные отдельные электрические компании — и притом не в одной только Германии — предпочитают свое самостоятельное существование перспектив планового энергоснабжения страны и что осуществление последнего становится практически возможным с переходом власти в руки пролетариата.

Предвосхищенное Марксом и Энгельсом столкновение между развитием электроэнергетического хозяйства и общими социально-экономическими условиями капитализма, а потому глубоко революционная роль этого развития конкретизировались в целом ряде множившихся факторов. Сами по себе техническое усовершенствование электрических станций, укрупнение их мощности, превращение их в эффективные самостоятельные энергопроизводящие предприятия должны были бы вести к быстрой и безусловной централизации энергоснабжения, к выделению силового аппарата промышленности в мощные центры со все более широким радиусом действия. В действительности однако этот процесс носил резко насильственный характер. Он наталкивался на сопротивление упорно стремившихся к сохранению своей энергетической автономии предприятий, ограничивавшихся сильнейшими деприватизационными (в отношении энергоснабжения) тенденциями в капиталистической промышленности, переплетавшихся с исключительной живучестью обособленных карликовых электростанов.

И до последнего времени в Германии например группа мелких станций (мощностью ниже 1 000 квт), давшая в 1929 г. лишь 5,3% всего производства энергии в стране, насчитывала все еще 6 063 единицы, — 85,4%

от общего числа электростанций. В САСШ наблюдается аналогичного характера сочетание высокой степени централизации производства электроэнергии с наличием огромного числа самостоятельных борющихся друг с другом энергетических компаний. В 1929 г. 14% общего числа центральных произвели 60% всей энергии, выработанной в САСШ станциями общего пользования; в то же время 3 780 электростанций, насчитывавшихся в стране в том же году, были разделены между 2 537 самостоятельными частными обществами — это без муниципалитетов, также владеющих весьма значительной долей указанного количества станций.

Само развитие техники передачи электроэнергии на расстояние очень быстро натолкнулось в процессе его реализации на серьезный экономический барьер. Распирение практика снабжения промышленных предприятий энергией от электростанций при всех своих огромных технико-экономических преимуществах означало в капиталистических условиях разрыв производства в потреблении энергии между обособленными в хозяйственном отношении предприятиями. Органическая технологическая связь между ними — передача электроэнергии — чудовищно переплеталась с рыночными взаимоотношениями — куплей и продажей тока. Развитие этой технологической связи тормозилось и усложнялось таким образом обильной борьбой и противоречиями между отдельными предприятиями, в данном случае — между противостоящими друг другу электростанциями и промышленными потребителями тока.

Эти противоречия находят свое выражение в конкуренции между центрами, в тарифных войнах вокруг электроэнергии, а главным образом — в факторе нагрузки центральных станций. Порожденная невозможностью координировать производительность обособленных электростанций с požидательной способностью разрозненных частнохозяйствующих потребителей тока, крайне низкая и лихорадочно изменяющаяся нагрузка станций становится бичом централизованного электроснабжения в капиталистических странах. Так, даже в наиболее благополучные предкризисные годы средняя продолжительность работы центральных не превышала 3 тыс. часов в год в САСШ, 2,5 тыс. часов в Германии и 2 тыс. часов в Англии; для ряда отдельных станций нагрузка снижалась часто до 700 часов и ниже. Отношение пиковой нагрузки к минимальной на протяжении суток составляло накануне кризиса по гамбургской группе станций 4,1:1, а по берлинской 6:1.

Кооперирование между центрами путем колдования, их включение в общую систему электроснабжения — важнейший фактор выпирания графика нагрузки и общего повышения эффективности силового аппарата центральных. Но в капиталистических условиях это могло иметь место лишь в сфере электростанций, объединенных в одну компанию. Крупнейший фактор оказался таким образом сразу вытесненным в крайние узкие границы. То же границы национализма в самом зародке стихийно выступившую необходимость кооперирования между центрами и промышленными потребителями тока путем использования первыми на своих электрогенераторных установках отбросного тепла, пара или газа обслуживаемых промышленных предприятий. Технические возможности гигантского значения, возникшие в ходе новейшего развития энергетического хозяйства, — широкое энергопромышленное комбинирование на базе превращения электростанций в узловые пункты целых промышленных областей, — остаются лишь техническими, но не социально-экономическими возможностями. Мощные энергопромышленные гиганты в капиталистических странах представляют собой в подавляющем большинстве только достаточно неэффективное в технико-экономическом отношении территориальное соседство центральных и предприятий, частично и бесспорно связанных между собой, но отнюдь не органически единые комплексы.

Достаточно указать, на такой яркий пример в этом отношении, как группа крупнейших металлургических, газовых и электрических предприятий Чикагского района (САСШ), разделившихся между целым рядом конкурирующих трестов. Из появившихся в специальной американской печати статей, призывавших к образованию в этом районе единого энергопромышленного комбината, можно было бы составить солидный том, но дело не идет дальше потирающих по своей убедительности и все же бесплодных проектов: 8 крупнейших металлургических заводов в районе Чикаго входят в 5 различных концернов, газовые предприятия этого района принадлежат 4 самостоятельным компаниям, 5 мощных электростанций района разделены между 4 отдельными обществами. То же самое имеет место и в группе энергетических и промышленных предприятий района Niagara наводопад; электростанция этого района общей мощностью в 1,5 млн. л. с. разделена между пятью самостоятельными компаниями, а сферой того — еще политическими границами между Канадой и САСШ.

В путях капиталистических противоречий замирают однако не только такие сложные и совершенные продукты развития электроэнергетики, как тенденции энергопромышленного комбинирования, но и связанные с ними тенденции международного обмена энергией. Последние совершенно естественно возникли из необходимости преодоления политических границ, отделяющих часто местонахождения потенциальных источников энергии от районов расположения ее потребителей. Но по путям за развитием обмена энергией между странами следовали электрический демпинг, с одной стороны, и электрический протекционизм — с другой. Так, например при средней продажной цене энергии в юго-западной пограничной полосе Германии в 3 феннига за кВт. ток передавался из тех же районов за границу по 2 феннига за кВт. Накануне нынешнего кризиса Франция и Италия обложили высокими, по существу запретительными, пошлинами передаваемую в эти страны из Швейцарии дешевую электрическую энергию. Швеция вообще запретила транзитные передачи энергии через ее территорию из Норвегии в Данию и то же самое сделала Чехо-Словакия по отношению к передаче тока через ее территорию из Силезии в Венгрию. Электроэнергетическая статистика начала регистрировать в последние годы — притом и в последние годы «процветания» — шестизначные не только международного обмена энергией, но даже и обмена ею между обладающими некоторой автономией областями отдельных стран (например между штатами САСШ).

Перерастание производственными силами руководства буржуазии, о чем писал Энгельс, обнаруживается в сфере развития капиталистической энергетики все более часто и все более настоятельно. Именно отсюда идут стимулы тех бесчисленных попыток разрешения энергетической проблемы капитализма, которые находят столь симптоматичное выражение в лице систематических энергетических конференций и целой вереницы планов о коренной реорганизации электроэнергетического хозяйства в общегосударственных и даже международном масштабах. Но столь же симптоматично конечно и то, что ни один из этих планов не в состоянии был выдвинуться из рамок крайне импонирующей и все же бесплодной утопии. Достаточно напомнить в этом отношении о судьбе таких широко разработанных проектов электрификации в общегосударственных масштабах, как например проекты комиссии лорда Найра в Англии, О. фон-Миллера в Германии, Ж. Маттео в Бельгии, план сооружения системы гигантских гидроэлектростанций в САСШ (например, на реке См. Лаврентия, или план выкупа государством всех частных центральных в Японии. Ни один из этих проектов, разработавшихся в основном в официальном порядке, ни в какой степени не был осуществлен, как не были осуществлены конечно еще более широкие планы создания единых электрических систем

в международном (континентально-европейском) объеме, например плана германского инж. О. Ольдена или швейцарского инж. Э. Шенгеллена.

Наряду с противоречиями, которые рождало в капиталистических условиях развитие энергетики, оно оставило неразрешенными в этих условиях крупнейшие с т а р е е противоречия, которые по существу своему было призвано разрешить. В ряду этих последних одно из главных мест занимает противоречие между городом и деревней. Увидеть в возможности передать по проводам электрическую энергию высокого напряжения «самый могущественный рычаг для уничтожения антагонизма между городом и деревней», по четкой формулировке Энгельса, в те дни, когда электрические станции только возникали (первая из них — Джинсовская в Нью-Йорке с 1881 г.) и когда они обслуживали еще исключительно электрическое освещение, — было гениальной прозорливостью. Но фактически огромное значение электричества (начале только в качестве электрохимического фактора, а затем и в качестве двигательной силы) было ясно для Маркса задолго до опытов Дедре. В письме к Энгельсу от 5 мая 1851 г. Маркс подробно останавливается на «применении электричества к агрикультуре», комментируя опыты одного шотландского фермера. Принадлежало Энгельсу к этому вопросу, которому он сам придавал серьезнейшее значение, Маркс посылает ему копию заметки, написанной на эту тему в «Экономисте», и вновь возвращается к вопросу в письме от 16 мая.

Роль электрификации в развитии сельского хозяйства, глубокое понимание которой было высказано Марксом за 30 лет до появления даже практической возможности передачи энергии на расстояние, стала вполне очевидным фактором только после роста крупного централизованного энергоснабжения. Наличие мощных районных электрических систем представляет собой вместе с тем широчайшие возможности для снабжения сельского хозяйства энергией из центра, обслуживающих одновременно и промышленное производство. Рождается новая техническая база, на которой произойдет непосредственное технологическое сближение сельского хозяйства и промышленности, деревни и города и на которой неизбежно выйдут новые формы взаимоотношений между обеими сферами. Но этот «могущественный рычаг для уничтожения антагонизма между городом и деревней» остается в капиталистических условиях без применения; в основном им «пользуются только города», — пророчески указывал Энгельс. Проникновение электрической энергии в капиталистическое сельское хозяйство происходит в ничтожном объеме. Задача решительного применения рычага переходит к новому общественному строю, который осуществляет, доводит до конца и всю энергетическую революцию.

Таким образом возникновение и кристаллизация у Маркса великой идеи этого энергетического переворота в развитии производительных сил датируется ранее чем первые опыты Дедре. Можно считать установленным, что совершенно отчетливо выработанное представление о роли электроэнергетики в качестве решающего фактора грядущей технической революции, неразрывно связанной также и с революцией экономической и социальной, Маркс составил себе гораздо раньше. Это относится еще к середине прошлого столетия, когда происходили первые, опытные лабораторные, опыты применения электрического двигателя. Прямым доказательством вразумения приведенным выше словами Энгельса из его речи на могиле Маркса служит исключительное по своей ценности свидетельство Вильгельма Либиха, относящееся к его первой встрече с Марксом в 1850 г. В своих «Воспоминаниях о Марксе» (1896 г.) В. Либих пишет: «Мы как-то коснулись области естествознания, Маркс иронически говорил о победоносной партии в Европе реакции, которая воображает, что раздвинула революцию, не подозревая, что успехи естествознания подготавливают новую революцию. Его величество «царь, который в прошлом столетии все на свете перевернул вверх дном, сходит теперь со сцены и усту-

пает свое место несравненно более сильному революционеру — электрической искре. При этом Маркс, весь охваченный пламенем энтузиазма, рассказывал мне, что вот уже несколько дней на Регент-стрит выставлена модель электрической машины, приводящая в движение поезд железной дороги. «Теперь проблема решена; результаты неисчислимы. За экономической революцией должна неизбежно последовать политическая, так как вторая только служит выражением первой».

Здесь Маркс отмечает не только вообще перспективы неизбежного технического переворота, назревавшего в недрах капитализма, но четко указывает на характер и формы этого переворота, исходным пунктом которого является двигательный аппарат промышленности. В этой связи очевидной становится неправильность установившегося у нас представления о взглядах Маркса на определяющее якобы значение качественных сдвигов в рабочей части машины для промышленной революции вообще. В соответствующем месте XIII главы первого тома «Капитала» Маркс говорит: «Промышленная революция в XVIII веке исходит как раз от этой части машины, от исполнительного механизма, и теперь он снова и снова является исходным пунктом переворота во всех случаях, когда ремесленное и мануфактурное производство превращается в машинное. Совершенно ясно подчеркивается здесь роль исполнительного механизма в качестве основного стимула технического переворота в определенной конкретную эпоху развития капитализма, в эпоху специфических условий исторического перехода от мануфактурного и ремесленного производства к машинному и фабричному. Однако уже и в отношении этой эпохи Маркс отводит существенное место двигателю как историчному фактору происшедшего экономического переворота. Об этом свидетельствуют незначительные подготовительные тетради к «Капиталу», приводимые в выдержках в «Воспоминаниях» (№ 1-2, 1933 г.). В 19-й тетради Маркс пишет: «После этой (связанной с рабочей машиной, — В. К.) первой великой промышленной революции применение паровой машины как машины, производящей движение, было вторым».

Будучи историческим фактором в процессе развертывания промышленной революции XVIII столетия, двигатель принимает центральное и определяющее значение в качестве истока нового технического переворота, возмещенного Марксом. Поскольку переход к машинному производству вообще стал совершившимся фактом, дальнейшее развитие исполнительного механизма машин в основном должно было быть, естественно, развитием степени технического совершенства, но не самого принципиального существа — рабочей машины. Роль исходного пункта, в котором должны были зародиться основные стимулы новой революции производительных сил, перешла к двигателю, а вместе с ним и к передаточному механизму, являющемуся по своему характеру лишь функцией двигателя аппарата. С внедрением электричества в капиталистическое производство, с электрификацией двигательного аппарата капиталистической промышленности оказались заложены и начали быстро развиваться элементы общей революции производительных сил.

В период монополистической фазы капитализма произошло и продолжает происходить смещение его энергетического базиса от парового к электрическому двигателю. Но совая с эпохой капиталистического агнивания, принимающего в новейший период формы всеобщего кризиса капитализма, процесс этот не вышел экономических условий для своего разветвления в подлинную общую революцию производительных сил. Смещение энергетического базиса современного капитализма не приняло масштабов и характера широкого промышленного переворота в границах самого капиталистического способа производства, как это было в XVIII столетии. Развитие электроэнергетики, все более резко сталкиваясь с социально-экономическими границами капитализма, принимает незавершенные, половинчатые, уродливые формы. «Перерастание производительными

силами руководства буржуазии» достигнет в этих условиях степени неизбежного зарины. Напротив в современном капитализме техническая революция может воплотиться в действительность только с победой социалистической революции.

Это произошло в нашей стране, ставшей страной строящегося социализма. Генерально раскрытая Марксом и Энгельсом перспектива энергетической революции как одного из крупнейших элементов общего экономического и социального переворота была воплощена Лениным в практическое дело proletариата. Предвидение первых великих учителей рабочего класса было подхвачено Лениным до уровня широкого и законченного учения об электрификации как об основе развития производительных сил в социалистическом государстве. В первоначальном проекте тезисов доклада о тактике РКП на III конгрессе Коминтерна Ленин писал: «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим образом положение нельзя ограничить. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация всей страны». И, задавая первые основы для выполнения этой величайшей задачи, Ленин назвал план электрификации второй программой партии.

Крайне ничтожное и в количественном и в качественном отношении энергетическое хозяйство капиталистической России пришло в результате империалистической и гражданской войны в состояние полной разрухи. Тем более гигантские масштабы представляет поэтому электрификация, успешно проводимая по заветам Ленина в Советском союзе. Крупнейшее историческое значение плана ГОЭЛРО воплотилось на протяжении восстановительного и реконструктивного периода в завершение и во все дальше и шире развертывающиеся работы. Установленная мощность всех электростанций страны достигла к концу 1932 г. 4 567 тыс. квт., увеличилась на 416% по сравнению с уровнем конца 1913 г. (1 098 тыс. квт.). Выработка электрической энергии этими станциями составила в 1932 г. 13 100 млн. квтч. против 1 945 млн. квтч. в 1913 г., — рост на 673%. Лишь за четыре года пятилетки мощность всех станций Союза выросла в 2,5 раза, а производство ими энергии — почти в 2,6 раза. К началу пятилетки у нас насчитывалось 3 тыс. км высоковольтных линий электропередач, к концу ее — 10 тыс. км.

Качественные достижения не уступают абсолютному росту электрификации. Доля крупных районных центральных в общей мощности станций (коэффициент централизации) увеличился с 15,5% в 1913 году до 32,5% в 1928 году и до 57,5% в 1932 г.; доля этих центральных в общей выработке электроэнергии всеми станциями возросла с 22,2% в 1913 году до 38,9% в 1928 году и 60,3% в 1932 г. Средняя продолжительность использования установленной мощности станций увеличилась с 3 060 час. в 1927 г. до 3 730 и выше в 1932 г. По сравнению с 1,16 кв условного топлива, затрачиваемого крупными станциями на производство одного квтч. энергии в 1913 г., мы резко улучшили этот коэффициент — до уровня 0,96 кв в 1925/26 г. и 0,71 кв в 1932 г. И это бурное развитие электроэнергетического хозяйства нашей страны все в более широкой степени развертывается на базе нашего собственного электромашиностроения, выросшего по сравнению с довоенным уровнем в десятки и сотни раз. Производство турбогенераторов возросло у нас с 8,8 тыс. квт в 1913 г. до 707 тыс. квт в 1932 г.; производство паровых турбин увеличилось с 34,0 тыс. квт в 1927 г. до 702,0 тыс. квт в 1931 г., производство трансформаторов — с 433,4 тыс. квт в 1928 г. до 3 428,0 тыс. квт в 1932 г., выпуск электромоторов — с 311,5 тыс. до 1 478,7 тыс. квт.

Развитие электроэнергетики в нашей стране происходит в темпах и направлениях, невиданных в капиталистическом мире. В ходе этого развития

реализуются до конца не только все те передовые технико-экономические факторы, которые выступали в электроэнергетическом хозяйстве капитализма лишь в виде неизбежно разрывающихся тенденций, но и те факторы, которые там даже не могли возникнуть. Мы проводим широкую теплофикацию с комбинированным снабжением теплом и энергией от единых теплоэлектростанций, теплофикацию, не имеющую по своему объему прецедентов в капиталистической практике; общая мощность наших теплоэлектростанций к концу 1932 г. уже достигла 300 тыс. квт. Завершающий год пятилетки ознаменовался великим триумфом социалистической электрификации — сооружением Днепротреста, а вместе с тем — и созданием первого в истории по своим масштабам и по своему характеру энергопромышленного комбината; но это лишь первое звено в системе всеобъемлющего энергопромышленного комбинирования, развивающегося в нашей стране. Близится создание единой высоковольтной сети, которая свяжет в могущественный органический целый комплекс весь наш энергетический аппарат и поведет в частности к решительному преодолению пространственного фактора в промышленности; близится вместе с тем следовательно и освобождение промышленности от всех местных границ, возможность которого видел Энгельс в перспективах зарождавшейся электрификации. Выросшая в недрах капитализма проблема окончательно разрешается на другой день после «экономической и политической революции», свыше 80 лет тому назад предсказанной Марксом.

Энергетическая, а вместе с ней и общая техническая революция, которая нарастает в качестве все обостряющейся и неразрешимой проблемы в странах умирающего капитализма, происходит в СССР в форме свободного и планового развития производительных сил. Расколотый надвое мир идет противоположными путями — один к развалу и гибели, другой — к окончательному разрешению не только энергетической, а и всех иных социально-экономических проблем. Но этот второй путь показывает всему остальному миру прообраз его неизбежного грядущего развития: осуществление мудрой и заостренной ленинской формулы коммунизма, который строится советской властью, проводящей электрификацию.

Учение Маркса об обмене и советская торговля

I

Учение Маркса об обмене имеет для социалистического строительства огромное теоретическое и практическое значение, являясь основной методологической предпосылкой при анализе советской торговли.

Изучение природы и роли торговли в советском хозяйстве имеет особенно актуальное значение в связи с огромными задачами, стоящими перед советской торговлей во втором пятилетии. Анализ учения Маркса о торговле и установление органической связи и преемственности его с теорией и практикой социалистического строительства являются необходимым условием как для уверенности в нашей работе, так и в борьбе с попытками исказить учение Маркса. Ленин и Сталин продолжали работу Маркса, в теории и на практике социалистического строительства развили и конкретизировали то, что создал Маркс. Марксизм и ленинизм представляют собой при этом единое целое, мощное орудие в руках пролетариата, строящего социализм.

Обмен, товарное обращение являются одним из тех участков, где социал-фашисты и буржуазные экономисты пытаются исказить Маркса с особенной настойчивостью, с наибольшей живостью. Отрывая обмен от производства и одновременно приписывая обмену ведущую роль, они пытаются вытравить из учения Маркса его сущность, его классовую заостренность.

Учение Маркса об обмене неразрывно связано со всей марксовской экономической теорией и неотделимо от нее. Обмен является моментом воспроизводства и не может рассматриваться вне всей экономической системы, изолированно от последней. Производственные отношения определяют содержание и формы обмена, и при анализе обмена нельзя абстрагироваться от экономических отношений, в которых происходит обмен. Обмен в товарно-капиталистическом хозяйстве и обмен в советском хозяйстве принципиально отличны друг от друга. Абстрактный подход к изучению обмена приводит к отрыву от действительности, искажает сущность обмена, делает его «вечной» категорией, отожествляет принципиально различные формы обмена.

Определяя сущность и роль обмена, Маркс прежде всего устанавливает связь его с производством и органическую зависимость от последнего. Производственные отношения, развитие производства — вот что определяет распределение и обмен: «Производство превалирует как над самими собой в противоположность всех определенных производства, так и над всеми другими моментами. С него каждый раз начинается снова процесс. Что обмен и потребление не имеют господствующего значения — это ясно само собой. То же самое приложимо и к распределению как к распределению продуктов. Но в качестве распределения агентов производства оно само есть момент производства. Определенная (форма) производства обуславли-

вает таким образом определенные (формы) потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу»¹.

Обмен в товарном хозяйстве основывается на разделении труда мелких производителей. Каждый из них является собственником средств производства и выступает на рынке как продавец товара, осуществляя переход товара из сферы производства в сферу потребления. Товаро-производитель создает товар и, продавая его на рынке, реализует его стоимость. Рабочая сила в простом, товарном хозяйстве не является товаром, средства производства не отделяются от производителей. Обмен ограничен как территориально, так и по ассортименту товаров.

«Торговый капитал старшее капиталистическое способа производства, и в действительности представляет исторически древнейшую свободную форму существования капитала» — говорит Маркс². Но торговый капитал в капиталистическом хозяйстве не охватывает всего производства, а лишь небольшую часть производства, так как огромнейшее место занимает непосредственный обмен товаро-производителей, который еще не является всеобщим товарным. Лишь в капиталистическом хозяйстве «продукт производится уже только как товар, а не как предмет непосредственного потребления»³. Функцией торгового капитала капиталистического периода является концентрация денежных фондов и эксплуатация мелкого производителя, отчуждение прибавочного продукта. Эта эксплуатация мелкого производителя сохраняется и в условиях капиталистического хозяйства, но совершенно на иных основаниях, на базе капиталистического способа производства.

Торговый капитал подготавливает вместе с ростовщическим приростом промышленного капитала, который концентрирует средства производства и превращает самостоятельного товаро-производителя в наемного раба. Торговый капитал в период первоначального накопления не знает продажи и покупки по стоимостям, его торговля строится на неэквивалентном обмене. «Торговый капитал», — говорит Маркс, — когда уже принадлежит преобладающему господству, представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древности, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний»⁴. Концентрируя в своих руках денежные капитал, торговый капитал подготавливает переход к капиталистическому способу производства; разоряя мелких производителей, они создают кадры «свободных» пролетариев, часто просто превращая бывших собственников мастерских в мелких рабочих.

Что лежит в основе капиталистической формы обмена? Мы знаем, что в отличие от мелкотоварного хозяйства здесь средства производства не являются уже собственностью мелкого производителя, а сконцентрированы в руках капиталистов, что мелкий производитель превратился в наемного рабочего — пролетария. Здесь нет уже обмена производителями, свободных ремесленников; здесь нет и натурального хозяйства рабовладельческих и крепостнических хозяйств, в которых земледелец является собственностью феодала и потребление которого организовано почти на тех же принципах, как и потребление рабочего слота. В капиталистическом обществе средства производства находятся в руках капиталиста, который нанимает рабочего, покупает его рабочую силу. Здесь рабочая сила превращается в товар, является единственным товаром, который может предложить рабочий на рынке, для того чтобы иметь возможность получить в обмен необходимые

¹ Маркс, К критике политической экономии, изд. 1930 г., стр. 68.

² Маркс, Капитал, т. III, к. 1, стр. 309, изд. 1923 г.

³ Там же, стр. 202.

⁴ Там же, стр. 316.

ему средства существования. Характеризуя положение раба, крепостного и пролетария, Энгельс говорит:

«Каждый отдельный пролетарий является, так сказать, собственностью всего буржуазного класса. Его труд покупается только тогда, когда кто-нибудь из них нуждается, и потому он не пользуется обеспеченным существованием. Существование это обеспечено только рабочему классу в его целом. Раб стоил вне конкуренции, пролетарий подчинен конкуренции и ощущает на себе все ее колебания... Крепостной владеет собственностью и пользуется средством производства, а именно куском земли, за то, что отдает часть извлекаемого из нее дохода, или за то, что выполняет определенные работы. Пролетарий работает со средствами производства, принадлежащими другому, и производит работу за счет этого другого, получая от него часть дохода. Крепостной платит, пролетарий получает плату. Крепостной пользуется обеспеченным существованием, пролетарий этим не пользуется. Крепостной стоит вне конкуренции, пролетарий подчинен конкуренции»¹.

Эти новые условия труда создают и новые условия обмена. Рабочий выступает как продавец своей рабочей силы и как покупатель товаров, необходимых ему для существования. Свободный рабочий, прежде чем купить необходимый ему товар, должен продать свою рабочую силу. Как покупатель товаров он находится в равных условиях со всяким другим покупателем, закон стоимости выравнивает цены, по которым продаются товары для всех покупателей, и формально набор товаров и их приобретение ни для кого не ограничен. Но в действительности покупательная способность рабочего ограничена его заработной платой, она определяется его положением в обществе, она зависит от состояния рынка труда.

Критикуя «Курс политической экономии» России, Маркс подчеркивает разницу обмена в мелкобуржуазном хозяйстве и в капиталистическом. В то время как Россия утверждает, что совершенно безразлично, шьет ли шурток рабочий на швейной фабрике, или сам товаро-производитель, — Маркс говорит:

«Шурток есть шурток, — в этом состоит мудрость России. Но в первом случае портной производит не только шурток, — он производит капитал, а стало быть и прибыль; он производит своего хозяина как капиталиста и себя самого как наемного рабочего. Если и наставлял портного (*ouvrier tailleur*) у меня на дому шить шурток для меня самого, то и в силу этого так же мало становится своим собственным предпринимателем (в категоричном смысле), как мало собственник портняжного заведения (*entrepreneur tailleur*) является предпринимателем только потому, что он сам шьет и приобретает шитый его рабочим шурток. В одном случае покупатель портняжного труда и *ouvrier tailleur* противопоставлен друг другу как простой покупатель и простой продавец. Один платит деньги, другой оставляет товар, в потребительную стоимость которого превращаются мои деньги. Было бы решительно то же самое, если бы и покупал шурток в лавке. Продавец и покупатель выступают друг против друга просто как таковые. Напротив, во втором случае они противопоставлены друг другу как капитал и наемный труд»².

Маркс четко разграничивает те условия, в которых находится самостоятельный товаро-производитель как продавец продукта своего труда и рабочий, продавший свою рабочую силу. И это различие является основным для определения существа капиталистической торговли. В обоих случаях благо, созданные в производстве, являются товарами, являются объектом купли-продажи. Однако в первом товарном хозяйстве каждый производитель является собственником средств производства и продает продукт своего труда в

обмен на другие равноценные товары. В капиталистическом хозяйстве производитель-пролетарий не владеет средствами производства и продает свою рабочую силу, приобретаю в обмен на нее необходимые средства потребления. Собственность на средства производства в руках капиталистов подчиняет им рабочего и как производителя, и как потребителя. В руках капиталистов концентрируются средства потребления, которые они реализуют на рынке. Рабочий покупает товар по рыночной цене, как всякий другой потребитель. Рабочий продает свою рабочую силу также по рыночной цене. Между ними происходит эквивалентный обмен. Однако рабочий в процессе производства создает капиталисту прибавочную стоимость. Это отношение эксплуатации и определяет сущность капиталистической торговли, как одного из орудий эксплуатации и порабощения рабочего и как производителя и как потребителя. Равное право таким образом является неравным, так как пролетариат и буржуазия находятся в разных условиях, по-разному относятся к средствам производства³.

Развитие капиталистического хозяйства превращает в товар все благо. Буржуазия — говорит Маркс — превратила в меновую стоимость личное достоинство человека и на место бесчисленного множества видов благоприятной и патентованной свободы поставила одну безразличную свободу торговли⁴.

Буржуазия «лишила обаяния святости все те почетные роды деятельности, на которые до сих пор смотрели с благоговейным трепетом»⁵; честь, совесть, личное достоинство превратились в товар, который продается и покупается, как всякий другой товар. То, что рабочая сила стала товаром, что распределение народного дохода происходит стихийно и осуществляется через рыночные отношения, — является причиной того, что торговля становится общей формой, выражающей социально-экономические отношения в капиталистическом хозяйстве.

Общественное разделение труда, капиталистическая частная собственность и основанная на этом роль торгового капитала, разрыв между спросом и предложением, колебания в потребительском спросе по сезонам и по районам, — все это создает в капиталистическом хозяйстве предпосылки для использования торговли в целях наживы, в интересах получения дополнительной прибыли. Разделение труда в обществе приводит к обострению противоречий анархического капиталистического хозяйства. Реальный процесс товарообращения отрывается от торговых сделок, которые имеют целью получить побольше прибыли.

«Отделение продажи от покупки создает возможность появления наряду с торговлей в точном смысле слова множества фиктивных сделок до окончательного обмена между производителями и потребителями товаров. Это дает возможность множеству паразитов проникнуть в процесс производства и извлекать выгоду из указанного разделения»⁶.

Для купца всегда основой сделки является продажа, дающая торговую прибыль. «Его имущество всегда существует как денежное имущество, и его деньги постоянно функционируют как капитал. Форма этого капитала постоянно одна и та же *Д-Т-Д* деньги, самостоятельная форма меновой стоимости, исходный пункт и увеличение меновой стоимости — самостоятельная цель»⁷. Возможность перепродажи товара без учета возможности потребления является решающим фактором в деятельности торгового капитала. Отсюда и возникновение фиктивных сделок, создание специальных институтов, характеризующих капиталистическую торговлю (биржи).

¹ Ленин, Собрание сочинений, т. V, стр. 459.

² Там же, стр. 486.

³ Там же.

⁴ Маркс, К критике политической экономии, стр. 165.

⁵ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 310, изд. 1922 г.

¹ Ленин, Собрание сочинений, т. V, стр. 468.

² Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. I, стр. 257.

В развитом капиталистическом хозяйстве не торговый капитал диктует свою волю крупному промышленному капиталу, поскольку ему уже не принадлежит ведущая роль, как это было на первых ступенях капиталистического развития. После того, как внедрился капиталистический способ производства и производитель сам сделался купцом, торговая прибыль, сходящая к такой соответственной части всей прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала как соответственной части всего капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства¹.

Торговый капитал является частью всего общественного капитала, его функции определяются всей системой капиталистического хозяйства.

Торговый капитал обсуживает процесс товарного обращения, являющийся не только результатом, но и условием, обеспечивающим процесс воспроизводства в данной социальной форме. Маркс указывает на ошибочность взглядов ряда буржуазных экономистов, которые заявляют, что торговля есть выражение индивидуализма, разобщения людей, что стоимость существует потому, что существуют купля и продажа, существует необходимость определить цену. Мы знаем, что на такой позиции, появившейся в корне неверной и ставшей на голову вопрос об отношении производства и обмена, возникает и определение цен на основе спроса и предложения. Маркс разбивает эту теорию и показывает, что если спрос и предложение влияют на образование цен, то и обратно — цены влияют на спрос и предложение и что в основе изменения рыночных цен лежит изменение стоимости.

Потеря торговым капиталом ведущей роли отнюдь не означает, что он перестает быть орудием разорения и закабаления мелкого производителя, однако он уже выступает не самостоятельно, а в зависимости от промышленного и банковского капитала.

Крестьянин находится в зависимости от купца как производитель с.х. товаров и как потребитель промышленных. Он отделен торговым капиталом как от потребителя с.х. продуктов, так и от производителя промышленных и он несет на себе двойное бремя. Формально он независим, — он может продать и не продать товар. Маркс говорит, что «постоянное возобновление этого отношения купли-продажи... придает ему обманчивую видимость сделки, соглашения между равноправными и одинаково свободно друг другу противостоящими товаропроизводителями».

По эта «независимость» по существу такого же порядка, как и «независимость» «свободного» пролетария, который если не хочет, то может не работать, не продавать свою рабочую силу. В обмене, как и в акте найма рабочей силы, нет равенства сторон — сильный навязывает свою волю слабому.

Торговый капитал выступает также в качестве «сильнейшего орудия грабежа козлов». В торговле с.х. и колониальными товарами монополия торгового капитала дает возможность подчинить мелкого производителя и отхитить у него не только значительную часть прибавочного продукта, но и созданной стоимости.

Капиталистическая торговля никогда не была «справедливой торговлей». Анализировав капиталистическую торговлю, Энгельс присоединяется к характеристике, данной Фурье: «Каким образом самый лживый класс социального тела находит самую злую из всех истин? Каким образом учение, проповедующее презрение к неизменному богатству, в жизни дни провозглашает только тот класс, который всеми средствами гонится за богатством, класс биржевых игроков и спекулянтов? Раньше философы единогласно осуждали известные корпорации, с гибкой совестью утверждая, что «брать» и «красть» — разные вещи. Каким же образом те же

самые философы стали теперь защитниками класса, утверждающего, что гораздо более бесовство, что барышничество — не обман, что обогрительные покупатели — не есть обграбление, что ажиотаж и спекуляция ни в каком случае не равнозначны грабежу производительного класса, словом, что следует работать только из-за денег, отнюдь не из-за чести?»².

Производство господствует над торговлей. Но это ни в какой мере не снимает обратного влияния торговли на производство и ее роли в росте производительных сил, закреплении и развитии господствующих производственных отношений. Все торговые институты в капиталистическом хозяйстве являются не просто обслуживающими учреждениями, а служат активно воспроизводству капиталистических отношений. Помышля товарность, разлагая докапиталистические отношения, способствуя превращению мелкого производителя в наемного рабочего, ускоряя обращение и т. д., капиталистическая торговля выполняет необходимую в капиталистическом хозяйстве функцию. «На основе всякого способа производства торговля благоприятствует созданию избыточного продукта, предназначенного войти в обмен для того, чтобы увеличить потребление или сокращения производителей (под которыми здесь следует понимать собственников продуктов); следовательно она придает производству характер производства, все более имеющего своей целью меновую стоимость»³.

Анализировав торговый капитал и обращение товаров, Маркс также говорит, что быстрота обращения торгового капитала имеет огромное значение для процесса воспроизводства, освобождает средства для вложения их в производство и тем самым косвенно способствует созданию стоимости, увеличению массы товаров. В этом — прогрессивность появления торгового капитала.

С возникновением монополистического капитализма торговый капитал становится агитом финансового капитала. Вслед за созданием монополий в производстве возникает монополия и в торговле, что не лишает последнюю ее капиталистического существа.

Борьба между монополистическими организациями принимает более острый, напряженный характер и требует больших жертв, больших издержек. Попытки Гильердинга доказать в «Финансовом капитале», что в эпоху финансового капитала отмирает все специфические особенности капиталистической торговли и что она перестает быть капиталистической, ни практически, ни теоретически не верны.

Развитие синдикатской торговли, характерной для эпохи империализма, не ослабляет конкуренции, а обостряет ее, придает ей более яркую и резкую форму, вызывает новые формы борьбы. Зависимость различных торговцев от концернов также не делает торговую организацию, так как каждый из этих торговцев непременно ведет борьбу с конкурентами как подчиненными данному концерну, так и со всеми, кто торгует аналогичными товарами. Наконец капиталистические монополии не являются и не могут являться единственной формой организации производства и торговли — наряду с ними существуют аутсайдеры, которые ведут непрерывную борьбу за подрыв монополий и используют все возможности в этой борьбе. Поэтому конкурентная борьба в эпоху монополистического капитализма носит еще более резкий, напряженный характер, обостряя и обжигая противоречия капиталистического хозяйства. Ленин говорит, что «картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства»⁴. То же самое можно сказать о торговле. Наряду с синдикатами, концернами существуют не входящие в них торговые предприятия. Борьба между ними

¹ Ленин, Сочинения, т. V, стр. 49.

² Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 309, изд. 1922 г.

³ Ленин, Сочинения, т. XII, стр. 186.

⁴ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 273, изд. 1922 г.

обостряется. Господство монополий ведет к повышению цен, к падению реальной заработной платы; торговля сень строится еще более неравномерно, чем в условиях свободной конкуренции, завоз товаров все больше строится на основе борьбы за наибольшую прибыль. Обладая более мощными ресурсами и экономическими возможностями, чем торговцы, монополист стремится подчинить себе потребителя. Борьба между монополистами носит более острый характер, чем между мелкими предпринимателями, и конкуренция их более прежде всего по потребителю. Маркс говорит, что «монополия производит конкуренцию, а конкуренция производит монополию... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь посредством беспрерывной борьбы конкурентов»¹.

На практике современного капиталистического хозяйства мы видим, что эти слова полностью подтверждаются: знание и торговля не становится в эпоху империализма чем-то новым по существу, поскольку сохраняются прежние производственные отношения. Наоборот, наличие монополий обостряет противоречия внутри капиталистического хозяйства, и это находит свое выражение и в торговле. Загнивание капитализма в торговле, выражается в той борьбе, которая развертывается на бирже, в росте рекламы, в сокращении и ухудшении потребительского бюджета трудящихся, в развитии торговли суррогатами и подделками, в росте непроизводительного труда, в росте эксплуатации торговых служащих и рабочих.

II

Уничтожение капиталистической торговли возможно только на основе установления диктатуры пролетариата на базе уничтожения частной собственности на средства производства. Нельзя организовать распределения, не изменив производственных отношений, не уничтожив капитализма и прежде всего не уничтожив куплю-продажу рабочей силы. Только пролетарская революция превращает «свободного» пролетариата капиталистического хозяйства в действительно свободного производителя. Только в плановом хозяйстве может быть установлена прямая связь между производством и потреблением, может быть точно составлен план производства и план потребления, так как в нем интерес производителя не противопоставляется интересам потребителя, между ними нет посредника-купца, между отдельными производителями нет конкуренции, ибо нет этих «отдельных» производителей, а есть единое социалистическое производство, планируемое в интересах общества.

Энгельс говорит, что в капиталистическом хозяйстве невозможно и не установить соответствие между производством и потреблением, и дальше добавляет: «Каким путем может фабрикант установить, какое количество его фабрикатов соответствует емкости того или другого рынка? А если бы он и мог даже это узнать, то какое количество послано на каждый из этих рынков его конкурентам? Как может он, который по большей части даже совершенно не знает, куда пойдет только что произведенный им товар, как может он еще знать, какое количество доставит его заграницей конкуренты на каждый из соответствующих рынков? Обо всем этом он ничего не знает, он производит, подобно своим конкурентам, наугад и утешается тем, что и другие должны поступать точно так же. У него нет другого мерила, кроме печально колеблющегося состояния цен, которые на отдельных рынках в тот момент, когда он отсылает свой товар, уже совершенно не соответствуют тем ценам, какие были в тот момент, когда было писано письмо, сообщавшее ему об этом, и которые в момент прибытия товара опять-таки изменяются в сравнении с ценами в момент отправки товара. При такой беспорядочности производства вполне естественно, если каждый раз наступает за-

стой в торговле, который конечно должен быть тем значительнее, чем более развиты промышленность и торговля страны»².

Невозможность планирования капиталистической торговли вытекает из самой природы капиталистического хозяйства, из существования капиталистической собственности на средства производства. Лишь пролетарская революция, уничтожая частную собственность на средства производства, организуя государственную и кооперативную торговлю делает возможным, необходимым и обязательным планирование товарооборота. Советская торговля становится важнейшим орудием строительства социализма, тогда как капиталистическая торговля укрепляет капитализм, является орудием эксплуатации и порабощения. Деятельность купца всегда зависит от степени развития капиталистического способа производства, а не от его выбора³; купец использует объективные данные для извлечения максимума прибыли. Советская торговля не стихийно приспосабливается к условиям рынка, а организованно направляется планом, который лежит в основе всего процесса социалистического строительства. Советская торговля непосредственно развивает и закрепляет социалистические отношения.

Существо советской торговли определяется наличием диктатуры рабочего класса. Пролетарское государство уничтожило частную собственность на средства производства — фабрики и заводы перестали быть товаром; земля, транспорт также перестали быть товарами; наконец основной товар капиталистического хозяйства — рабочая сила уже не является товаром, куплю-продажу рабочей силы больше нет.

Все фабрики, заводы, транспорт, земля стали собственностью социалистического государства, собственностью пролетариата, который организует их использование по плану в интересах социалистического строительства. В качестве товаров выступают производственные пролетариатом средства производства и средства потребления, но и эти товары в условиях диктатуры пролетариата не являются уже товарами в точном смысле этого слова, ибо не являются носителями стоимости, обращение их не связано с реализацией прибавочной стоимости и прибыли. «Государственный продукт», — говорит Ленин, — продукт социалистической фабрики, обменяемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае, не только товар, уже не товар, перестав быть товаром»⁴. Торговля в СССР организуется в плановом порядке, не является уже формой реализации стоимости и прибавочной стоимости.

В то время как в капиталистическом хозяйстве торговля не может быть не чем иным, как орудием порабощения и обмана, советская торговля обслуживает производителей — рабочий класс и трудящихся деревни, организует распределение, обеспечивает рост социалистического хозяйства и развитие производительных сил, непрерывное улучшение материального благосостояния трудящихся города и деревни. Советская торговля строится в соответствии с проведением принципа оплаты по труду, обеспечивает такое продвижение продукта от производства к потреблению, при котором с наименьшими затратами и с наибольшим эффектом используются производимые блага и тем самым создает условия более быстрых темпов развития воспроизводства во всем нашем народном хозяйстве. Торговля активно содействует процессу социалистической передачи мелкоотварного хозяйства и уничтожению противоречия между городом и деревней. Рост социалистических форм хозяйства, регулирование и нормирование государством цен ликвидирует торговую спекуляцию, ли-

¹ Ленин, Собрание сочинений, т. III, стр. 372.

² Маркс, Капитал, т. III, стр. 291.

³ Ленин, Собрание сочинений, т. XXVI, стр. 370.

⁴ Маркс, Ницше философия, стр. 121.

книдирует частный торговый капитал и укрепляет денежное обращение, которое организуется на реальной базе товарных ресурсов, обеспечивая непрерывный рост реальной заработной платы. Планирование пролетарским государством распределения всех материальных фондов и кредита обеспечивает непрерывность процесса воспроизводства и исключает возможность стихийного перелива средств из сферы производства в сферу обращения и обратно. Расширение материально-технической базы торговли и торговой сети строится не на основе коммерческой рентабельности складов, магазинов, элеваторов и холодильников, а на основе наилучшего обеспечения планового товарооборота и обеспечения снабжения трудящихся.

Но советская торговля, хотя и принципиально отлична от капиталистической все же есть торговля, а не прямое распределение. Из чего же вытекает необходимость существования советской торговли? Не следует ли отказаться от торговли и перейти непосредственно к прямому распределению?

Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период ликвидации остатков капиталистического хозяйства, период полного уничтожения капитализма и социалистической переделки мелкотоварного хозяйства. Даже тогда, когда мы построим бесклассовое социалистическое общество, не сразу совершится переход к распределению по потребностям. Маркс говорит, что только «в высшей фазе коммунистического общества... можно будет совершенно преодолеть узкий торгашеский буржуазный права и общество сможет написать на своем знамени: каждый по своим способностям, каждому по его потребностям»¹.

До развернутого же коммунистического общества, в период социализма распределение происходит по количеству и качеству труда, нет равенства в потреблении, подобно тому как нет равенства в производстве. В этот период каждый получает пропорционально тому, что он дает обществу как производитель, как член этого общества.

Но до перехода к прямому натуральному распределению существует период, когда необходимо существование торговли. На первый взгляд кажется, что это совершенно несовместимо с понятием социалистического хозяйства, и Ленин подчеркивает эту кажущуюся нелепость: «Коммунизм и торговля. Что-то очень несвязное, несуровое, далекое. Но если поразмыслить экономически, то одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского патриархального земледелия»².

Необходимость торговли в переходный период вытекает из недостаточного уровня общественного труда, из особой формы отношений рабочего класса и крестьянина, из недостаточности накопленных материально-технических и организационных предпосылок для перехода к распределению. Все это требует в переходный период существования советской торговли как формы социалистического распределения.

Было бы неправильно утверждать, что советская торговля в переходный период необходима только постольку, поскольку имеются остатки капиталистического и мелкотоварного хозяйства. Конечно наличие остатков капиталистического и мелкотоварного хозяйства определяет необходимость существования торговли, поскольку она является орудием борьбы за ликвидацию капиталистических элементов и переделку мелкотоварного. Но наличие их не является единственной причиной, определяющей необходимость торговли в переходный период. Необходимость торговли вытекает и из недостаточности общественного труда в социалистическом секторе, из недостаточности материально-технических и организационных предпосылок в своей сфере обращения.

Было бы также совершенно неправильно утверждать, что торговля СССР неизменно на всем протяжении переходного периода и первого периода социализма. Нельзя отождествлять торговлю первого периода с советской торговлей современного этапа. В начале 20-х годов Ленин говорил: «Если нет гнетущей крупной промышленности, способной организовать так, чтобы сразу удовлетворить продуктами крестьянство, никакого иного выхода для постепенного развития мощного союза рабочих и крестьян, кроме как путь торговли и постепенного поднятия земледелия и промышленности над их теснейшим состоянием под руководством и контролем рабочего государства, — никакого иного пути нет»³.

Наличие в руках пролетарского государства промышленности, транспорта, банков, монополия внешней торговли обеспечили руководство и контроль рабочего класса в торговле уже в первый период зия. Этот контроль обеспечивал включение торговли в систему экономической политики пролетарского государства, определял ее роль и значение. То, что пролетарское государство с самого начала не только вошло под свой контроль торговлю, но и само стало «значительным купцом», — это само по себе имеет огромное значение в определении существа торговли. Рабочий класс, крестьянство и ремесленники ставятся сразу в новые условия, частный капитал перестает быть хозяином «свободной торговли». Это был первый шаг в разрешении кооперативного плана Ленина, который обеспечивал дальнейшее развитие советской торговли.

Но торговля первого периода зия характеризовалась также допуском в торговлю частного капитала, наличием мелкотоварного хозяйства, необходимостью стимулирования роста производительных сил этого хозяйства после разрухи, внесенной империалистической и гражданской войной, невозможностью сразу развернуть советскую торговлю, отсутствием достаточной материально-технической базы в торговле. Через торговлю устанавливается связь между городом и деревней, которая лишь на следующем этапе социалистического строительства уступает ведущую роль связи производственной. Перед советской торговлей восстановительного периода и прежде всего перед кооперацией ставятся огромные задачи: она должна вытеснить частный капитал, должна укрепить торговую связь.

Торговля начала зия — это «середнее звено, этап в развитии советской экономики. Мелкий производитель в значительной мере отражен от эксплуатации, он под защитой пролетарского государства, но необходимо полное осуществление ленинского плана для уничтожения возможности возврата старого, для ликвидации кулачества как класса. Необходимо создать мощную социалистическую промышленность, обеспечивающую небывалый рост производительных сил, — ту гнетущую крупную промышленность, о которой говорил Ленин, и на этой основе перейти к социалистической реконструкции сельского хозяйства, к превращению отсталой аграрной страны с миллионами мелких хозяйств в передовую промышленную страну, коллективизировать сельское хозяйство, подвести вод его техническую базу и уничтожить «дикий хаос деревенской жизни».

Но одновременно нужно укреплять торговлю, не выпускать ее из-под контроля, использовать для обеспечения социалистического строительства. Ленин подчеркивал, что если мы не сумеем использовать торговлю, то нас захлестнет «стихия купли и продажи и денежного обращения». Для этого периода «торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью» (Ленин) и в соответствии с этим на торговлю должна быть огромная роль «середнего звена», за которое нужно ухватиться. Отсюда борьба за развитие торговли, которая объединяет массы трудящихся в борьбе с частным

¹ Критика Готеской программы, стр. 28.

² Ленин, Собрание сочинений, т. XXVII, стр. 82.

³ Ленин, Собрание сочинений, т. XXVII, стр. 125, изд. 2-е.

капитализм, в борьбе со спекуляцией, в борьбе за разрешение вопроса «кто кого» в торговле, отсюда ленинский лозунг «существование торговли»¹.

Огромное значение приобретает в этот период потребительская кооперация как организация, которая в первую очередь должна обеспечить торговую связь. Маркс неоднократно останавливался на значении и роли кооперации. Определяя ее место в капиталистическом хозяйстве, Маркс говорит, что рабочая кооперация дает наглядное доказательство возможности общественного производства и распределения, что развитие ее в капиталистическом хозяйстве показывает неудержимую тягу рабочих к новым формам хозяйства. Но Маркс, во-первых, на первое место ставит производственное кооперирование, а не торговое (потребительское), во-вторых, не переоценивает роли кооперации в капиталистическом хозяйстве, не ставит кооперирование главной задачей: «Как бы ни был кооперативный труд превосходен в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополии ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, поскольку он ограничивается узким кругом случайных усилий отдельных рабочих»²; кооперация указывает М. р., сама по себе «никогда не будет в состоянии преобразовать капиталистическое общество». Говоря о значении рабочих кооперативов, он еще раз подчеркивает в «Критике Готской программы»: «Что касается теперешних кооперативных обществ, то они ценны лишь постольку, поскольку создают самим рабочим и не зависят ни от правительств ни от буржуазии».

Из этих слов, как и из других высказываний Маркса, совершенно ясна та политическая и воспитательная роль, которую несет рабочая кооперация при капитализме. Она имеет известное значение в деле подготовки рабочего класса к новым формам производства и распределения, но она не делает сама революцию. Только после победы рабочего класса, после установления пролетарской диктатуры кооперация становится органической частью планового социалистического хозяйства и приобретает то значение, какое она имеет в советском хозяйстве.

Ленин, ставя вопрос о различной роли кооперации при капитализме и в советском хозяйстве и указывая на наличие в руках пролетариата власти и средств производства говорит: «Разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торговую связь и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при изъеме также, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества. Это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»³. И далее добавляет: «Кооперация в наших условиях слилась да рядом совпадает с социализмом». Развитие советской кооперации уже в первый период изъема является необходимой предпосылкой для подготовки перехода в наступление, поскольку кооперация составляет часть социалистического хозяйства и ведет борьбу с частным капиталом.

Восстановительный период показал преимущества планового социалистического хозяйства, и проблема торговой связи полностью себя оправдала. Подводя итоги восстановительному периоду, т. Сталин говорил на XV съезде ВКП(б):

«Теперь вопрос «кто кого» приобретает уже другой характер. Теперь этот вопрос переносится из области торговли в область производства, в область производства кустарного, в область производства сельскохозяйственного, где частный капитал имеет свой известный удельный вес и откуда его нужно систематически выкидывать».

С тех пор в СССР создана передовая промышленность, способная реконструировать все народное хозяйство и в частности земледелие, решена важнейшая историческая задача пролетарской революции — деревня перешла на рельсы коллективного производства и разгромлено как класс кулачество. Социалистические формы хозяйства стали абсолютно преобладающими во всем народном хозяйстве, на основе чего государству стало владельцем основных товарных масс. Это обусловило качественное изменение и в торговле. Сейчас советская торговля является единственной формой товарного обращения. Тов. Сталин в речи на январском пленуме следующим образом охарактеризовал существо советской торговли на нынешнем этапе:

«Во-первых, советскую торговлю нельзя ставить на одну доску с торговлей на первой стадии изъема, хотя бы и регулируемой государством. Если торговля на первой стадии изъема допускала оживление капитализма и функционирование частнокапиталистического сектора в товарообороте, то советская торговля исходит из отрицания как того, так и другого. Что такое советская торговля? Советская торговля есть торговля без капитализма — малых и больших, торговля без спекулянтов — малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы, большевики, в условиях советского развития».

Во-вторых, мы имеем теперь довольно развитую государственную промышленность и целую систему колхозов и совхозов, обеспечивающих государству громадные резервы сельскохозяйственных и промышленных товаров для разворота советской торговли. Этого не было и не могло быть в условиях первой стадии изъема.

В-третьих, мы добились того, что за последний период выжили совершенно из товарооборота частных торговцев, купцов, посредников всякого рода. Конечно это не исключает того, что могут вновь появиться в товарообороте по закону атакизма частные торговцы и спекулянты, используя для этого наиболее удобное для них поле, а именно — колхозную торговлю. Более того, сами колхозники иногда не прочь пуститься в спекуляцию, что не делает им конечно чести. Но против этих нездоровых явлений у нас имеется недавно изданный закон советской власти о мерах пресечения спекуляции и наказания спекулянтов. Вы знаете конечно, что закон этот не страдает особой мягкостью. Вы поймете конечно, что такого закона не было и не могло быть в условиях первой стадии изъема.

Вы видите, что говорить после всего этого о возврате к торговле первой стадии изъема, — значит ничего, ровным счетом ничего не понимать в нашей советской экономике»⁴.

Здесь дано исчерпывающее определение сущности советской торговли на данном этапе в результате разрешения проблемы «кто кого» как в городе, так и в деревне. Советская торговля есть торговля социалистическая, она является органической частью социалистических отношений. Она стала таковой не сама по себе, не самокатом, а в результате победы социалистических форм хозяйства над капиталистическими. На основе победы колхозного строя в деревне родилась новая форма торговли — колхозная торговля, развитие которой составляет одну из важнейших выживших задач пролетарского государства.

Роль советской торговли не пасивна, она не просто обслуживает товарообращение, а активно направляет его в интересах социалистического строительства. Роль торговли отнюдь не сводится только к продвижению товара от производства к потреблению. Ленин говорил, что важнейшей задачей торговли является умение собирать рассматриваемые товарные массы и вывезать их жизни новые⁵. Участие торговли и ее роль в борьбе за повышение товарности хозяйства являются одной из важнейших задач советской

¹ Карл Маркс, Избр. произв. в двух томах, т. II, стр. 340, изд. 1933 г.

² Ленин, Собрание сочинений, т. XXVII, стр. 396.

³ И. Сталин, Итоги первой пятилетки, стр. 41-42.

⁴ Ленин, Собрание сочинений, т. XXVI, стр. 470.

торговли. Если в капиталистическом хозяйстве торговля и способствует росту товарности хозяйства, то это связано с общением рабочего класса, ростом пауперизма среди крестьянства. Товарность хозяйства в капитализме растет при абсолютном уменьшении личного потребления рабочего класса, росте нищеты и пауперизма в деревне. Мы же через советскую, и в частности колхозную торговлю увеличиваем фонды потребления рабочего класса и колхозных масс деревни. Производительные силы капиталистического хозяйства переросли производственные отношения, и капиталистическая торговля в развитом капиталистическом хозяйстве является одним из тех реакционных орудий борьбы, которые капитализм мобилизует для укрепления своей власти и для дополнительного грабежа. Наоборот, развитие советской и колхозной торговли способствует росту производительных сил, повышает уровень потребления трудящихся.

Советская торговля воевала нами прочно, так как колоссальные победы в промышленности и сельском хозяйстве спели на-вет роль частного капитала. Но это не значит, что теперь советская торговля идет самоотек. Наоборот, борьба с остатками паразитических классов должна идти не ослабевая.

«Самое теперь больше, чем когда-либо, опасен для дела развития сельского хозяйства» — говорил т. Сталин на январском пленуме ЦК ВКП(б), и эти слова его к л. п. м. относятся и к колхозной торговле и к сельской торговле в целом. Здесь же он говорил о спекуляции, о борьбе с ней, о необходимости большей бдительности и организованности. Важно добиться не только увеличения товарных фондов — важно, чтобы эти фонды не попали в руки спекулянта, чтобы колхозная торговля служила бы задачам социалистического строительства. Поэтому наша торговая организация должна обеспечить развитие советской и особенно колхозной торговли по социалистическому пути, пути, намеченному партией и т. Сталиным и являющемуся дальнейшей реализацией кооперативного плана Ленина.

«Чем руководствовались Совнарком и ЦК, вводя колхозную торговлю хлебом?» — говорил т. Сталин на январском пленуме ЦК. — Прежде всего тем, чтобы расширить базу товароборота между городом и деревней и улучшить снабжение рабочих сельскохозяйственными продуктами, а крестьян — городскими изделиями. Не может быть сомнений, что одной лишь государственной и кооперативной торговлей для этого недостаточно. Эти каналы товароборота нужно было дополнить новым каналом — колхозной торговлей. И мы их дополнили, ввели колхозную торговлю.

Они руководствовались далее тем, чтобы при помощи колхозной торговли хлебом дать колхознику дополнительный источник дохода и укрепить его экономическое положение.

Они руководствовались также тем, чтобы сближением колхозной торговли дать крестьянину новый толчок для улучшения работы колхозов как по линии сева, так и по линии уборки.

Вы знаете, что все эти соображения Совнаркома и ЦК ленинско и полностью подтвердились фактами из жизни колхозов за последние три года. Усиление процесса укрепления колхозов, прекращение выходов из колхозов, нарастающий темп единичников в колхозы, стремление колхозников принимать новых членов с большим разбором, все это и многое подобное с бесомненностью говорят о том, что колхозная торговля не только не ослабила, а, наоборот, усилила и упрочила положение колхозов.

Стало бы вето чужды нашей работы в деревне объясняется не колхозной торговлей, а во всегда правильным ее проведением, неумением учесть новую обстановку, неумением перестроить свои ряды применительно к новой обстановке, созданной объединением колхозной торговли хлебом¹.

Приведенный нами краткий анализ советской торговли на разных этапах социалистического строительства показывает, как непрерывно на основе роста промышленности и перекладки производственных отношений в деревню мы перестраиваем советскую торговлю.

Урассачайно велика роль советской торговли и как орудия борьбы за ликвидацию противоположности между городом и деревней. Мы имеем непрерывный рост снабжения деревни промтоварами, причем одновременно идет перестройка потребительского крестьянского бюджета, приближение его к бюджету рабочего. Деревня снабжается лучшими товарами, чем в капиталистическом хозяйстве, ассортимент их расширяется, качество повышается, доставка стоит дешевле, так как нет капиталистической прибыли. Торговля борется за передельку крестьянского потребления. Одновременно развивается рост заготовок, повышается товарность сельского хозяйства, непрерывно возрастает торговая сеть. Новые производственные отношения, рост социалистической деревни, переделька собственности и психологии крестьянина, ликвидация кулачества как класса, дальнейшее укрепление колхозов и борьба за окончательную ликвидацию противоположности между городом и деревней, — все это непрерывно меняет характер и содержание торговых связей, включая все большие массы сельских хозяйств в социалистический сектор.

Огромное значение имеет также вопрос о торговле в национальных районах и с окраинами. Маркс неоднократно подчеркивал специфический характер колониальной торговли как одного из важнейших орудий капиталистической экспантации. «Это», — говорит Маркс, — тот «неведомый бог», который восседает на алтаре наряду со старыми богами Европы и в один прекрасный день одним толчком выкинул их всех за святых². Если колониальная торговля являлась одним из источников первоначального капиталистического накопления, то она сохранялась и до сих пор и играет большую роль в ограблении колониальных и полуколониальных народов. Роль советской торговли в национальных республиках и на окраинах принципиально отлична. Ее значение выражается как в борьбе с эксплуатацией мелкого производителя в заготовке с. х. продуктов и в снабжении его промтоварами, в улучшении материального положения рабочих и трудящихся деревни в национальных районах, так и в перевоспитании потребителя, принятии культурных потребностей, в борьбе с национальным консерватизмом и в преодолении чисто натурального хозяйства с ограниченным ассортиментом потребления.

Советская торговля — самая дешевая и самая рациональная торговля. В основе ее лежит не погоня за прибылью, а плановая организация снабжения. С уничтожением противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения в СССР нет ни промышленных, ни торговых кризисов. Труд торговых служащих не эксплуатруется, этот труд, как и всякий другой, перестал быть товаром и не является паразитическим. Интересы потребления не противопоставляются интересам производства, советское государство заинтересовано в наилучшей организации снабжения, оно уничтожило в торговле специфически отрицательные свойства, присущие капиталистической торговле — обесценивание, обмеривание, недопоставление недоброкачественных товаров, сокрытие дефектов за яркой рекламой и т. д. Торговый служащий, работник социалистического сектора хозяйства, не является больше ни с емым рабом своего хозяина, когда в угоду ему и в интересах сохранения своей работы он должен обманывать покупателя-рабочего, такого же раба капиталистического режима, как и он сам.

¹ И. Сталин, О работе в деревне, стр. 6-7.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 778.

Все эти особенности советской торговли, определяются ее принципиально иной классовой природой, которая «выступает с самого начала, поскольку торговля СССР с момента пролетарской революции развивается на иной, противоположной капитализму классовой-производственной базе. Говоря о торговле, товаре, деньгах и т. д. Сталин указывал, что «благодаря диалектике нашего развития функции и назначение этих инструментов буржуазии меняются принципиально и коренным образом, меняются в пользу социализма, в ущерб капитализму»¹. Развертывая советскую торговлю во второй пятилетке, мы придаем ей тем большее значение, чем более она становится непосредственным орудием организованного социалистического хозяйства. Лишь для по этому пути мы сможем перейти от торговли к прямому распределению. Это распределение является своеобразной формой обмена между индивидуумом и обществом, но содержание этого обмена является общего с капиталистическим обменом иметь также не будет. Не будет оно похоже и на внешние формы торговли. Давая критику Готской программы германской социал-демократии, Маркс резко противопоставляет обмен, существующий в капиталистическом хозяйстве, по сути обмена в социалистическом обществе. Он подчеркивает, что органическая природа социалистического хозяйства всеразлична с капиталистической, что обществование всех орудий производства уничтожает возможность производителям обмениваться своими продуктами. Обмен здесь заключается только в том, что каждый производитель «получает после сделанных вычетов в точности то, что он дал обществу». И хотя здесь господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, «поскольку последний есть обмен равных ценностей», но «содержание и форма изменились, в силу того, что при изменившихся обстоятельствах никто не может давать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, ничто не может перейти в собственность отдельных лиц, кроме индивидуальных предметов потребления»². Мы имеем здесь своеобразный обмен между индивидуумом и обществом, когда индивидуум отдает определенное количество труда, необходимое для обеспечения как социалистического расширенного воспроизводства, так и для содержания данного индивидуума, а общество взамен его необходимыми средствами потребления пропорционально количеству и качеству его труда. Это — обмен постольку, поскольку здесь существует «буржуазное право», поскольку право на получение продуктов определяется количеством и качеством труда производителя. Но здесь нет уже классового деления общества: нет и класс.ового распределения, а распределение производится по труду. Маркс резко критикует теорию Лассалю о «справедливом распределении», о равном праве на получение продукта. Он говорит: «Равное право есть неравное право за неравный труд. Оно не признает классовых различий, потому что каждый здесь — только работник, как и прочие; но оно молчаливо признает естественными привилегиями неравные индивидуальные способности, а следовательно и неравные производительные силы индивидуумов. Следовательно оно есть право неравенства по своему содержанию, как и всякое право. По самой своей природе право может состоять только в применении одинакового мерзавца; но одинаковые индивидуумы (а они не были бы различными индивидуумами, если бы не были неодинаковыми) измеримы одинаковым мерзавцем только постольку, поскольку их рассматривают с одной точки зрения, берут с одной определенной стороны, например в данном случае, поскольку их рассматривают только как работников, не видя в них ничего другого и отвлекаясь от всего остального. Далее, один работник женат, другой нет; у одного больше детей, у другого меньше и т. д. При равном труде, а следовательно и при равном участии в общест-

венном потребительном фонде, один получает на самом деле больше, чем другой, один богаче другого и т. д. Для избежания всех таких неудобств право, вместо того чтобы быть равным, должно быть неравным»³.

Слова эти направлены против Лассалю, но как они вместе с тем живы и актуальны в наше время, когда «левые» теоретики и практики пытались ввести у нас уравниловку, когда советская торговля трактовалась как «буржуазный пережиток».

Распределение в первой фазе коммунизма нельзя понимать упрощенно, как деление продуктов между всеми членами общества. Такое упрощенное понимание распределения несомненно с правильными понятиями оплаты по количеству и качеству труда. В социалистическом обществе каждый член общества будет получать необходимые ему продукты пропорционально тому, что он дает обществу.

III

Социал-фашисты пытаются извратить учение Маркса об обмене и торговле. Это проводится ими как в теории, так и в практической деятельности. Одним из тех, кто более всего потратил усилий на извращение учения Маркса об обмене, является Гильфердинг, который в своем «Финансовом капитале», анализируя сущность современного капитализма и намечая пути перехода от капитализма к социализму, отвергает положение о примате производства, относит его к обмену. Подчеркивая ведущую роль обмена, он заявляет: «Задача теоретической экономики заключается в том, чтобы найти закон обмена... Из этого закона должно вытекать регулирование производства в обществе товаро-производителей»⁴. Этим по существу Гильфердинг абстрагируется от производственных отношений и классовой структуры общества. Гильфердинг говорит в самом начале своей работы, что обмен в обществе товаро-производителей качественно одинаков — в рамках последнего изменяется только количественное отношение обменных стоимостей товаров⁵. Таким образом он утверждает, что торговля в простом товарном хозяйстве и в капиталистическом суть одно и то же; никаких качественных изменений нет, есть только количественные. Понимание товарного хозяйства Гильфердинг покрывает простое товарное хозяйство и капиталистическое.

Развитие обмена, его укрепление и «рационализация» внутри капиталистического общества создают по Гильфердингу основную базу для перехода к социализму. До тех пор пока обмен не стал организационным, не может быть и речи о социализме, но, с другой стороны, само капиталистическое хозяйство постепенно рационализирует обмен и подготавливает переход к социализму. Мы видим, как учение Маркса перевернуто: Маркс говорит в «Коммунистическом манифесте» о том, что внутри капиталистического общества создают условия для его уничтожения и выражается «непод ног буржуазии то самое основание, на котором она производит и присваивает себе продукт»⁶, так как буржуазия создает в лице пролетариата «собственного могильщика», который овладевает средствами производства, уничтожает частную собственность и строит социалистическое хозяйство. У Гильфердинга же получается, что «подготовка» эта заключается не в обострении с развитием капитализма классовых противоречий, а в рационализации обмена. Он старается всячески подчеркнуть этот процесс и изображает капиталистические карты строителями «организованного обмена». Картелирование «ограничивает» торговые операции, устраняет часть их...⁷, «часть торговых оно делает надлишними, а для остальной

¹ XVI съезд ВКП(б). Заключительное слово т. Сталина, стр. 469.

² «Критика Готской программы», стр. 26.

³ «Критика Готской программы», стр. 25-26.

⁴ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 4.

⁵ Там же, стр. 5.

⁶ Ленин, Собрание сочинений, том V, стр. 495.

⁷ Гильфердинг, Финансовый капитал, стр. 285.

части уменьшает издержки»¹. Он солидаризируется с руководителем угольного синдиката Кирдлером², который заявляет, что картелирование вносит плановость в торговлю, ограничивает доход кулина, рационализирует сбыт и т. д. Вся глава, посвященная выяснению роли торговли в эпоху финансового капитала, посвящена доказательству, что с картелированием исчезает по существу торговля, исчезает конкуренция и на место ее становится торговая деятельность картелей, рационализирующая весь процесс обмена, — уменьшаются издержки обращения, становятся устойчивыми цены, «устойчивость картельных цен и территориальная монополия уменьшают всякий риск»³, уничтожается «класс купцов» и т. д.

Каков вывод из всего этого? Вывод один, который и делает Гильфердинг: капитализм наших дней это уже не капитализм, это уже переход к социализму, который осуществляется в недрах капиталистического хозяйства и «незаметно» приводит к социализму.

Это уже «почти социализм», потому что «специфически торговая функция, обслуживающая в обращении процесс Т-Д-Т, становится излишней и сохраняется только как функция распределения продукта, его сохранения, устройства складов, необходимая для обслуживания потребности при всяком общественном строе с массовым производством»⁴. Уже нет спекуляции, а есть только распределение — «картель — уничтожение спекуляции»⁵. Социализм «почти» построен. И для этого нужно только уничтожить самостоятельных торговцев. Как только их совсем не останется, то исчезнет и торговля — и социализм построен. Правда, наряду с торговлей, которая выступает как «функция распределения продукта», остается один «незначительный» товар — рабочая сила, остается эксплуатация труда, бывший купец превращается в нашего «агента распределения», остается и углубляется капиталистическая эксплуатация, остается капиталистическое присвоение прибавочной стоимости и классовое распределение народного дохода. Но все это, с точки зрения Гильфердинга и его соратников, несущественно, раз «общество» и «рационализирована» торговля. Однако, вопреки, несмотря на рост и углубление классовых противоречий, Гильфердинг договаривается до того, что и рабочую силу объявляет уже не товаром. Капитализм становится поэтому «организованным капитализмом, социализмом».

Каутский в предисловии ко II тому народного издания «Капитала» также извращая марксову теорию капиталистического обмена, видит в нем лишь равенство участников. Он говорит: «В процессе обращения выступают явления, которые для блага и преуспеяния рабочих имеют наибольшее значение и не теряют в своем весе оттого, что здесь до известной степени рабочие и капиталисты имеют общие интересы».

Невольно вспоминаются слова самого Гильфердинга: «На всех врагов социализма опаснейшие несомненно те, которые выкусили от плодов этого познания»⁶.

Предательство и измена марксизму Гильфердинга и других социал-фашистов выступают особенно ярко при сопоставлении и сравнении ими социалистического строительства в СССР и капиталистического хозяйства. Отвергая основное условие строительства социализма — диктатуру пролетариата, отрицая необходимость экспроприации экспроприаторов, не различая советской торговли от торговли капиталистической, они провозглашают современное капиталистическое хозяйство «почти социалистическим» и одновременно отрицают социалистическую природу советского

хозяйства, извращают существо советской торговли. Торговля капиталистических картелей, борющихся между собой за раздел прибавочной стоимости и эксплуатирующих пролетариат, — социализм; торговля советского государства, торговля колхозная, когда нет частной собственности на средства производства, когда нет частного капитала, нет частной собственности на землю, — капитализм. По мнению социал-фашистов, рабочий класс СССР не дал «добреть капитализму, он не дождался, пока картели и синдикаты «уничтожат торговлю», «исчезнут» — вот мотивация Гильфердинга, Каутского, Реннера и других теоретиков социал-фашизма. Советская торговля в их понимании ничем не отличается от торговли капиталистической, отношение производителя к средствам производства в их учении не играет никакой роли в изменении содержания торговли. Не торговля определяется, по их мнению, классово-производственными отношениями, а последние изменяются и направляются обменом. И отсюда получается тот вывод, который делают социал-фашисты в своей теории и практике — советское хозяйство есть хозяйство капиталистическое, советская торговля полностью совпадает с капиталистической, она не может быть иной.

Вот к каким выводам приходит в теории и на практике Гильфердинг, Каутский и т. д. Другие социал-фашисты, исходя из тех же предположений, что и Гильфердинг, также отрицают ведущую роль производства и след за ним утверждают, что обмен является основной, главной хозяйственной категорией. Рассмотрим прежде всего работу Карла Реннера, бывшего рейхс-канцлера Австрии, вышедшего на практике «строителем» социализма, — его книгу «Хозяйство как целостный процесс и социализация»¹. Эта книга в значительной степени посвящена вопросу о роли обмена. Обмен fetishизируется, делается посылка «синтезирования» теории стоимости Маркса и австрийской школы, и тем подводится теоретическая база для практики социал-фашизма. Реннер, исходя из «ведущей роли» обмена, прямо предлагает пролетариату проводить социальную революцию не путем экспроприации экспроприаторов, не через национализацию промышленности, а через овладение рынком. Его «теоретическое открытие», что «рынок является судилищем, на котором выносятся решения относительно стоимости, его попытки доказать, что закон стоимости Маркса требует «поворота», что основной категорией является обмен, — все это делается для того, чтобы из «теории» вывести практику социал-фашизма, чтобы доказать, что не нужна пролетарская революция, а социализм придет через обращение, через «естественную концентрацию» торгового и банковского, а затем и промышленного капитала. Социал-фашисты отрицают учение Маркса о примате производства над обращением и своей теорией «справедливого распределения» игнорируют основные противоречия капиталистического общества, антагонистическую природу капиталистических производственных отношений.

Реннер пишет: «Процесс обращения является высшим законодателем и судьей капиталистического общества в целом и в нем, собственно говоря, заключается сущность проблемы социализирования». И дальше: «Социализация не может начинаться с производства. Захват фабрик, отчуждение предприятий, изгнание фабричной бюрократии... — все это может иметь место в революционной ситуации, но это не составляет пути к достижению цели»².

Реннер предлагает пролетарскому государству сохранять «в неприкосновенности капиталистическое производство, которое автоматически само по себе вырастает в социализм»³.

¹ Гильфердинг, *Финансовый капитал*, стр. 236.

² Там же, стр. 240.

³ Там же, стр. 241.

⁴ Там же, стр. 242.

⁵ Там же, стр. 247.

⁶ Предисловие к «Финансовому капиталу», стр. XVIII.

¹ В русском переводе книга называется «Теория капиталистического хозяйства», и таким образом смазан в лагании установка Реннера на оценку своего производства как «учебника для строителей социализма».

² «Теория капиталистического хозяйства», стр. 319.

³ Там же, стр. 322.

Здесь мы видим то же самое, что у Гильфердинга, утверждавшего, что картели являются носителями планового начала в хозяйстве, что они уничтожают торговлю и заменяют ее организационным обменом.

Как же, по Реннеру, пролетарское государство обеспечит рабочий класс товарами, которые производит «неприсоединенный» капиталист? Позволяет ли этот капиталист регулировать цены и снижать прибыль? Перестанет ли он эксплуатировать рабочий класс и мелкого производителя сырья и продовольствия? На все это ответа нет. В этой теории, как и в практике Реннера, нет ничего от Маркса.

Социал-фашисты, фетишизируя обмен, скрывают классовую сущность капиталистической торговли. Для них обмен выступает как «общественный» фактор, как ведущая категория, содержание которой не находится в зависимости от классово-производственных отношений. Фетишизация обмена необходима им для подкрепления «эволюционной теории» «бескровного» перехода в социализм. Через обмен этот переход произойдет «незаметно», сами капиталисты откажутся от предприятий, приручатся и привыкнут к новому строю. А. Браунштейн говорит, что «возникновение новых отношений обмена очевидно указывает на то, что мы находимся в переходном периоде к новой хозяйственной системе». Хищническое лицо капиталистической торговли растоплено в мейновских отношениях, где господствуют «равенство», «братство» и «свобода».

Этот социал-фашистское учение о торговле полностью усвоено и предателями в СССР. Здесь «ведущая роль» принадлежит в первую очередь меньшевикам — Рубину, Фишгейндлеру и Залкиндзу, за которыми шли Некрасов и другие.

Ученик Гильфердинга и соратник Реннера Рубин, который считал практику предельной работы с теорией социал-фашизма, также утверждает, что «Исследование акта обмена, его общественной формы и его связи с производством товарного общества составляет по существу предмет марксовской теории стоимости»¹. Сущность капиталистического хозяйства у Рубина определяется мейновскими отношениями. Идя по стопам своих учителей Гильфердинга и Рубина, Рубин проповедует ту же прелесть «мейновского» кооператива.

Если социал-фашисты называют классовую природу капиталистической торговли и провозглашают ведущую роль обмена в интересах ослабления революционной активности пролетариата в борьбе за прелесть диктатуры, то предатели в СССР делали это же в целях реставрации капитализма. Они повторяли социал-фашистские установки о примате обмена, стремились к использованию торговли в целях капиталистической реставрации. Предатели выполняли все усилия для дискредитации торговли в СССР — сыграв плановый завоз товаров, искажали политику цен, способствовали развитию частного, делали все для его укрепления и «естественного роста». Отсюда следовал вывод, что наше хозяйство еще «не созрело» для социализма, ибо планирование торговли сыпается.

С этими утверждениями смыкается и позиция правых оппортунистов. «Мы приходим к социализму через процесс обращения, а не непосредственно через процесс производства», — говорил Бухарин, развешивая свою теорию пути к социализму через «кооперирование молочных»². Здесь не только то, что отрицалась ведущая роль производства и давался социал-фашистская теория «примата обращения», но искажалась и установка партии на роль торговли, утверждалось, что партия отрицает значение торговли. Бухарин подходил к вопросу механистически, упрощая и вулгаризируя процесс социалистического строительства. То, что он приписывал

партии, относится к «левкам», к тем, кто не понимает социально-экономической сущности торговли в капиталистическом строительстве. В этом утверждении Бухарина провалилась также заплата неучья дурной о двойственной природе крестьянства, провозглашавшая вращение куды в социализм.

Ленин, а вместе с ним и партия всегда подчеркивали значение торговли как формы смычки между городом и деревней, как формы распределения в переходный период. «Торговля — вот то звено в исторической цепи событий, в переходных формах социалистического строительства 1921/22 г., за которое надо всеми силами ухватиться нам!» — говорил Ленин в начале лета. А дальше он добавлял: «Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступаем в море. Есть уже признаки, что выдвигается не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление»³. И еще ярче он подчеркнул это в речи на пленуме Московцев: «Мы сейчас отступаем, чтобы сначала отступить, а потом сильнее разбежаться и сильнее прыгнуть вперед»⁴. Но ясно, что этим Ленин отнюдь не утверждал, что торговля явится основным путем нашего движения к социализму. Основная роль принадлежала социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства. Этим Ленин также не утверждал свободного развития торговли с отказом от ее регулирования со стороны государства.

Тов. Сталин, указывая на извращения т. Бухарина, говорит: «Мы считали и считаем, что нам означает известную свободу торговли. Эту сторону дела т. Бухарин замолчил. И это очень хорошо. Но т. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает изн. Изн вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Изн есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке. В этом именно и состоит вторая сторона изна»⁵.

И далее, останавливаясь на новых формах торговли, органически связанных с социалистической реконструкцией сельского хозяйства, т. Сталин подчеркивает непонимание правыми того, что на новом этапе торговли строится по-новому: «Он (т. е. Рыков) не делает различия или не хочет по-настоящему различия в точки зрения товарооборота между, скажем, колхозом и между всяким индивидуальным хозяйством, в том числе индивидуальным капиталистическим хозяйством. Тов. Рыков уверяет, что с точки зрения товарооборота на хлебном рынке, с точки зрения получения хлеба он не видит различия между колхозом и частным держателем хлеба... Если нет различия, то стоит ли тогда различать колхозы?»⁶.

«Всякое распределение средств потребления есть лишь следствие распределения самих условий производства... Вульгарный социализм перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать и трактовать распределение как нечто независимое от способа производства и поэтому представляет себе социализм в таком виде, что будто он свращается главным образом около «распределения» — говорит Маркс в «Критике Готской программы». Этот вульгарный социализм, модифицированный в теории и практике правого оппортунизма, приводит к контрреволюционной реставрации капиталистических отношений.

К тому же приводит и троцкистские извращения в области советской торговли. Троцкий и троцкисты стояли за уравнилку в распределении, игнорировали необходимость классового дифференцированного снабжения на основе классово-производственного принципа.

¹ Ленин, Собрание сочинений, т. XXVII, стр. 76, 85.

² Там же, стр. 361.

³ Там же.

⁴ И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 497.

⁵ Там же, стр. 521.

¹ Рубин и, Очерки по теории стоимости Маркса, стр. 65.

² «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз».

Кроме того троцкисты извращали роль советской торговли в отношении к деревне. Когда партия в целях стимулирования роста сельскохозяйственной продукции сыскала цены на промтовары, идущие в деревню, троцкисты возражали против этого, совершенно не учитывая роли среднего крестьянства на том этапе развития советского хозяйства. Отрицая возможность социалистической переделки крестьянства, рассматривая крестьянство как «единую реакционную массу», не различая в ней различных социальных групп, они утверждали, что деревня может развиваться только по капиталистическому пути. Троцкисты считали задачей советской власти по отношению к деревне «перекачку» средств из деревни, первоначальное социалистическое накопление через рыночный баланс. Отсюда и борьба против снижения цен, игнорирование классовой структуры крестьянства, «колониальный» подход к деревне. Торговля при такой постановке превращалась в руках советского государства в орудие экспроприации, в орудие борьбы города с деревней, а советский рынок выступал как арена борьбы пролетариата со всем крестьянством. При таком понимании советской торговли она превращалась в чисто капиталистическую категорию, содержание ее ничем не отличалось от содержания капиталистической торговли.

Троцкисты отрицают ведущую роль социалистического планирования для всего хозяйства, изымая из плана советскому хозяйству, противопоставляя как антагонистические, ничем не связанные формы хозяйства — социалистический сектор и мелкотоварный (в их понимании капиталистический) и марваляют роль советской торговли как орудия планового воздействия на мелкотоварное хозяйство. Выдвигнув закон о двух регуляторах, троцкисты утверждали, что вне социалистического сектора действует закон стоимости, что социалистический сектор должен методами капиталистическими экспроприировать мелкое хозяйство; с другой стороны, отрицая значение товарно-денежной формы для социалистического сектора, они превращали советское хозяйство в те же джунгли, о которых говорил т. Сталин.

Правые в ходили на то, что торговля не является основной, ведущей категорией в строительстве социализма; троцкисты совершенно отрицали роль советской торговли в строительстве социализма, отрицали сущность советской торговли и утверждали на ней только роль орудия эксплуатации. Наконец «левые», игнорируя необходимость существования торговли в переходный период, игнорируют учение Маркса о распределении и проповедуют «уравновешенность». Маркс в «Критике Готеской программы» и Ленин в «Государстве и революции», Сталин в ряде докладов и речей вскрыли неправомерность этих установок и показали мелкобуржуазную природу теории «уравновешенности».

Мы уже говорили о том, как Маркс иронизировала над ласселеским «справедливым распределением». Тов. Сталин неоднократно, как и Ленин, подчеркивал значение оплаты по труду в борьбе за социализм. В беседе с буржуазным писателем Э. Людвигом он говорит: «Такого социализма, при котором все люди получают по одной и той же плату, одинаковое количество мяса, одинаковое количество хлеба, жилили бы один и те же костюмы, получали бы один и те же продукты в одном и том же количестве, — такого социализма марксизм не знает. Марксизм говорит лишь одно: пока окончательно не уничтожены классы и пока труд не стал из средства для существования первой потребности жизни, добровольным трудом на общество, люди будут оплачиваться за свою работу по труду». «От каждого по его способностям, каждому по его труду», — такова марксистская формула социализма, т. е. формула первой стадии коммунизма, первой стадии коммунистического общества¹.

И этот принцип Маркса мы проводили неуклонно, борясь непрерывно за улучшение материального положения рабочего класса и всех трудящихся.

Мы приходим к прямому социалистическому распределению через советскую торговлю. — Это единственно правильный путь, обеспечивающий успех этого перехода. И совершенно неправильно было бы утверждать, как это делал весьма глупо и глупо ряд лиц на дискуссии о природе советской торговли¹, что между периодом советской торговли и прямым распределением существуют промежуточные формы, имеющие свои специфические особенности, в основе которых лежат предпосылки, отличные от тех, на которых строится советская торговля. В разрывном социалистическом обществе обмен продуктов будет осуществляться в форме прямого распределения сначала по количеству и качеству труда, а затем по потребностям и не будет иметь какой-то иной формы выражения.

Критикуя Доринга, Зингельс говорит: «Непосредственное общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен», т. е. никакого товарообмена в разрывном социалистическом обществе нет, а есть прямое распределение. Переход к этому прямому социалистическому распределению обеспечивается развитием советской торговли на основе завершения построения социализма в нашей стране. Но будущее общество не будет являться рестацией мелких общин, внутри которых существует натуральное хозяйство и которые между собой обмениваются излишками продуктов. Это общество представляет собой единое целое, в котором по плану строится производство и по плану организуется распределение. Поэтому нельзя смешивать экономического содержания и сущности понятия продуктообмена и товарообмена с организационной формой распределения, нельзя утверждать, что советская торговля не обеспечивает перехода к прямому социалистическому распределению, а должна смениться иными промежуточными организационными формами, авторы которых не представляют себе достаточно ясно, что эти формы должны собой представлять.

IV

Содержание советской торговли, ее принципиальное отличие от капиталистической торговли простого товарного хозяйства предопределяет такое построение торговой системы, организацию и технику торговли, которые несуществующими в капиталистическом хозяйстве. Советская торговля, являясь частью социалистического планового хозяйства, развивалась по плану в полном соответствии с задачами и целями социалистического строительства в целом, обеспечивает и такие достижения, о которых капиталистическая торговля не может и мечтать.

В то время как в капиталистическом хозяйстве торговля все более и более задерживает рост производительных сил, отстает все в большей и большей степени непропорционально занятым в ней работникам, и то время как при капитализме растут затраты, связанные с реализацией товаров, увеличиваются фиктивные и спекулятивные сделки, удлиняются сроки оборота, уменьшается душевой оборот, растут издержки обращения, — советская торговля непрерывно укрепляется и развивается. При росте издержек обращения в капиталистическом хозяйстве как абсолютном, так и относительном, при уменьшении оборота, сокращении торговой сети мы имеем у нас рост сети, увеличение как общего оборота, так и на душу, улучшение ассортимента товаров, улучшение качества обслуживания при одновременном снижении издержек обращения. В германской торговле издержки обращения выросли за последние годы в цене товара до 34—35%, в США в 1932 г. издержки обращения составляли 51%. Сокращение розничной торговли

¹ «Большевик» № 8 за 1932 г., стр. 39.

² «Советская торговля на современном этапе». Сборник, Отгиз, 1931 г.

в странах наибольшей концентрации капитала и наибольшей зависимости торговли от концернов шло следующим образом:

Индекс розничной торговли Германии

	общий по основным потребительским товарам	Индекс оборотов Умермерских САСИ
1928 г.	100,0	100
1929 »	100,4	102,6
1930 »	92,1	95,1
1931 »	80,1	77,8
1932 »	66,7	55,6

Ухудшение идет сразу по двум направлениям — уменьшается оборот при одновременном росте издержек. Конкуренция и борьба всех против всех, капиталистов с рабочими, капиталистов между собой, борьба за эксплуатацию крестьянского хозяйства, — все это приводит к огромнейшему росту непроизводительных затрат, обуславливает ту «трагедию расчетов», о которой говорят даже буржуазные ученые — Чэз, Шлинк, Гирш и др. Игнатиуский рост рекламы, создание специальной рекламной промышленности, наличие огромнейшего штата агентов для посредничества, — все это резко повышает непроизводительные расходы в торговле. Но и производимые издержки также растут и становятся частично непроизводительными, так как вызваны не экономической целесообразностью, а связаны с конкуренцией — встречные перевозки, наплывы запасов и т. д.

Важно отметить, что все эти затраты не способствуют увеличению емкости рынка, а только перемещают спрос с одних товаров на другие. Таким образом реклама не увеличивает товарооборот, а ложится накладным расходом на массу товаров, находящихся в обращении, причем не обеспечивается вытеснение худших товаров лучшими, а наоборот, — распространение худших. Буржуазные экономисты говорят: «Америка — действительно страна чудес, пустыня, по которой мы, потребители, бродим без карты и компаса. Мы покупаем вещь не потому, что она представляет собой ценность и может удовлетворить какую-нибудь нашу действительную потребность, — нет, мы покупаем потому, что о ней кричат все афиши, каждая газета, пестрят страницы журналов, каждое витринное окно, каждая световая реклама на фоне неба и наконец бесконечные письма, которые мы получаем, — это поистине предельная, романтическая история, возмущающая нас»¹.

Совершенно иная картина рисуется при рассмотрении плановой советской торговли. Та спекулятивная посредническая торговля, о которой говорит Энгельс, характеризует капиталистическое хозяйство, в советском хозяйстве отсутствует. Энгельс говорит: «Подумайте, через сколько рук должен пройти каждый продукт, раньше чем он попадет в руки действительного потребителя, — подумайте, сколько спекулирующих и излишних посредников находится между производителем и потребителем... И все эти многочисленные посредники, спекулянты, агентов, экспортеров, комиссионеров, экспедиторов, оптовых и розничных торговцев, которые сами не участвуют в производстве товара, — все они хотят жить и получать на этом прибыль и обыкновенно действительно получают ее, ибо иначе они не могли бы существовать»². И здесь же он указывает, почему с неизбежностью должна погибнуть армия посредников в организованном обществе, как можно рационально организовать товарообращение. «В разумно организованном об-

ществе не может быть и речи о таком сложном транспорте. Подобно тому, как легко узнать, сколько отдельная колония потребляет хлопка или хлопчатобумажных фабрикатов, — чтобы держаться уже этого примера, — подобно этому легко будет центральному управлению узнать, сколько потребляют все местности и общины страны. Если такая статистика будет организована, что легко может быть выполнено в один или два года, то средняя величина ежегодного потребления будет изменяться пропорционально росту населения; поэтому легко в надлежащее время заранее определить, какое количество каждого отдельного товара потребуется для удовлетворения потребностей народа, все большие количества его будут заказываться прямо на месте, их можно будет получать прямо без посредников, без дорогих перегрузок и издержек, кроме тех, которые действительно вытекают из природы сообщения, следовательно с большим сбережением рабочей силы; не надо будет давать прибыль разным спекулянтам, крупным и мелким торговцам»¹.

Советская торговля, организуемая советским государством, имеет возможность сразу отбросить рид непроизводительных затрат, вытекающих из классовой природы капиталистического хозяйства, и уменьшить рид других, рационализируя процесс товарообращения.

Издержки обращения не только резко уменьшаются, но и изменяют свою экономическую сущность. Те «истинные» издержки, о которых говорит Маркс, анализируя издержки обращения в капиталистическом хозяйстве, уже не являются издержками, связанными с превращением формы стоимости, — они становятся издержками социалистического учета и распределения, определяются плановой организацией советской торговли. Но размеры их неизбежно уменьшаются, как и размеры всех издержек обращения, так как уничтожаются условия, способствующие росту их, — спекуляция, конкуренция, и процесс товарообращения рационализируется и подчиняется социалистическому плану. Издержки по транспорту падают, так как уничтожаются встречные перевозки, и товары направляются в районы потребления кратчайшим путем. Уничтожается непроизводительное хранение товаров, так как все запасы планируются, а не образуются стихийно. Размеры запасов определяются в плановом порядке на основе необходимых фондов потребления, а не в результате случайностей конкуренции. Обслуживание потребителей улучшается, но это не увеличивает издержек обращения, так как одновременно возрастает товарооборот. В результате советская торговля становится самой дешевой, самой экономной. Издержки обращения у нас составляют в среднем 16% к обороту, причем в них значительное место занимают расходы по труду; необходимо подчеркнуть, что в эту сумму входят и издержки, связанные с улучшением обслуживания, с частичной доработкой товара, что по существу уже не является издержками обращения.

В противовес тем цифрам, которые мы привели для характеристики сокращения оборота германской и американской торговли, в советской торговле идет непрерывный рост товарооборота. В 1932 г. розничный оборот общегосударственной торговли (государственной и кооперативной) достиг 39,9 млрд. руб., превысив на 75% в неизменных ценах объем общегосударственной торговли в 1928 г. Это явилось следствием роста промышленного и с.-х. производства, планирования запаса товаров, установления товарных фондов для различных районов и областей, это вытекало из огромных побед в уничтожении противоположности между городом и деревней. Увеличение темпов оборота идет одновременно с ростом заработной платы, с поднятием благосостояния трудящихся, с ликвидацией безработицы, с ликвидацией «неуверенности в завтрашнем дне среди рабочих», с повышением культуры среди крестьян. Мы обеспечили планирование запаса

¹ Чэз и Шлинк, Как расстриваются деньги потребителя, стр. 26.

² Ленин, Собрание сочинений, т. III, стр. 274-275.

³ Ленин, Собрание сочинений, т. III, стр. 275-276.

товаров по районам, в плановом порядке проводим заготовительную работу, подвели прочную материальную базу под нашу оптовую торговлю, создали мощную сеть складов, элеваторов, холодильников. Если в царской России элеваторы и холодильники были только в портах и обслуживали экспортную торговлю, причем их функции в основном сводились к тому, чтобы «выдерживать» товар в ожидании повышения цен, то наша материально-техническая база торговли строится в интересах борьбы с монополией, в целях лучшего сохранения продуктов питания и семенного фонда; мы располагаем и строим склады исходя не из потребностей коммерции, а в интересах наилучшего сохранения и использования товаров. План производства и закупа товаров и задача организации потребления лежат в основе строительства нашей торговой сети. Капиталисты исходят в своих затратах на организацию торговли лишь из расчета получения максимальной прибыли. Для нас на первом месте стоит сохранение общественной, социалистической собственности, сохранение необходимых нам продуктов, улучшение обслуживания трудящихся.

Наша розничная торговая сеть выросла с 164 тыс. единиц на 1/1 1929 г. до 321 тыс. на 1/1 1933 г., причем огромное место занимает рост деревенской сети, которая увеличилась в 9 раз. С другой стороны, мы городскую сеть перестроили качественно и территориально: мелкие, неприспособленные заочинки заменяются специально оборудованными предприятиями; при постройке новых домов и рабочих поселков и городов мы в самом проектировании определяем место и размеры торговых предприятий; мы передвинули концентрированную ранее в центральных районах торговую сеть в рабочие районы, развернули сеть специальных магазинов, поставили перед торговлей задачи культурной пропаганды.

Рабочее снабжение мы поставили как основную проблему советской торговли. Нами создана сеть специальных органов снабжения, мы свели работу их с производством, заинтересовали и втянули в эту работу огромные массы рабочих и колхозников. В организации и развитии торговой торговли осуществляется сочетание личной заинтересованности рабочего с интересами рабочего класса в целом, сочетание личных интересов колхозника с интересами социалистического строительства в деревне. Проведение шести условий т. Сталина обеспечивает ту активность, которая является решающим условием полной ликвидации капиталистических элементов и организационно-хозяйственного укрепления нового колхозного строя. Рабочий и колхозник одновременно производитель и потребитель, они работают на свое хозяйство, в своих интересах, и для них советская торговля не является чем-то внешним, посторонним. Поэтому советская торговля не является чем-то внешним, посторонним. Поэтому забота о лучшей организации советской торговли, уменьшении издержек, забота об упорядочении товарооборота есть задача не только непосредственно торгового аппарата, но и всех трудящихся города и деревни. Рабочий заинтересован не только в личном снабжении, но и в снабжении колхозника и обратно, потому что это обеспечивает рост производительности каждого из них, всего хозяйства в целом. А это увеличивает фонд потребления, улучшает условия труда, подымает уровень жизни на следующую высшую ступень. Поэтому широкая общественная работа в области содействия торговле, укрепление советской кооперации, — все это области деятельности советской торговли. В капиталистическом хозяйстве, условия развития торговли находятся в противоречии с интересами производителя и торговца-посредника, это невозможно, неосуществимо.

Советская торговля развивается на основе непрерывного роста производства средств потребления, на базе непрерывного увеличения товарных масс. Увеличение производства средств потребления идет одновременно с увеличением их качества, с изменением ассортимента, в котором один товар вытесняется другим не на основе их конкурентоспособности, а в целях борьбы за улучшение потребления, за качественную перестройку

потребительского бюджета. Советская торговля не просто «удовлетворяет спрос», а организует снабжение трудящихся, изучает характер и объем потребностей, влияет на перестройку спроса. Единный хозяйственный план дает возможность связать в одно целое производственную работу промышленности и торговли, интересы их не противопоставляются друг другу, они в равной мере заинтересованы в увеличении и улучшении потребления, равно ведут борьбу за количество и качество товаров. Политика цен определяется не частнохозяйственными интересами отдельных промышленных и торговых организаций, а диктуется интересами всего хозяйства и неотделима от задач борьбы за улучшение снабжения. Производство и торговля отдельными товарами определяются не прибыльностью их, а целесообразностью, рад товаров продается в убыток, если брать эти товары отдельно от других, в тех случаях, когда необходимо обеспечить их потребление; на другие товары, которые не являются основными в потреблении трудящихся, назначаются более высокие цены, организуя накопление. Таким образом цена является орудием как социалистического накопления и перераспределения, так и регулирования потребления.

В то время как в капиталистической торговле кадры вербуются из самых пронырливых и «ловких людей», когда понятие «делового человека» совпадает с понятием жулика, мы боремся за создание торговых кадров для советской торговли, имеем широкую сеть вузов, техникумов, колтушей и курсов для подготовки новых кадров, ликвидируем остатки торговцев и жульнической пронырки в аппарате, пересовещиваем старого приказчика. Наш работник призван является активным участником социалистического строительства.

Конечно есть еще много недостатков в советской торговле, проявляющихся в неуклюжем еще торговском духе, и в попытках заменить торговлю тем внешним распределением. Эти недостатки коренятся в объективных условиях, т. е. в наличии остатков старых отношений, но большая часть определяется тем, что наша торговля еще не сумела использовать те огромные экономические преимущества, которые дает советская торговля. Могу ли считать торговать? остается попрежнему актуальным для нас, приобретающая сейчас еще большую остроту. Только следуя этому значимому указанию, мы сможем использовать наши преимущества и поднять развитие советской торговли на еще более высокую ступень.

Учение Маркса о торговле, определение ее роли и значения в народном хозяйстве — вот что лежит в основе теории и организации советской торговли. Торговля ненавистна пролетариату, когда она капиталистическая торговля, когда она является одним из орудий эксплуатации и экспроприации. Но она в руках рабочего класса теряет свое капиталистическое жало и служит строительству социализма. Ленин и Сталин подошли к определению значения торговли как народнохозяйственной категории, вооруженные диалектическим методом Маркса, они создали учение о советской торговле на основе учения Маркса об обмене, о путях строительства социализма. В учении Ленина и Сталина мы имеем сочетание теории и практики, которое обеспечивает уверенность в победе, обосновывает практику, подталкивает правильность разрешения задач торговли на каждом этапе социалистического строительства.

Победоносное строительство социалистического общества в СССР, действительность капитализма дают нам бесчисленные иллюстрации правильности учения Маркса об обмене. В споре с социал-фашизмом оказалась правы мы, а не они. Отводя обмен вторичную роль, утверждая примат производства в общественной жизни, мы сделали из этого необходимые революционные выводы и на основе этого установили диктатуру пролетариата за 3/4 части земного шара, в огромной степени увеличили число своих сторонников в странах капитала, отвоевали их от социал-фашистов, тогда

как социал-фашизм попрежнему пребывает в капиталистическом хаосе, теряет массы.

Ленин говорил: «Теория — это обоснование действий для уверенности в них». Это определение Лениным теории требует от нас огромной работы как в дальнейшем строительстве советской торговли, так и в теоретическом изучении ее. Вооруженные учением Маркса, Ленина и Сталина, имея перед собой весь гигантский практический опыт, накопленный в процессе социалистического строительства, мы должны шире развернуть углубленную научную работу в области советской торговли, должны коллективно систематизировать наш опыт, дать твердое научное обоснование всей нашей практике, проанализировать бывшие ошибки, вскрыть как в теории, так и на практике все ее извращения и тем еще больше закалить стальное орудие теории советской торговли.

„Капитал“ и проблемы империализма

1. Закон прибавочной стоимости как закон движения капитализма.
- II. Закон прибавочной стоимости и некоторые черты империализма.
- III. Всеобщий кризис капиталистической системы и наступление пролетарской революции.

Вся Европа с середины сороковых годов, когда Маркс впервые выступил на политической арене в качестве коммуниста и активного участника рабочего движения, стояла под знаком величайших революционных бурь и преобразований. Еще гремело эхо великой революции во Франции и раскаты его наполнили всю Европу, и вместе с тем все ярче начинает вырисовываться исполинская фигура нового класса — пролетариата. Под влиянием выступления пролетариата на арену истории буржуазные революции в Германии, Австрии, Италии, направленные против феодализма, застынут на полпути. Тем не менее это привело к огромному сдвигу в соотношении классовых сил в буржуазном обществе. Пролетариат начал выявлять себя как класс и конститuirоваться в самостоятельную единственно прогрессивную общественную силу. «Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 г. в Париже окончательно определяет социалистическую природу одного пролетариата»¹. Буржуазия открыто вступает на путь сделок и компромисса с феодалами и становится контрреволюционной силой. Малая буржуазия и прежде всего крестьянство в своей борьбе против феодальных отношений становится на путь «соединения крестьянской войны и рабочей революции» под гегемонией пролетариата.

Идеологическим выражением нарастания и обострения классовых противоречий явился крах буржуазной политической экономики. Сквозь облако сифофантских фраз целой плеяды апологетов капитализма «воплалар» вульгарной политической экономики. «Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой угодливой апологетикой»². Буржуазная политическая экономика достигла своего предела и уступила свое место вульгарной политической экономике. Она успела лишь поставить вопрос о сущности капиталистического способа производства, не дав вследствие своей буржуазной ограниченности последовательного и правильного ответа на него. В данной исторической обстановке только пролетариат, вступивший на общественную арену в лице своих лучших представителей, мог дать до конца законченное научное обоснование сущности капиталистического способа производства.

«Вся гениальность Маркса, — писал Ленин, — состоит именно в том, что он дал ответ на все вопросы, которые передовой мысль человечества уже поставила». Маркс в своих трудах и прежде всего в «Нищете филосо-

¹ Ленин, Исторические судьбы учения К. Маркса.

² Маркс, Предисловие ко второму изданию «Капитала».

фии» (1847 г.), в «Манифесте коммунистической партии», а затем в «Капитале», в этом самом гениальном своем произведении, вложил программу новой партии, могучим и сердцем которой он оставался до последнего дня своей героической жизни. В «Капитале» каждый пункт этой программы развернулся в грандиозную спираль художественно-деловой, монументальной теоретической системы, воплотившей в себе перебои достижения человеческой мысли, боевую страсть пролетариата и утиетных всего мира. Впервые политическая экономика возмислась до научного обличения всех видов эксплуатации и критики сентиментальной оппозиции идеологов мелкой буржуазии. Гром как открытых защитников капитализма, так и мелкобуржуазных утиетов, Маркс на основе глубокого анализа внутренней структуры буржуазного общества теоретически обосновал возникновение, развитие и неизбежность его гибели.

«Великая всемирно историческая заслуга Маркса и Энгельса, — указывал Ленин, — состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком»¹.

Открыл метод материалистической диалектики, Маркс дал глубокое научное обоснование общественно-экономической формации, показал, что «каждая система производственных отношений является... особым социальным организмом, имеющим особые законы перехода в новую форму, превращения в другой социальный организм»².

Маркс установил, что капиталистическому способу производства, основой которого является монополия собственности на средства производства одного класса при пролетарском состоянии другого, присущи глубокие классовые противоречия, наличие и постоянное обострение которых определяет исторический переходящий характер этого способа производства.

Однако противоречия не могут быть представлены в виде какой-то «сумы факторов». Заслуга Маркса состоит в том, что каждое из присущих капиталистическому способу производства противоречий он выводит из основного и всеобъемлющего противоречия буржуазного способа производства — противоречия между общественным характером производства и капиталистическим присвоением.

Вскрывая законы развития капиталистического общества, Маркс «дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы — буржуазию и пролетариат, как развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации»³.

Маркс исследовал экономическую основу буржуазного общества и вывел из этой основы все формы общественных отношений. «Потому то «Капитал» и имел такой титанический успех, — писал Ленин, — что эта книга «немедленного экономиста» показала читателю всю капиталистическую общественную формацию, как живую, с ее бытовыми сторонами, с фактическим проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»⁴.

¹ Ленин, том XXIII, стр. 276.

² Там же, том II, стр. 73.

³ Там же, том I, стр. 62.

⁴ Там же, том I, стр. 62.

В связи с этим все экономические, философские и исторические произведения Маркса выступают как единое целое, возмисающее, как монументальное здание, построенное на гранитном фундаменте «Капитала».

Единство и внутренняя связь всех философских, исторических и экономических произведений Маркса характеризует их строгую партийно-классовую целеустремленность, направленную на всестороннее обоснование неизбежности гибели капитализма.

Такое всестороннее (историческое, экономическое и философское) обоснование развития и гибели капитализма получило свое наиболее глубокое и существенное выражение в законе прибавочной стоимости и вытекающей из него теории классовой борьбы. Развитие этого закона предопределяет развитие классовой борьбы в сторону революционного установления диктатуры пролетариата. Нельзя понять неизбежность диктатуры пролетариата как орудия революционного преобразования капитализма в социализм без понимания действительной сути закона прибавочной стоимости. Поэтому reinforcement, борьба против марксизма, направляет свои «удары» равные все против этого открытия Маркса. Социал-фашисты всецело отвергают эти попытки «старых ревизионистов (Берштейна, Давида и т. д.). Отвергая закон прибавочной стоимости, они подменяют его «организационным принципом» хозяйствования всякой общественной системы производства. Их либеральная теория приспособления классовой борьбы к интересам капиталистического класса всецело связана с отрицанием этого закона и находит свою теоретическую базу в подмене закона прибавочной стоимости апологетическими принципами «гармонии» и «организации»¹. Чтобы отстоять теорию классовой борьбы и диктатуры пролетариата, Маркс всю свою сознательную жизнь вел борьбу против такого выхолащивания действительной сути его теории.

Революционный марксизм после смерти его основоположника не прекращает решительной борьбы против этих попыток социал-фашизма приспособить революционную теорию рабочего класса к их лакейской предельной практике. Революционный марксизм — Ленин в этой борьбе против оппортунизма отстаивал учение Маркса, отстаивал все грандиозное здание марксизма, научно обоснованное закон развития капитализма и его гибели.

Сутью, ядром этого закона является закон прибавочной стоимости. Закон капиталистической эксплуатации. Этот закон одновременно предопределяет перерастание капитализма свободной конкуренции в империализм.

Теоретическое развитие и дальнейшее обоснование учения Маркса мы находим в трудах гениального ученика его — Ленина, и применяется оно с успехом нашей партией, которая после смерти Ленина в лице Сталина сделала новый ценнейший вклад в марксистскую науку.

¹ С развитием капитализма капитализм «стараются» применять более мягкие методы классовой борьбы» (Каутский, «Das Heidelberger Programm», 1925 г., стр. 17). Закон прибавочной стоимости здесь предостерегает торжеством общего принципа взаимного братства рабочих и капиталистов. В Гейдельбергской программе социал-фашизма не включен пункт об общении пролетариата. Маркс в главах социализма осуждался в своей оценке перенесения классовой борьбы. «Громадная катастрофа (которую ожидал Маркс) не наступила и не наступит, так как не осуществилась ее предпосылка — угашение и обострение экономических кризисов. Вместе с тем наступила крах всего научного социализма Маркса и Энгельса. «Если Энгельс», — писал Р. Гальфендиг, — начал дело своей жизни и жизни Маркса решением от утиет к науке, то сейчас дело идет о применении социальной (т. е. буржуазной). — Н. И. науки и социализма организации. Это был период от научного социализма к конструктивному» («Die Gesellschaft», 1924 г., № 1). В противоположность Марксу «осуществлению социализма должно предшествовать... моральное банкротство капитализма перед лицом масс, а не экономическое банкротство» (Р. Каутский, там же). При империализме происходит борьба идей, совершающаяся на основе непримиримого, организующего, различающегося от грехов молодости капитализма. Империализм уже рождает социализм.

В противовес социал-фашистским теориям о классовой гармонии только Коминтерн и коммунистические партии вели и ведут решительную борьбу за революционные марксизм, за чистоту марксистского учения. Особо выдающаяся роль в этой борьбе за марксизм принадлежит Ленину и Сталину, отошедшим марксизм от опущения и извращения социал-фашистскими теоретиками, развившим и подымавшим марксизм на новую, еще на более высокую ступень.

I. Закон прибавочной стоимости как закон движения капитализма

Источником движения капитализма является борьба классов, представляющая собой наиболее полное и глубокое выражение противоречия между общественным характером производства и капиталистическим присвоением. Заслуга Маркса состоит в том, что он дал научное обоснование этой классовой борьбе. Он открыл закон классовой борьбы, неизбежно ведущей к диктатуре пролетариата. Теоретическим обоснованием этого закона является учение Маркса о прибавочной стоимости, вскрывшее «сокровенные тайны» капиталистического способа производства.

Под законом развития капитализма Маркс понимает таким образом прибавочную стоимость как форму развития капиталистического общества, как наиболее глубокое выражение сущности отношений класса капиталистов и класса рабочих. Критикуя физиократов, Маркс в теориях прибавочной стоимости писал, что физиократы «сделали из капиталистической формы производства какую-то вечную естественную его форму. Незбежным образом буржуазные формы производства стали для них его естественными формами. Большой заслугой физиократов было то, что они рассматривали эти формы как физиологические формы общества, как формы, вызванные к жизни естественной необходимостью производства и независимые от воли политики и т. д. Это для них материальные законы. Ошибка их состоит только в том, что они смотрели на материальный закон одной определенной ступени в истории общества как на абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми общественными формами»¹.

Закон прибавочной стоимости выступает при этом как активная форма, как источник самого себя возбуждающего движения.

«Производство прибавочной стоимости или обогащение — таков абсолютный закон этого способа производства»², — писал Маркс.

Обоснование этого абсолютного закона капиталистического способа производства во всем многообразии форм его развития и проявления и является конкретным теоретическим содержанием всего «Капитала».

«Из многих важных открытий, которыми Маркс писал свое имя в историю науки, — писал Энгельс, — мы остановимся здесь только на двух. Первым из них является совершенный им переворот во всем понимании всемирной истории... Оно (зипроизведение) доказало, что вся история шла до сих пор путем антагонизма и борьбы классов»³.

«Маркс открыл также закон движения современного способа капиталистического производства и порожденного им буржуазного общества. С открытием прибавочной стоимости в эту область была сразу внесена ясность, в то время как все прежние исследования как буржуазных экономистов, так и социалистических критиков были блужданием в потемках»⁴.

«Что же нового сказал Маркс о прибавочной стоимости? Как это случилось, что теория прибавочной стоимости Маркса произвела такое впечатление, как удар грома из бездн неба и это во всех цивилизованных стра-

нах, тогда как теория всех его социалистических предшественников, в том числе и Родбертуса, не сказала никакого действия?

«История химии может пояснить нам это примером... В теории прибавочной стоимости Маркс является тем же по отношению к своим предшественникам, чем Лавуазье по отношению к Пристли и Шеэ...»

«Закону прибавочной стоимости суждено было произвести переворот во всей экономике... Он сдвинул ключ к пониманию всего капиталистического производства тому, кто сумел бы им воспользоваться. Руководствуясь этим фактом, он исследовал все найденные им категории, как Лавуазье, руководясь кислородом, исследовал прежние категории флогистической химии. Для того, чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, он должен был знать, что такое стоимость. Прежде всего необходимо было подвергнуть критике самую теорию стоимости Рикардо»⁵.

Буржуазная политическая экономия, даже в лице своего лучшего представителя Рикардо, не только не смогла дать сколько-нибудь удовлетворительного научного объяснения прибавочной стоимости, но, пытаясь объяснить его, потерпела крушение. В этом сказалась прежде всего недостаточность рикардской теории стоимости. Рикардо, занимая более последовательную позицию, чем А. Смит по вопросу о сущности стоимости, все же вследствие своей буржуазной ограниченности, свел все дело лишь к констатации того положения, что источником стоимости является труд, не поняв, что двойственный характер товара является лишь выражением двойственности самого труда, заключенного в товаре, а сам двойственный характер этого труда в свою очередь является выражением противоречия товарного производства — противоречия между общественным характером труда и частнособственнической его организацией.

Только Маркс, вооруженный созданным им методом материалистической диалектики, подвергнул анализу сам труд, заключенный в товаре, открыл двойственный характер его и на этой основе создал новую теорию стоимости, преодолев все недостатки рикардской теории стоимости.

Какое значение придавал Маркс открытию двойственного характера труда видно из его указаний в «Капитале». «Этот пункт является центральным, — писал Маркс, — к нему тяготеет понимание политической экономии»⁶.

В теории стоимости Маркс вскрыл, что «простая форма стоимости, отдельный акт обмена одного, данного товара на другой, уже включает в себе в неразвитой форме все главные противоречия капитализма»⁷, и установил, что развитие простого товарного производства в силу присущих ему внутренних противоречий ведет к концентрации средств производства в руках капиталистов, экспроприации собственности непосредственных товаропроизводителей и превращению их в наемных рабочих, т. е. к превращению простого товарного общества в общество капиталистическое.

«В той самой мере, — писал Маркс, — в какой товарное производство, развиваясь согласно своим собственным законам, превращается в и производством капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения»⁸, а закон стоимости перерастает в закон прибавочной стоимости.

Стихийный процесс превращения товара в капитал происходит в форме кровавого скачка так называемого первоначального накопления и формируется выросшим на его основе «насилием», которое осуществляет государство через весь свой «настроительный» аппарат. Насилие ускоряет и уплотняет срок исторического процесса «химического» возникновения из простого

¹ Маркс, Теория прибавочной стоимости, том I, стр. 35.

² Маркс, Капитал, том I, стр. 607.

³ Энгельс, Статья «Карл Маркс».

⁴ Энгельс, Речь на могиле Маркса.

⁵ Из предисловия Энгельса к II тому «Капитала».

⁶ Маркс, Капитал, том I, стр. 8, изд. 1923 г.

⁷ Ленин, Ленинский сборник, том IX, стр. 197.

⁸ Маркс, Капитал, том I, стр. 462.

товара капиталистической эксплуатации. Насилие становится «спонтанной историей» роста и движения противоречий, заключенных в простейшей форме продукта труда буржуазного общества.

Исследуя пути и методы капиталистического накопления, Маркс пишет: «капиталистическое отношение предполагает, что собственность на средства осуществления труда отделена от самих рабочих... Процесс, создающий капиталистическое отношение не может быть не чем иным, как процессом отделения рабочих от собственности на условия его труда, это — процесс, превращающий, с одной стороны, общественные средства производства и существования в капитал, с другой стороны, непосредственных производителей — в наемных рабочих». История этого процесса отделения рабочих от средств производства «выписана в историю человечества пламенным языком меча и огня» (Маркс) «Если деньги, — говорит Маркс, — по словам Augier, «рождаются на свет с кровавым потном на одной щеке, то новорожденный капитал истекает кровью, и глас из всех своих пор, с головы до пят»¹. Превращение законов собственности в законы капиталистического присвоения обнаруживает тот факт, что уже в товаре содержится в неразвитом виде начало прибавочной стоимости. Развитие товара (через развитие денег) в капитал поэтому представляет собою историческое «становление» этого закона развития товара, т. е. капиталистического общества. Капиталистическое производство является товарным производством на высшей ступени его развития. Только капиталистическое производство превращает товарное производство во всеобщую форму производства. Основным моментом этого превращения служит появление на рынке такого специфического товара, как рабочая сила.

Социал-фашисты в апологетических целях пытаются смазать принципиальное различие между простым товарным и капиталистическим производством. Поэтому например Бессе вслед за Отто Бауэром предлагает «переселить» всех безработных пролетариев на землю, наделить их небольшими участком земли и примитивными средствами производства, которые обеспечат им рабочее условия существования мелких собственников².

Эти «лекарки» капитализма повторяют «строение Прудона, который хотел уничтожить капиталистическую собственность, противопоставляя ей... вечные законы собственности товарного производства» (Маркс). Они целиком поддерживают теорию Опенгеймера, проповедующего идею «государства будущего», где бесгранично будет торжествовать царство «равных» собственников без пролетариата и монополий при «свободной конкуренции» мелких собственников.

История капитала воспроизводится и получает свое наиболее развитое выражение в функционировании капитала, в процессе производства прибавочной стоимости. Закон прибавочной стоимости здесь находит свое выражение в том, что капиталистическое потребление рабочей силы принимает форму производства стоимости и прибавочной стоимости, а также в том, что капитал затем сам становится продуктом прибавочной стоимости.

Прибавочная стоимость из результата функционирования капитала превращается в причину возникновения и развития капитала, что является следствием потребления специфического товара — рабочей силы, в результате которого рабочий воспроизводит самого себя, как продавца рабочей силы. «Это постоянное воспроизводство и увековечивание наемного рабочего есть *conditio sine qua non* капиталистического производства»³.

¹ Маркс, Капитал, том I, стр. 754.

² См. О. Бауэр. «Борьба за землю» и фон-Бессе. «Реконструкция капитализма».

³ Маркс, Капитал, том I, стр. 554-555, изд. 1923 г.

Рабочий класс производит и одновременно воспроизводит капитал. А это приводит к тому, что закон прибавочной стоимости¹ одновременно выступает и как закон воспроизводства капитала и как закон воспроизводства классовых отношений капиталистического общества².

Но отношения господства капиталистов над рабочим классом принимают фетишистскую форму господства «прошлого», «мертвого» труда над «живым» трудом. Общественной основой и иррациональной формы является монополия капиталиста на средства производства, которые противопоставляют рабочему как капитал, как орудие их эксплуатации. Средства производства выступают как отчужденный и противопоставленный рабочему продукт его деятельности.

Вуэчи средством производства прибавочной стоимости, «мертвый» труд становится и средством господства эксплуататоров. Пролетариат создает условия своего существования и одновременно создает средства своего порабощения. Органический состав капитала представляет собой нечто иное (и притом фетишистское) выражение этого отношения господства и подчинения.

Закон прибавочной стоимости далее определяет себя как основа закона заработной платы. Зарплата есть превращенная форма стоимости и цены рабочей силы. Но возможность этого превращения связана исключительно с процессом создания прибавочной стоимости. Формы заработной платы поэтому выступают одновременно как средство увеличения нормы прибавочной стоимости. В связи с этим Энгельс указывает, что рациональная теория заработной платы могла быть построена лишь на основе закона прибавочной стоимости.

Социал-фашисты по этому вопросу рассуждают противоположным образом.

Уровень зарплаты социал-фашисты выводят прямо из роста производительности труда. Тем самым они капиталистическое производство выдают за простой процесс труда, лишенный своих общественно-исторических определений.

Классе капиталистов, как и классе рабочих, должны объединиться в стремлении к повышению производительности труда. Повышение производительности — это закон заработной платы, как и закон прибыли. Поэтому классовые противоречия должны отойти на задний план перед общей задачей «всего общества», направленной к повышению производительности труда. «Хозяйственная демократия», а не классовая борьба, «общее благо», а не рост эксплуатации, «хозяйственный мир», а не «гражданская война», защита капитализма, а не его революционное низвержение, — такими цели и мотивы пролетариата в понимании социал-фашистов. Очевидно, что для защиты этой платформы необходимо объявить Маркса «устаревшим».

Тарнов в своем пасквиле «Зачем быть бедным» постарался дать теоретическое доказательство необходимости для социал-фашиста сделать более открыто теоретический «спловерт от Маркса» к более примитивной апологии капитализма. Ведь теоретики империализма давно уже объявили, что рабочая сила в современном, т. е. послевоенном капитализме перестала быть «товаром», следовательно теперь не может быть речи об эксплуатации.

Сущность закона прибавочной стоимости далее конкретизируется в законе капиталистического накопления. Капиталистическое накопление

¹ Зомбарт поэтому пытается выхолостить этот закон путем его мистификации. «Когда мы смотрим, — писал он, — на как еще Энгельс пытался вывести из закона стоимости прибавочную стоимость, то мы не можем сдержать удивления по отношению к глубокому таинственному вычитанию. Для нас образование прибавочной стоимости не есть процесс, требующий средств своего объяснения и почти мистического видения из области чистого разума (вроде так называемого «закона стоимости»). Он представляется нам как дальнейший поворот как психологический и социально обоснованный случай естественной жизни».

работники его предприятия, а получает так называемую среднюю прибыль, являющуюся результатом неэквивалентной конкуренции и доли отдельного капиталиста в общественном капитале. Образование средней прибыли ведет к превращению стоимости в цену производства. Но «средняя прибыль не может быть не чем иным, как только прибылью на средней общественной капитал, сумма которой равна сумме прибавочной стоимости»¹, поэтому и сумма цен производства не может быть не чем иным, как только суммой стоимостей. Таким образом закон прибавочной стоимости лежит в основе как общего закона, управляющего колебаниями высоты средней прибыли, а следовательно общей нормы прибыли, так и ценами производства. В теории средней прибыли и цен производства — этой дальнейшей конкретизации прибавочной стоимости как закона движения капитализма — мы имеем «математически точное объяснение того, почему капиталисты, обнаруживая столь мало братских чувств при взаимной конкуренции друг с другом, составляют в то же время настоящие масонское братство в борьбе с рабочим классом как целым»².

Капиталистическая действительность однако не исчерпывается фигурой промышленного капиталиста. В ней мы находим также торгового и денежного капиталиста, а также семейных собственников. В результате этого прибавочная стоимость выступает не только в форме предпринимательского дохода, но и в форме торговой прибыли, процента и ренты.

Несмотря на то, что «действительный процесс производства, как единство непосредственного процесса производства и обращения, порождает все новые образования, в которых все более утрачивается нить внутренней связи, отношения производства все более приобретают взаимно самостоятельное существование и составные части стоимости фиксируются в самостоятельных одна по отношению к другой формах»³ это решительно ничего не изменяет в природе прибавочной стоимости. Все капиталистическое общество выступает как грандиозный аппарат по высасыванию прибавочной стоимости из рабочего класса.

В погоне за прибылью капитализм вызывает «стихийный прогресс производства» (Маркс), гигантски развивает производительные силы общества и доводит обобществление до колоссальных размеров. Однако развитие капитализма совершается в форме скачков, в форме циклов и кризисов. Стремясь к неограниченному развитию производства в своих интересах, к производству как самоцели, будучи историческим средством развития производительных сил, капиталистический способ производства в то же время отнюдь не является абсолютной формой развития производства, так как на известном пункте приходит в коллизии с условиями этого развития. Главной и основной причиной кризисной формы развития капитализма является противоречие между общественным характером производства и капиталистическим присвоением.

Буржуазные и социал-фашистские теоретики пытаются объяснить «механизм» цикла воспроизводства, беспомощно оперируя факторами, стоящими вне системы капиталистических производственных отношений, или явлениями поверхностного характера. Так, например, Бауэр и Гросман приписывают форму развития и кризисы объясняют «естественным законом народонаселения». Кейнс — «законом убывающей плодородия почв и якобы связанной с ним циклической урожайности полей земледельцев, Митчелл — действием так называемого «комплекса факторов». Каутский — «неоднородным развитием государственного регулирования и противоречием между производством и потреблением (теория недопотребления)». Туган-Барановский — «диспропорциональностью производства, Кассель — наруше-

нием кредитно-денежных связей и т. д. Все эти «теории» кризисов построены на апологетике капитализма: они игнорируют главное противоречие капиталистического способа производства — противоречие между общественным характером производства и частным присвоением, которое выступает прежде всего как закон прибавочной стоимости. Поэтому эти «теории» не являют в кризисах форму движения и роста всех противоречий капитализма, они ограничиваются лишь фотографированием внешних форм выражения этих существенных противоречий капитала в духе вульгарной школы или возводят в «естественные законы» остальные моменты капиталистической действительности.

Кризисы в доимпериалистическую эпоху являются могущественнейшим рычагом концентрации и централизации капитала и повышения уровня обобществления производства. Кризисы насильственно осуществляют уничтожение не только мелких производителей, но и ведут к разорению средних и крупных неконкурентоспособных капиталов. Разорение и уничтожение капиталов с остаткой техникой уже само по себе значительно повышает уровень органического и технического состава капитала. Кризисы вынуждают и вводу новой массы основного капитала на повышенный технический основе. Выхода из кризиса капитализм достигает путем чудовищного ограбления масс и их обнищания. Повышение органического состава капитала создает базу для еще большей эксплуатации рабочих, роста резервной армии труда.

Под влиянием конкуренции и кризисов концентрация и централизация капиталов приводит к сосредоточению производства в наиболее крупных предприятиях, к созданию монополий. Образование монополий целиком вытекает из гигантского обобществления и связанного с этим развития крупного производства. Повысившийся уровень техники делает конкурентоспособными лишь наиболее крупные капиталы, способные использовать новейшие технические изобретения и освоить крупнейшие сооружения. Возникновение монополий отмечали еще Маркс и Энгельс. Констатируя факт образования крупных акционерных обществ, Маркс рассматривал их как «результат высшего развития капиталистического производства, необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность раздельных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность»¹, «как переход к новой форме производства»². Но ограничиваясь этим, Маркс как бы специально, имея в виду неводов «организованного» капитализма — социал-фашистов, указывал, что гигантское обобществление труда отнюдь не ведет к преодолению «противоречия между характером богатства, как общественного и как частного богатства, оно лишь развивает его в новой форме»³.

Редктируя после смерти Маркса III том «Капитала», Энгельс в примечании к вышеприведенным высказываниям Маркса писал: «С тех пор, как Маркс написал эти строки, появились, как известно, новые формы промышленного производства, представляющие вторую и третью ступень акционерного общества... Крупные промышленники определенной отрасли соединяются в картель для регулирования производства... В отдельных случаях возникли даже международные картели... Но и этой формы обобществления производства оказалось мало... В отдельных отраслях, где это допускала степень развития производства, стали концентрировать общее производство этой отрасли предприятия в одно крупное акционерное общество под единым руководством»⁴.

¹ Маркс, Капитал, том III, часть I, стр. 452.

² Там же, стр. 478.

³ Там же, часть II, стр. 298.

¹ Маркс, Капитал, том III, часть I, стр. 423.

² Там же, стр. 424.

³ Там же, стр. 426.

⁴ Там же, стр. 423-424.

В то же время Энгельс указывал, что этому росту производства противостоит противоположная тенденция к относительному отставанию условий реализации, так как нишета масс развивается в угрожающих размерах.

Однако монополии в период жизни Маркса были явлениями лишь спорадическими, возникавшими главным образом, как результат временного объединения капиталистов и ставшие повсеместно господствующими только в эпоху империализма. Теоретическое обоснование этой новой, последней стадии развития капитализма мы находим в работе Ленина.

В Образование монополий явилось результатом гигантского накопления капитала, т. е. концентрации прибавочной стоимости, результатом острой конкурентной борьбы. Таким образом закон прибавочной стоимости как абсолютный закон капиталистического способа производства выступает одновременно и как закон возникновения и развития монополий.

Итак, являющийся во всех своих определениях и формах действия закон прибавочной стоимости выступает как абсолютный закон капитализма. Закон прибавочной стоимости представляет собой в экономической системе марксизма узел, ядро, наиболее глубокую сущность развития капитализма и возникновения монополий.

II. Закон прибавочной стоимости и некоторые черты империализма

Социал-фашисты для обоснования своей апологетической теории «организованного» капитализма пытаются представить конкуренцию как регулятор равновесия общественной системы. Эта меновая концепция социал-фашизма и его отряда — рубишники растворяет конкуренцию в простых актах купли-продажи и возводит равновесие в абсолютный закон капиталистического развития. В противоположность такому идеалистическому объяснению марксистское учение о конкуренции базируется прежде всего на развитии закона прибавочной стоимости.

Когда выше указывалось, что процесс накопления, концентрации и централизации капитала Маркс вскрыл и объяснил на основе закона прибавочной стоимости, то дело шло собственно лишь о содержании процесса и о конечных результатах, тогда как сам механизм и формы, в которых осуществляется этот процесс, детально не анализировались. Между тем Маркс в своем анализе всегда подчеркивал единство этой формы движения (конкуренции) с ее материальным содержанием (обобществление производства через его концентрацию и централизацию). Как это содержание, так и его форма выступают в действительности в виде более конкретных определений самого закона прибавочной стоимости. «Конкурентная борьба ведется посредством удешевления товаров. Дешевизна товаров зависит при прочих равных условиях от производительности труда, а последняя — от масштаба производства. Поэтому мелкие капиталисты побуждаются более крупными»¹ (подчеркнуто нами — Н. И.). Рост производительности труда приводит к увеличению нормы эксплуатации, играющей решающую роль в конкуренции. Поскольку производительность труда находит свои границы прежде всего в масштабе производства, концентрация производства, раздвигая эти границы, тем самым усиливает конкуренцию. «В той мере, как развивается капиталистическое производство и накопление, развивается также конкуренция»². Прибавочная стоимость, превращаясь в капитал, расширяет рамки и усиливает степень конкуренции. С другой стороны, такое возрастание конкуренции делает последнюю «наиболее мощным рычагом централизации».

«Мы видим», — писал Энгельс, — как способность к усовершенствованию, доведенная современными машинами до высочайшей степени, превратилась вследствие анархии общественного производства в неумолимый закон, принуждающий отдельных капиталистов-промышленников постоянно улучшать свои машины и увеличивать их производительную силу. В такой же принудительный закон превращается для них и простая фактическая возможность расширить размеры своего производства. Громадная способность крупной промышленности к расширению, перед которой расширение малых оказывается детской игрой, проявляется теперь в виде потребности расширить ее и качественно и количественно, несмотря на все препятствия. Эти препятствия создаются условиями потребления, быта, рынков для крупной промышленности» (Анти-Дюринг, стр. 260).

Накопление капитала «увеличивает спрос на труд... с другой стороны, оно увеличивает предложение рабочих посредством их освобождения». Наличие незанятых рабочих капиталист использует для того, чтобы засапать занятых рабочих в производстве к чрезмерному труду и подчиненные веления капитала. Своим движением на этом базисе закон спроса и предложения труда довершает деспотизм капитала³.

Деспотизм капитала основан раньше всего на пролетарском состоянии масс; проявляется он в процессе их эксплуатации и допоялается на рынке механизмом спроса и предложения. Внутренняя связь конкуренции с законом прибавочной стоимости здесь выступает совершенно ясно. Эта связь в наиболее развитом виде выступает в наше время при общем кризисе капитализма и на его основе развертывающемся мировом экономическом кризисе, сопровождающемся неслыханным ростом безработицы. Только социал-фашистские агенты буржуазии и апологеты капиталистической эксплуатации могут перед лицом этих фактов разводить медоточивые речи о смягчении конкуренции, якобы происходящем в связи с развитием капитализма. Однако от этого факты не перестают быть самими собой.

Конкуренция далее означает «действие капитала друг на друга», в результате которого происходит распределение прибавочной стоимости по капиталам. Возможность получения сверхприбыли здесь определяется прежде всего возможностью получения добавочной прибавочной стоимости. Существование и величина последней всецело связаны с характером производства. Неполучение средней прибыли определяется теми же обстоятельствами. Искусство обмана и надутельства здесь играет лишь предвходящую роль.

Итак, конкуренция выступает как метод господства капитала над трудом, как форма и рычаг процесса концентрации и централизации капитала, приводит к усилению обнищания масс и к концентрации богатства в руках все уменьшающейся группы капиталистов. Конкуренция, непосредственно связанная с эксплуатацией, является непосредственным выражением и формой движения закона прибавочной стоимости. В той же мере, в какой через нее осуществляется действие капитала друга на друга, конкуренция через борьбу между капиталистами выражает неравенство условий эксплуатации в различных предприятиях, принуждает капиталистов к повышению степени эксплуатации или обрекает на гибель тех из них, которые не могут достигнуть этого повышения. В этом последнем случае закон прибавочной стоимости через конкуренцию осуществляет свое действие к о с в е н и о, через борьбу капиталистов друг с другом.

¹ Маркс, Капитал, том I, стр. 498.

² Там же.

³ Исходя из этого Зомбарт ватически высказывает: «Резервная армия излечена для капитализма путем благодеяния» (Зомбарт, «Современный капитализм», том III, подтом I, стр. 461).

Маркс и Энгельс подчеркивали, что тенденция к перерастанию свободной конкуренции в монополию вызывает развитие и обострение противоречий всей системы капитализма и образование новых противоречий, что появление монополий не может уничтожить конкуренции.

Имperialизм, являясь прямым продолжением развития капитализма, его высшей и последней стадией, не только не уничтожает существенных особенностей капитализма, но, целиком сохраняя их, обостряет и развивает дальше противоречия капитализма и создает новые противоречия. Уже Маркс и Энгельс, исследуя доимпериалистический капитализм, доказали теоретическим и историческим анализом, что капитализм на основе закона прибавочной стоимости развивается в направлении, когда «свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития ведет к монополии»¹. Эти тенденции в развитии капитализма, вскрытые уже Марксом и Энгельсом, и обусловили превращение капитализма к началу XX века в монополистический капитализм — в империализм.

Но и Маркс, и Энгельс не дожили до империалистической эпохи всемирной империализма, которая начинается не раньше как в 1898—1900 гг.². Поэтому понятно, что «Маркс и Энгельс могли лишь догадываться о тех новых условиях развития капитализма, которые наступили в связи с новой фазой капитализма, пришедшей на смену старой фазе, в связи с империалистической, монополистической фазой развития, когда главное эволюционирование капитализма сменилось скачкообразным, катастрофическим развитием капитализма, когда неравномерность развития и противоречия капитализма выступили с особой силой, когда борьба за рынки сбыта и вывоза капитала в условиях крайней неравномерности развития сделала неизбежными периодические империалистические войны на предмет периодических переделов мира и сфер влияния»³. Задача исследования новых условий развития капитализма, новейшей его фазы выпала на долю Ленина. Анализируя империалистическую стадию капитализма, Ленин, опираясь на основные положения экономического учения Маркса, продолжил и развил марксовское учение о прибавочной стоимости применительно к новому этапу в развитии капитализма — создал теорию империализма. Империализм сложился в результате развития капитализма, он вырос из концентрации производства на очень высокой ступени его развития, из захвата важнейших источников сырья, из концентрации банков, из колониальной политики, являясь результатом развития всех противоречий капитализма. В соответствии с этим Ленин при определении империализма указал на следующие пять «характерных признаков»: 1) концентрация производства и капитала, переросшая в монополию, играющую решающую роль в хозяйственной жизни; 2) слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала»; 3) преобладающее значение экспорта капитала в отличие от экспорта товаров; 4) начало раздела мира между международными монополистическими союзами капиталистов и 5) окончание территориального раздела земли мира и борьба между крупнейшими державами за его передел.

Превращение капитализма свободной конкуренции в капитализм монополистический отнюдь не означает, как это утверждали теоретики социал-фашизма, наступления эпохи мирного, гладкого развития, развития без конкуренции, кризисов и т. п. «Монополии, выросшая из свободной конкуренции, — пишет Ленин, — не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая тем ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»⁴. Сосуществование и переплетение монополий

с конкуренцией выступает как существенная, характерная черта империализма.

Еще при жизни Энгельса, констатированного приближение конца свободной конкуренции в связи с обнаружившейся тенденцией к образованию монополий, тогдашние ревизионисты утверждали, что возникновение монополий означает создание централизованного, государственного капитализма, тождественного с социализмом.

Борясь с этой теорией, Энгельс писал: «Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк начал гоняться за государственными монополиями, по явился особого рода фальшивый социализм, проявляющийся в том, что в виде особого рода добровольного лакейства, объявляющего без всякого затруднений социализм всякое даже бисмарковское обращение средств производства в государственную собственность. Если табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Метерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское правительство из самых обиденных политических и финансовых соображений вышло за постройку железных дорог, когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главные прусские линии для удобства эксплуатации и пользования ими в случае войны, ради образования из железнодорожных служащих послушно вояцкого на правительство стада, а главным образом для того, чтобы иметь полный неаппетит от парламента источник дохода, то все это ни в коем случае не было социализмом, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Иначе прусское королевское общество морской торговли, королевская фарфоровая мануфактура и даже ротные школы в армии должны быть названы социалистическими учреждениями (или даже вопреки предположению при Фридрихе Вильгельме III в тридцатых годах каким-то умишком от государства домов терриности)»¹.

Только Прудон, этот представитель «научного парламентаризма», мог догадываться до возможности установления «равновесия» и «гармонии» между монополией и конкуренцией. Только современные носители этого научного «парламентаризма» Р. Гисслерлинг, К. Каутский, Нафтали и все плеяды теоретиков в духе представителей «нового сентиментального социализма», но уже в утробу милитаристического капитализма и фашизма, проповедуют свою аналогичную ступицу. В противоположность этому Маркс уже в 1847 г., имея в виду современные ему монополии, писал: «В современной экономической жизни мы найдем не только конкуренцию и монополию, но и синтез их, представляющий не формулу, а движение, ибо на каждом шагу монополия порождает конкуренцию, а конкуренция порождает монополию»². Их синтез — это антагонизм и борьба. «Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь посредством непрерывной конкурентной борьбы»³. «Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию»⁴. Это указание Маркса на переплетение монополий с конкуренцией и порождаемое ими обострение противоречий капитализма целиком сохраняет свою силу и по отношению к империализму, когда появляются монополии, отличные по своему характеру и по своей роли в экономике капиталистических стран от монополий, которые имел в виду Маркс. Выше уже было отмечено, что монополии в период жизни Маркса были явлениями социал-радикальными, возникавшими главным образом или как результат временного объединения капиталистов или такие, как монополия в свое положение Англии на мировом рынке в результате того, что она раньше других стала капиталистической страной. «Но эта монополия Англии, —

¹ Ленин, — Собрание сочинений, том XIX, стр. 84.

² Там же, стр. 301.

³ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 264, изд. 9-е.

⁴ Ленин, Собрание сочинений, том XIX, стр. 142.

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 263.

² Маркс, Начала философии, стр. 29.

³ Там же, стр. 141.

⁴ Там же.

писал Ленин, — уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись «охранительными» пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства. На пороге XX века мы видим образование иного рода монополий: во-первых, монополистических союзов капиталистов во всех странах развитого капитализма, во-вторых, монополистического положения немногих богатейших стран, в которых накопление капитала достигло гигантских размеров. «Возник громадный «избыток капитала» в передовых странах»¹. Наличие громадного «избытка капитала» ведет к тому, что в эпоху империализма особое значение приобретает борьба между империалистическими странами за сферы приложения капитала. «Необходимость вывоза капиталов создается тем, — писал Ленин, — что в немногих странах капиталом «перезрел» и капиталу не хватает (при условии неравности земельности и численности масс) поприщ «прибыльного» помещения»². В результате экспорт капитала приобретает огромное значение как орудие конкуренции с другими экспортирующими капитал странами и как оружие подчинения и захвата остальных полуколониальных стран небольшой горсткой крупных империалистических держав.

Образование монополий сопровождается усиленной «каспавией» капиталистических стран в колонии для расширения экспорта капиталов, захвата источников сырья и сфер сбыта. В период перехода от капитализма свободной конкуренции к империализму борьба между буржуазными странами за раздел «незанятых» хозяйственных территорий еще носит «спирный» характер, развитие капитализма совершается более или менее плавно в форме «соревнования» на началах свободной конкуренции. В этот период «одни страны опережали другие в продолжение долгого периода времени, без скачков и без обязательных военных столкновений мирового масштаба» (Сталин, VII пленум ИККИ). Не было еще той скачкообразной неравномерности развития, которая присуща эпохе империализма. Капитализм еще шел в гору, и казалось, что революция в конце концов начнется в наиболее передовых странах. Но «свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, причем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т. е. столь громадных, что они господствуют во всей данной отрасли промышленности, еще не было»³. Свободная конкуренция порождает концентрацию в таких размерах, что десяток предприятий-гигантов становится господствующим в данной отрасли производства. Одной из существенных форм этой гигантской концентрации производства, плотную подводящей и перерастающей в монополию, становится соединение в одном предприятии разных отраслей промышленности, т. е. комбинаты, которые, — говорит Ленин, — являются «крайне важной особенностью капитализма, достигшего высшей ступени развития»⁴. Появление монополий ведет к обострению борьбы за раздел мира, к окончательному его разделу, к монополизации хозяйственных территорий. «Возникновение и рост таких монополистических предприятий делают невозможной прежнюю свободную конкуренцию, вырывают почву из-под ног у нее, а раздел земного шара заставляет от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за предел колоний и сфер влияния» (Ленин, там же).

Перерастание капитализма в его высшую стадию — империализм — сопровождается изменением форм и методов самой конкурентной борьбы.

Достигнув гигантских размеров, монополии на известный период уходят временно в полосу отдельных групп капиталистов разрешить противоречие между условиями эксплуатации и реализацией своего продукта путем усиления эксплуатации, ограбления колоний, через искусственное сокращение объема своего производства, через временное закрепление за собою (монополизацию) известных областей сбыта (владение территориями, протекционизм, бросовые цены).

Для монополий, поскольку названное закрепление соотношения конкурирующих сил остается неосуществимым, получение монополий сверхприбыли происходит путем усиления эксплуатации рабочих стран метрополий и ограбления труднейших масс колоний, а также наряду с другими методами через сокращение объема производства и закрепление насильственно расширенных границ сбыта (бросовые и монополизационные цены). Поэтому монополии приводят к загниванию и задержке в развитии производительных сил. В этом случае конкуренция проявляется в форме борьбы за уничтожение системы соотношения конкурирующих сил, при которой известная группа капиталистов может получить монопольные прибыли. Такая борьба осуществляется в пределах одной сферы, между сферами производства или между странами. Эта борьба вытекает из неравномерного развития капитализма и обостряется в соответствии с развитием самих монополий. Монополисты стремятся прежде всего сохранить свое господство. В этом случае они выступают за разоружение своих противников, против их конкуренции.

Выражением этой тенденции монополий является идеология социализма, который в монополиях видит конец всякой конкуренции и начало планового, гармонического развития капитализма. Социализм здесь выражает идеологию загнивающего капитализма, поскольку речь идет о сохранении данной системы господства монополий, идеологию воинствующего империализма, поскольку дело идет об экспансии монополий за счет вытеснения противников и расширения этой системы капиталистического господства.

Затем еще в 1844 г. в «Очерке критики политической экономии», подчеркивал, что конкуренция «уже предполагает монополию, а именно монопольную собственность», указывая, что: «монополии были боевым лозунгом меркантилистов; конкуренция — боевым кличем либеральной экономики. Всякий конкурент должен хотеть для себя монополии. Всякая небольшая кучка конкурентов должна хотеть монополии для себя против всех других. Конкуренция покоится на интересе, а интерес снова создает монополию; коротко говоря, конкуренция переходит в монополию. С другой стороны, монополия не может остановить потока конкуренции; мало того, она сама порождает конкуренцию, как запрещение ввоза или высокие пошлины порождают конкуренцию контрабанды. Противоборство конкуренции совершенно то же, что и противоречие самой частной собственности»⁵. И далее: «Монополия порождает свободную конкуренцию, а последняя в свою очередь монополию; поэтому обе они должны пасть с устранением порождающего принципа, т. е. частной собственности на средства производства»⁶.

При империализме одной из основных форм конкуренции является борьба за экономический и политический предел мира. Небольшое развитие техники и усиливается индустриализация в уровне капиталистических стран в условиях господства высококапитализованного монополистического капитала и при окончании раздела мира между империалистическими хищниками создали возможность и предопределили скачкообразность опережения одних стран за счет других. Поэтому старое распределение сфер влияния,

¹ Ленин, Собрание сочинений, том XIX, стр. 120.

² Там же.

³ Ленин, Собрание сочинений, том XVIII, стр. 254.

⁴ Там же, том XIX, стр. 82.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, том I, стр. 308.

⁶ Там же, стр. 318.

старая система господства монополий всякий раз приходит в конфликт с новым соотношением сил между монополистами. Но старая система развала мира — точно так же, как и новое соотношение сил, вызванное усилением неравномерности развития стран и отраслей, — также является мировым порядком. Отсюда неизбежность мировых конфликтов в форме империалистических войн. Социал-фашисты рассматривают лишь данное сложившееся соотношение мировых и национальных сил монополистического капитализма; видят их борьбу против конкуренции, направленной к срыву этой системы соотношения сил, и затем строят свою теорию «ампериалистической» и теорию ультраимпериализма. Они возводят эти апологетические аდანе путем отрицания действия сил, направленных против этой системы, путем отрицания неравномерности, скачкообразности развития капиталистических стран. Неравномерность развития ведет к тому, что развитие одной страны идет за счет другой страны, через вытеснение одной страны другой, через отпадение колоний и сфер влияния. В результате в империалистической цепи образуется «слабое» звено и создается возможность прорыва этой цепи. «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже одной, отдельно взятой, капиталистической стране»¹.

Контрреволюционный трюизм «не признает» этих выводов Ленина и Сталина, так как он kautскиански «отрицает» закон неравномерности империализма. Прямые оппортунисты развивают теорию «организованного капитализма», смыкающуюся с теорией «организованного капитализма» социал-фашистов. Эти теории ведут борьбу против указанного ленинского закона, решающего закона империализма.

Но этот закон, решающий закон империализма, в конечном счете связан с законом прибавочной стоимости. Последний при империализме находит свое выражение в тех развившихся и обострившихся противоречиях, которые характеризуют империализм как загнивающий и умирающий капитализм.

Абсолютный закон капитализма — закон прибавочной стоимости выражает собою отношения господства капитала над трудом.

Рабочий, воспроизводит капитал, производит прибавочную стоимость тем самым воспроизводит внешние условия своего существования. Воспроизводство капитала поэтому выступает как основа роста классовых противоречий и борьбы буржуазии и пролетариата.

С другой стороны, на основе закона прибавочной стоимости, одним из выражений которой является рента, развивающаяся в связи с монополией частной собственности на землю и монополией хозяйства на земле, возникает специфическое относительное отставание в развитии сельского хозяйства от промышленности.

Часть прибавочной стоимости капиталистического земледелия в виде ренты поступает в город, сама же эта часть прибавочной стоимости, будучи превращена в цену земли, придает этой последней характер своеобразного товара, делает возможным ее сосредоточение в руках наиболее крупных капиталистов.

Прибавочная стоимость в форме абсолютной ренты и цены земли, являясь законом развития капитализма в земледелии, обуславливает понижающиеся темпы сельского хозяйства по сравнению с промышленностью, выступая в качестве закона отставания сельского хозяйства от промышленности.

Отставание сельского хозяйства от индустрии приводит к тому, что трудящиеся массы, занятые в сельском хозяйстве, становятся объектом двойной эксплуатации (капитализма и элементов феодализма).

Маркс неоднократно подчеркивал, что эксплуатация например крестьянства при капитализме лишь формально отличается от эксплуатации пролетариата. В «Гражданской войне во Франции» он писал: «Исно, что эксплуатация их (крестьян) отличается от эксплуатации промышленного пролетариата только по форме. Эксплуататор один и тот же: капитал. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян ниоткуда и ростовщичеством. Класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян государственными «аллоями». Разрозненное, распыленное, «используемое» трудящееся крестьянство противостоит капиталистическому «городу» в такой форме, что его труд делится на две части — необходимый и прибавочный — таким образом, как будто крестьянство в этой форме воспроизводит характер труда пролетариата. Причем его общественность выступает как стилизм, которым капитал связывал до сих пор крестьянина, тот мотив, которым он пользовался, чтобы натравить крестьян против промышленного пролетариата» (Маркс). Крестьянин под видом процентов за ипотеку, под видом процентов за ростовщические ссуды передавал капиталисту не только земельную ренту, но только промышленному прибыли, словом не только всю чистую вырубку, но и часть заработной платы»².

Крестьянин как трудящийся по существу является объектом капиталистической эксплуатации, его труд является источником производства общественного прибавочного труда, присваемого капиталистами. Его природа частного собственника определяет специфические формы этой эксплуатации, и вместе с тем эта природа его становится средством для приостановления его пролетариата, родит его к буржуазии. Будучи объектом капиталистической эксплуатации, крестьянин противопоставляет капитал и вместе с пролетариатом заинтересован в свержении его господства. «Только падение капитала может поднять крестьян, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить с его экономической нищеты, с его общественной деградацией» (Маркс).

В основе господства капиталистического города над деревней лежит рост промышленности за счет сельского хозяйства, т. е. специфический капиталистический процесс обобществления труда. Развитие старшего хозяйства представляется отделением от земледелия одной отрасли промышленности за другой»³. Капитализм в мануфактурной форме своего развития усиливает это отделение промышленности от сельского хозяйства, ибо мануфактура «привлекает рабочего к одной специальности и поэтому делает его, с одной стороны, негодным для земледелия (слабым и пр.), с другой стороны, требует непосредственного и продолжительного занятия мастерством»⁴. Однако полного отделения промышленности от земледелия мануфактура не производит. Лишь применение машины, капиталистический способ производства завершает этот процесс. «Капиталистический способ производства довершает разрыв того первоначального семейного союза земледелия и промышленности, который сочетал друг с другом младенческие неразвитые формы обоих»⁵. Эта форма обобществления труда выражает историческую ограниченность капитализма. Развивая промышленность за счет сельского хозяйства, капитализм подготавливает материальную базу социализма, создает пролетариат, могущий выступить в качестве носителя и гегемона социалистической революции. Развивая промышленность за счет отставания сельского хозяйства, капитализм обнаруживает свою неспособность реорганизовать земледелие на рациональных началах; поэтому отставание сельского хозяйства является одним из

¹ Маркс, Гражданская война во Франции, стр. 103.

² Ленин, Собрание сочинений, том III, стр. 17.

³ Там же, стр. 335.

⁴ Маркс, Капитал, том I, стр. 392.

моментов, характеризующих историческую ограниченность капиталистического способа производства.

Стало быть более быстрое развитие промышленности по сравнению с сельским хозяйством, выражающее специфические условия производства прибавочной стоимости (мануфактура, фабрика и т. д.), в конечном счете подготавливает одну из исторических предпосылок для перерастания капитализма в свободной конкуренции в монополистический капитализм тем, что создает условия для монополистического господства промышленности над сельским хозяйством. Вместе с тем подготавливается этой стороны объективные предпосылки наступления эпохи proletарской революции.

Отношения между различными капиталистическими странами в свою очередь основаны на борьбе за расширение объектов, сфер и специфических условий эксплуатации. Борьба за раздел мира есть борьба за раздел новых и особых объектов эксплуатации. В качестве таких объектов эксплуатации выступают ранние всего колонии. Капитализм представляет собой специфическую историческую систему колониальной эксплуатации. Эксплуатация колоний отличается от эксплуатации пролетариата лишь по форме. Эксплуатор и там и здесь — один и тот же — капитал. В колониях совокупный труд трудящихся народа делится на необходимый труд и прибавочный труд, причем последний становится источником обогащения не только великих стран-метрополей, но и колониальной буржуазии. «Необходимый труд» колониальных народов вследствие такой двойной их эксплуатации снижается до такого уровня, при котором нищета и пауперизм принимают невиданные размеры. На основе этой эксплуатации всеобщий закон капиталистического накопления выступает в форме накопления нищеты на стороне колониальных стран и накопления богатства на стороне господствующих стран.

Однако возможность расширения и формы борьбы за это расширение объектов эксплуатации, за колонии находятся в связи со ступенями развития капитализма. Неравномерность развития капиталистических стран обостряет борьбу между ними за раздел мира и форсирует капиталистическую экспансию. Но всякий раз, как только определенная хозяйственная территория завоевана, она становится объектом монополизной эксплуатации страны-победительницы. Стало быть колониальная система эксплуатации непосредственно выступает как монополизная форма эксплуатации колониальных народов со стороны господствующих стран. Здесь на основе закона прибавочной стоимости выступает одна из форм перерастания капитализма в свободной конкуренции в империализм. Поэтому такая страна, как Англия, еще в середине XIX века обнаружила отдельные черты монополистического капитализма и показала всем прочим капиталистическим странам прообраз их собственного развития в империализм. Конец раздела мира и наступление борьбы за его передел предполагали наступление эпохи империализма и конфликтного развития капитализма в форме империалистических войн и революций. Империалистическая форма борьбы за передел мира предполагает однако то же содержание: захват и расширение объектов колониальной эксплуатации, т. е. присвоение неоплаченного труда колониальных народов.

Социал-фашистская теория колониального вопроса пытается болтовней о «культурной» миссии капитализма в колониях скрыть действительное содержание капиталистического рабства, приписать колониальную систему эксплуатации.

Капиталистическая эксплуатация находит в феодальных отношениях, господствующих в ряде колониальных стран, мощное орудие, которым она пользуется для выжимания из народов колоний неоплаченного труда. Империализм консервирует, часто возрождает феодально-крепостнические отношения в завоеванных странах, срастается с этими отношениями. Буржуазно-демократическая революция в этих странах поэтому неизбежно должна стать и антиимпериалистическими революциями и, чтобы получить полную гарантию своей победы, буржуазно-демократическая революция должна под руководством пролетариата перейти в конечном счете в революцию социалистическую.

Закон прибавочной стоимости выступает в конечном счете как закон диктатуры буржуазии над пролетариатом, над крестьянством и народами колоний, диктатуры, политической формой которой является буржуазное государство. Государство «есть не что иное, как организационная форма, которую необходимо должно принять буржуа, чтобы как в войне (в колониях — Н. И.), так и в миру (против пролетариата и трудящихся крестьянства — Н. И.) гарантировать свою собственность и свои интересы»¹.

Диктатура буржуазии прежде всего направлена против пролетариата. В положении пролетариата сосредоточиваются в наиболее концентрированном виде все отрицательные стороны капитализма. Поэтому пролетариат является единственным последовательным до конца борцом против капитализма, за социализм. Однако, благодаря тому, что на всех трудящихся деревни и колоний распространяется капиталистический закон эксплуатации, последние становятся резервами пролетарской революции. Пролетарская революция поэтому становится подлинно народной революцией. «Лишь во имя прав всего общества отдельный класс может требовать себе всеобщего господства... Чтобы революция народа и эксплуатация отдельного класса гражданского общества совпали друг с другом... все недостатки общества должны быть сосредоточены в каком-нибудь классе»². Тогда станет очевидно, что пролетариат «не может упразднить своих собственных жизненных условий, не упразднив всех бесчеловечных жизненных условий современного общества, сосредоточившихся в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую закаляющую школу»³.

Без закона прибавочной стоимости, который объясняет нам факт превращения всех трудящихся масс в объект капиталистической эксплуатации, нельзя понять учение Маркса-Энгельса-Ленина и Сталина о резервах пролетарской революции и о всемирно-исторической роли пролетариата как о носителя, организатора и вождя социалистической революции.

При империализме закон прибавочной стоимости, проявляясь и осуществляясь в форме закона неравномерного развития этого решающего закона, приобретает новые черты. На его основе образуются монополизные сверхприбыли, выражающие паразитические свойства империализма.

Господство монополий и «эксплуатация все большего числа маленьких слабых наций небольшой горстью богатейших или сильнейших наций, — все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляли, — говорит Ленин, — характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм». Одной из форм этого паразитизма и загнивания капитализма является подкуп капиталистами, получающими монополизно

¹ Маркс и Энгельс, Собрание сочинений, том IV, стр. 59.

² Маркс, К критике гегелевской философии права.

³ Маркс, Святое семейство, стр. 156.

высокие прибыли в отдельных странах-монополистах, преследов рабочих. На основе таких подкупов создается связь империализма с оппортунизмом в рабочем движении. Эта связь монополий с оппортунизмом как и появление самого оппортунизма раньше всего возникли в Англии в связи с ее монопольным положением на мировом рынке в XIX веке.

Уже при жизни Маркса в Англии явственно сложились две черты этой новой эпохи капитализма: 1) необычные колонии и 2) монополия на прибыль, вытекающая из монопольного положения Англии на всемирном рынке. В своих высказываниях об Англии Маркс и Энгельс вполне отчетливо характеризовали эти черты новой эпохи. На основе изучения современных им монополий они вскрыли и дали исчерпывающее объяснение исторических корней оппортунизма. Корни оппортунизма они выводили из монополий и монопольных прибылей, позволяющих буржуазии подкупать, развращать верхушку рабочего класса. Как в отношении монопольного обладания колониями, так и в отношении монопольных прибылей «Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс и Маркс, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указали связь его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении»¹. Как отмечено было Лениным, Энгельс подчеркивал, что «английский пролетариат все более фактически буржуазнивается, что вожди тред-юнионов куплены буржуазией или по крайней мере оплачиваются ею. Поэтому в отношении колониальной политики рабочая партия Англии тождественна с либералами и консерваторами, ибо рабочие преспокойно пользуются вместе с ними колониальными монополиями Англии и ее монополей на всемирном рынке»². Еще в предисловии к «Положению рабочего класса Англии» Энгельс дал непревзойденную по силе и глубине картину раскола рабочего класса «на огромное большинство и на верхушку рабочей аристократии». На примере лиги Кобдена, парламентских дебатов по ирландскому вопросу, дебатов о свободе торговли и протекционизме, на отношении рабочих вождей Англии к гражданской войне в Америке и т. п. Маркс и Энгельс показали, что позиция рабочей аристократии полностью и всецело совпадает с империалистической позицией либеральной и консервативной партий. «Те две тенденции, даже две партии в современном рабочем движении, которые так явно разошлись во всем мире в 1914—1916 гг., были преследованы Энгельсом и Марксом в Англии в течение ряда десятилетий, приблизительно с 1850 по 1892 гг.»³. В этих высказываниях дан «воздъ той тактики в рабочем движении, которая предписывается объективными условиями империалистической эпохи»⁴.

Примерно в последней трети XIX века капитализм в ряде решающих стран перерастает: а) в колониальную монополию, б) монополю на промышленную систему и в) в монополию финансового капитала. В связи с этим промышленная монополия Англии оказалась подорванной, хотя колониальная монополия за ней и осталась. Капитализм складывается в мировую систему. «Последняя треть XIX века, — пишет Ленин, — была переходом к новой империалистической эпохе. Монополей пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких, очень немногих великих держав»⁵. В связи с этим оппортунизм складывается в интернациональное течение.

«Тогда, — писал Ленин, — «буржуазная рабочая партия» по замечательному глубокому выражению Энгельса могла сложить-

ся только в одной стране, ибо только одна имела монополию, по зато надолго. Теперь «буржуазная рабочая партия» неизбежна и типична для всех империалистических стран... Но тогда монополия Англии была длительной и ее позиции до известного времени были прочны. Теперь же, с появлением САСШ, монополия каждой страны опирается и наступает эпоха борьбы за передел мира, усиливается в связи с этим гнет над пролетариатом и трудящимися всех стран в неизмеримой степени. История начинает развиваться под знаком двух тенденций: «С одной стороны, тенденции буржуазии и оппортунистов превратить горстку богатых привилегированных наций в «сочных» паразитов на теле остального человечества... С другой стороны, тенденции масс, угнетенных сильнее прежнего и несущих все муки империалистических войн, скинуть с себя это, ниспровергнуть буржуазию. В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет разрабатываться теперь история рабочего движения»⁶. Обе эти тенденции теоретически, политически и организационно оформились в две противоположные партии: коммунизм и социал-империализм.

Опортунизм в форме лун-блассовщины, утопического социализма и т. п. в таких странах, как Англия, Франция, Германия, существовал, но зато не в таких странах, как мелkobуржуазная экономика. «Здесь он принимал форму доктринерского социализма, который подымал все движение одному из его моментов, подставляла на место коллективного, общественного производства мистическую деятельность отдельного бедняги и главное революционную борьбу классов во всей ее необходимости устранил в своей фантазии маленькие фокусы и большими sentimentalностями»⁷.

Этот «доктринерский социализм», который был теоретическим выражением чуждой мелкой буржуазии и отсталой идеологии еще мелkobуржуазного пролетариата, пока последний не доразвился до «самостоятельного свободного исторического движения, мечтал о «мирном проведении своего социализма», а в сущности только «идеализировал буржуазное общество, снимая с него портрет без теней». Этот вид оппортунизма был распространен во Франции и Германии в тот период, когда промышленность еще не занимала господствующего положения в экономике страны и смелый буржуа думал то, что по-настоящему должен был делать промышленный буржуа, а задачу рабочего класса не выполнял и никто»⁸.

Этот вид оппортунизма сходит со своей исторической сцены вместе с изменением экономических отношений самого буржуазного общества. Мелкий буржуа, бланкий «царек» крупной собственности, в связи с этим ищет своего спасения в лагере неумищих. Он сходится таким образом своего естественного союзника и воюет в городском пролетариате, историческая задача которого — низвержение буржуазного строя. Сам же городской пролетариат «группируется вокруг революционного социализма, вокруг коммунизма. Этот социализм есть провозглашение... классовой диктатуры пролетариата как необходимого переходного периода, в течение которого уничтожаются классы и классовые различия вообще»⁹. Тактика этого пролетариата — организация революции, т. е. насильственное, при опоре на сочувствие подпольной массы трудящихся, свержение диктатуры буржуазии. Партия коммунизма — это партия социалистического переворота, партия восстания.

Опортунизм Прудона и других представителей «доктринерского, «очевидного» социализма отходит на задний план или вовсе сходит с исторической арены. Развитие промышленного капитализма и классовой борьбы пролетариата против буржуазии сделало этот вид оппортунизма реакцион-

¹ Ленин, том XIX, стр. 206.

² Энгельс, Письмо к Каутскому, 1882 г.

³ Ленин, том XIX, стр. 206.

⁴ Там же, стр. 208.

⁵ Там же, стр. 209.

⁶ Ленин, том XIX, стр. 310.

⁷ Там же.

⁸ Маркс и Энгельс, Исторические работы, стр. 109.

⁹ Маркс и Энгельс, Исторические работы, стр. 98.

¹⁰ Маркс и Энгельс, Исторические работы.

ной идеологией отдельных кабинетных промстелей и поклонников идеи «чистой мысли». Развивающаяся классовая борьба в условиях зрелого капитализма порождает новую форму оппортунизма, историческое назначение которого состоит в активной борьбе за сохранение диктатуры буржуазии, в организации социальной базы этой диктатуры, активном соприкосновении революционному пролетариату, борющемуся за установление своей диктатуры в делах революционного преобразования капитализма в социализм.

Этот оппортунизм выражен на дрожжах монополий и колониальных сверхприбылей и является продуктом империалистической эпохи. Возможность его возникновения определялась существованием монополий, подкупом верхушки «аристократии» рабочего класса, вытекавшим из обострения классовой борьбы и потребности в создании активных кадров организаторов социальной базы диктатуры буржуазии.

Этот оппортунизм — империалистический. Он повстанческий, потому что выступает за подавление и эксплуатацию колоний, за расширение «сферы влияния» своей буржуазии. Он — за милитаризм, так как в сильной армии он видит гарантов сохранения сверхприбылей, которыми он кормится; он — за монополии, ибо кроме всего прочего он сам организован в профсоюзы, куда он стремится не пускать никого из рабочих, исключая верхушечный слой рабочей аристократии. Этот оппортунизм оппозиционен лишь в той мере, в какой речь идет о распределении монопольных привилегий между ним и буржуазией. Его программа — всеобщее соглашение для борьбы против коммунизма¹. Маркс и Энгельс вскрыли корни и идеологию этого оппортунизма и показали, что возможность захвата власти пролетариатом стоит в прямой связи с задачей разгрома этого оппортунизма, который в наше время превратился в социал-фашизм Каутских и К².

Нет ни одной книги или статьи, где бы Маркс и Энгельс не бичевали оппортунизм в рабочем движении. В своей книге, написанной против Евг. Дюринга (1877 г.), в защиту которого выступила почти вся верхушка

¹ Эту программу наиболее отчетливо изложил теоретик аустро-марксизма К. Реннер в следующих словах:

«Возникнув из-под земли под пролетариатом завоевать в стране диктатуру для того, чтобы быть в состоянии выступить на путь социализма. Традиция отвечает на этот вопрос утвердительно и притом вполне последовательно, поскольку победа социализма представляется как новое чудо творения, поскольку она находится с генеральной экспроприацией и провозглашением как абсолютное разрушение всего существующего хозяйства. Но если социализм в противоположность этой точке зрения представляется тем, чем он является на самом деле, как большая серьезная задача, требующая, рассчитанная на продолжительный период времени, направленной и организованной полугосударственного общества, к замене частного интереса общим, к превращению классового государства в классовую борьбу, то промышленный пролетариат найдет здесь себе союзников от случая к случаю, союзников, которые помогут ему осуществить одну часть программы, а другая — которую пролетариат должен осуществлять сам, — является для этой фазы развития необходимым доукомплектом» (Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 327).

«При построении социализма, — пишет К. Каутский, — дело будет идти не о том, чтобы созидать из ничего совершенно новое хозяйство, но о том, чтобы сущестующий порядок развивать дальше в направлении к социализму, что невозможно без точного знания этого порядка. Маркс именно потому был активным деятелем социального движения, что он сущую часть своей жизни посвятил выяснению вопроса о том, чем же себя представляет капитализм» (Каутский, Предисловие к народному изданию «Капитала»). И далее: «Сейчас в области классовой борьбы пролетариат дело уже не в том, чтоб в первую очередь будить классовое самосознание пролетарских масс. Эта задача в сущности решена чертами явною» (там же).

Сейчас задача пролетариата состоит в том, чтобы оплотнить капитал от «капиталистов». Таким образом пролетариат все больше опирается в удивительное положение, когда его задачей становится не только преодоление капиталистического способа производства, но и защита законов этого способа производства от инвазии извне из монополий крупного капитала, которые связаны с крупными аграриями, генералами, бюрократами, профессорами и т. д. (там же).

социал-демократии Германии, Энгельс дал оппортунизму наиболее блестящий бой. Властитель оппортунистических дум Дюринг был окружен ореолом мученика, на которого напал «туберкул в полемических приемах и примодельный диктатор» Энгельс. Социал-демократические газеты «Фолькс-Штадт», а за ним и «Форвард» лишь под большим давлением сизу вынуждены были поместить на своих страницах статьи Энгельса. Между тем достаточно внимательно всмотревшись в суть проблем, на почве которых произошли жестокие схватки Энгельса с оппортунизмом германской социал-демократии, как обнаружится, что здесь были поставлены все теоретические, политические и тактические вопросы пролетарской революции, которые и теперь разделяют революционный марксизм и оппортунизм. В «Анти-Дюринге» Энгельс разоблачил отход верхушки социал-демократии Германии от материализма к идеализму, вскрыл и подверг жестокой критике ее стремление изобразить рост монополий как признак роста социализма и организованного капитализма, разоблачил ее теорию надклассового государства и способность последнего регулировать и планировать капиталистическое производство, противопоставил всей этой апологетической структуре свою научную теорию буржуазного государства и неизбежности диктатуры пролетариата.

Не менее блестяще и «Критика Готской программы» Маркса. Здесь Маркс атакует в основном оппортунизм по тем же вопросам. Оппортунизм конституировался к этому времени в партию, которая выработала свою программу против Маркса, развила теорию государства на основе «верноподданнической веры дилетантской секты в государство буржуазии», и, пытаясь построить социализм без диктатуры пролетариата, проповедывая осуществление социализма на основе буржуазной демократии и парламентаризма через обязательственное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Маркс в своей «Критике Готской программы» вскрыл теоретические корни этого оппортунизма, разоблачил теорию мирного вращения капитализма в социализм («мирное — законное — свободное — несложное «вращение» старого общества в социалистическое общество»), идею которого затем подхватили и Каутский и вся социал-демократия. В своей книге «Материалистическое понимание истории» этот оголтелый враг коммунизма подвергает теорию Маркса неустойчивой «критике» и, возразив Марксу, доказывает, что с точки зрения теории нельзя привести каких-либо доказательств, которые ставили бы под вопрос жизнеспособность «капитализма» (стр. 559). «Капитализм вечен по своему существу и меняет лишь форму своего проявления»³. Это изменение его формы выступает в виде «трансформации государства». Трансформация государства и вместе с тем капитализма состоит в том, что «сила капиталистов непрерывно растет в области экономики, сила же пролетариата — в политике» (стр. 578). «Корень трансформации и сама сущность государства как такового и состоит в этом переносе рабочего класса в политику» (стр. 597). Поэтому использование государственного аппарата для целей эксплуатирующего класса — это составляет уже сущность государства и не находится с ним в неразрывной связи». «Современное государство охвачено процессом такой трансформации, которая ведет его к преращению в свободное государство или государство нового типа» (стр. 611). «В международном масштабе наиболее ярким типом этого свободного государства является Лига наций. Поскольку такая трансформация государства тождественна и совпадает с социализмом, Лига наций безусловно необходима не только для предотвращения (!) военных опасностей, но также и для построения нового общества» (т. е. социализма, — Н. И.).

³ В связи с этим К. Реннер писал: «Всеобщая генеральная экспроприация производится без труда — это всеобщая генеральная бессмыслица, потому что в результате ее ничего кроме хаоса не получится» (Реннер, Теория капиталистического хозяйства, стр. 329).

(стр. 610). «Усиление позиции пролетариата в политике» и укрепление Диги наций автоматически ведут к тому, что усиление буржуазии в экономике прекратится и буржуазия станет орудием господства пролетариата, составной частью социализма. Уже наступит таким образом по Каутскому тысячелетнее царство, в котором пролетариат наконец познает истину, что в его жилах течет такая же кровь, как и у Тиссена, Моргана и т. п., и что самое насущное наслаждение для них — это совместное с капиталистом чтение библии блаженного старца К. Каутского. «Но все зависит от трансформации свободного государства». По кусочкам оно соперничает повсюду. В знаменитой Вене социал-демократы захватили в свои руки ассенизационное дело и создали «венскую коммуны». «Венская коммуна» стала тем, чем должна была стать в свое время «коммуна Парижа» (стр. 588). Притом, благодаря храбрости и хитрости социал-демократов все это сделали (вопреки Марксу) не через баррикады, а благодаря трансформации государства. Такой же поворот социал-демократы в свое время продавали в ряде городов Германии. Поэтому уже наступило время, проповедают социал-фашисты, когда в буржуазном обществе «социалистические» предприятия перестанут представлять собой исключение и станут господствующими в экономике. Дело состоит «только в том, чтобы «ликвидировать привычку у рабочего смотреть на этот вопрос (производство) как на процесс капиталистической эксплуатации наемного труда» (стр. 589).

Маркс и Энгельс, — проповедует Каутский, — в своих взглядах «на будущее капитализма» ошибались (стр. 539). Их учение верным было только тогда, когда оно писалось (стр. 542). Умерли Маркс и Энгельс, умерли и их теории. «Основным вопросом для социал-демократов в настоящий момент является... не вопрос, как перейти к власти, а как удержать эту власть» (стр. 523) в руках буржуазии. Маркс же до этой мудрости дойти конечно не мог, поэтому естественно он не предусмотрел, что его именем будет прикрытась теоретик ассенизационного социализма К. Каутский. Против Каутских и всего социал-фашизма стоит масса рабочих, которые спланируют коммунистические партии для борьбы за революционное свержение диктатуры буржуазии и установление диктатуры пролетариата.

Ленин в своей работе «Государство и революция» вновь поднял на огромную высоту и развил марксовскую теорию государства и его теорию диктатуры пролетариата. В «Империализме» он дал широкое обоснование империализма как принципа захватнивания капитализма. В борьбе против социал-империализма и социал-фашистов Ленин доказал и обосновал, что современный капитализм есть захватнивший, умирающий капитализм, капитализм эпохи пролетарской революции. Он показал, что современный империализм есть орудие империалистического гнета и империалистических войн, организатор социальной базы диктатуры финансового капитала. История показала, что социал-демократия во всех случаях выступает как организатор империалистических войн и контрреволюции.

Итак, закон прибавочной стоимости, являясь абсолютным законом капиталистического общества, объясняет источник и характер всех форм капиталистической эксплуатации, нарастающих на основе последней и политических надстроек.

На эксплуатацию рабочего класса основано существование класса капиталистов, на эксплуатацию деревни — господство города, на эксплуатации колоний и зависимых стран — господство «великих» капиталистических государств. Монополистический капитализм, усиливая все эти методы эксплуатации, изменяет ее форму, тогда как содержание ее остается прежним — получение прибавочной стоимости. Монополияющая прибыль — это лишь иная, специфическая историческая форма этой прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость в форме монополийных и колониальных прибылей выступает объективной основой для существования и таких эле-

ментов, как социал-фашизм, являющихся показателями «временного загнания рабочего движения» (Ленин). И точно так же как класс капиталистов кровно заинтересован в сохранении всех условий для получения прибавочной стоимости, точно так же оппортунизм, извращенный и искривленный присвоением им части прибавочной стоимости, не может не вести бешеной борьбы за сохранение капиталистической эксплуатации.

III. Всеобщий кризис капиталистической системы и наступление пролетарской революции

Империализм как последний этап в развитии капитализма характеризуется таким колоссальным обострением всех противоречий капитализма, которое неизбежно ведет к взрыву капиталистической оболочки — к пролетарской революции. Закон прибавочной стоимости как закон развития капитализма, проявляясь на стадии империализма в резком обострении процессов захватнивания капитализма, в росте паразитизма и усилении неравномерности развития, в обострении классового antagonизма между буржуазией и пролетариатом, в росте противоположности между городом и деревней и в усилении гнета и эксплуатации финансовыми магнатами крестьянских масс, в усилении поляризации стран на небольшие число империалистических государств и громадное большинство колониальных и зависимых стран, выступает как закон гибели капитализма. В эпоху империализма таким образом возводятся на новую, неизмеримо более высокую ступень противоречия между силами, направленными на уничтожение, и силами, борющимися за сохранение капиталистического рабства. Империалистическая война 1914—1918 гг., война за передел мира между 4-5 империалистическими державами, выросшая из господства капиталистических монополий, на раздела всей земли империалистическими государствами, еще более обострила все противоречия капитализма и прежде всего противоречия между буржуазией и пролетариатом в воюющих странах. Ход империалистической войны определил такое обострение классовой борьбы, когда каждый шаг движения пролетариата упирался в железную необходимость его выступления против всей системы империализма путем борьбы за прекращение этой войны в гражданскую войну. Это обстоятельство в свою очередь ослабило всю цепь империализма и тем самым подготовило благоприятные условия для революции в отдельных странах. Империалистическая война развалила империалистические силы и привела к прорыву империалистического фронта в его слабом звене — в царской России, потрясла всю систему мирового капитализма и положила начало периоду его общего кризиса.

Этот общий кризис всего капитализма проявился прежде всего по следующим основным направлениям:

Во-первых, раскол прежде единой системы мирового капитализма на две принципиально противоположные системы — социалистическую и капиталистическую. Этот раскол является основным и решающим моментом, характеризующим наступление капитализма в полосу общего кризиса. Победа социалистической революции в СССР означала, что закон развития капитализма — закон прибавочной стоимости, выступающий в эпоху империализма как закон его захватнивания и гибели, — уже реализовал себя на одном участке империалистического фронта, что возникла новая социалистическая система хозяйства, развитие которой происходит по принципиально иным законам. Наличие социалистической системы хозяйства, являющейся результатом развития противоречий капитализма, обостренных войной, установление диктатуры пролетариата в СССР в свою очередь демонстрирует всю гнилость капитализма, обостряет его противоречия, расшатывает его основы и тем самым приближает его конец.

Во-вторых, общий кризис капитализма проявился в том, что империалистическая война и победа революции в СССР расшатали устой и м и е-

риализма в колониях и зависимых странах, что авторитет империализма в этих странах уже пошатнулся, что он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах¹. Октябрьская революция пробудила громадные массы трудящихся колониальных и полуколониальных стран, подняла их на борьбу против империалистического гнета. Национально-освободительное движение, значительно усилившееся под непосредственным влиянием Октябрьской революции, расшатывая устои империализма в колониях, вливаясь в общепролетарский фронт борьбы против капитализма, приближает его конец. Колонии из резерва империализма превратились в опору мировой пролетарской революции.

В-третьих, общий кризис капитализма проявился в том, что за время войны и после нее в колониальных, зависимых странах появились и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и осложняя борьбу за рынки сбыта². Империализм как система колониального угнетения мог «нормально» развиваться только при некоторой относительной неподвижности народов колоний.

При помощи чудовищной эксплуатации, колониального и военного гнета империализм поддерживал эту относительную неподвижность колониальных стран. Развитие промышленности в этих странах в годы войны и после поэтому не могло не означать начала подрыва всей колониальной системы финансового капитала. Само промышленное развитие этих стран носит чрезвычайно противоречивый и относительный характер, определяемый тем, что империалистическая колониальная политика тормозит самостоятельное экономическое развитие колониальных стран, в особенности их индустриализацию. Отменяя роль колоний как поставщиков сырья для промышленных стран, еще Маркс указывал, что создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства, международное разделение труда, превращающее известные части земного шара в области земледельческого (agricole) производства по преимуществу, а другие — в области промышленного производства по преимуществу³. Авторы и сторонники теории «деколонизации» полностью и целиком отказались от этого указания Маркса, сохранившего всю свою силу и для эпохи империализма, когда колонии выступают не только в качестве источников сырья и рынков сбыта, но прежде всего в качестве объектов империалистической эксплуатации.

В-четвертых, общий кризис капитализма проявился в том, что война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде хронической недовузки предприятий и наличия миллионов армий безработных, превратившихся из резервов в постоянные армии безработных. Это свидетельствует о том, что капитализм вступил в полосу, когда он не в состоянии использовать ни же создание производительные силы, что противоречие между производительными силами и производственными отношениями достигло уже такого обострения, когда оно должно быть разрешено пролетарскими революциями, эпоху которых открыл Октябрь.

В-пятых, всеобщий кризис капитализма получил свое выражение в существенном изменении цикла всего капиталистического воспроизводства. На основе указанного выше роста всех противоречий империализма, на основе борьбы двух систем неравномерности развития капитализма приняла крайнюю обостренную форму. Фазы подъема становятся кратковременными, не охватывающими все отрасли народного хозяйства и все капиталистические страны. Ряд «великих» империалистических стран вступает в кризис

промышленного воспроизводства без промышленного подъема. Кризис, развиваясь на основе всеобщего кризиса капиталистической системы, по своей глубине, длительности, разрушительной силе и всеобщности принимает исключительную напряженность и остроту. Этот кризис становится формой наиболее интенсивного углубления всеобщего кризиса капиталистической системы и предполагает новые формы борьбы за выход из него. Империалистическая буржуазия ищет выхода из него раньше всего на путях контрреволюционной интервенции против СССР и империалистической войны. Пролетариат под руководством Коммунистического интернационала ведет борьбу за революционный выход из кризиса. Вследствие чрезвычайного обострения всех противоречий капитализма и усиления неравномерности развития капитализма в последующий период в ряде стран капитализма возникают все объективные предпосылки для революционного свержения капитализма и установления диктатуры пролетариата. В борьбе против социал-фашизма и всех видов оппортунизма выносятся партия революционного коммунизма и создаются все субъективные предпосылки для успешной борьбы против капитализма.

Империализм в целом, — писал Ленин, — есть капут капиталистической революции. Империализм делает по сто раз более чувствительным гнет капиталистических трестов и синдикатов, усиливает рост возмущения рабочего класса и подводит массы к пролетарской революции. Империализм вынуждает громадное большинство колониальных и зависимых стран вести борьбу за освобождение от империалистического гнета, он неизбежно ведет к империалистическим войнам и предполагает «неизбежность» воцарения пролетарской революции в Европе с колониальной революцией на Востоке в единый мировой фронт революции против мирового фронта империализма (Сталин). Общий кризис империалистической системы, начало которому было положено империалистической войной и Октябрьской революцией, есть эпоха уже начавшихся революций и войн, особая фаза империализма, которая характеризуется тем, что в результате империалистической войны усилилось загнивание капитализма, оказалось подорванным его равновесие, капитализм уже вступил в полосу своей гибели и не представляет уже больше единственной всеохватывающей системы мирового хозяйства, что его господство в колониях оказалось подорванным. Империализм по-старому уже не может господствовать над пролетариатом и над трудящимися массами. Ему все труднее становится поддерживать свое господство, так как общее ослабление всего фронта империализма усиливало новым противоречием между господствующими группами финансового капитала.

Экономический центр капиталистического мира после войны, как это предсказывал Энгельс, окончательно сместен в сторону САСШ. В связи с этим противоречия между Англией и САСШ выступают как главный очаг новой мировой войны. Под знаком этого главного противоречия создаются новые и рушатся старые империалистические группировки, растут членизм, ожесточеннейшая борьба за экономический, политический и территориальный передел мира.

Это главнейшее противоречие между хищниками перекарывается борьбой между «поделителями» и «побежденными». Система международных отношений сложилась такая, что в Европе одно из государств порождено государствами-поделителями, — это Германия⁴. Версальская система грабежа тяжелым пластом лежит на плечах народов Германии, Австрии, Венгрии и др. «...Версальский договор поставил и Германию и целый ряд побежденных государств в условия материальной невозможности экономического существования, в условия полного бесприпия и унижения»⁵.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 494.

² Там же, стр. 494.

³ Ленин, том XVIII, стр. 126.

⁴ Там же, стр. 333.

В настоящее время эти противоречия принимают новую форму. Германия вновь ставит вопрос о передаче колоний. В связи с этим противоречия эти не только не ослабевают, но стали еще более обостренными. Обострение противоречий между империалистическими державами привело к надлому версальской системы.

Внутри стран-победительниц идет борьба между Соединенными штатами и Японией за гегемонию на Дальнем Востоке; между Францией и Англией — за гегемонию в Европе; между Францией и Италией — за гегемонию в Средиземном море. Вокруг этих основных узлов империалистических противоречий возмывается целая пирамида блоков малых, подвальных стран, которые в свою очередь готовы каждую минуту наброситься друг на друга. Капиталистический мир, вопреки лицемерной пафлистской болтовне социал-фашистов, после войны бесконечно умножил число новых очагов новой империалистической войны, причем каждый из этих очагов дает о себе знать с неслабавшей до этого силой. Последней капитализм — это пороховой погреб, взрыв которого может последовать в любой момент, если пролетариат его не предпримет революционным свержением диктатуры монополистических надлолов.

Кризис капиталистической системы выражает неспособность капитализма справиться с им же созданными производственными силами. Развитие этих производственных сил совершается при огромных катастрофах, разрушениях, чрезвычайно неравномерно и резко замедленным темпом. Загнивание всей системы капитализма проявляется теперь в наиболее ошутливой и явной форме.

Маркс и Энгельс наступление социалистической революции связывали с периодом, когда буржуазные производственные отношения «из формы развития производственных сил... превращаются в их оковы»¹. Анализ буржуазного общества им показал, что этот революционный взрыв связан с наступлением исторической фазы общего кризиса капиталистической системы. Энгельс в связи с этим писал: «приятное наслаждение наблюдать, как приближается всеобщий кризис, назревает давно предсказанное революционное положение во всем мире, как слепые противники работают на нас, как закономерность развития, обостряющая наступление всемирного краха, проявляется во всеобщем смятении и прокладывает себе черту нового»². Маркс подчеркивал, что «при таком общем проветривании, когда производственные силы буржуазного общества развиваются настолько пышно, насколько это вообще возможно среди буржуазных отношений, о действительной революции не может быть речи. Такая революция возможна только в периоды, когда вступают в противоречие современные производственные силы и буржуазные производственные отношения»³.

В 1883 г. в введении к «Борьбе классов во Франции» Энгельс писал, что он с Марксом в середине XIX века делал ошибку, ожидая в тот период наступления пролетарской революции. История «ясно показала, что тогдашний уровень экономического развития на континенте был далеко еще недостаточен для того, чтобы устранить капиталистический способ производства» (стр. 12). Капитализм тогда еще только начал складываться в мировую общественную систему. Наступление кризиса капитализма Маркс и Энгельс связывали с периодом, когда капитализм вполне сложится в мировую общественную систему производства. Они указывали, что исторической миссией капитализма является создание мирового рынка, господства крупной промышленности и транспорта в ремесленных странах и что с выполнением этой миссии капитализм как общественная историческая формация вполне созреет и вместе с тем вступит в фазу своей «спелости».

«Собственно задача буржуазного общества заключается в том, чтобы установить мировой рынок хотя бы в общих чертах, и установить производство, покоящееся на его основе. А так как земля — ширь, то, как мне кажется, с колонизацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Японии это дело закончено» (Маркс, Письмо к Энгельсу, 8 октября 1858 г.). «Завоевание Китая капитализмом вместе с тем даст толчок и для крушения капитализма в Европе и Америке» (Энгельс, Письмо к Зорге, 10 ноября 1894 г.).

О наступлении «большой» мировой войны Маркс и особенно Энгельс высказывали свои соображения еще в 70-х и 80-х годах. Они отмечали, что эта мировая война будет наиболее ярким показателем того факта, что буржуазные производственные отношения стали оковами развития и причиной огромного разрушения производительных сил, что она откроет эпоху социалистической революции.

В этих высказываниях Маркс и Энгельс гениально предсказывали не только наступление мировой войны, но и ее последствия, ее связь с пролетарской революцией. Указывая, что развитие капитализма и его противоречий ведет к мировой войне, Энгельс писал, что «с началом войны наступит хаос лишь с одним несомненным результатом массового боя в неслабых масштабах — истощение всех сил Европы в неслабых доселе степенях и в конце концов к разрушению всей старой системы»¹. Эта война повлечет за собой «окончательный крах классового государства — политический, военный, экономический и (частью финансовый) и моральный. Эта война приведет в движение миллионы трудящихся народов, итнущих частью непосредственно, частью косвенно в эту большую войну». В связи с этим дело «может дойти до того, что военная машина взбунтуется и откажется продолжать взаимную резню»².

В предисловии к книге Бортгейма в 1887 г. Энгельс указывал, что «для Пруссии — Германии невозможно уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны, хотя бы это и была всемирная война невиданных раньше размеров, поразительной силы. От 8 до 10 миллионов солдат будут душить друг друга и обедать притом все Европу до такой степени, до чистоты, как никогда еще не обедали тучи саранчи. Опустошение, произведенное на протяжении 3—4 лет, приведет к распространению по всему континенту голода, эпидемии и всеобщего одичания как войск, так и народных масс, вызванных острой нуждой, безнадёжной путаницей нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредит; все это кончится всеобщим банкротством: крах старых государств и их рутинной государственной мудрости — крах такой, что короны дожиныны валяются по мостовой и не находится никого, чтобы поднимать эти короны. Абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы; только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для огромной победы рабочего класса... пусть война будет может отбросит нас на время на задний план, пусть отнимут у нас некоторые уже завоеванные позиции. Но если вы разнаудаете силы, с которыми уже потом не под силу будет нам справиться, то как бы там дела ни пошли, в конце трагедии вы будете разбиты и победа пролетариата будет уже завоевана, либо все-таки неизбежна».

У Маркса и Энгельса мы находим также указание и о позициях, которые пролетариат должен занять в этой войне. Пролетариат, — указывали Маркс и Энгельс, — должен занять позиции последовательного интернационализма и борьбы против собственной буржуазии, за ее поражение.

¹ «К критике...» стр. 45.

² Архив, том I (VI), стр. 79.

³ Маркс, Борьба классов во Франции.

¹ Архив, том I, стр. 360.

² Там же.

Только стоя на этих позициях, — учили Маркс и Энгельс, — пролетариат может победить.

Еще в связи с франко-прусской войной Энгельс указывал, что «германские рабочие оказались в авангарде европейского движения главным образом благодаря своему подлинному интернациональному поведению во время войны». Напротив социал-шовинизм вместо интернационализма возлагает надежды не на сотрудничество европейских рабочих в дальнейшем в борьбе за свое освобождение, нет, а на будущее «интернациональное братство народов», и на «Соединенные штаты Европы» господ буржуа или «Лиги мира»¹.

В мировой войне 1914—1918 гг., которую предсказал Энгельс, социал-шовинисты противопоставили большинственному интернационализму свою теорию и практику защиты отечественной буржуазии, ее империалистических планов, после войны — теорию наступления «братства народов» в лице «Соединенных штатов Европы» и «Лиги народов», которая затем воплотилась в образ империалистической Лиги наций.

Большевистская партия и рабочие нашей страны под руководством Ленина заняли последовательную интернациональную позицию в этой мировой войне и поэтому оказались в авангарде мировой пролетарской революции.

В решительной борьбе против шовинизма, социал-империализма и его разновидности троцкизма, добиваясь поражения в войне «своей буржуазии», партия Ленина мобилизовала массы «для превращения империалистической войны в гражданскую» и для прорыва фронта капиталистической цепи, углубляя тем самым кризис всей капиталистической системы, начавшийся с начала войны. «Война», — писал Ленин по поводу Иранского восстания в 1916 г., — явилась эпохой кризиса для западно-европейских стран, для всего империализма». Этот кризис всего империализма проявился в национальных восстаниях ряда стран. Однако в это время кризис империализма был далек еще от высшей точки своего развития: «могущество империалистической буржуазии было еще не подорвано (война до истощения может довести до этого, но еще не довела). Пролетарское движение внутри империалистических держав еще слабо»². «Общий кризис капитализма, возникший в период империалистической войны» (Сталин) в своем развитии пришел к подрыву основ могущества империалистической

¹ Архив, том I, стр. 360.

Такие же надежды на империализм строит вслед за К. Каутским контрреволюционер Л. Троцкий. Он писал:

«Централизованная тенденция современного хозяйства является основой, и на ней должна быть обеспечена полная возможность ее позитивное освоение, подлинная историческая миссия — построение обобщенного мирового хозяйства, уничтожающего от национальных рамок и государственно-таможенных застав, подлинного только свойств почвы, внедрения земель, капитала и потребности разделения труда. Нужно, чтобы рамки государства как хозяйственной, а не национальной организации раздвинулись, охватив все капиталистическое Европу, превратившую таможенных границами и разрабочав ные войны». Историческая «миссия» империализма состоит в том, что он реализует эту централизованную тенденцию и ведет к организации «единого хозяйственного комплекса, лишнего внешних противоречий».

«Что такое империализм? Это стремление капитализма прекратить существование мелких государств» (III конгресс Коммунистического интернационала, стенографический отчет, изд. 1922 г., стр. 42).

«Империализм есть капиталистическое хищное выражение этой тенденции хозяйства — опосредственно вырваться из изоляции национальной ограниченности, как это выразилось в свое время из изоляции ограниченности деревенской и областной» (Троцкий, «Война и революция», том II, стр. 498).

«Империализм представляет капиталистический хищный выражение прогрессивной тенденции экономического развития построить человеческое хозяйство в мировых размерах, освободив его от стесняющих оков нации и государств» (там же, т. I, стр. 16). Отсюда задала: «Соединенные штаты Европы без монархий, потопивших в море и тайной дипломатии» (там же, стр. 501).

² Ленин, том XIX, стр. 267-268.

буржуазии, прежде всего через прорыв фронта империализма в наиболее его слабом звене, в России.

Маркс и Энгельс не были сторонниками того взгляда, согласно которому революция должна непременно начаться в той стране, где капитализм наиболее развит. Для них решающим условием победы пролетариата в определенной стране были прежде всего степень политической зрелости самого пролетариата, его подготовленность к захвату власти, его способность к героическим действиям и самопожертвованию, его умение вести за собой в бой все массы эксплуатируемого народа. Это решающее условие для победы пролетариата является не только продуктом конкретных исторических условий, но и длительной подготовительной, воспитательной и организационной работы его революционной партии, являющейся возмездом пролетариата в борьбе за его диктатуру.

Так например Маркс и Энгельс еще задолго до мировой войны неоднократно указывали, что мировая война создаст революционную ситуацию прежде всего в России, «элемента которой нуждаются для своего развития только в таком внешнем толчке»¹. «При нынешнем положении толчок извне едва ли может быть дан откуда бы то ни было кроме России»². Еще при жизни Маркса и Энгельса стало ясно, что в России противоречия капиталистической системы должны обнаружиться наиболее ярко, что сочетание пролетарской революции с аграрной революцией здесь создаст наиболее широкую базу для победы революции. Война «выстрел по отношению к неизбежной русской социальной революции роль повинной дабы». Такая победа революции в России не могла остаться изолированным фактом. Она ускорила бы и резкий переход во всей Европе».

Маркс был прежде всего борцом, революционером. Ему чужды были всякие догмы в отношении исторических событий. Поэтому вопрос о зрелости той или иной страны для революции он ставил в зависимости от конкретных условий классовой борьбы. Только социал-фашисты, охраняющие капиталистическое общество, запинаящие его «государственные учреждения», над разрушением которых боролись революционеры Маркс, могут лицемерно «откапываться» от условий классовой борьбы и свои «социалистические» идеалы связывать с автоматическим (без борьбы) вызреванием социализма из престога, абстрактного развития производительных сил.

Марксу абсолютно чужда была эта теория. Еще в ранние годы своей политической и научной деятельности он писал: «... все исторические коллизии согласно нашему пониманию коренятся в противоречии между производительными силами и формой общества. Впрочем для возникновения коллизий в какой-либо стране нет вовсе необходимости, чтобы именно в этой стране противоречие это было доведено до крайности. Достаточно вызванной распри между международным обменом и конкуренцией с более развитыми в промышленном отношении странами, чтобы породить в странах менее развитой промышленности подобие же противоречия (так например конкуренция английской промышленности обнаружилась в Германии скрытый пролетариат)» (разрядка наша — П. И.).

Ленин и Сталин не только развили положение Маркса о возможности начала пролетарской революции в стране неразвешенной в капиталистическом отношении, но, подкрепив анализ конкретные условия развития капитализма в эпоху империализма, открыли и обосновали закон неравномерного развития как решающую силу, как одну из основных форм проявления

¹ Маркс и Энгельс, Архив, том I (VI), стр. 378.

² Там же, стр. 291.

закона прибавочной стоимости в период господства монополий, загнивания и умирания капитализма, теоретически доказали возможность в условиях империализма победы социализма в отдельно взятой стране. Социалистическая революция в СССР это положение ленинскими блестяще подтвердила.

В октябре 1917 г. пролетариат нашей страны открыл эпоху революционного преобразования капитализма в социализм. «Захватив государственную власть, разбив государственную машину, пролетариат... унял Маркс, — должен подавить своих врагов и провести ту экономическую революцию общества, без которой вся победа должна была бы немедленно закончиться поражением и массовым истреблением рабочих, как это было после Парижской коммуны»¹.

Пролетариат нашей страны под руководством Ленина и Сталина с честью выстоял это заповедание Маркса. Неравномерность, скачкообразность развития капитализма, создавая условия победы социалистической революции в отдельных странах, обуславливают тем самым неравномерность развития мировой пролетарской революции. Из неравномерности развития пролетарской революции вытекает неизбежность сосуществования в известный отрезок времени социалистической системы хозяйства в стране победоносной пролетарской революции с капиталистической системой в странах, где пролетариат еще не победил. В связи с этим эпоха мировой пролетарской революции определяется прежде всего как эпоха борьбы двух систем². Борьба двух систем, начиная с октября 1917 г., знаменует собой новую мировую историю.

Маркс неоднократно подчеркивал, что пролетарская революция должна охватить целую эпоху. «Вы должны... писал он рабочим, — пережить 15-20-50 лет гражданской войны и международных битв не только для того, чтобы изменить существующее отношение, но чтобы и самим измениться и стать способными к господству»³. Эпоха мировой революции есть новый этап революции, целый стратегический период, охватывающий целый ряд лет, а пожалуй и ряд десятилетий. На протяжении этого периода могут и должны быть отныни и приливы революции⁴.

Вступление капитализма в результате войны и социалистической революции в СССР в фазу общего кризиса отнюдь не означает, что наступила «стагнация» капитализма. При развитии и продолжении упадка капитализма в период общего кризиса возможны временные частичные улучшения, частичная его стабилизация.

На основе поражения рабочего класса западно-европейских стран в 1918—1923 гг., в результате предательства социал-демократических вождей и лидеров реформистских профсоюзов, слабости компартий и их отсутствия в ряде важнейших стран, буржуазия получила возможность усиленной эксплуатации пролетариата и колониальных народов, реального понижения их жизненного уровня и на этой основе добилась частичной стабилизации капитализма.

¹ Маркс и Энгельс, Собрание сочинения, том IV, стр. 64.

² Ферри Зюмберг перед лицом факта распада мирового хозяйства на две противоположные системы выдвигает новый «ариахт» капитализма как совокупности различных систем. По этому поводу он пишет: «Эти со всех сторон охватывающие изменения, которые претерпел капитализм как экономическая, так и политическая, наставляют меня говорить о новой эпохе, в которую вступила хозяйственная жизнь и которую я называю эпохой позднего капитализма; и это согласно моему схематизму, по которой поздняя эпоха хозяйственной системы характеризуется тем, что она должна достичь свое господство в воинах хозяйственных системах и наряду с этим претерпеть сама изменения в своей структуре, которые возникают из духа подмываемости к господству хозяйственной системы. Эпоха позднего капитализма, в которой мы еще сегодня живем, поскольку здесь вообще можно устанавливать твердые функции времени, начинается с начала мировой войны» (Будущее капитализма, стр. 11).

³ Маркс, том XVIII, стр. 366.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 169.

Стабилизация капитализма, начавшая складываться после поражения германского пролетариата в 1923 г., выражалась в «востановительном» процессе капиталистической экономики, в выходе ее в последующем в ряде стран за рамки довоенного уровня, рационализации производства и т. д. Стабилизация капитализма нашла свое выражение также в том, что между империализмом и СССР, быстро восстановившим свое хозяйство и добившимся громадных успехов в социалистическом строительстве, установилась полоса относительно мирного сосуществования.

Социал-фашизм, окрыленный надеждами на «окончательный» крах революции, в связи с этим выдвигает перед буржуазией свою теорию «организованного капитализма», сочиняя легенды о «рационализации» всей системы капиталистических отношений. Социал-фашистские теоретики провозглашают наступление эпохи возрождения капиталистического производства, признавая пролетариат сплывшим вокруг «вождей промышленности» на платформе «хозяйственной демократии». Вожди всех предателей, ренегатов и «ликвидаторов» устремляются на САСИП, страну «исключительности» и «процветания», показывающую всем странам капиталистического мира путь дальнейшего развития. Гувера и Форда они ставят в один ряд с Марксом и Энгельсом, пытаясь философско «просперити» магнатов империализма соединить с теорией основоположников научного социализма. При этом социал-фашисты идут на всецелое ухищрение, чтобы смазать действительный характер капиталистической стабилизации, то, что она совершается за счет неснявшего нажима на народные массы европейских государств, нажима на колонии и усиления закабаляющей европейские народы «помощи» со стороны САСИП, что эта стабилизация капитализма носит частичный временный характер. Они с особой энергией ведут борьбу против действительной, прочной и все растущей стабилизации социализма в СССР, участвуя в организации заговоров, блокады и интервенции против социалистического отечества международного пролетариата.

В рядах Коммунистического интернационала в связи с частичной стабилизацией возникли различные оппортунистические теории «организованного капитализма»: о начале новой стадии в развитии капитализма, о якобы происходящей в капиталистических странах новой технической революции, «теории исключительности» и т. п. Все эти оппортунистические теории по существу являлись отражением социал-фашистских теорий.

В противоположность социал-фашистским оппортунистическим и контрреволюционным троцкистским теориям и оценкам партия и Коминтерн с самого начала стабилизации резко подчеркивали двойственность, гипотезу, внутреннюю противоречивость стабилизации капитализма. Гипотеза, противоречивость и относительность стабилизации капитализма были обусловлены прежде всего тем, что буржуазия не вывела капиталистический мир из состояния общего кризиса, так как наряду с стабилизацией капитализма в СССР гигантскими темпами шло строительство социализма, тем, что сама стабилизация развивалась неравномерно. Противоречивость и относительность стабилизации далее вытекали из того, что они осуществлялись за счет неснявшего даже для истории капитализма обманы широких трудящихся и пролетарских масс. Верабоща, сокращавшаяся в период стабилизации лишь частично, с совершенной отчетливостью свидетельствовала о том, что капитализм не вышел из фазы общего кризиса. Об этом свидетельствовали также процесс революционизирования рабочего класса и рост необязательного движения в колониях.

Таким образом стабилизация не только не уменьшила и не сгладила противоречий между социалистической системой хозяйства и капиталистической, внутри капиталистической системы между империалистическими группами, между буржуазией и пролетариатом, между империалистическими странами и колониями, противоречий, свидетельствующих о вступлении капитализма в фазу общего кризиса, но еще больше развивала и обострила

их. Сила и масштаб этих противоречий проявились наиболее ярко в мировом экономическом кризисе, начавшемся летом 1929 г. Вопреки социал-фашистским теориям на деле оказалось, что подъем, предшествовавший в форме стабилизации кризису, был весьма кратковременным, далеко не всеобщим и отнюдь не отличающимся заметной глубиной. Совершаясь на базе общего кризиса капитализма и борьбы двух систем, этот подъем сопровождался дальнейшим обострением производства, ростом нищеты масс, усилением неравномерности развития, почти непрекращающимися восстаниями в колониях, дальнейшим сужением рынков сбыта и обостреннейшей борьбой за пределы сфер влияния. Поэтому кризис должен был принять чрезвычайно обостренные формы. Длительность, всеобщность и глубина этого кризиса придали ему исключительный для всей истории капитализма характер. Совпадение во времени кризиса промышленного с кризисом сельскохозяйственным, охватывающим производство всех видов сырья и продовольствия придадо ему всеобщность и исключительный размах. Число безработных доходит до 35-40 миллионов человек. Вместе с их семьями это дает цифру 150-180 млн. душ, обреченных на голод и вымирание. Приравняв эту цифру к численности населения некоторых государств, можно сказать, что число «излишних» рабочих вместе с семьями сравнялось с населением Франции, Германии и Польши, вместе взятых. Сокращение продукции чугуна, начиная с 1929 г. по декабрь 1932 г., равно всей продукции чугуна, выплавленной в 1928 г. в САСШ (43,3 млн. т), Франции (10,3 млн. т), Англии (7,7 млн. т) и Голландии (0,2 млн. т), вместе взятых. Три великих державы — Голландия как бы вышли полностью из строя и погрузились в сон. Сокращение продукции стало за эти годы равно 72,48 млн. т. Эта цифра равна всей продукции стали за 1929 г. САСШ, Англии и Бельгии. Продукция угля за этот же срок снижалась на 391 млн. т. Эта цифра снижения продукции угля равна всей угольной продукции 1929 г. Англии, Франции, Чехо-Словакии, Канады, Голландии и Саарской области. Этот факт иллюстрируется следующими цифрами:

		Производство во всем мире без СССР (в тысячах метро-тонн)			
		Годы	Чугун	Сталь	Уголь
		1929	89 928	111 096	1 242 096
		1932	81 183	42 080	844 100
		Сокращение	8 745	69 016	397 996
		% сокращения	65,3	61,7	32,0
		Производство различных стран в 1929 г.			
		Чугун	Сталь	Уголь	
САСШ	42 960	САСШ	55 188	Англия	262 044
Франция	10 368	Япония	2 292	Франция	63 784
Бельгия	4 044	Польша	1 280	Саар	18 584
Япония	1 236			Канада	12 276
				Япония	34 260
				Индия	22 716
Итого...		88 608	68 682		398 664

В результате развития кризиса наиболее ярко выявились не только противоречия империалистического капитализма, но и противоречивость развития двух систем. Система социализма, где производственные силы освобождены от сковывающих их развитие буржуазных производственных отношений, неуклонно семимильными шагами идет вперед.

Капитализм за последние четыре года пошел вниз более интенсивно, чем думали многие из самых радикальных ученых и политиков.

Капитализм в результате кризиса оказался отброшенным на 25-30 лет назад. Основные отрасли промышленности в использовании своего производственного аппарата приближались к единичным процентам.

Машины, сталь, уголь, нефть, электрическая энергия, химия дают цифры в 5-10 раз меньше соответствующих данных за 1929 г. Титанические

материальные производственные силы, накопленные за всю историю капитализма, остаются неиспользованными. В то же время сотни миллионов взрослого населения рабочих и крестьян оказались лишними для буржуазного общества. «Господство монополистического капитала, ныне подчинившего себе всю экономику капиталистического общества в условиях кризиса капитализма, чрезвычайно затруднил изживание экономического кризиса путем, обычным для капитализма времен свободной конкуренции. Чем больше удастся верхушкам финансовой олигархии при уменьшающейся массе прибыли урвать себе за счет других, отграбят трудящихся, чем выше устанавливаемые таможенные барьеры¹, тем более углубляется кризис². Стало быть глубина, длительность и всеобщность кризиса господства финансовой олигархии, усиление господства монополий означает усиление противоречия между условиями эксплуатации и характером реализации продукта капиталистического производства, так как монополии неизбежно ведут к огромному росту цен и недоотребления масс, к резкому усилению неравномерности и анархии в соотношениях различных отраслей производства, т. е. в суженной сфере реализации за счет монопольных цен, протекционизма, кредитных льгот, санирования и искусственного сжатия производства и т. д.

Непрекращавшаяся гражданская война в колониях против империализма (Китай, Индия, Сирия, Индокитай, Тибет и т. д.), рост нищеты народных масс, затрудняющий выход из кризиса за счет перенесения его противоречий на плечи трудящихся колоний и полуколоний, сужают возможности для крупных капиталистических стран расширить внешнее поле приложения капитала. Экспорт капитала при его огромном воспроизводстве почти приближается к нулю. Внешняя торговля сопиталась в 3-4 раза. Катастрофическое снижение цен на сырье не оказывает никакого действия на расширение объема его использования. Мировой транспорт загружен на 20-30% своей емкости, между тем как склады ломятся от запасов товаров и сырья.

Рост социализма, разгром кулачества, разрешение проблемы «кто кого» в пользу социализма, завершение построения фундамента социализма и успешное выполнение пятилетки в четвёрте года, план второго пятилетия, рассчитанный на построение бесклассового социалистического общества и завершение технической реконструкции в СССР, ликвидация предвзятых, тропических, контрреволюционных групп, разгром империалистических элементов внутри партии, — все это настолько укрепило диктатуру пролетариата в нашей стране, что СССР вышел в ряд передовых в технико-экономическом отношении стран и стал еще более могущественным фактором разложения империализма и дезорганизации всего фронта международной буржуазии. Возможность выхода из кризиса за счет СССР тем самым хотя и стала более трудной, но буржуазия ни на минуту не покидала мысли об интервенции. Глубина и длительность экономического кризиса вытекают из факта раскола единства мирового хозяйства и борьбы систем — ведущего вверх социализма и падающего вниз капитализма.

Стабилизация капитализма усилила неравномерность развития различных капиталистических стран. Выразением этой неравномерности явился окончательный подрыв временных соглашений между империалистами по поводу эксплуатации Китая и сохранения Версальской системы. Ожесточенная борьба за рынки и колонии, усиливается с каждым шагом развитие

¹ Важнейшим показателем реального обострения борьбы между империалистами за экономический раздел в период мира является система протекционизма, которая в период кризиса приняла исключительные размеры. Этот протекционизм проявляется в подготовке и новом вооружении, в тенденциях и так называемой автаркии. Автаркия — это показатель разрыва старых мировых экономических связей и своеобразный метод перенесения тяжести кризиса на трудящиеся массы.

² Резолюция XII пленума ИККИ.

и углубление экономического кризиса, поставила в порядок дня вопрос о новой мировой империалистической войне. Империалистические державы, усиливая гнет над трудящимися массами, ищут выхода из кризиса на путях мировой войны и интервенции в СССР. Огромные богатства обращаются на расширение военной промышленности, на строительство флота, на усиление милитаризма. Это обстоятельство в свою очередь сопрягает и без того ничтожную покупательную силу масс и рынки сбыта для всей капиталистической промышленности, затрудняя одновременно вследствие отвлечения материальных богатств от производственного их применения реконструкцию технической базы производства. Следовательно усилившиеся противоречия между империалистическими державами и борьба капитализма за выход из кризиса на путях войны расширяют и углубляют экономический кризис.

К. Каутский, записывая перед фашизмом, писал, что послевоенный капитализм окончательно изжил неизбежность кризиса и что если кризисы начнутся-либо и имеют место, то объяснения их нужно искать в неправильной политике буржуазного государства, которое вследствие своего назначения законов собственной системы производства систематически делает глупости.

«Если бы политика последних лет в преобладающем числе государств руководствовалась бы знанием законов, которые изложены в трех томах «Капитала», сколько бы страданий, — спрашивает Каутский, — избежало бы человечество при полном продолжении функционирования капитализма?» (Предисловие ко второму тому «Капитала»). Поэтому для исправления этой политики «в духе учения Маркса» К. Каутский рекомендует фашистам и монополистическим магнатам изучать произведения революционера Маркса. «Однако, — жалует Каутский, — эти законы все больше попираются ногами монополистов и крупных финансовых магнатов, причем противодействие внутри класса капиталистов становится все слабее, все большей становится задача пролетариата выступить за соблюдение этих законов, уничтожение которых ведет к гибели все общество». Одним словом учение Маркса должно по Каутскому стать орудием защиты капитализма от «дезорганизаторских» элементов. В главах Каутского этот капитализм уже собственно перестал быть самим собой, превратившись в нечто вполне тождественное с социализмом.

Эпоха империализма согласно теории социал-фашистов — это эпоха смятения капиталистических противоречий, которое достигается через организацию единого хозяйственного комплекса¹.

Современный экономический кризис безжалостно разрушил все эти апологетические бредни социал-фашизма. Он зияющий раз показал, что открытый Марксом и Энгельсом закон развития капитализма проявляет себя как закон его гибели (вырыв стабилизации и наступление второго тура революций и войны) и что кризис отнюдь не есть следствие ошибок и козней капитализма, как пытаются изобразить Каутский и Кр.

«В определенных чрезвычайно важных узловых пунктах антагонистические силы уже развиваются для столкновения» (революция XII пла-

нума ИККИ). На территории Китая японский империализм в союзе с Францией и при поддержке Англии, борющихся против САСИП, превращает весь север этой страны в свою колонию, поставив в порядок дня вопрос о вооруженной борьбе за раздел Китая и интервенции в СССР. Германия требует положения полноправной империалистической державы. Франция в лице своего министра Бонкура заявила о невозможности установления сколько-нибудь нормальных отношений с Италией. На Средиземном море эскадрируются шхеры между этими двумя империалистическими державами.

Внутри империалистических стран диктатура буржуазии форсируемым темпом продолжает выдвигаться «в сторону дальнейшего усиления политической реакции и фашизации государства, обнаруживая при этом усиление блага буржуазного господства и появление в ней трещин и разложения» (решения XII пленума ИККИ).

В Германии при поддержке социал-демократов фашистская диктатура возглавлена Гитлером, который после правительства Брюнинга и Шлейхера является очередной отчаянной ставкой монополистического капитала. Идеологическое приспособление социал-демократии к потребностям этой кризисной политики финансовой олигархии принимает лютую форму. Германская социал-демократия в письме, подписанном Лебе и адресованном правительству Гитлера, фактически предлагает свои услуги для участия вместе с фашистами в кровавом терроре против рабочего класса и в физическом истреблении его коммунистического авантюра. В то же время происходит усиленное накопление элементов революционного кризиса в этой стране и созрели предпосылки для революционного переворота и установления диктатуры пролетариата.

Современный экономический кризис опровергнул апологетические теории социал-фашистов и полностью подтвердил правильность прогноза революционного марксизма. О неизбежности обострения кризисов в связи с развитием мирового капитализма писал еще Энгельс: «С тех пор как монополия Англии на всемирном рынке все более и более разрастается и усиливается, на нем «Франция, Германия и главным образом Америка, устанавливается повсюду новая форма привнесения к равновесию (капиталистического воспроизводства) — Н. И.). Предшествующий кризисный период всеобщего процветания слишком долго заставлял себя ждать. Если же все же окажется, что хронический застой с небольшими колебаниями обратится в нормальное состояние современной промышленности². Это же мысль он развивает еще, как известно, в своей книге «Положение рабочего класса в Англии», где он писал: «С тех пор, как у Англии на мировом рынке появились серьезные конкуренты, период кризиса в прежнем смысле этого слова надо считать завершенным. Если кризис из острого становится хроническим, и при этом несколько не теряет в интенсивности, то чем это может кончиться... Однако несомненно две вещи: во-первых, мы вступили в период, гораздо более опасный для истории общества, чем период 10-летнего цикла, и, во-вторых, процветание, когда оно наступит, в гораздо меньшей степени затенит Англию, чем прежде, когда она была связана с мировым рынком» («Архив», том I(VI), стр. 330). И еще: «10-летний цикл повидному прорван с тех пор, как начиная с 1870 г. американская и германская конкуренция начала уничтожить монополию Англии на мировом рынке» (там же, стр. 243). В письме к Даниилосову в 1883 г. он вновь возвращается к этой мысли и пишет: «К несчастью мы движемся слишком медленно, и те экономические последствия в капиталистической системе, которые должны привести к экономическому краху (подчеркнуто мною — Н. И.), только начинают развиваться в настоящее время в различных окружающих нас странах: в то время как Англия быстро утра-

¹ Блестящим разработчиком апологетической социал-фашизма служит современный кризис. Еще недавно Отто Бауэр в своей книге «Рационализация и социализм» писал: «После войны развиваются естественные пути, но последовательные заповени этого времени остаются... совместная работа промышленности была планомерно организована после войны посредством организации предпринимателей и организации инвентарей при финансовой поддержке государства. Руководителем на этом пути был Герберт Гувер».

Если американец Гувер дал первые исходные моменты развития современных методов рационализации и интенсификации труда, если американец Гугли Форд создал прообраз технической рационализации и конвейера, то американец Герберт Гувер указал пути разрешения проблемы совместной работы промышленности, нормирования, методического «научного» исследования в производстве» (стр. 125).

² Энгельс, Предисловие к «Истории философии», стр. 15.

чивает свою промышленную монополию, Франция, Германия приближаются к промышленному уровню Англии, а Америка обгоняет и в гнать их с мирового рынка как в части промышленной, так и в части земледельческих продуктов. Перемена экономической политики, а также форма введения хотя бы относительной свободы торговли наверно довершат английскую промышленную монополию и убьют промышленную вывозную торговлю Германии и Франции, и затем должен наступить кризис в такой форме, к которой действительно подойдет модное название «конца века».

Маркс и Энгельс мечтали о счастливом периоде, когда можно перейти от «оружия критики» к «критике оружием» системы капиталистического рабства. «В 1848 г., — писал Энгельс, — мы говорили: вот наступило наше время, и до известной степени оно действительно наступило. На этот раз оно наступит вполне, и теперь дело связано будет с опасностью для жизни. Мои занятия военными вопросами тотчас же становятся благодаря этому более практическими, я немедленно приступаю к изучению теоретической организации и основ тактики прусской, баварской, австрийской и французской армий и займусь верховой ездой»... Энгельс готовился к гражданской войне прежде всего исходя из практических целей стать во главе вооруженного пролетариата, чтобы с оружием в руках встать против буржуазии и в огне баррикадных схваток открыть эпоху пролетарской революции. Маркс с величайшей радостью приветствовал первую победу пролетариата в Париже в 1871 г. и с настоятельной рекомендовал парижским пролетариям начать громить государственный аппарат буржуазии, чтобы на его развалинах построить свое государство диктатуры пролетариата.

«Наука была для Маркса движущей революционной силой... Ибо Маркс был прежде всего революционер. Принимать тем или иным способом участие в разоружении капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, участвовать в деле освобождения современного пролетариата, которому он впервые дал сознание его собственного положения и его потребностей, сознание условий его освобождения, — вот что было в действительности его жизненным призванием»¹.

Социал-фашисты, прикрываясь именем величайшего революционера, всеми средствами ведут борьбу за сохранение «капиталистического общества и созданных им государственных учреждений». Для этого они изобрели свою теорию «демократического» государства, которое должно обеспечить «трансформацию» (К. Каутский) капиталистического «существа» в социализм.

«Каут делает республику как существенно рациональную государственную форму постулатом практического разума, постулатом, осуществление которого никогда не будет достигнуто, но достижение которого должно стать целью стремлений, всегда должно удерживаться в уме» (Маркс). Опортунизм так же относится к социализму. Для рабочих он предвещает свою фразеологию о том, что «целью его стремления» является социализм; капиталистов он уверяет, что эти стремления «никогда не будут достигнуты» иначе как путем простого объявления капитализма социализмом. В то же время он обрел себе удобное и выгодное усюкоение в недрах буржуазного полицейского аппарата и участвует в расстрелах рабочих, находящихся на краю голодной смерти. Опортунизм наших дней — это аппарат фашизма для организации контрреволюционного сопротивления пролетариату, борющемуся за дело Маркса, Энгельса, Ленина, за претворение их учения в жизнь. В наступающем втором туре пролетарских революций пролетариат в огне революции вновь начнет свою «критику оружием» буржуазного общества, разобьет социал-демократические мечты

о конституционной республике «как диктатуре объединенных эксплуататоров». Теперь его поддержат трудящиеся крестьяне, которые на примере СССР видят, что «только антикапиталистическое пролетарское правительство может покончить с его экономической нищетой, с его общественной деградацией» (Маркс). Крестьянству капиталистических стран всего приятнее «те разочарования, которые в революционной горячке удар за ударом обрушивались на него. Революции — это локомотивы истории» (Маркс). Они слагают вокруг партии коммунизма не только пролетариат, но и всех угнетенных всего мира. Все фракции буржуазии уже бегут от самой основной и современной формы их «объединенной» власти, формы их классового господства, от капиталистической республики к «низшей несовершенной, более слабой форме, к монархии», а в нынешнем ее виде — к диктатуре фашизма, к фарсу «Третьей империи» (Германия). Этот факт свидетельствует о кризисе и распаде социальной базы, на которой основывалась «соединенная власть» диктатуры буржуазии. Эти события свидетельствуют о наступлении нового тура пролетарской революции. Пролетариат буржуазных стран под руководством Комитета день за днем строит и достраивает великий памятник своему учителю и вождю К. Марксу, он ведет героическую борьбу за свержение капиталистического рабства и установление своей диктатуры в целях построения коммунизма. Пролетариат СССР под руководством партии Маркса и Ленина во главе с т. Сталиным завершает в ближайший исторический период полное построение социализма на одной шестой части мира и в своей героической стройке поминает величайшую социалистическую архитектуру, которая материализует исторические заветы основоположников социализма.

Социал-фашизм и проблемы планирования

Взвешанная победа социалистического планового хозяйства в СССР, все углубляющийся развал хозяйства в капиталистическом мире на основе все углубляющегося всеобщего кризиса капитализма, быстрая радикализация масс и явное крушение всех утверждений буржуазии и социал-фашизма об организованности монополистического капитализма и о его способности «устранять или по крайней мере смягчать кризисы» (Эдуард Бернштейн, Рудольф Гильфердинг, А. Брауншаль и др.) — вызвали немалое смещение в буржуазном социал-фашистском лагере, заставив апологетов капитализма заговорить о «планировании» капиталистического хозяйства.

В угоду монополистическому капиталу социал-фашистские теоретики написали горы бумаги, стремясь доказать массам, что план применим к капиталистическому хозяйству, что плановое руководство хозяйством не составляет особенности строя диктатуры пролетариата и может быть полностью осуществлено в капиталистическом мире и что социал-демократы готовы серьезно войти в планирование в капиталистических странах. Большое рвение социал-фашистов объясняется их с о б о й ролью в системе защиты капитализма. Социал-фашизм, будучи социальной опорой буржуазии, ставит перед собой задачу удержать рабочий класс от пролетарской революции, и для этого не может не отрицать специфической природы капитализма.

I

Социал-фашисты вслед за буржуазными экономистами Зомбартом, Шмолембахом и др. утверждают, что основным определяющим признаком капитализма является господство свободной конкуренции и в той мере, в какой отсутствует свободная конкуренция, отсутствует и капитализм.

В своем докладе о программе социал-демократии Гильфердинг на гейдельбергском партийном съезде (1925 г.) заявил: «С тенденцией к концентрации растет тенденция к монополии. Это означает в конце концов принципиальное изменение капиталистического процесса производства вообще. Если ранее движущей силой капиталистического развития была свободная конкуренция, то она теперь все больше снимается капиталистическим образованием монополии: в анархии капиталистического процесса производства все более успешно выступают организационные тенденции капитализма»¹.

Через два года на нильском партийном съезде (1927 г.) Гильфердинг высказался в том же духе и говорит, что капитализм переходит от хозяйства свободной игры сил к организованному хозяйству, что «означает на самом

деле принципиальную смену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства»².

Это похваление капиталистической «организованности», из которого непосредственно вытекает превращение фордовской «революционности»³ особенно громко и самоуверенно звучало в период частичной относительной стабилизации капитализма.

Больше того. В начале современного экономического кризиса более молодой «теоретик» современного социал-фашизма А. Брауншаль писал, что «хотя уже прошло почти столетие со времени смерти Маркса, кризисы не обостряются». «С другой стороны», — говорил он, — нельзя игнорировать те мощные силы, которые направлены на смягчение конъюнктурных колебаний»⁴.

Глубочайший современный кризис, приведший к поворотно краху все теоретические построения социал-фашизма, заставил социал-фашистов несколько изменить аргументацию при сохранении полностью существа прежде проводившихся взглядов.

Панический страх перед пролетарской революцией, глубокая вера в невозможность капитализма не покидают социал-фашистов и до сих пор. Теория организованного капитализма в тех или иных ее разновидностях продолжает проводиться социал-фашизмом и до сих пор.

Так, «слепая» Наталия Масковская почти через полтора года острейшего и глубочайшего экономического кризиса имела «смущение» заявить, что современный кризис не имел бы места, если бы капитализм был бы уже монополистическим, ибо последнему кризиса не свойственны. Возникновение современного кризиса объясняется, по ее мнению, только тем, что «мы до сих пор находимся в переходной стадии от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму», и что «в капиталистическом плановом хозяйстве не только производство, но даже производственная способность предприятия должны приспособляться к спросу»⁵. (Всюду подчеркнуто мною. — С. Г.)

Кризисы, следовательно, возможны лишь потому, что мы пока еще не имеем «настоющего» монополистического капитализма. При «чистом» монополистическом капитализме, который должен наступить после ныне переживаемой капитализмом «переходной» стадии, анархия производства будет совершенно устранена, капитализм вступит в полосу бескризисного развития.

В вышедшей в 1932 г. книге «Взрыв капитализма» также «слепой» О. Лейхтер приводит высказывания Зомбарта и др., сводящиеся к тому, что современный капитализм «организованный», «связанный» и т. д., и делает следующее заключение: «Эти утверждения буржуазных экономистов, к которым могут быть присоединены подобные им высказывания, основаны на безостаточном исследовании хозяйственной структуры капитализма»⁶.

Апологетическую премудрость буржуазных ученых об «организованном» капитализме, опровергнутую теорией и практикой, социал-фашизм находит за объективные данные науки, и эта премудрость кладется в основу «трудов» социал-фашистских теоретиков.

Истоками современной теории организованного капитализма, как известно, является ревизионизм. Суть ревизионистской теории заключалась в проповеди смягчения капиталистических противоречий, отказе

¹ R. Hilferding, Die Aufgaben der Sozialdemokratie in der Republik, издана отдельной брошюрой, 8. 3.

² «Капитал Форда «Моя жизнь и мои достижения» безусловно является самым революционным произведением по всей экономической литературе». F. Tarnow, Warum am sein.

³ A. Braunschthal, Der Zusammenbruch der Zusammenbruchtheorie. «Die Gesellschaft», Oktober, 1929.

⁴ N. Maskowska, Der Strukturwandel des Kapitalismus. «Die Gesellschaft», Januar 1931.

⁵ O. Leichter, Die Sprengung des Kapitalismus, Wien, 1932.

от революционной борьбы рабочего класса, ограничении деятельности рабочего класса лишь реформами, в проведении мирного прастания капитализма в социализм без социалистической революции.

Эта ревизионистская теория находится в вопиющем противоречии с учением Маркса и Энгельса, неустойчиво подкрепляющимся, что по мере развития капитализма обостряются все противоречия капитализма, что рабочий класс может добиться своего освобождения лишь через пролетарскую революцию, через установление диктатуры пролетариата.

Энгельс в своих знаменитых примечаниях к III тому «Капитала» подчеркивал обострение кризиса с развитием монополий. Когда монополия еще не была основной чертой капитализма, когда монополистический капитализм существовал лишь в зародке, уже тогда Энгельс, на основе анализа тенденций развития капитализма, предвидел обострение, а не смягчение кризиса. «... Таким образом каждый из элементов, противодействующих повторению кризисов старого типа, носит в себе зародок гораздо более грандиозного будущего кризиса» (см. примечание Фр. Энгельса во 2-й части III тома «Капитала», стр. 350, Гиз, 1932 г.).

«Не находимся ли мы, — спрашивает Энгельс, — в периоде подготовки нового мирового краха неслыханной силы» (там же). И как раз в ответ Энгельсу Э. Бернштейн писал, что «нельзя констатировать ни признаков мирового экономического краха неслыханной силы, ни считать наступившее между тем улучшение дел особенно коротким». По мнению Бернштейна, расширение мирового рынка, наряду с обострением связи и транспорта увеличивает возможности выравнивания нарушений¹, а выросте в огромной мере «обтупляет европейские промышленные государства, эластичность современного кредита и возникновение промышленных картелей (подчеркнуто мной. — С. Г.) настолько уменьшили силу обратного действия местных и частичных нарушений на общее экономическое положение, что по крайней мере для продолжительного времени общие экономические кризисы по образцу предыдущих вообще мало вероятны»². Таковы были «прогнозы» Бернштейна в конце прошлого столетия.

С того времени капитализм в дальнейшем своем развитии превратился в монополистический капитализм. Монополия — вот последнее слово «последней фазы в развитии капитализма» (Ленин). Но господство монополии ни в коем случае не привнесло с собой ослабления кризисов, конкуренции и смягчения капиталистических противоречий. Напротив, — пишет Ленин, — монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом³.

Противоречия, которые присущи были классическому капитализму, неминуемо углубляются в эпоху империализма, и возникает ряд новых, «странных противоречий». Борьба между монополистами, борьба за долю участия внутри монополий, борьба между монополиями и аутсайдером, борьба аутсайдера между собой, борьба между колониями и метрополией, борьба за предел мира и т. д., — все это представляет собой неотъемлемую часть, существо последней стадии развития капитализма. «Не чистые монополии, — указывает Ленин, — а монополии рядом с обменом, рынком, конкуренцией, кризисами — вот сущнейшая особенность империализма вообще»⁴.

Для Маркса основным определяющим данную экономическую форму является способ соединения рабочей силы со средствами производства. Именно превращение рабочей силы в товар и на основе этого присвоение прибавочного труда рабочим капиталистом является сущностью капита-

лизма, и поэтому империализм остается капитализмом на его последней стадии развития.

Иное у социал-фашистов. Социал-фашистские теоретики, развивая преобладающую «мелочную концепцию», извращают основу марксовской экономической теории, объявляют меновые отношения на рынке определяющими, конституирующими капиталистическое общество. Рабочая сила перестала уже, по их мнению, быть товаром, отношения эксплуататоров уступили место ханжливой демократии. Это объявил попины Гильфердинга и Каутского, Рубина и Брауншталля, и нужна она лишь для того, чтобы доказать, что возможно прийти к социализму, не вторгаясь в капиталистические производственные отношения и изменяя и регулируя лишь отношения на рынке с помощью «всесильного», «всеправящего» государства.

Самой распространенной ошибкой, — писал Ленин, — является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм уже не есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и т. п. Ленин неоднократно отмечал, что усиление государственных капиталистических тенденций означает расширение и углубление степеней использования монополистическим капиталом государственного аппарата в свою пользу, в своих интересах. Утверждение о том, что государственный капитализм есть социализм, является прямой изменой марксизму, центральному в его учении о диктатуре пролетариата.

II

Государство, — захлебываются ошарашенные его «всесилем» социал-фашисты, — заключает торговые договоры, выгодные той или другой монополии; государство выдает субсидии отдельным капиталистическим монополиям; государство законным путем «регулирует» и «контролирует» работу картелей, синдикатов, трестов, банков. Это значит, что, по мнению социал-фашистов, наступиле новое зры — это госкапитализм. Между капитализмом и социализмом, — учат социал-фашисты, — лежит переходный период мирного перерастания капитализма в социализм. Этот переходный период есть однако не период диктатуры пролетариата, как учат марксизм, а есть госкапитализм. Госкапитализм, по мнению социал-фашизма, уже не капитализм, а соединение капиталистических и социалистических элементов, «борьба» между этими элементами в рамках современных капиталистических стран.

И в этом кардинальном вопросе — вопросе о роли государства и природе капитализма наших дней существует трогательное единство во взглядах правого и «левого» социал-фашизма. Мы подробно остановимся на «сюжете» О. Лейхтера, ибо он наиболее вытупко излагает социал-фашистскую теорию переходного периода, вуалюруя ее обильным псевдомарксистским и псевдореволюционным фраз. Кроме того работа Лейхтера является одним из последних социал-фашистских «теоретических» откровений, обнаруживающих новые маневры социал-фашизма в связи с ростом революционных настроений в массах.

«И поставил себе задачу, — пишет Лейхтер, — исследовать марксистским методом вопрос, каким образом развиваются новые, возникающие при капитализме, но выходящие за его пределы и выходящие его рамки тенденции к новым общественным и хозяйственным формам»¹. Таких «вырывающих капитализм тенденций» Лейхтер насчитывает четыре:

«1) Если капитализм покоится (beruht) на совершенно свободной и нерегулируемой конкуренции, то новые элементы развития имеют своим результатом выключение или по меньшей мере далеко идущее смягчение на-

¹ E. Bernstein, Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, 1921.

² Ленин, Собрание сочинений, том XIX, стр. 92.

³ Там же, том XX, стр. 297.

¹ O. Leichter, Die Sprengung des Kapitalismus, S. 13.

питалистической формы конкуренции во все большем объеме (Beruhen) хозяйства. 2) Если капитализм покоится на неограниченной свободе отдельных хозяйственных субъектов, то новые элементы базируются на социальном вмешательстве общества в хозяйство. 3) Если капитализм основан на функции свободного рыночного механизма также по отношению к товару «рабочая сила», то новые элементы развития означают защиту рабочей силы в интересах общества. Тем самым ломаются капиталистические принципы неурегулированного распределения в пользу желанного обществом и планомерно вводимого социальное его распределения. 4) Если капитализм основан на совершенно неограниченном господстве частных предпринимателей, то новые хозяйственные элементы означают все более сильное проникновение государства в хозяйство.

Итак, монополия по Лейхтеру исключает возможность конкуренции, а сама монополия выходит за «свеккантистический» элемент. Тарификация зарплат, жалкое страхование и т. д. изображаются как «ломка» капиталистического принципа распределения и как «плановое социальное распределение». Уменьшение самостоятельности частного предпринимателя и вмешательство государства в хозяйство трактуется в том же духе победы «свеккантистической» тенденции. Эти элементы «социализма» по Лейхтеру развиваются в недрах самого капитализма, который постепенно, в силу закона развития самих тенденций капитализма, превращается в социализм. Капитализм не должен быть теорией победоносной пролетарской революции, а он сам превращается мирно в социализм в результате борьбы двух тенденций в рамках самого капитализма. В этом и состоит переходный период между капитализмом и социализмом, который Лейхтер называет госкапитализмом.

Сам буржуазии, по мнению «слевого» Лейхтера, помимо своей собственной воли вынуждена развивать эти новые тенденции к социализму. Поэтому задача социал-демократии очень проста и состоит лишь в содействии развитию новых тенденций, которые уже начинают действовать в общественном процессе¹.

Если благодаря содействию социал-фашизма государственное вмешательство в хозяйство захватит все более и более широкие области, «о ч а с т н а я с о б с т в е н н о с т ь отмирает, как постепенно отмирает, по знаменитому энгельсовскому изречению, государство в бесклассовом социалистическом обществе»².

Слова Энгельса об отмирании государства сюда приплетены для «слевого» красного слона в надежде на то, что эта пустая аналогия скроет от рабочих измену социал-фашистов учению Маркса и Энгельса. Энгельс имеет в виду отмирание не государства буржуазии, а пролетарского государства. Маркс и Энгельс указывают, что после того как буржуазное государство разрушено, пролетариат устанавливает свою диктатуру для того, чтобы бесклассово подавить враждебные элементы, для того чтобы уничтожить деление на классы — создать коммунистическое общество. Вместе с этим происходит и отмирание пролетарского государства.

У «левого же социал-фашизма» копирует постепенно буржуазная частная собственность. Если что и отличает этого «слевого» социал-фашиста от его соратников справа, то лишь «революционно» звучащая терминология вроде «свирь капитализма», «экономический взрыв капитализма» и т. д.

Вся эта сдвиг маскировка нужна лишь для того, чтобы выполнить основную задачу социал-фашизма, заключающуюся в защите капитализма в эпоху его всеобщего кризиса, в том, чтобы обеспечить капитализму социальную опору в рабочем классе, и именно с этой целью социал-фашисты спекулируют именем Маркса, выдают себя борцами за интересы рабочего класса.

Лидеры социал-фашизма иногда сами весьма недвусмысленным образом изъясняют причину нового кризиса «симптомат», «интереса» к социализму. Так Баде пишет: «Что этот дозуг (дозуг социализма, — С. Г.) может иметь захватывающую силу — в этом нечего сомневаться. Никогда массы в Германии не были так восприимчивы к действительно повороту хозяйственного курса, не были так за отказ в доверии капиталистическому хозяйству, за радикальное решение построить социалистическое плановое хозяйство, как сейчас». «Что социал-демократия перед лицом этого огромного кризиса голами не имела другого ответа, как надежду, что этот кризис пройдет так же, как и предыдущие кризисы, — поощрило ей в глазах многочисленных избирателей»³. И именно поэтому социал-фашизм маневрирует, причем и особое усердие в этих маневрах, как отметил XII пленум ИККИ, проявляют «левые» социал-демократические группы.⁴

Необходимо отметить, что современные теории социал-фашизма о госкапитализме также имеют историческую преувеличенность, уходит своими истоками к семидесяти годам прошлого века, времени создания германской социал-демократической партии. Яркий пример этого лассалевство, в котором теория о госкапитализме — производственные товарищества, организуемые буржуазным государством и с его финансовой помощью как путь к социализму — была поставлена во главу угла программы. Эта лассалевская теория была включена в программу объединившейся в 1875 г. «социалистической рабочей партии Германии» Эйзенхауэра и лассалевщины⁵.

Лассалевскую теорию усиленно развивал впоследствии Фольмар, который писал: «Под госсоциализмом можно в общем виде понять тот принцип, что существующее государство является не только организацией для политических целей, но что его суверенность распространяется в полном объеме также на хозяйственную область, так что государство принадлежит не только регулированию отношений между рабочими и предпринимателями, но что в его компетенции лежит также решение о переходе любых производственных благ под главное управление или даже непосредственно производством государства»⁶. «Разница между современным госсоциализмом, — говорит он, — и социал-демократическим социализмом состоит лишь в том, что первый консервативен, а второй демократичен, или, иначе говоря, госсоциализм проводится сверху, в то время как социал-демократия требует его проведения демократическими мерами. Нечего, — по мнению Фольмара, — бороться против идеи госсоциализма. Социал-демократия, напротив, сама стремится к видению ряда мероприятий, которые постепенно «проталкивают бы путь» к лучшей организации общества. Все эти мероприятия проводятся при участии социал-демократов, решаются вместе с ними. «Эти мероприятия также являются госсоциалистическими, поэтому, — говорит он, — и в Эрфуртскую программу не был включен пункт против госсоциализма, который раньше имелся в проекте».

Но Фольмар был только предвестником гораздо более сильного течения — берштейншанского ревизионизма⁷. Берштейн выступил с открытой рецессией марксизма по всем вопросам, хотя и он всячески старался «опираться» на Маркса и тем замаскировать свой откат от марксизма. В данной связи важно указать на то, что Берштейн выдвигает как элемент социализма и как путь к нему те же лассалевские производственные товарищества, коммунальные предприятия и т. д. в рамках современного буржуазного государства.

¹ F. Baade, *Planwirtschaft und Gegenwartssozialismus*, «Die Arbeit», 1932.

² «Социалистическая рабочая партия Германии требует учреждения производственных товариществ с помощью государства и под демократическим контролем трудового народа» (см. Готская программа).

³ Volmar, *Über Staatssozialismus*, Nürnberg, 1891.

⁴ См. письмо Маркса, помещенное в «Большевик», № 12, 1931 г. от 30 июня.

¹ O. Leichter, *Die Sprengung des Kapitalismus*, S. 94, 1932.

² Там же, стр. 122—123.

«Если социал-демократия выскажется открыто, — писал он, — за постепенное, спокойное продвижение вперед, за преобразование общества, многие теперешние противники социал-демократии, которые создают неизбежность преобразования, по против пролетарской революции, перейдут на ее сторону». «Влияние социал-демократии, — указывает он дальше, — было бы гораздо более значительным, чем теперь, если она обладала бы способностью освободиться от фразеологии, которую фактически пережила, и хотела казаться тем, чем она на самом деле сегодня является: демократическо-социалистической партией реформ»¹ (разрядка автора).

В защиту Берштейна со специальным докладом на ганноверском партийном съезде 1899 г., посвященном дискуссии с ревизионизмом, выступил известный, недавно умерший социал-фашист, тогда один из лидеров ревизионизма, Эдуард Давид.

«Вы обвиняете, — говорил Давид, — Берштейна в том, что он не социалист. Но почему не является социалистом тот, кто стоит на точке зрения возможности введения социализма до завоевания власти? Конечно, да, Берштейн же придерживается даже не такой точки зрения. Он говорит: Неправильно взгляд, что надо раньше завоевать политическую власть, а потом социализировать хозяйство, неправильно также и обратное. Оба устремления должны скорее одновременно протекать, обуславливая друг друга, поддерживая друг друга. В таком виде когда-нибудь будет достигнута «конечная цель»². И дальше: «Лучшее доказательство, что уже сегодня социалистический принцип может победить — это тот факт, что этот процесс протекает перед нашими глазами не только в том смысле, что капитализм образует подготовку для общественной организации производства, а в том настоящем смысле, что уже сегодня собственность на средства производства ликвидируется, что капиталистическое право и капиталистическая власть в производственном и распределительном процессе устраняются. «Но мы же не ликвидируем частной собственности, — возражает мне, — мы не экспроприируем». Да, мы это все же делаем. Что такое собственность? Это известный объем прав, который мы позволяем делать с известной вещью все, что я хочу. Собственность на средства производства означает, что я могу с этим средством производства обращаться по своему усмотрению.

Если вы это примете во внимание, вы со мной согласитесь, что можно себе представить экспроприацию не только во внешнем смысле, что у кого-либо что-либо отбирается, но можно собственность забирать таким путем, что уменьшают одно право распоряжения средствами производства за другим, лишают его собственности изнутри, опустошают это его право собственности. В этом смысле экспроприация может иметь место в этом обществе».

Таким образом для ревизионизма, как и для современной социал-демократии не производственные отношения данного общественного строя определяют экономическую структуру этого строя, не отношения выраженные в прибавочной стоимости являются основным отношением капиталистического общества, а «право распоряжаться средствами производства», которое может быть отнято частями, «урезано» одно за другим, которое может быть «опустошено» без уничтожения частной собственности на средства производства. Выходит, что можно экспроприировать капиталистическую частную собственность без экспроприации владения средствами производства, — «экспроприировано» лишь, и то постепенно, «частями» «право» на эту частную собственность, как будто это «право» не основано на частной собственности на средства производства.

В чем же состоит эта экспроприация «права собственности», эта победа социалистического принципа? Она состоит, по утверждению ревизионистов и социал-фашистов, в ограничении рабочего дня, в страховании по болезни, инвалидности и т. д., во вмешательстве капиталистического государства в хозяйство, в государственной и муниципальной собственности, словом, во всех тех мероприятиях, которые современный социал-фашизм пытается выдавать за социализм.

Маркс и Энгельс страстно боролись с этой мелкобуржуазной болтовней о мирном, постепенном, медленном преобразовании капитализма в социализм, о «врастании» капитализма посредством госкапитализма в социализм. Критикуя третий раздел проекта Готской программы, указывавший, что для того чтобы проложить путь к разрешению социального вопроса, германская рабочая партия требует учреждения производственных товариществ с помощью государства и под демократическим контролем трудового народа³, — Маркс писал следующее примечание: «Следом за загосударственным законом заработной платы идет незнательное средство того же пророка. «Путь» ему «пролагается» достойным образом. На место существующей классовой борьбы ставится фраза газетных писак о «социальном вопросе, к «разрешению» которого «пролагается путь». «Социалистическая организация совокупного труда» возникает не из процесса революционного преобразования общества, а из «помощи государства», оказываемой производительным товариществам, которые «призваны к жизни» (государством), а не рабочими. Это вполне достойно фантазии Лассаля: с помощью государственной субсидии, оказывается, так же легко можно построить новое общество, как и новую железную дорогу»⁴ (подчеркнуто мною). — С. Г.).

А Энгельс по этому поводу пишет: «Большого удивления для нашей партии и нельзя себе представить. Интернационализм, низведенный до уровня Аманда Гетга⁵, социализм, опустившийся до буржуазного республиканства Бюне, который выдвинул этот лозунг против социалистов, чтобы с ними бороться»⁶. И чувствуя, куда ведет тельный восторг, в который все более впадают некоторые вожди германской социал-демократии перед каждым буржуа со словом «социализм» на устах, Энгельс пишет, специально имея в виду Шюфле, в письме к Берштейну от 12 марта 1881 г.: «Эти люди «думают» (это почти все, чем они «думают») не о том, чтобы объявить банкротом современное общество. Напротив, они только и живут тем, что хотят его снова подремонтировать»⁷. И дальше: «Это чисто заинтересованный подлог манчестерской буржуазии, который сводится к тому, чтобы как-то вмешательство государства в свободную конкуренцию назвать социализмом: таможенные пошлины, объединения, табачную монополию, государствление отраслей промышленности, морскую торговлю, королевскую фабричную мануфактуру. Это мы должны критиковать, но этому мы не должны верить»⁸. Показывая как этот госоппозиционизм на самом деле сводится к усилению эксплуатации, к облегчению нажима на рабочий класс, Энгельс заключает: «Хорош социализм, но туда приходит, если верить буржуе, будто государство есть социализм», т. е. тому, чему он сам не верит, а только делает вид, что верит»⁹.

¹ Карл Маркс, Критика Готской программы, изд. Партиздат, 1932 г., стр. 109, а также стр. 40.

² Там же, стр. 40.

³ Лидер «Лига мира и свободы», выдвигавший требование «Соединенных штатов Европы».

⁴ Письмо Энгельса Бебелью, том I (VI). Архив Маркса и Энгельса, изд. 1932 г., стр. 54.

⁵ Engels, Briefe an Bernstein, Berlin, 1925, S. 19.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

¹ E. Bernstein, Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie, Stuttgart—Berlin, 2. August, 1926.

² Protokolle des Hannoverer Parteitages, 1899, доклад Давида.

Современное государство, прибегая к госкапиталистическим мероприятиям, для Зингельса остается «механизмом чисто капиталистическим, государством капиталистов, идеальным совокупным капиталистом». Госкапитализм приводит лишь к «обострению капиталистических отношений». Этим Зингельс направляет свой огонь и против современной социал-фашистской теории «госкапитализма», а тем самым по существу и против теории планирования социал-фашизма.

Подчеркивая капиталистический характер госкапитализма или госсоциализма, Зингельс как раз имеет в виду этот госкапитализм, к которому «государство» как официальный представитель капиталистического общества «окажется вынужденным» прибегать в силу мощной концентрации производства.¹

Резкой критике ревизионисты подверглись и со стороны тогдашних вождей германской социал-демократии (Бебеля, Либкнехта), несмотря на целый ряд сделанных ими ошибок. Само по себе государстволение неприемлемо, — говорил В. Либкнехт в своем докладе о госсоциализме на берлинском партийном съезде 1892 г. — не только не есть социализм, а такой же капитализм. «Для госсоциализма дело может идти о том, чтобы существовавшую эксплуатацию и угнетение еще больше обострить. Госсоциализм является прямой противоположностью, смертельным врагом социализма».² «Слово госсоциализм», — говорит он дальше, — применяется еще и в другом значении, в гораздо более широком и свободном смысле, а именно в смысле государственного регулирования трудовых отношений. Это совершенно произвольное употребление, так как соответствующие мероприятия даже не затрагивают корень социального вопроса, причины социальной несправедливости. Что мы сегодня называем госсоциализмом, не есть то, о чем это слово говорит, а противоположность социализму — это капитализм. Не через 20, также не через 200 и через 2000 лет социализм не будет завоеван и на этом пути (подчеркнуто мной). — С. Г.). А Бебель, выступая против Берштинга на ганноверском партийном съезде в 1889 г. по поводу упомянутой теории исчезновения капитализма по частям, говорил: «Нельзя соглашаться с теорией утешения Давида, что какое-либо государственное или полицейское мероприятие в пользу рабочего класса или отдельных его слоев уже является шагом к социализации общества».³ Через 40 лет после разоблачения буржуазной теории Берштинга, эти теории были вновь подняты на шты и «углублены» модным теоретиком социал-демократии Наффли.

«Но государство есть надклассовое общественное существо (Gemeinwesen), т. е. над всеми стоящая корпорация, выражающая общую волю»⁴, — пишет он.

Госкапитализм как дальнейшее развитие монополистического капитала при любой форме буржуазной власти остается аппаратом насилия и угнетения большинства в интересах капиталистического меньшинства, есть слияние монополистического капитала с буржуазным государством.

Теория социал-фашизма о госкапитализме как о переходном периоде между капитализмом и социализмом непосредственно связана и прямо вытекает из антимарксистского буржуазного понимания государства как органа, стоящего в нем классов и над классами, из отрицания диктатуры пролетариата. Признание диктатуры пролетариата, как известно, является решающим отличием марксизма от всех буржуазных и псевдомарксистских теорий. В этом решающем вопросе социал-

демократия целиком и полностью перешла на сторону буржуазии. Социал-фашизм объявил «устаревшими» известные слова «Коммунистического манифеста», что «современная государственная власть есть не что иное как комитет, заведующий общественными делами буржуазии». Так, известный социал-фашистский «теоретик» Реннер, бывший австрийский рейхсканцлер, а до недавнего времени председатель равногонального Дольбушова австрийского парламента заявил в 1917 г., что «государство (буржуазное государство, конечно). — С. Г.)» станет рычагом социализма»⁵.

Клеввета на Маркса, будто ему еще не был известен путь от капитализма к социализму, тот же Реннер через 12 лет говорил: «Маркс с полной ясностью видел как исходную точку, так и цель будущего развития и не ошибся ни в одной из них. Но путь между исходной точкой и целью он еще не видел, как мы ведь его еще не постигли»⁶. Марксу Реннер противопоставляет Лассалю, который видел в государстве объединение людей, ставшее себе целью «добиться такого уровня жизни, которого они как отдельные единицы никогда не могли бы достигнуть, такой суммы образования, власти и свободы, которая всем им как отдельным единицам недостижима» (из лассалевской «Программы работников»).

Для Генриха Кунена «государство становится в известной мере большим организмом, охватывающим хозяйственные взаимодействия членов государства, в котором каждый чувствует себя составной частью...»⁷.

Отказ от марксовой теории диктатуры пролетариата и признание буржуазной теории надклассовой демократии как путь к социализму (т. е. на деле буржуазной демократии) успешно подкрепляется и в трудах напы П. Интернационала, терпящего социал-интерента Каутского. Для этого старого ренгата советская власть в Германии означала как только «гражданскую войну», полный экономический крах и конечную победу контрреволюции. «А потому», — заключает он дальше, — мы должны крепко держаться за демократию, за всеобщее, равное, прямое, тайное голосование»⁸. «Для нас социализм немалым без демократии»⁹, — говорит он в другом месте той же брошюры. Обманная рабочий класс насчет настоящего характера «демократии», отрицающая ее буржуазно-классовый характер, как прикрытой формы диктатуры буржуазии, Каутский уверяет, что завоевание сильным многочисленным пролетариатом власти демократическим путем (т. е. получение известного количества избирательных бюллетеней) сильно затруднит буржуазии нахождение средств для ликвидации демократии.

Все это свидетельствует о том, что ренгаты марксизма назвали основным, составляющим революционную сутью марксизма — учению о диктатуре пролетариата. Мало того. Взяв свою подлую деятельность в течение ряда лет они сосредоточивали против теории диктатуры пролетариата и всеми силами, доступными им, боролись против СССР, первой в мире страны пролетарской диктатуры. Немалой иронией поэтому является то, что предостерегающий доклад к 50-летию со дня смерти Маркса на партийном съезде в 1935 г. социал-фашизм поручил Гильфердингу, который еще недавно заявил: «Но это определение государства Марксом (то государство есть орудие классового господства. — С. Г.) уже потому не является теорией государства, что оно относится ко всем государственным формациям от начала классового общества». Как же можно говорить о «формальной» или «буржуазной» демократии, — возмущается Гильфердинг, — ко-

¹ Ф. Зингельс, Анти-Дюринг, стр. 225—226, а также примечание на стр. 226.

² Protokolle des Berliner Parteitag, стр. 192.

³ Там же. Заключительное слово В. Либкнехта, стр. 192.

⁴ Protokolle des Hannover Parteitag, 1899, заключительное слово Бебеля.

⁵ Социал-Вirtschaftsdemokratie, под редакцией Наффли, изд. 1931 г., стр. 21.

¹ K. Renner, Marxismus, Krieg und Internationale, Stuttgart, 1917.

² K. Renner, Staatswirtschaft, Weltwirtschaft und Sozialismus, Berlin, 1929, S. 42.

³ Heinrich Kunow, Die Marxsche Geschichte, Gesellschafts- und Staatstheorie, Berlin 1920, S. 317, Dietz, 1929.

⁴ K. Kautsky, Demokratie und Diktatur, Berlin, 318, S. 42, S. 46.

⁵ Там же, стр. 8.

да Браун и Зеверинг являлись ее первыми защитниками. Для Гильфердинга это является достаточным доказательством демократичности государственного. И как раз теперь, когда подводится итог явного предательства интересов рабочего класса в течение почти двух десятилетий, когда этот верный отряд буржуазии в решающих битвах с другой стороны баррикады атаковал и громял революционный пролетариат, открыт тем самым двери фашизму, особенно символическим и лучшей оценкой для самого социал-фашизма могут явиться следующие его слова: «Благодаря О. Брауну и особенно благодаря К. Зеверингу волны как большинства, так и фашизма были разбиты о Пруссии»¹.

Роль Носке и Шейдемана и его товарищей Брауна и Зеверинга и им подобных и состояла в том, чтобы разбить эту «большинственную» волну и тем самым спасти буржуазию от гибели. Ведь сам Гильфердинг в период первого революционного тура признавал, что буржуазия думала, что ее дни сочтены. Спасая капитализм от «большинственной волны», социал-фашизм подготовил всем, что было в его власти, приход фашизма, являющегося логическим завершением буржуазной демократии.

Роль демократии Гильфердинга и Каутского, Реннера и Кунова как «сплота» против фашизма достаточно разоблачена. Роль социал-фашизма как пособника буржуазии, спасшего во имя «демократии» находившуюся на краю гибели буржуазию особенно ярко выступает сейчас, когда выросший на почве этой демократии фашизм держит десятки тысяч пролетариев в тюрьмах, подвергает их пыткам, когда убийства пролетариев стали обычным и законным явлением. Буржуазия великолепно оценила назначение Веймарской демократии, явившейся «реакционной» диктатурой буржуазии и роль социал-фашизма в ней. Буржуазия отлично знала и видела, что фразы о демократии служат лишь прикрытием «сплитных» борьбы против революционных масс, политикой «сотрудничества с буржуазией и помощи реакции» (из резолюции Президиума ИККИ о положении в Германии). Можно было бы составить не один том из высказываний буржуазной печати, в которых засуды социал-фашизма в деле спасения буржуазии превозносятся до небес и в благодарность за эти услуги испрашивается милость контрреволюционных громила для них.

III

Социал-фашистские теоретики планирования капитализма и «переходной экономики» великим воспринимали для своих «плановых» построений буржуазную апологетическую теорию государства Каутских, Реннера, Куновых, Наффля.

Так программа АДГВ о реконструкции хозяйства гласит:

«Преднамыслию осуществления планового общественного хозяйства является демократическая форма государства. Лишь в демократическом государстве угнетенные слои имеют возможность бороться с сопротивлением старых сил»².

«Теоретично» планирования социал-фашист Гемберг признавал к защите «республиканско-демократической формы государства», «гарантирующей, по его мнению, пролетариату большую свободу движения «для построения планового хозяйства»³.

Отто Бауэр, Отто Лейхтер и весь остальной «левый» социал-фашизм также считают, что политическая демократия есть та форма государственной власти, при которой капитализм превращается в социализм. «Левый»

Отто Бауэр не может обойти факта победы пролетарской революции в СССР, традиционных успехов социалистического строительства в итоге выполнения первой пятилетки. Но Бауэр попрежнему говорит об отсутствии в СССР демократии (читай буржуазии) и попрежнему провозвещает, что пролетариат передовых стран Европы и Америки должен остаться на почве старых путей борьбы, т. е. социал-фашистских. Отто Бауэр в своих выступлениях (на партийные австрийской социал-демократии—ноябрь 1932 г.—и в др.) воспевают наши успехи. Но все его «слова» фразологией относительно побед нашей пятилетки при одновременной рекламе, выпячивании и прикрасивании венского «социализма» и «австрийской демократии» (от которой осталась только одна диктатура Дольфуса) является лишь очередным маневром для обмана радикализирующихся масс. Он и сейчас сеет те же старые иллюзии среди рабочих масс, будто бы в революционную ситуацию «власть может быть передана рабочему классу демократическим путем и буржуазия в такую ситуацию может не смеяться оказать сопротивления решению избирательной лиски». Отто Бауэр считает «демократическое» государство лучшей почвой для развития «рабочей демократии». «Не забудем никогда, — говорит он, — что эта большая массовая школа рабочей демократии может только существовать в демократическом государстве и что с разрушением демократического государства, как показывает пример Италии, разрушается также эта рабочая демократия»⁴. «Левый» Отто Бауэр только «суетился из виду», что в мире существует еще СССР, страна диктатуры пролетариата, где пролетарская демократия является основой всего государственного строя, где пролетариат всего мира получил наглядный, урок, как свершается буржуазная демократия — одна из форм диктатуры буржуазии — и как устанавливается и осуществляется пролетарская демократия, демократия большинства. Он не «замечал», что как раз широкое развитие пролетарской демократии возможно лишь после уничтожения буржуазной демократии. Отто Бауэр мастер на «левые» слова, подобно например следующим: «капитализм потерял свою стабильность. Доверие огромных масс мира к капитализму разрушено и не может быть восстановлено»⁵. Но, несмотря на эти «революционные» фразы, он все же продолжает признавать к защите буржуазной демократии, обещая в будущем выполнить «демократическую форму социалистическим содержанием», т. е. строить «социализм» с согласия буржуазии, и всей своей практической работой ежедневно предает дело Маркса.

Для отвлечения пролетарских масс от революционной борьбы «левый» О. Лейхтер открыл даже особый «закон» движения общества, — закон «экономической динамики социальной революции», которая протекает параллельно с «политической динамикой»⁶. Этот «закон» экономической динамики провозглашает себе борьбу и при «чистой» демократии и при диктатуре пролетариата. Если «одновременный акт» захвата власти пролетариатом закрепляется даже установлением диктатуры пролетариата, если «политическое господство» пролетариата дано как «неизменный факт», эта «экономическая динамика» все равно существует, от нее не уйдешь. Затем стремиться к диктатуре пролетариата, зачем «сохранять политическое господство пролетариата как неизменный факт», когда стихийный закон «экономической динамики» и при диктатуре пролетариата будет так же действовать, как при любой другой форме государственной власти. Вместе с тем эта теория пытается обосновать возможность достижения «господства пролетариата» путем получения большинства избирательных

¹ R. Hilferding, Die Aufgaben der Sozialdemokratie in der Republik (доклад на пятом партийном съезде 1922 г., Бремен, стр. 17).

² Umbau der Wirtschaft, Die Forderungen der Gewerkschaften, ADGB, 1932.

³ Paul Hemberg, Planwirtschaft, «Die Arbeit», 1932.

⁴ Из доклада О. Бауэра на партийном австрийской социал-демократии 14 ноября 1932 г. (см. «Arbeiterzeitung» от 15/XI 1932 г.).

⁵ Там же.

⁶ См. его книгу «Воры капитализма», стр. 162, 1932 г.

бюджетной при «чистой» демократии. «Социализм» строится путем борьбы элементов капитализма и социализма по «закону экономической динамики». «Господство пролетариата» завоевывается и теряется в смене избирательных туров по закону политической динамики — вот смысл нового открытия левого социал-фашиста О. Лейхтера.

«Левый» социал-фашизм, в демогогических целях охотно пользовавшийся терминологией, заимствованной у большевиков, сознательно игнорирует экономику и политику в эпоху диктатуры пролетариата, не пытается анализировать причину успехов социалистического строительства в СССР, ибо самый беглый анализ этих фактов разрушил бы все их с таким трудом сооруженное здание, вскрыл бы всю вопиющую подлость их теоретических построений. В самом деле. Самый элементарный анализ показал бы, что только организованный в государство пролетариат может ставить себе целью провести социалистическую индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса, превратить миллионы единоличников, мелких собственников в работников социалистического хозяйства, ликвидировать безработицу, нищету и пауперизм в деревне, неуложимо повышать жизненный уровень трудящихся масс и выполнять поставленные цели в сроки более короткие, чем это намечалось планом.

Но какое до этого дело социал-фашизму. Не анализа фактов, а паталогическая на Советский союз — вот оружие социал-фашистских борознителей. И, стремясь оглушить рабочего читателя всеми прелестями социал-фашистского «переходного периода», теоретики социал-демократии выдвигают новую форму демократии — хозяйственную демократию, должностную дополнить политическую. «Хозяйственная демократия, — говорит социал-фашистский «теоретик» Наффли, — означает создание (Aufbau) политической демократии через демократизацию хозяйственных отношений»¹. Или: «Хозяйственная демократия, с одной стороны, является ядром демократии, т. е. хозяйственной демократией в отличие и как дополнение к политической демократии, с другой стороны, она является формой хозяйственной конституции, демократической конституцией хозяйства в отличие и в противоположность хозяйственной авторитету»². Понятие «хозяйственная демократия» не заменяет понятия «социализация», а дополняет его»³. «Только тогда имеется хозяйственная демократия, когда все соучастники хозяйства (Wirtschaftsgenossen) участвуют в определении общей хозяйственной воли»⁴.

Надклассовость государства дополняется надклассовостью в хозяйстве. Путем демократизации государства рабочий класс «участвует» в управлении государством; путем демократизации хозяйства рабочий класс «участвует» в управлении хозяйством. Огромное значение «хозяйственной демократии» в деле укрепления капитализма прекрасно понимают и капиталисты. Перед санктпетербургской, изучавшей состояние народного хозяйства Германии, до этого вопросу выступал ряд виднейших капиталистов.

Крупный капиталист д-р Эрнст Вольф сообщил: «Их влияние (представителей от рабочих) равно нулю. Я вижу значение представительства заводских советов в наблюдательном совете больше в том, что персонал считает, что его представители находятся в наблюдательном совете»⁵.

Глава фирмы «Симменс-Шукерт» П. Ф. фон-Симменс: «Надо сказать, что в общем и целом при крупных реорганизациях, которые у нас были предприняты, заводские советы и весь персонал относились очень разумно.

Они видели, что иначе нельзя. Я думаю, что представители от рабочих в своем кругу, насколько это в их силах было, принимали участие в усовершенствовании, славя рабочих: «мы иначе не можем делать, иначе не пойдет».

А «представитель» от рабочих этого конерия занял перед комитетом следующее: «Особенно должно быть отмечено, что выступление представителей заводских советов в наблюдательный совет подвело вполне благоприятно без сомнения в том смысле, что установилась более тесная связь между предпринимателями и рабочими. Первоначальное недоверие предпринимателей к деятельности членов наблюдательного совета от рабочих, боязни вредного влияния для предпринимателей с течением времени уменьшилась». И дальше: «После первого заседания я пошел к господину фон-Симменсу и спросил его, насколько я могу использовать то, что я узнал на заседании наблюдательного совета. Я получил разрешение говорить о том или другом пункте. И так в течение годов установилась известная привычка в этом отношении»⁶.

Не надо лучшего доказательства предельской роли «хозяйственной демократии» по отношению к рабочему классу, как эти высказывания «компарно» хозяйства. Они с исключительной убедительностью аскрируют сущность хозяйственной демократии как формы активного содействия экономической политике капиталистов путем прямого сотрудничества реформистского профсоюзного аппарата с предпринимателями, как превентивное средство против развития классовой борьбы.

Совершенно очевидно, что теория хозяйственной демократии, знаменующая собой мирное плановое приращение капитализма в социализм, находится в вопиющем противоречии с учением Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс не мыслили себе другого пути создания социалистического общества, как путь пролетарской революции, как свержение капитализма, как разрушение буржуазного государства.

Каждая новая работа, каждое новое письмо, которые теперь публикуются из марксо-энгельсовского наследия, являются новым ударом по социал-фашизму, разоблачением его теоретиков как буржуазных фальсификаторов марксизма. В письме к Бебелю от 11 декабря 1884 г. Энгельс пишет: «Что касается чистой демократии и ее роли в будущем, то я с тобой не согласен. Само собой разумеется, что в Германии она играет гораздо более второстепенную роль, чем в странах с более давним промышленным развитием. Но это не помешает ей в момент революции в качестве к р а й н е в буржуазной партии, — в этом качестве она уже выступала по Франкфурту, — оказаться на известное время последним якорем спасения для всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент за ее спиной окажется вся реакционная масса и усилит ее; все, что было реакционно, падает тогда демократическую маску»⁷.

Как великолично Энгельс предвосхитил 35 лет тому назад роль демократии в германской революции 1918—1919 гг. и в последующие 15 лет. Как великолично он предвосхитил почти за полвека защитное значение «демократии» против пролетариата.

IV

Конкретные «проекты» планирования социал-фашизма основаны на всех этих апологетических теориях и мало чем отличаются от буржуазных проектов.

Уже сама по себе постановка вопроса о задачах и методах планирования при капитализме весьма характерна для социал-фашизма. Она обнару-

¹ Сборник «Хозяйственная демократия», изд. 1931 г., стр. 20.

² Там же.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 21.

⁵ Anschluss zur Untersuchung der Erzeugungs- und Absatzbedingungen der deutschen Wirtschaft, Wandlungen in den wirtschaftlichen Organisationsformen, глава об участии представителей рабочих в наблюдательном совете, высказывания экспертов.

⁶ Anschluss zur Untersuchung der Erzeugungs- und Absatzbedingungen der deutschen Wirtschaft, Wandlungen in den wirtschaftlichen Organisationsformen, глава об участии представителей рабочих в наблюдательном совете, высказывания экспертов.

⁷ Архив, том IV(IV). Письмо Энгельса Бебелю, стр. 29.

живает типичный буржуазный характер социал-фашистского «планового» произрствства.

Целью социал-фашистского планирования является ликвидация огромной кризиса и обеспечение невозможности кризисов в будущем. «Огромный кризис», — заявляют вожди АДГВ в программе реконструкции хозяйства, — ставит как принудительную задачу нашего времени борьбу за преодоление господствующей кризисной нужды путем плановых мероприятий против повторения подобной катастрофы. Перестройкой современного беспланового хозяйства в плановое общественное хозяйство неизбежно»¹.

Капитализм не может больше жить, используя свою «полную производственную способность» (Тарнов), а потому необходимо «социалистическое плановое хозяйство» (Г. Дегер).

«Как может быть уничтожен источник кризисов? — спрашивают комментаторы на реформистских профсоюз. — Только посредством приспособления друг к другу производства и общественных потребностей».

Подобно всем другим буржуазным изобретателям «планов» спасения капитализма и у социал-фашистов это осуществляется посредством приведения производства в соответствие с потреблением. «Плановое развитие хозяйства требует приспособления производства к общественному потреблению», — говорится в «Программе реконструкции хозяйства»².

«Всеобщая конфедерация труда единодушно констатирует, что огромный мировой кризис есть не что иное, как отсутствие приспособления производства к потреблению»³.

Таким образом вопреки марксизму, утверждающему, что основная причина кризисов лежит в противоречии между общественным характером производства и капиталистическим характером присвоения, что противоречие между производством и потреблением является лишь выражением основного противоречия капитализма и поэтому кризисы могут быть уничтожены только с уничтожением капитализма, социал-фашизм вытаскивает на свет божий разбуртую еще Марксом вульгарную теорию «недопотребления», для того лишь, чтобы доказать, что кризисы могут быть уничтожены в рамках капитализма, если производство будет приведено в соответствие с потреблением, если буржуазия допустит социал-фашистов к себе в качестве «старшей капитализма», без помощи буржуазных отношений. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали невозможность планирования при капитализме. «Хотя», — писал Энгельс, — производство и нуждается в регулировании, но несомненно не капиталистический класс призван осуществлять его на деле»⁴. Плановость хозяйства возможна лишь с уничтожением капиталистических производственных отношений. «Вместе с захватом средств производства обществом устраняется товарное производство, а вместе с тем господство продуктов над потребителями. Анархия общественного производства заменяется организацией его (о заранее обдуманному плану» (Энгельс). «Развитие социализма от утопии к науке».

Подобно другим буржуазным теориям планирования суть социал-фашистской теории сводится к «плановому» сокращению производства, «плановому» увеличению безработицы и нажима на рабочий класс, т. е. к выходу из кризиса капиталистическим путем.

Так, профессор Гермберг например видит причину кризиса планирования в 1919 г. и теперь в том, что тогда существовала «нужда от недостатка», новое общественное хозяйство должно было привести к полному развитию производительных сил, а теперь существует «нужда от избытка». Не

повышение производства, а забота о реализации продукта является главной. «Плановое хозяйство сегодня меньше направлено на поднятие производства, чем на устранение хозяйственного кризиса»⁵.

У Тарнова мы имеем по существу то же: «Новая организация производительных сил в пропорциях к действительной потребности — вот задача, которая теперь должна быть срочно разрешена. Без этого хозяйство будет стативировано, но эта задача капиталистической системой разрешена быть не может»⁶. Программа «реконструкции хозяйства» германских реформистских профсоюзов также предлагает сужение производительных сил как выход из кризиса. «Должно быть столько клошено в средства производства (машин и т. д.), — говорится в программе, — сколько возможно для лучшего обеспечения общества без опасности кризиса. Вот смысл профсоюзного требования регулирования капиталообразования и капиталовложения»⁷.

Социал-фашизм считает, что кризисы будут уничтожены посредством регулирования капиталовложения и капиталовложений. Проф. Гермберг подводит под этот репел «теоретический» фундамент. «Социалист» Гермберг выводит экспликацию («несправедливости» распределения, как он выражается) из особой задачи накопления, которую «общество» возлагает на капиталистов. Но «общество» может изменить план распределения. «Если, с одной стороны, — говорит Гермберг, — частное капиталовложение предполагает большое социальное нежелательное различие в доходах, а с другой стороны, частное владение капиталом ведет к несправедливым доходам, то забота об образовании капитала наравне с заботой о владении имуществом должна быть изъята из рук частных получателей доходов и передана в общественное владение»⁸. Гермберг, как и другие социал-фашисты, отрицает распределение от производства, отрицается от марксистского положения, что распределение, будучи оборотной стороной производства, определяется условиями производства. Гермберг переносит центр тяжести в сферу распределения, видя в изменении распределения исходный момент для устранения всех вол капитализма в рамках капиталистического способа производства.

По мнению социал-фашизма, приспособление производства к потреблению, а тем самым и ликвидация кризисов произойдет в результате регулирования капиталовложения и капиталовложений, которое будет осуществлено «посредством господства над хозяйством» (программа реконструкции). В чем должно выражаться это «господство над хозяйством»? В государственлении и контроле, — отвечает социал-фашистские «плановики».

Остановимся пока на вопросе о социал-фашистском государстве.

«Решающие отрасли промышленности должны быть освобождены от произвола частных монополий и превращены в общественную собственность. Природные богатства и важнейшие отрасли производства сырья, далее — все энергетическое хозяйство, а также весь аппарат средств сообщения, составляющие основу современной хозяйственной системы, должны управляться обществом для общего блага»⁹. «Банки и другие кредитные институты, а также страховые общества, в особенности общества страхования жизни как центры накопления должны быть национализированы».

¹ Paul Hertzberg, *Planwirtschaft*, «Die Arbeit», Heft 1.

² F. Tarnow, *Die Produktionsfrage im Kapitalismus und Sozialismus*, (Ein Beitrag zur Sozialisierungsdebatte, September, 1932.)

³ «Umbau der Wirtschaft», Die Forderungen der Gewerkschaften ADGB, 1932.

⁴ P. Hertzberg, *Planwirtschaft*, «Die Arbeit», Heft 4, 1932.

⁵ «Umbau der Wirtschaft», Die Forderungen der Gewerkschaften. III. Industrie und Handel.

⁶ «Umbau der Wirtschaft» ADGB, 1932.

⁷ Там же.

⁸ «La Vie socialiste» от 9 июня 1932 г.

⁹ Маркс, *Капитал*, том III, часть I, стр. 73. Примечание.

Переходной мерой должно послужить усиление влияния государства на банки. Все виды финансового участия государственных учреждений в банковской системе должны быть использованы для полного обеспечения их влияния на ведение дела»¹.

Эти туманные фразы вполне звучат весьма радикально. Они рассчитаны на то, чтобы массы поверили будто социал-фашисты серьезно собираются экспроприировать экспроприаторов и установить общественную собственность на средства производства. Но буржуазия совсем не страшно от социал-фашистского социализма. Она знает, что либо это останется пустой фразой для одурмачивания масс, либо сведется к госкапиталистическим мероприятиям, проводимым в интересах самого монополистического капитала. Ведь монополистический капитал, переживающий большие затруднения, не только пользуется государственным субсидиями и государственной вооруженной силой для защиты своих интересов. И в самом деле без выкупа, без ренты для бывших владельцев социал-демократия не представляет себе национализацию. «А что касается расходов», — говорится в программе реконструкции хозяйства, — то, разумеется, возмещение должно быть дано лишь на действительную полезную стоимость».

Выкуп должен выдаваться в форме ренты и не имеет рентообеспеченности данных предприятий.

Социал-фашисты утешают рабочих только тем, что выкуп будет не выше стоимости предприятий, а рента не выше текущей рентообеспеченности. Над госкапиталистическим предприятием вымещается «социалистическая» вывеска. Контроль над денежной национализацией банков также не только ничего социалистического при диктатуре буржуазии собой не представляет (в обеих ее формах), но также будет проводиться в интересах монополистического капитала. И организации центрального банковского ведомства, которое должно согласно этой программе распределять кредиты в направлении планового покрытия народнохозяйственных потребностей, в этом ничего не изменит.

Используя свое влияние на государство, этот монополистический капитал всегда сумеет добиться такого распределения предпринимательской собственности, которое соответствует его интересам. «Собственность на капиталы», — писал Ленин, — которыми орудуя банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяются печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни одно из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т. е. при слиянии всех банков в один государственный банк.

Кто владеет 15 рублями по сберегательной книжке, тот остается владельцем и после национализации банков, а кто имел 15 млн., у того и после национализации банков остается 15 млн. в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и т. п.»².

Перед лицом невиданной безработицы, все растущего недоверия и брожения в массах социал-фашизм должен был в спешном порядке выступить с «планами» ликвидации безработицы. Эти «планы» занимают большое место в общем плановом творчестве социал-фашизма. Весной 1932 г. германские реформистские профсоюзы созвали специальный «кризисный» съезд. Этот съезд принял всего одну резолюцию: «рождение хозяйства через создание работы». Согласно этому решению необходимо производить такие работы, затраты на которые включают в себя в наибольшем размере расходы на зарплату. К таким работам относятся: сохранение улиц в порядке, сельскохозяйственная механизация, переселение, защита от наводнений, малое жилищное строительство и сохранение наличных жилищ, закладка железных дорог и почты.

¹ «Umbau der Wirtschaft. Die Forderungen der Gewerkschaften. IV. Bankwirtschaft und Kredit.

² Ленин, Грозящая катастрофа и как с ней бороться.

Источником средств для создания этих работ должны быть: а) налоги; б) экономия на пособиях тем рабочим, которые получают работу, будущие налоги этих рабочих и их будущие взносы на страхование от безработицы; в) заем создания работы.

Русский мемуарист Н. Войтинский написал статью¹, комментирующую эту резолюцию с подробно разработанным проектом создания работы. Проект предусматривает создание для 1 млн. человек работ, для которых по расчетам Войтинского потребуется всего 2 млрд. марок (1,5 млрд. на зарплату и 500 млн. на постоянный капитал). Войтинский точно наперед оценивает финансовые источники создания работы: а) экономия на пособиях — 600 млн. марок, б) 6 1/2% взносов на страхование от безработицы от 1 1/2 млрд. марок — 100 млн. марок, в) налоги рабочих — 200 млн. марок.

Все это составляет 900 млн. марок. Остальная сумма — 1 млрд. 100 млн. марок — должна быть получена путем займа. Войтинский дальше рисует такую блестящую картину финансовых результатов его плана: а) организации, поддерживающие безработных, экономит воних 200 млн. марок на пособиях, б) отпадает необходимость в поддержке безработных на отделе производства предметов потребления на 200 млн. марок, в) органы страхования от безработицы и государство получают от группы «б» 150 млн. налогов и взносов, г) государство получит всякие косвенные налоги с оборота как в результате получения работы этим миллионом безработных, так и от других рабочих, получивших работу благодаря спросу, созданному работой этого миллиона. Словом, стоит только создать работу по проекту реформистских профсоюзов и господина Войтинского, как выход из кризиса будет найден, как капитализм будет спасен и снова наступит так долго и титаническое оживление капиталистического хозяйства. Для этого больше ничего не требуется, как принять всепасающий проект германских профсоюзов и Войтинского. Этот проект постигла судьба всех подобных проектов буржуазных экономистов и других спасателей капитализма, которые строят свои расчеты на искусственное оживление капитализма путем вырыскивания в хозяйство известной дозы кредита.

Надо обладать ограниченностью буржуазных экономистов и свойственным им кредитным кретинизмом, чтобы ожидать хозяйственного оживления с этой стороны.

Какое может быть новое усиленное строительство при пустынном уже построенном доме. Остается лишь такие работы, которые все равно должны производиться и сейчас фашистски производятся, а следовательно никакого сокращения безработицы быть не может.

Таким образом вся эта хитрая социал-фашистская теория оказывается изворотливым хитом, который реальной капиталистической действительности разрушается до конца. Социал-фашистский проект вымысливания работы на самом деле сводится к большому выкачиванию из рабочих класс, к изъятию денег у рабочих, причем это изъятие по существу означает передачу средств (пособий) из одних рук в другие (зарплата), что не может увеличить емкость рынка.

Если речь идет об уже существующих налогах как источнике финансирования этих работ, то эти налоги (например квартирный налог) уже входили в госбюджет или в коммунальный, и изъятие их для организации новых работ вызвало бы соответствующее сокращение работ в другом месте.

Если «социалистическое планирование» в городе должно привести к спасению капитализма, то «социалистическое планирование» деревни должно спасти помещика, и социал-фашизм развертывает проекты планирования сельского хозяйства.

В чем же должно состоять «планирование» сельского хозяйства? Фриц Баде пересчитывает несколько мероприятий, планирующих сельское хозяй-

¹ «Die Arbeit», Berlin, April 1932.

ство: а) планирование в сфере сбыта и переработки, б) планирование производства сельскохозяйственных орудий производства. «Три миллиона крестьян всегда будут самостоятельно и под своей собственной ответственностью, на свой риск и страх принимать поведение и технические меры, в которые никакое государство и никакая бюрократическая инстанция не имеют права вмешиваться»¹. «Социалистическая переделка» сельского хозяйства не должна касаться сельскохозяйственного производства, а лишь сводится к «планированию» сбыта и переработки.

Не думаю, что социал-фашисты затронут и крупных помещичьих имений. «Уже более нежизнеспособное (разрядка моя. — С. Г.) крупное землевладение должно быть превращено в крестьянскую землю или в кооперативные крупные предприятия» — говорится в программе реконструкции хозяйства. Под нежизнеспособным крупным землевладением социал-фашисты понимают поместья, которое обременено долгами, близко к банкротству или обанкротилось. Само собой разумеется, что выкуп такого имения государством, — а без выкупа, как мы выше видели, социал-фашисты не представляют себе национализации или социализации, — только выгоден самим помещикам.

За последнее время целый ряд имений Пруссии, которые должны были быть проданы с аукциона в силу полной их «нежизнеспособности» и банкротства, были выкуплены государством и перешли в руки последнего. Фашистский идеал создания в Германии крепкого крестьянства так же витает и перед глазами социал-фашизма. «Социалистические задачи» по отношению к крестьянству сводятся к распространению метрических начальных и т. д.

Как идеал будущего общества социал-демократия выставляет положение крестьянина в Дании и Голландии. «Социализм», осуществленный в Дании и Голландии — вот образец социализма социал-фашизма в сельском хозяйстве.

Как не вспомнить замечательные слова Маркса в его замечаниях на Готскую программу: «Эти все требования, которые, поскольку они не превращаются в фантастическом направлении, уже реализованы, но это государство, которому эти требования предъявляются, не лежит внутри германской государственной границы, а в Швейцарии, САСШ и т. д. Этот сорт «будущего государства» есть современное государство, только вне немецкого государства лежащее»².

«Социализм» немецких социал-фашистов таким образом также осуществлен, но в других капиталистических странах.

Как далеко зашло фашизирование социал-демократии, показывает не менее «оригинальный» «план» Фрица фон-Бассе.

В статье, озаглавленной «Создание работы», Бассе выдвигает очередной проект спасения капитализма.

Автор этого проекта открыл новое средство не только создания работы и выхода из этого кризиса, но также новое средство избавления от кризисов вообще и осуществления социализма. Средство это состоит в переселении всех безработных с их семьями в деревню.

«Дело идет о том, чтобы всем немцам была предоставлена не только временная, но и постоянная возможность заботиться об обеспечении себя и своей семьи. Это возможно только путем увеличения занятаго в сельском хозяйстве населения. Из всех профессий не обременен долгами мелкий крестьянин, и он в состоянии даже при самой плохой конъюнктуре содержать себя и своих близких. Он просто «красивоустроен». Причина кризиса, — говорит фон-Бассе, — в «эксплоатации неимущих масс верхним слоем ищущих... Отсутствие плавности и анархия производства является лишь следствием. Но что же заставляет «нищие слои» дать себя эксплуатировать? Монополия на земельную собственность», — отвечает автор.

Стоит лишь создать возможность получения рабочим куска земли, как капитализм потеряет почву под ногами и сам собой ликвидируется.

Как Маркс отнесся к национализации земли ясно видно из его письма к Зорге от 30 июня 1881 г. Разбирая программу национализации земли Генри Джорджа, Маркс писал: «Эти требования Коллинз препртал в «социалистическую панацею», которая должна разрешить все противоречия современного способа производства. «Все эти социальности», — говорит он дальше, — начиная с Коллинз, имеют общим то, что, оставаясь неприкосновенным наемный труд, а следовательно и капиталистическое производство, тем самым позволят закрыть глаза либо себе, либо другим, когда утверждают, что с превращением земельной ренты в государственного налога все беды капиталистического государства должны сами собой исчезнуть. Все это не что иное, как скрытая под маской социализма попытка спасти господство капиталистов и даже больше — заново укрепить его на более широком чем теперь основании. Этот зловещий умысел и вместе с этим и глупость недружественно проявляющая из декларации Генри Джорджа»³.

Оставить неприкосновенным наемный труд — это значит оставить неприкосновенным капиталистическое производство. Выдавать же национализацию земли за социалистическое мероприятие — это значит под маской социализма спасти господство капитализма. Но проект фон-Бассе даже и не рассчитан на национализацию земли. Автор его рассуждает так: платежи германского сельского хозяйства по процентам и амортизации долгов составляют 1 млрд. 200 млн. марок, а арендная плата составляет 300 млн. марок в год. Всего 1½ млрд. марок. Получает же «сельское хозяйство» от таможенных пошлин 2 млрд. марок (из 3 млрд. марок таможенных пошлин). Он предлагает вместо таможенных пошлин ввести налог на сыстные припасы.

Этот налог будет иметь феноменальные качества: он освободит крестьян от задолженности, сельскохозяйственных рабочих — от капиталистической зависимости и даст возможность бесплатного наделения земель безработных переселенцев. Этот налог он предлагает назвать особорядительным налогом, так как «этот налоговый класс, достигший до сих пор политической свободы, добывает себе также хозяйственную свободу, а тем самым полную свободу и равенство». Такими «честными» мудростями социал-фашистского налоговотворчества, с предельной ясностью обнаруживающие всю аморальность их теоретиков.

Реакционно-утопический проект уничтожения половины германского пролетариата и превращения его в мелких крестьян, ограбление милостиво оставленного на положении пролетариев рабочего населения городов косвенными налогами в пользу субсидируемых кулаков и помещиков выдвигается за социализм.

Таким образом мы видим, что социалистическое планирование в сельском хозяйстве понимается так, что фактически в руках помещиков и кулаков остается земля, что владельцам наиболее нежизнеспособных обанкротившихся имений дается возможность выгодно продать свои имения и т. д. Совершенно очевидно, что как и все «планирование» социал-фашизма, так и планирование в области сельского хозяйства есть «планирование» в интересах капиталистов и помещиков.

В социал-фашистской дискуссии о «планировании» определенное место занимает также вопрос о «частичном» или «комплексном» планировании, связанный с вопросом о планировании в национальном или интернациональном масштабе. Так, Гербергер стоит на точке зрения «комплексного и интернационального» планирования.

¹ Fritz Baade, Die Landwirtschaft im Sozialismus, «Die Arbeit».

² К. Маркс, Критика Готской программы.

³ К. Маркс и Ф. Дзюгель, Письма, под редакцией Адоратского, изд. 4-е, Гиз, 1931 г., стр. 336.

«Без дальнейших разъяснений ясно, — заявляет Гермберг, — что в плане хозяйстве рука планирующей власти принципиально должна простираться так далеко, как простирается и хозяйство»¹. Значит планировать возможно лишь все хозяйство известной территории. Поэтому необходимо господство над всем хозяйством данной территории. Но сама территория, — умозаключает отсюда Гермберг, — должна быть шире текущих национальных территорий, должна выйти за рамки этих территорий. «С самого начала кажется мало вероятным, что такое глубоко захватывающее общественное преобразование, как переход от менового хозяйства к плану хозяйству, может совершиться без того, чтобы одновременно не была разорвана вся искусственная сеть государства, которая покрывает Европу, и чтобы вновь расчлененное европейское человечество было подчинено одному порядку на гораздо более широком, чем сегодня, пространстве»².

«Антирелигиозная Германия, — продолжает Гермберг в своем споре с журналом «Die Tat», — поставлена очень узкие пределы. Поэтому автор статьи в журнале начинает искать дополнительную территорию и предлагает найти такую в южной и восточной Европе»³. Гермберг против антирелигиозного рода, потому что она не реальна. На самом деле освобождение Германии из западноевропейской связности является не реальной мечтой»⁴. Гермберг выступает таким образом поборником объединенной Европы, нечто вроде пан-Европы Бринава. Подготовкой к этому универсальному «интернациональному» планированию должен явиться контроль над банками, картелями, трестами и... «статистическое изучение хозяйственных явлений». Он спешит добавить, что последнее легко осуществимо, так как «социалисты» найдут здесь поддержку капиталистов, которые также в этом заинтересованы.

В этих построениях Гермберга причудливо переплетается попытка теоретически обосновать необходимость ожидания революции в других странах, но только не в Германии, с империалистическими настроениями группы немецкой буржуазии, мечтающей о расширении своей территории.

Соглашаясь с Гермбергом о характере «социалистического планирования» (еще бы не соглашались, когда в построениях Гермберга усматриваются и существование классов и выдвигается лозунг демократии), другой социал-фашист — Ваде считает, что с осуществлением социалистического планирования жизнь нечаян, надо встать за дело немедленно. Уже современный кризис должен быть «преодолен» «социалистическим» путем.

«Нужен социализм настоящего, т. е. совершенно конкретные социалистические переустройства, при котором уже преобразование современного кризиса не будет представляться больше капиталистическому механизму со всей его бесцельностью и случайностью; необходимо такое преобразование хозяйственной жизни, которое уже живущим теперь людям дает гарантии против повторения такого кризиса»⁵.

И бывший комиссар по оказанию помощи восточноевропейским помещикам и кулакам сам скрывает причину своих «социалистических» симпатий, своей слепоты и «торопливости» в осуществлении «социализма». Он пишет: «Мы должны иметь полную ясность, что массы, которым преподносится этот лозунг (лозунг социалистического планирования, — С. Г.) так наивно и примитивно воспринимал его как трюбанство настоящего. Массы — и не только 8 млн. безработных и их членов семьи, но и все те,

которые непосредственно или косвенно затронуты кризисом — потеряли всякую веру в самозакрывающиеся силы капиталистического хозяйства. Они убеждены, что только путем самого сильного противосоциалистического вмешательства в хозяйственную жизнь кризис может быть преодолен»⁶. Поэтому нельзя брезгать введением «социализма» по частям.

В построениях Ваде нашли свое отражение главным образом интересы немецких помещиков и кулачества, которым выгодно континентирование, выгодны таможенные пошлины, выгодны регулирование кредита и контроль над картелями. Недаром Ваде являлся долгое время одним из руководителей немецкой аграрной политики, которая была направлена на оказание помощи кулацкому и помещичьему хозяйству.

Социал-фашизм переживает сильную и даже нескрываемую (ибо трудно ее скрывать) тревогу за свое будущее. Он чувствует, что ему угрожает полное разложение его долготелого предательства интересов рабочих. И в подтверждение своей позиции создается теория выдуманных антипарламентских, всегда одичавших временных «предельных» революций.

Эта контрреволюционная теория, осуждающая пролетариат на постоянное бездействие и разоружающая его на всех этапах развития капитализма, выражена и провозглашена на IV Интернационала, социал-интернентом Каутским.

Периоды, в которые наиболее ярко обнаруживаются «всплески» капитализма, пролетариат не должен использовать, по мнению Каутского, для свержения капитализма. Он не должен стремиться взять власть в это время. Война или переходный период от войны к миру являются наименее удобным периодом для власти пролетариата.

Согласно теории Каутского во время войны пролетариат слаб, после же войны производительные силы разрушены и нет материальных предпосылок для власти пролетариата. Когда производительные силы капитализма восстановлены — капитализм укрепился и для пролетариата снова нет никаких условий для завоевания власти.

Лучшего агента в рабочем классе, чем Каутский, буржуазия и не представляла себе.

Но чем больше разоблачается предательская роль социал-фашизма, чем чаще рабочие массы напоминают им памятные 1918—1919 гг., тем чаще они хватаются как за афоризм спасения за эту теорию «предельных». «В трех пунктах должна быть достигнута достаточная зрелость, — пишет Ваде, — для того, чтобы отказаться с чистой совестью сделать прыжок в социализм: политическая власть, экономическое развитие и духовная подготовка. К пункту первому (политическая власть) в 1919 г. приговор должен был быть: «недостаточно». К пункту второму (состояние зрелости хозяйства): «банкрот» и к пункту третьему (духовная подготовка): «ложный показатель».

Социал-фашизм так изматывал в своих попытках доказать, что в 1918—1919 гг. не было предпосылок для победы социализма, что он поистине не сводит концов с концами. Социал-фашистские писания «забывали» на второй странице, о чем говорили на первой. Политической власти не было достаточно у них в 1918—1919 гг., — заявляют они. (Для разгрома пролетарской революции кровавой сабкой Носке власти было достаточно.) Но теперь еще меньше власти, — припалли они сами.

Социал-фашизм считает, что когда хозяйство разрушено, то надо помочь капитализму восстановиться, а не использовать этот момент для его свержения. Когда же «хозяйство» с их помощью восстанавливается, как это было в период частичной стабилизации, социал-фашизм немедленно вытаскивает свою теорию «отсутствия предпосылок», чтобы убедить массы в невозможности прихода к социализму.

¹ P. Hermberg, Planwirtschaft. «Die Arbeit», 1932.

² Его же, Antarkie und Sozialismus. «Die Arbeit», 1932.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Fritz Baade, Planwirtschaft und Gegenwartssozialismus. «Die Arbeit», Oktober 1932.

⁶ Fritz Baade, Sozialismus der Gegenwart. «Die Arbeit», Oktober 1932.

«Не было, по их мнению, психологических предпосылок, но в то же время устами Гильфердинга и Висселя признают, что «полюс, декабрь и январь 1918—1919 гг. были психологически благоприятны для социализации». «Капиталисты считали, что их дни сочтены» (Гильфердинг). А Виссель добавляет: «Только под впечатлением берлинских боев мы провели закон о социализации».

Когда же капитализм стабилизируется, тогда снова нет «психологических предпосылок».

Во время кризиса, — заявляют они, — «психологических» предпосылок больше, чем тогда бы то ни было. Но пролетариат слаб, а потому надо лечить капитализм.

Когда капитализм с помощью социал-фашизма излечен, задача социал-фашизма снова состоит в том, чтобы кричать об отсутствии «предпосылок» и предсказывать капитализму долготелье, снова впрячь рабочих в капиталистическую колесницу (помочь рационализации и т. п.).

Все социал-демократия, все ее флажки ответственны за поражение революции в 1918—1919 гг. Это они участвовали в разгроме пролетарской революции. Социал-демократия «расколола рабочий класс и вместо того, чтобы вести революцию вперед к диктатуре пролетариата, к социализму, что являлось бы обязанностью пролетарской партии, она в союзе с буржуазией и кайзеровскими генералами разгромила восстание революционных масс и положила начало глубокому расколу рабочего класса Германии. Она под флагом сотрудничества с буржуазией и тактики «мнимого альянса» в союзе с буржуазией и при одобрении всего II Интернационала продолжала эту политику жестоких репрессий против революционного движения и линии раскола рабочего класса до последних дней. Она закрыла союз красных фронтовиков, запретила революционные рабочие организации, запрещала и расстреливала рабочие демонстрации, срывала экономические и политические стачки против наступления капитала и фашизма и поддерживала власть контрреволюционной буржуазии. Социал-демократия концентрировала в руках своей коррумпированной бюрократической верхушки руководство массовыми рабочими организациями. Она исключала из них революционных рабочих и сеть подчиненных ей централизованных рабочих организаций свела инициативу рабочих масс, попортила их боеспособность в борьбе против капитала и фашизма и помешала дать решительный отпор наступающей фашистской диктатуре и террористическим фашистским бандам (из революции преиспущена ИККИ о положении в Германии). Это они помогли буржуазии в «трудную» для нее минуту. Это они вывели ее из смертельно опасного положения, это они спасли ее и спасают сейчас от неминуемой гибели.

Путь Маркса—Энгельса—Ленина привел к диктатуре пролетариата, построенного в СССР фундаментом социалистического общества, одержавшего величайшие победы за годы первой пятилетки, идущего к новым, еще более великим победам над последними остатками капиталистических классов, над последними остатками капитализма, к построению бесклассового социалистического общества во второй пятилетке.

Путь социал-фашизма—это путь фашизма, путь безработицы, нищеты, голода, кризисов, террора над рабочими массами.

Изначал «путь» социал-фашизма к социализму, Шейдеман занял на съезде германской социал-демократии в 1919 г.: «Таковую политику мои противники слепя обозначали словом «покаянной социализм». История последних пятидесяти лет уже являлась достаточной проверкой этого «покаянного социализма», подготавлившего впадение фашизма к власти. Отходом от социал-фашизма, созданием единого фронта коммунистических и социал-демократических рабочих под руководством Коминтерна, под знаменем Маркса и Ленина против буржуазии и социал-фашизма отвечает рабочий класс на предательство социал-демократии.

Германский социал-фашизм—главная партия II Интернационала—перешел на сторону фашизма. «Устами своего вождя Вельса он официально признает, что привел Гитлера к власти. Он выманивает у фашизма право на исключение его в систему фашистской диктатуры, выражая этим свою готовность участвовать во всех кровавых преступлениях фашизма против рабочего класса. Он передает профсоюз фашистам. Он защищает террористическую диктатуру фашистов, выступая в роли прямой фашистской агентуры за границей. Он в рейхстаге солидаризируется всецело с политикой войны германского фашизма. Он по требованию Гитлера выходит из II Интернационала, открыто становится националистической «немецкой партией»¹.

50-я годовщина смерти Маркса ознаменовалась выходом в свет ряда «статей старых и «молодых» «теоретиков» социал-фашизма.

К. Каутский и сейчас вопреки прямым высказываниям Маркса заявляет, что пролетариат может добиться политической власти не «гражданскими войнами и борьбой народов», как думает Маркс, а мирной классовой борьбой под руководством своих экономических и политических массовых организаций, «что пролетариат не нуждается в силе оружия для того, чтобы получить в свои руки государственную власть»².

Рейнер пишет, что старые взгляды Маркса теперь уже неверны, что они устарели: «В 1883 г. в год смерти К. Маркса, экономическое существование пролетариата было совершенно не обеспеченным и он лишь начинал приобретать реальную политическо-парламентскую власть... «В настоящее время социал-демократия во всех органах народного представительства является могущественной, а в некоторых странах и решающей партией»³.

Отто Лейхтер повторяет свою старую теорию закона экономической динамики в несколько иных выражениях⁴.

А их другие соратники по партии делают все возможное, чтобы заслужить доверие у новых ставленников германской буржуазии — у гитлеровских молодых.

Социал-фашисты рассылают эмиссаров в другие страны, чтобы успокоить общественное мнение, заявляя, что в Германии все спокойно и массовые разгромы рабочих организаций не выходят за пределы того, что уже продвинулось при их власти. Вместе с другими буржуазными партиями они голосуют за национал-социалистические резолюции и декларации.

Вместе с другими буржуазными партиями социал-фашизм помогает фашизму громить КПГ — единственную партию германского пролетариата, строить еще угнетенные рабочие организации. Так заканчивает свой бесславный путь германский социал-фашизм.

¹ Из первомайского обращения ИККИ.

² K. Kautski, Marx und Marxismus, «Die Gesellschaft», März 1933.

³ K. Renner, Marxismus und Antimarxismus, «Kampf», März.

⁴ Otto Leichter, Die Automatik des Kapitalismus, «Der Kampf», März, April.

ждение буржуазных экономистов о том, что капитализм является наилучшей системой, что и неспособна выдержать экзамен перед историей. Итоги пятилетки показали, что капитализм хрупкая и непрочная, что она уже отстала от другой, высшей, советской, социалистической системы хозяйства, которая не знает трудностей, неразрешимых для капитализма».

ПОРЯДКОВОЕ МЕСТО
ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН С 1928 Г
В МИРОВОМ ПРОМЫШЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

1	САСШ	САСШ	САСШ	САСШ	1
2	Германия	Германия	Германия	СССР	2
3	Англия	Англия	СССР	Англия	3
4	Франция	СССР	Англия	Германия	4
5	СССР	Франция	Франция	Франция	5
1928		1930		1932	

порядковое место СССР в мировой продукции
в 1913 г. в 1928 г. в 1932 г.

[illegible]

СРЕДНЕГОДОВОЙ ТЕМП РОСТА
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

	СССР (1929-1932 гг.)	САШ (1929-1929 гг.)
Средне- производства . . .	+36,8	+ 6,4
Средств по- требления . . .	+17,0	+ 1,4

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ПРОМЫШЛЕННОСТИ
В ВАЛОВОЙ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА И ПЛАНИРУЕМОЙ ПРО-
МЫШЛЕННОСТИ

Страны	1928 г.	1932 г.
СССР		
Промышленность . . .	48	70
Сельское хозяйство . . .	52	30
Германия		
Промышленность . . .	—	80,3
Сельское хозяйство . . .	—	19,7
САШ		
Промышленность . . .	82,6 ¹	—
Сельское хозяйство . . .	17,4	—

¹ Для 1929 г.

ДОБЫЧА КАМЕННОГО УГЛЯ

Страны	Единица учета	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1932 г. в %	
					к 1913 г.	к 1928 г.
СССР	млн. т.	29,0	35,3	64,3	—	182,2
Капиталистический мир . . .	"	1138,4	1215,7	841,1	74,1	69,4
В том числе						
САШ	"	517,1	522,6	322,1	62,3	61,6
Англия	"	292,0	241,6	212,6	72,8	88,1
Германия	"	140,8	110,9	104,7	74,4	69,4
Франция	"	43,8	31,4	46,3	105,7	90,1
Польша	"	41,0	40,6	28,8	70,2	70,9

МЕХАНИЗАЦИЯ КАМЕННОУГЛЕНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Страны	% механизации	добыча угля на 1 зрелую машину (в тыс. т.)
СССР (Донбасс)	71,9	35,7
САШ	77,5	21,9
Германия (Рур)	95,8	26,1
Франция (П.-д.-Казе)	81,0	—
Англия	35,0	13,5

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС СРЕДСТВ ПРОИЗВОД-
СТВА В ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ

Страны	1928 г.	1932 г.
СССР	44,3	52,5
Германия	54,5 ¹	45,3 ²
Англия	51 ³	—

¹ Для 1925 г. ² 1931 г. ³ 1924 г.ИНДЕКСЫ ОБЪЕМА СТРОИТЕЛЬ-
СТВА

Страны	1928 г.	1932 г.
СССР	100,0	357,4
САШ 1928 г.=100	+100,0	20,8
Германия 1928 г.=100	+100,0	37,6

ДОБЫЧА НЕФТИ

(в млн. тонн)

Страны	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1932 г. в %	
				к 1913 г.	к 1928 г.
СССР	9,22	11,72	22,29	241,8	190,2
Капиталистический мир	42,2	17,8	142,8	338,2	83,1
В том числе					
САШ	35,5	123,5	107,2	302,1	86,8
Венесуэла	—	15,7	16,4	—	105,0
Мексика	3,4	7,5	3,2	94,9	43,3

ВЫРАБОТКА ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

(в млн. кВт.)

Страны	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1932 г. в %	
				к 1913 г.	к 1928 г.
СССР	1845	5003	13100	673,5	261,8
САШ	—	113000	105000	—	92,9
Германия	7000	27870	27259	331,6	89,3
Канада	—	17351	16600	—	95,6

СТРУКТУРА ТОПЛИВНОГО БАЛАНСА
РАЙОННЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙРАСХОД ТОПЛИВА ПО ЭЛЕКТРО-
ЦЕНТРАЛИМ

Источники электро- энергии	СССР 1931 г.	Германия 1929 г.	САШ 1929 г.	Страны	в кг на производство 1 кВт энер- гии
Нефть	17,3	0,6	24,6	СССР (1932 г.)	0,77
Уголь паровой	18,7	37,3	—	САШ (1929 г.)	0,78
Уголь местных и дру- гих местных видов топлива	34,55	45 ²	—	Англия (1928/29 г.)	0,95
Торф	20,95	—	—	Германия (1929 г.)	0,84
Водная энергия	8,4	13,9	7,3		
Прочие	—	0,3	7,8		
	100	100	100		

¹ 52,8% ² искусственный уголь, 7,5% ан-
трацитный³ Вместе с бурим углем

КОЛИЧЕСТВО ЧАСОВ ИСПОЛЗОВАНИЯ
ОБОРУДОВАНИЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ

Страны	1913 г.	1928 г.	1932 г.
СССР	—	3 610	5 720
САШН	—	2 240	—
Германия	—	1 530	—
Англия	—	—	—

ЭНЕРГООБОРУЖЕННОСТЬ РАБОЧЕГО

Страны	в л.
СССР (1930 г.)	3,8
Англия (1921 г.)	2,46
Германия (1925 г.)	2,5

КОЭФФИЦИЕНТ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Страны	1913 г.	1928 г.	1932 г.
СССР	40,0	50,9	71,2
Англия	—	40 ¹	—
Германия	39	61,6 ²	—
САШН	—	78,3 ²	—

¹ 1929 г. ² 1926 г. ³ 1929 г.

ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ

Наименование показателей и страны	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1913 г., к 1928 г.
Чугун (в тыс. тонн)				
СССР	4300	9289	6906	147,8
Капиталист. мир	72561	85377	91173	43,0
В т. ч. САШН	31104	38736	8824	28,4
Германия	10907	11804	3941	36,0
Франция	8948	10072	5549	62,0
Англия	10125	6716	3630	34,8
Бельгия	2186	3857	2784	112,0
Сталь (в тыс. тонн)				
СССР	4231	4174	5885	139,1
Капиталист. мир	70164	105732	43595	60,7
В т. ч. САШН	30748	52371	13307	46,2
Германия	12238	14318	6745	41,0
Англия	7787	8556	5340	61,7
Франция	6078	2478	6005	99,4
Бельгия	2467	3903	3868	113,8

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС КАЧЕСТВЕННОГО
ПРОКАТА

Страны	в % к равно- му про- кату
СССР (1931 г.)	18,1
САШН (1931 г.)	4,9

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ЭЛЕКТРОСТАЛИ
в % к
осей
стали

Страны	в % к осей стали
СССР (1932 г.)	2,0
САШН (1931 г.)	1,6
Германия (1931 г.)	1,0
Англия (1929 г.)	0,9

ИНДЕКС ПРОДУКЦИИ МАШИНО-
СТРОИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Страны	1928 г.	1932 г.
СССР	100,0	373,6
САШН	100,0	18,5
Германия	100,0	38,4
Франция	100,0	69,6
Англия	100,0	77,8
Польша	100,0	44,0

УДЕЛЬНЫЙ ВЕС МАШИНОСТРОЕНИЯ
В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Страны	1913 г.	1928 г.	1932 г.
СССР	6,6	9,3	21
САШН	—	17,2 ¹	—
Германия	—	10,8	—
Англия	—	13,8 ²	—

¹ 1929 г.
² 1930 г.ВОЗРАСТ СТАНКОВ
(% металл-обработанных станков, уста-
новленных после 1920 г.)

Показатели	САШН	СССР
Машиностроение в целом	52	64
Электромеханическое	54	70
С. х. машиностроение	45	75
Автомобильное	71	83
Полное и частично	27	39
Производство текстильного оборудования	38	53

ИНДЕКС ПРОИЗВОДСТВА С.Х.-
МАШИН

Страны	1928 г.	1932 г.
СССР	100,0	503,3
САШН	100,0	21,6
Германия ¹	100,0	19,9

¹ 1931 г.ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ МАШИНОСТРО-
ИТЕЛЬНОЙ

Страны	Коэф.
СССР (1932 г.)	98,0
САШН (1925 г.)	95,7

ПРОИЗВОДСТВО КОМБАЙНОВ
(в тыс. штук)

Страны	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928 г.
СССР	—	10,0	—
САШН	25,4	5,9 ¹	22,8

¹ ОценкиПРОИЗВОДСТВО ТРАКТОРОВ
(в шт.)

Страны	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1913 г., к 1928 г.
СССР	—	874 ¹	50'00	5729,8
САШН	7030	17594	70894	40,3
Германия	—	7572	2218 ²	29,3

¹ 1927 г. ² 1931 г.

РОСТ ТРАКТОРНОГО ПАРКА И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Страны	Среднегод- ный темп роста тра- кторного парка	Использование тракторного парка (в тыс. л. с.)	Годовое число рабочих часов	Количество обра- ботанных площа- дей (в км. кв.)
СССР	+ 51,0%	235 ¹	1817 ²	4,3 ³
САШН	+ 15,5%	9203 ³	400 ³	8,9 ³

¹ 1922 г.; ² 1932 г. МТ; ³ 1930 г.ПРОИЗВОДСТВО АВТОМОБИЛЕЙ
(в тыс. штук)

Страны	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1913 г., к 1928 г.
СССР	—	0,7	25,0	—
Капиталистический мир	—	5302,3	1911,4	—
В том числе	—	—	—	—
Канада	485,0	4358,7	1271,0	262,7
Китай	18,0	242,3	61,0	38,3
Франция	45,0	23,6	176,0	388,9
Англия	34,0	211,9	240,0	76,5
Германия	20,4	137,9	217,1	156,5
Италия	—	69,8	30,0	50,3

ПРОИЗВОДСТВО ПИЛОМАТЕРИАЛОВ

(в млн. м³)

Страны	1933 г.	1932 г.	1931 г.	1930 г.
СССР	11,5	22,2	193,0	
САСШ	87,3	23,4	26,8	
Япония	11,2	7,0	62,6	
Польша	6,1	4,7	77,0	
Финляндия	4,7	2,4	51,1	

¹ Для капиталистических стран 1929 г.

РАЗМЕРЫ С.-Х. ПРЕДПРИЯТИЙ В СССР И В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

(в %)

СССР 1931 г.		САСШ 1930 г.		Германия 1923 г.	
Группа хозяйств по площадному по- воду в га.	Удельный вес в %	Группы хозяйств по заимчивой по- лощадке в га.	Удельный вес в %	Группы хозяйств по заимчивой по- лощадке в га.	Удельный вес в %
До 70 га	26,5	до 20 га	37,0	До 5 га	16,3
от 71 до 310 га	41,5	от 21 до 70 га	44,0	от 5 до 20 га	18,8
от 311 до 1170 га	25,2	от 71 до 310 га	14,8	от 20 до 100 га	8,9
от 1171 до 5110 га	6,0	от 301 до 404 га	2,2	от 100 до 200 га	0,2
свыше 5110 га	0,6	свыше 405 га	1,0	свыше 200 га	0,2

Примечание: Средний размер одного хозяйства в 1932 году 434 га. Удельный вес
хозяйств в уборочной площади в 1932 году составил 72%, совокупно 10,4%, единич-
ных 17,6%.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Посевные площади (в тыс. га) ¹	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1932 г. в %	
				к 1913 г.	к 1928 г.
Пшеница					
СССР	31600	27700	31600	109,5	124,9
Капиталист. мир	79432	102510	98421	123,9	95,9
В т. ч. САСШ	19505	23582	22350	117,2	94,7
Япония	14625	9781	11097	873,2	11,7
Аргентина	6022	9076	7109	119,5	78,3
Австралия	3077	6003	6307	205,0	105,0
Сахарная свекла					
СССР	610	770	1540	240,0	200,0
Капиталист. мир	1706	2200	1068	79,8	58,8
В т. ч. Германия	467	454	271	58,0	59,7
Чехо-Словакия	216	267	146	66,8	66,8
Франция	216	267	260	101,6	99,6
Польша	168	234	116	69,0	49,6
Хлопок					
СССР	680	971	2172	319,4	223,7
Капиталист. мир	2600	31610	29551	106,2	85,4
В т. ч. САСШ	13821	18319	15121	110,1	82,9
Бразилия	9102	10343	9045	94,4	82,5
Египет	705	750	450	63,9	62,9

¹ Для 1913 г. данные средние 1909—1913 гг.

Ж.-Д. ТРАНСПОРТ

Страны	Единица учета	1913 г.	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к	
					1913 г.	1928 г.
Протяжение ж.-д. сети (эксплуатационная длина)						
СССР	Тыс. км	58,5	76,9	87,4	142,6	108,5
САСШ	"	402,0	401,2	400,8	99,7	100,9
Япония	"	47,2	68,0	67,7	143,4	142,6
Германия	"	55,4	83,3	83,9	97,3	92,9
Франция	"	42,0	43,6	43,8	102,1	100,5
Англия	"	32,6	32,8	32,8	100,6	100,0
Пробег грузов в поездках коммерческого назначения						
СССР	Мил. т-км	65,7	93,4	169,3	257,7	181,3
САСШ	"	440,5	636,7	473,3	107,4	71,3
Германия	"	67,3	92,2	92,1	91,3	71,4
Япония	"	37,7	67,7	41,6	110,0	62,9
Франция	"	—	48,4	39,7	—	91,5
Англия	"	32,0	29,0	27,1	84,7	84,4
Общий пробег пассажиров						
СССР	Мил. пасс.-км	25,3	24,5	84,1	333,7	343,3
САСШ	"	15,8	61,0	36,3	13,3	69,2
Германия	"	36,6	47,7	36,9	10,4	77,4
Франция	"	19,4	27,1	29,0	149,5	107,0
Англия	"	21,6	20,2	1,9	92,1	88,5

РОЗНИЧНЫЙ ТОВАРООБОРОТ

Страны	Единица учета	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928 г.
СССР	В млрд. руб. в неизменных ценах	22,8	89,9	175,8
Германия	В млрд. марок	34,6	23,1	63,1
САСШ	В млрд. долларов 1928 г.=100	100,0	65,8	—

ТРУД

Страны	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928 г.
СССР. Общая численность рабочих и служащих	100,0	196,6	—
САСШ. Индекс 1928 г. = 100	100,0	63,8	—
Германия в обработке по окладу, число занятых тыс.	12936	12518	69,6

Страны	Единица учета	1928 г.	1932 г.	1932 г. в % к 1928 г.
СССР. Фонд заработной платы С. С. И. в млрд. руб.	Мил. руб.	8158	3967	401,4
САСШ. Индекс 1928 г. = 100				
Германия. Фонд зарплат.	Мил. мар.	42907	25685	59,9

рентабельности. Шахта «Саксония» дает уголь более дешевой, чем в ряде других предприятий. Закрытие произошло в результате передела предприятий в руках другого владельца, который предпочел использовать предоставляемую ему льготу на своих старых предприятиях.

Таких примеров — десятки. Где же тут руга «падала» в том чудовищном процессе разрушения капиталов, котлым усеял путь капиталистического воспроизводства.

Капиталистическая «рационализация», сама наделяет силой, распыляющая ее. Распущен и подорван механизм ирригации, производящий в капиталистическом аппарате настоятельную необходимость, что техницизм менее развитые предприятия подучают. Пожароопасность конкурирует с экономическими периодами концернов и равновесиями предприятий. Эти и объясняется «сопротивляемость» автофабрик. Капиталистическая рационализация усиливает, обостряет конкурентную борьбу и становится силой дезорганизации и саморазрушения.

III. «Инженерный социализм»

«Инженерная прагматика» стала культурой буржуазной «прогрессивной» мысли. Буржуазия срочно формирует новый флагман, ставший самым более падающим на катастрофический слабостный элемент социал-фашизма на рабочие массы. Этот флагман — «инженерный социализм» — инженерный прагматизм. В Америке уже оформилось целое движение, носящее громкое название «технократия». 12 лет тому назад в Америке образовалась группа инженеров и экономистов во главе с Чарльзом Чарльзом Миллером и Говардом Слоттом. Группа задалась целью составить «образ энергетических ресурсов Сев. Америки. К их услугам были предоставлены средства богатейшего в Америке Колумбийского университета.

После 12 лет работы группа решила, что «инженеры могут помочь человечеству, ликвидируя энергетический кризис капитализма. Был издан «обзор», в котором мир оповещался, что настала эра инженерной, которые призваны управлять народами, подобно философам в идеальном государстве философов. Выходит, что «инженерная экономика», воспевающая технократию, должна определить социальную формуляцию».

¹ «Die deutsche Grossindustrie», изд. Герм. союза металлургов, 1932 г.

«Капитализм, социализм и коммунизм», — пишут технократы, — осуждены в ближайшем будущем на забвение, как религии прошлого, основанные на человеческой трудовой энергии. Новый строй жизни основан на машинной энергии. Доля человеческого труда беспрерывно уменьшается в процессе общественного производства. Все больше и больше часть работы приходится на долю техники, а механической энергии. Поэтому — говорит технократы — при капитализме не может быть и речи о том, чтобы вытеснить безработные вновь созданные рабочие. Безработица, наоборот, должна будет расти. Но это усугубит технократический капитализм, потому что лишние рабочие не могут быть включены в систему ценов.

Эра изобретения в средствах потребления, со времени Адама служившая бичом человечества, постигавшая его и тяжолую труду и прибыли, канализована. Машинный технократизм — первоизначная в движении балансирующая иллюзия-назой, которые доставляют человеку богатейшие природные ресурсы, может обеспечить всему человечеству доволство и равное право на потребление... Задатка, которая стоит теперь перед Союзными нациями, заключается в том, чтобы развить новую экономическую систему, основанную на доверии и заботе для всех».

Человек обладает теперь такой производственной мощью, что «машинная энергия, которая позволяет ему отринуть, выразилась словами идеального руководителя технократов Говарда Слотта, «систему цен, денег, займов, долгов, систему зарплат, всех или последних семи тысяч лет».

Последнее в «инженерной» характеристике, которое составляет современное общество, вовсе не является капитализмом, — крики уже уходят за семь тысяч лет. Все горе в том, что человечество не доросло до нынешнего уровня машинной техники. Теперь настало время, когда человечество, неспособное справиться с неисчерпаемыми силами, неспособное справиться с неисчерпаемым количеством энергии, должно обратиться к помощи техники.

На мощи машины технократы делают вывод, что теперь, в эрае механической энергии, количество и качество, затраченной в процессе производства, равны. Если же стоимость уже не может служить мерой при использовании материальных благам. (Здесь кивок в сторону марксовой теории стоимости.) Поэтому «богатство», т. е. пользование благами, должно измеряться не количеством, а длиной «системы», в которую включены единицы. «Доллар и цент, — пишут технократы, — становятся «анакрониз-

мом. Их место должны занять «энергетические сертификаты».

Эти сертификаты, являющиеся простой функцией обработанного минимально необходимого числа часов, должны обеспечить производство и потребление путем предоставления каждому права потребовать на более равности. Сертификаты немедленно уничтожаются, как только на них приобретается нужное количество благ. Таким образом исчезнут прибыли, излившиеся на топливо и установившие «старую» производств и потребностей. Талонами теиса Говарда Слотта.

Технократы, исследующие историю производства 1400 лет, приходят к выводу, что первое выступление рядом действительно ошеломляющих цифр о росте производительности человеческого труда. Тин, человек теперь вытесняет в час такое же количество чугуна, какое 50 лет назад он добывал в 650 часов. Один человек теперь производит в 9 000 раз больше стали выкалывания, чем в 1944 г. Турбина способна теперь развить энергию в 300 000 л. с. при сущей работе и заменить энергию 9 млн. человек. Иными словами, «если человек живет в своем распоряжении теперь энергию или мощность 9 млн. человек времен фараона, царей и даже Наполеона!». Технократы изгромошили свой обзор массой необходимых статистических фактов.

Технократ, как истинный гегельстер, констатирует эти ошеломительные и возмущающие факты. «Достижения техники позволяют, — утверждает технократы, — повысить производительность труда человека в десять раз по сравнению с 1929 г. В среднем же население в возрасте от 25 до 45 лет — в течение 4 дней в неделю по 3-4 часа в день. В этом — резюме 12-летних трудов группы Говарда Слотта».

Но мы не можем иллюстрировать и оценивать словом «Коммунистический манифест»: «Буржуазные условия производства и обмена, буржуазные имущественные отношения, современное буржуазное общество, как бы возмущенное возмущением техники, неспособное справиться с неисчерпаемыми силами, неспособное справиться с неисчерпаемым количеством энергии, должно обратиться к помощи техники. Технократы, констатируя это, приходят к выводу, что современное общество, как бы возмущенное возмущением техники, неспособное справиться с неисчерпаемыми силами, неспособное справиться с неисчерпаемым количеством энергии, должно обратиться к помощи техники. Технократы, констатируя это, приходят к выводу, что современное общество, как бы возмущенное возмущением техники, неспособное справиться с неисчерпаемыми силами, неспособное справиться с неисчерпаемым количеством энергии, должно обратиться к помощи техники.

¹ «The New York Times Magazine», 8 января 1933 г.

² «The New Leader», № 53, 54, 1933 г.

обеспечит человечеству пользование благами технического прогресса. Но политический выход? Но программа правительственных действий? Миллины изложены на бумаге, но только техника слабостно. Но ведь машина — в руках собственников, которые не уступают ее ритмам социального счастья. Но ведь капитализм упрямится и противится наступлению чудесной «эры техники». Каковы же шансы технократов справиться с этой задачей? На какие штыки они рассчитывают опереться для уничтожения преданного анафеме «класса эксплуататоров». Оружие технократов — это сила разума, убедительность их аргументов, их умение использовать технику, который может повернуть мир.

Все теисы Говарда Слотта сводятся к одному. Техника алюминировала необходимость революции, ибо она «автоматически» ее призывает к осуществлению. Но почему и почему «сдать в архив и капитализм и коммунизм».

Технократы трещат от гнева, когда новая-наше неосторожные буржуазные публицисты дерзят их «теорией» сопоставлять технику с коммунизмом. Они считают, что им не помешало бы «Арбитраж неутрачен» (от 17 января 1933 г.) в статье, посвященной технократизму, написать в призыве родственных чувств, что технократия все же имеет кой-что общего с социализмом, написала ее «инженер-социализм».

Возмущение технократов понятно. Но мы не можем не вспомнить, что «энергетические сертификаты» списаны с «трудовых талонов» (Jahreskarte) социалистической Германии, т. е. с трудоголосного общественного капитала, а «старинная» производств и потребностей строится совсем по образцу и подобию фашистского Фурье. Один из самых антагонистов технократизма, Ипполит Фурье, основатель «Утилитарной ассоциации прогресса науки», профессор Майль Вокер, на стоическом вилле ассоциации, который был торжественно отгражданил в сентябре 1932 г., заключил свой прием и выношение «инженерной» социализма, основанной на 100 000 ученых, техников, экономистов, которые должны доказать делом свою способность «принять миром. До чего оскудела сила одурчаивания масс у буржуазии, если приходится обращаться Фурье!

Технократы, пожалуй, отнюдь не возмущались бы, если бы энергетический обзор поставили рядом с «Новой гармонией Оуэна», «Говором со слона» Кампанеллы, «Утопией Мора. Другой чести мы инженерам не дадим. Технократы не утешатся. Технократизм — это всего лишь последний модус operandi для обмена трудящихся. Осталась верным признаком монополистического капитала, технократизм и не помешает о нем говорить. Но он не является преградой капитализму, а тем чаше о «эксперименте».

¹ «The Annals», July 1932.
² «The New York Times», 1 янв. 1933 г.

Нация на маргоне фашизма — это синоним войны, войны внутренней и внешней. В этом смысле фашизм — это злое зло Диница и Зомбарта.

К этому ровню ничего не добавили майские выступления Гитлера. Первого мая, который германские фашисты с непреодолимой ценностью объявили трудовым праздником, «днем германского труда», Гитлер произнес давно обещанную речь. Ожидали, что она провозгласит хотя бы крахосе власти над тайной четырехлетнего плана возрождения национальной Германии.

Вместо этого он ввел в ней лишь полемичные тезисы, сообразившись с атаками Зомбарта и Диница. Здесь все та же торжественность, организация общественных работ по строительству дорог, снижение процента, явное бесцельная формула о торговой политике, обеспечивающая германскому производству конкурентности и осыльного хозяйства и наконец истерический призыв мобилизовать все силы единой, неделимой нации против врагов национальной Германии.

Но в этой первомайской речи есть и нечто новое. Гитлер не мог утаить, что о общественных работах задумал только личностный процент безработных. Подхватившую же массу безработных Гитлер отдает на попечение доброй, «частной творческой инициативы». Здесь — прямое признание бессилия капиталистического государства справиться с безработицей. «Сами изкручивайтесь на беду», — советует Гитлер единой нации. По существу же это означает, что место социальной страховки безработицы в национальной Германии должна занять частная филантропия. Такой позор Гитлера рабочему классу по духу германского труда.

VIII. Европейский пятилетний план

Для ясности напомним в общих чертах о французском проекте планирования. Французская буржуазия специализируется исключительно на проектах интернационального, или вернее европейского, масштаба. Это характерно. План в пятерку капиталистической страны несет свои специфические особенности, отражающие специфику условий данной страны.

Американские проекты упоминают о международном плане лишь вскользь. Американская буржуазия, в оборот, добавляет возмущенные отклики дилетантов в Азия, дальнего, несомненного международного договора выхода на рынок, отсылка на палачийский молоток.

Германская буржуазия, ущемленная, добывая при разделе мира, вырабатывает свои силы в первую верескельской системы. Международный мотором не ее стремлений и империалистической экспансии служат кулаки нации. Отсюда — национальный план.

Франции же, наоборот, стремится удержать свою европейскую гегемонию, по-

литическую и финансовую, основанную на Версальской системе. Поэтому Франция в большом желании вознамерилась провести «международного экономического единства», Пан-Европа, «экономического равновесия» и т. д. В этом отношении чрезвычайно характерен «европейский пятилетний план», автором которого является известный радикальный публицист Франк Дельон.

Выход на кризиса, по Дельону, лежит в экономическом освоении тех огромных территорий на европейском континенте, которых еще не коснулись околоторжественные действия империализма 1. Это прежде всего северная и Восток, под которыми разумеются Прибалтика и Скандинавия.

Для этой цели Дельон предлагает создать мощную организацию транспорта и кредита с финансовым центром в виде международной банка расчетов и нормирования финансовых реконструкций. Дельон считает, что план потребует инвестиций в размере 70 млрд. французских франков. Эти средства должны пойти на устройство разветвленной сети железных дорог, аэропортов, перерабатывающих предприятий и т. д.

Изно, что финансовый стержень всего этого проекта должна быть Франция. Цель проекта очевидна. Францию в конце концов не много толку от лишних и все более болезненных засволов. Для того, чтобы превратить их в настоящие полезные опорные пункты французской гегемонии, нужно укрепить эти страны в экономическом отношении и усилить их зависимость от французских банков. Тем более что это может открыть «свои» привнес французской промышленности заманчивые перспективы сбыта на «степенных Востока».

План Дельона — это попытка сконцентрировать усилия Британского плана Прибалтийской Федерации, его программа укрепления растапливания углем европейской гегемонии Франции путем сращивания финансового сотрудничества и хозяйственных организаций ее чужих засволов.

Американский «плановый» Фолдберг с гласностью местом посвящения: быть или не быть, «план или не план» — в этом вопросе! Но между обманом заплетами для альтернативы нет безреволюционного местона.

Капитализм — это беспомощность, призыв, тормоз прогрессивных сил и предельная инициатива. «План» капитализма — это программа кровавого фашистского террора против революционного протеста, программа новой роины изролов.

План в подлинном его значении, как орудие максимального развития и производства и потребления, как орудие беспримесного общественного производства, возможен только при социализме. Пусть и этому плану лежит в странах капитализма через ожесточенную классовую борьбу за освобождение от ига капитала, через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата, через советскую власть.

Все «теоретический» план без революционной является реакционной попыткой удержать старые общественные отношения, сохранить нетронутой все специфическую капиталистического общества под предательским доулом «социальной реформы». Буржуазные теоретические планы —

составляют питательную среду для своих собратов по оружию — для социалфашистов.

В день 50-летия со смерти великого вождя и учителя рабочего класса мы утверждаем глубочайшую историческую правду его учения о классовой борьбе и политическом господстве, о диктатуре пролетариата, единственного класса, призванного историей построить бесклассовое коммунистическое общество.

Социалфашисты под вылом честности намыли Маркса на деле превратили этот долг в капитализм оголтелой апологетики капитализма, в правды социальности о реакционнейшей апологетике монополистического капитала, похвастав на знамени или буржуазного плана, как нелепые орудие разминирования революционной воли рабочего класса.

Годичная коллегия: Б. С. Барякин, А. И. Галеев, И. А. Крылов, А. И. Иваницкий, Б. В. Троицкий
Отечественный редактор Б. В. Троицкий

Государственное издательство «Стандартизация и рационализация» Гиз, изд. С. 1934
Удмурт. Галеев Б. — 81.795 С. Изд. А. 33 Тир. 30.000. С. 176х114, п. л. 63.000 в. н. л. и С. 1934 в. н. л. 9.111 — 25 VI 1933 г. — 22 VII — 9 VIII 1933 г.

И. Террациональный (39) гиз. «Механика», Удмурт. Галеев, А. 3/6.

1 Revue Economique Internationale, oct. 1932.